

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2020 год Том 13 Выпуск 5

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Подписано в печать 30.10.2020 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Карстен Флэйшер, Dr.-Ing., Университет прикладных наук Южной Вестфалии, Хаген, Германия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2020 год Том 13 Выпуск 5

Содержание	Contents
Колонка главного редактора	Editor-in-chief's Column
<i>Воденко К. В.</i> К читателям.....7	<i>Vodenko K. V.</i> To the Readers.....7
Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
<i>Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Смирнов А. В., Очирова Г. Н.</i> Дискуссия об интеллекте в контексте миграции: демографический аспект.....9	<i>Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Smirnov A. V., Ochirova G. N.</i> The Discussion on Intelligence in the Context of Migration: a Demographic Aspect.....9
<i>Волков Ю. Г., Печкуров И. В., Пантелеев В. Г.</i> Миграционные потоки Ростовской области в условиях пандемии COVID-19.....21	<i>Volkov Yu. G., Pechkurov I. V., Panteleev V. G.</i> Migration Flows of the Rostov Region in the Context of the COVID-19 Pandemic.....21
<i>Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С.</i> Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования.....33	<i>Vodenko K. V., Degtyarev A. K., Ivanenko N. S.</i> Academic Leadership: Movement Towards Transprofessional Identity in the Regional Higher Education Space.....33
<i>Деточенко Л. С.</i> Роль семьи в социализации инвалидов (по результатам эмпирического исследования).....42	<i>Detochenko L. S.</i> The Role of the Family in the Socialization of Disabled People (Based on the Results of an Empirical Study).....42

Дятлов А. В., Ковалев В. В., Понамарев А. В. Саморегуляция политической жизни крымской молодежи.....53	Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Ponamarev A. B. Self-regulation of Political Life Crimean Youth.....53
Дьяченко А. Н., Печкуров И. В., Мамина Д. А. Миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19 (на примере трудовой миграции).....65	Dyachenko A. N., Pechkurov I. V., Mamina D. A. Migration Situation in Russia During the COVID-19 Pandemic (on the Example of Labor Migration).....65
Захарова В. А. Институциональные барьеры развития экологического поведения российской молодёжи.....74	Zakharova V. A. Institutional Barriers to the Development of Environmental Behavior of Russian Youth.....74
Капанян Н. Н. Влияние кинематографа на создание образа героя нашего времени в молодёжном сегменте современного российского общества.....84	Kapanyan N. N. The Influence of Cinema on Creating the Image of a Hero of Our Time in the Youth Segment of Modern Russian Society.....84
Косач Г. Е. Дифференциация стратегий занятости молодежи в российских регионах: объективные и субъективные факторы.....91	Kosach G. E. Differentiation of Youth Employment Strategies in the Russian Regions: Objective and Subjective Factors.....91
Левченко Н. В. Активизм учителей в российских локальностях: современные тенденции.....98	Levchenko N. V. Teacher Activism in Russian Localities: Current Trends.....98
Кривоусков В. В., Месхи Б. Б. Социально-инвестиционная модель регионального управления как инструмент социально-экономического развития территории.....106	Krivopuskov V. V., Meskhi B. B. Socio-investment Model of Regional Management as a Tool for Socio-economic Development of the Territory.....106
Овсий В. В. Молодежное волонтерство в условиях пандемии.....112	Ovsii V. V. Youth Volunteering in the Context of the Pandemic.....112
Шилкина Е. Л., Сидорова Д. И. Государственное регулирование общественного призрения в дореволюционной России.....118	Shilkina E. L., Sidorova D. I. State Regulation of Public Charity in Pre-revolutionary Russia.....118
Щербакова Л. И. Диалог в управлении университетом в изменяющейся социальной реальности: социоструктурные и коммуникативные аспекты.....127	Shcherbakova L. I. Dialogue in University Management in a Changing Social Reality: Sociostructural and Communicative Aspects.....127

Экономика и управление

Economics and Management

<i>Алиева Н. В., Овчинникова Н. Г.,</i> Региональные аспекты градостроительного зонирования в городах Юга России.....135	<i>Alieva N. V., Ovchinnikova N. G.</i> Regional Aspects of Urban Zoning in Cities of the South of Russia.....135
<i>Бондаренко В. А., Гузенко Н. В.,</i> <i>Межаев Р. М.</i> Вопросы клиентоориентированности бизнеса в России: почему не все программы лояльности успешны.....141	<i>Bondarenko V. A., Guzenko N. V.,</i> <i>Mezhaev R. M.</i> Business Customer Questions in Russia: Why Are Not All Loyalty Programs Successful.....141
<i>Гашенко И. В., Зима Ю. С., Мусаелян А. К.</i> Оценка влияния снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии на формирование доходов бюджета Российской Федерации в 2020 г.....152	<i>Gashenko I. V., Zima J. S., Musaelian K. A.</i> Assessment of the Impact of Reducing the Tax Burden on Business During a Pandemic on the Formation of Budget Revenues Russian Federation in 2020.....152
<i>Данилова Л. С.</i> Социальная ответственность бизнеса в контексте теории стейкхолдеров: взгляд российских исследователей.....162	<i>Danilova L. S.</i> Social Responsibility of Business in the Context of Stakeholder Theory: a View of Russian Researchers.....162
<i>Ларионов В. Г., Ларичкин В. В.,</i> <i>Сажин И. А.</i> Анализ реализации экологического менеджмента потоками автомобильного транспорта в большом городе.....175	<i>Larionov V. G., Larichkin V. V.,</i> <i>Sazhin I. A.</i> Analysis of the Implementation of Environmental Management by Road Transport Flows in a Big City.....175
<i>Мухин А. В., Ганина Г. Э.,</i> <i>Островский Ю. А.</i> Феномен гармонизации производства.....182	<i>Muchin A. V., Ganina G. E.,</i> <i>Ostrovskij Yu. A.</i> Manufacturing Harmonization Phenomena...182
<i>Овчинникова Н. Г., Жидкова Е. И.,</i> <i>Тимофеева В. А.</i> Управление территориями муниципальных образований при ведении градостроительной деятельности.....194	<i>Ovchinnikova N. G., Zhidkova E. I.,</i> <i>Timofeeva V. A.</i> Management of Municipal Territories in Urban Planning Activities.....194
<i>Пинчук А. Ю.</i> О проблемах единообразных подходов к стратегическому планированию научно- технологического развития России.....203	<i>Pinchuk A. Y.</i> Problems of Uniform Approaches to Strategic Planning of Scientific and Technological Development in Russia.....203
<i>Ромашева Н. В., Ильинова А. А.,</i> <i>Евсеева О. О.</i> Государство как ключевой стейкхолдер в рамках перспектив реализации проектов СС(У)S в России.....209	<i>Romasheva N. V., Ilinova A. A.,</i> <i>Evseeva O. O.</i> The State as a Key Stakeholder in the Prospects of Implementation of CC(U)S Projects in Russia.....209

Хубаев Г. Н. Прогнозирование динамики индикаторов уровня развития экономики страны: модели, методы, инструментальные средства (на примере Германии, России и Швеции).....224	Khubaev G. N. Forecasting the Dynamics of Indicators of the Level of Development of the Country's Economy: Models, Methods, Tools (on the Example of Germany, Russia and Sweden).....224
--	--

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Анистратенко Т. Г. Коммуникация бизнеса и власти: о вопросе доверия.....241	Anistratenko T. G. Communication Between Business and Government: on the Issue of Trust.....241
Белов М. Т., Волочай А. В., Самыгин С. И. Социокультурные основания управления персоналом в современной России.....247	Belov M. T., Volochay A. V., Samygin S. I. Socio-cultural Foundations of Personnel Management in Modern Russia.....247
Искендерова Я. Ю., Левченко И. А., Сережникова Т. Л. Парадоксы правовой культуры в российском обществе.....256	Iskenderova Y. Y., Levchenko I. A., Serezhnikova T. L. Paradoxes of Legal Culture in Russian Society.....256
Черных С. С. Социально-философские аспекты идентификации и классификации национализма.....265	Chernykh S. S. Socio-philosophical Aspects of Identification and Classification of Nationalism.....265
Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Политический миф: специфика конструирования социально- политической реальности.....275	Shevchenko O. M., Shtofer L. L. Socio-cultural Specificity of a Political Myth: Manipulative Potential in the Construction of Social and Political Reality.....275
Щукина Е. Л., Плотникова Т. В. Культурная политика в коммуникативном пространстве региона.....284	Shchukina E. L., Plotnikova T. V. Cultural Policy in the Region's Communication Space.....284

Научная жизнь

Scientific life

Гыязов А. Т. Государственное управление и региональный менеджмент в современных российских условиях: вызовы, проблемы и перспективы.....292	Giyasov A. T. State Management and Regional Management in Modern Russian Conditions: Challenges, Problems and Prospects.....292
--	--

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели и коллеги! Предлагаем Вашему вниманию пятый в 2020 г. номер журнала «Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки». Начатая редакцией в текущем году идея расширения спектра проблем и тем журнала в настоящее время оформилась в соответствующие рубрики, представленные в этом выпуске журнала.

Мы начинаем номер презентацией раздела **«Теоретическая и прикладная социология»**, в котором представлены статьи ведущих ученых-социологов Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН по проблемам миграции. Так, открывает номер статья авторского коллектива (Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов, Г. Н. Очирова) под руководством член-корреспондента РАН и члена редакционной коллегии нашего журнала С. В. Рязанцева на тему «Дискуссия об интеллекте в контексте миграции: демографический аспект». В публикации на основании эмпирических исследований и научных работ показана зависимость между такими показателями, как уровень развития экономики, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования и интеллектуального потенциала населения страны.

К исследованию проблем миграции также обратились и другие коллективы ученых ФНИСЦ РАН: миграционные потоки Ростовской области в условиях пандемии COVID-19 исследовали Ю. Г. Волков, И. В. Печуров и В. Г. Пантелеев, а трудовую миграцию в России в период пандемии COVID-19 изучили А. Н. Дьяченко, И. В. Печуров и Д. А. Мамина. Авторы делают важный вывод о том, что миграционная ситуация в России в период пандемии и режима изоляции претерпела определенные изменения. Миграционный прирост в России в 2020 г. снизился в два раза в сравнении с 2019 г.

Также в настоящем номере представлены работы по проблемам развития социальных институтов и социальной структуры в российском обществе (роль семьи в социализации инвалидов (Л. С. Деточенко); институциональные барьеры развития экологического поведения российской молодежи (В. А. Захарова); саморегуляция политической жизни крымской молодежи (А. В. Дятлов, В. В. Ковалев, А. Б. Понамарев); объективные и субъективные факторы дифференциации стратегий занятости молодежи в российских регионах (Г. Е. Косач); молодежное волонтерство в условиях пандемии (В. В. Овсий)), по актуальным вопросам социологии управления (социально-инвестиционная модель регионального управления (В. В. Кривоусков, Б. Б. Месхи); управление университетом в изменяющейся социальной реальности (Л. И. Щербакова); государственное регулирование общественного призрения в дореволюционной России (Е. Л. Шилкина, Д. И. Сидорова)) и социология культуры (влияние кинематографа на создание образа героя нашего времени (Н. Н. Капанян); активизм учителей в российских локальностях (Н. В. Левченко)).

Не менее содержательной оказалась рубрика «Экономика и управление», в рамках которой, как обычно, представлены статьи по проблемам экономики и управления народным хозяйством в различных отраслях. Так, Н. В. Алиева и Н. Г. Овчинникова обратились к изучению региональных аспектов градостроительного зонирования в городах Юга России, В. Г. Ларионов, В. В. Ларичкин и И. А. Сажин провели анализ реализации экологического менеджмента потоками автомобильного транспорта в большом городе, А. В. Мухин, Г. Э. Ганина и Ю. А. Островский исследовали феномен гармонизации производства, а Н. Г. Овчинникова, Е. И. Жидкова и В. А. Тимофеева рассмотрели актуальные вопросы управления территориями муниципальных образований при ведении градостроительной деятельности. Актуальные вопросы экономической теории обсудили

в своих статьях В. А. Бондаренко, Н. В. Гузенко, Р. М. Межаев (вопросы клиентоориентированности бизнеса в России), Л. С. Данилова (социальная ответственность бизнеса в контексте теории стейкхолдеров), Н. В. Ромашева, А. А. Ильинова, О. О. Евсеева (государство как ключевой стейкхолдер в рамках перспектив реализации проектов СС (U) S в России).

К оценке влияния снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии на формирование доходов бюджета Российской Федерации в 2020 г. обратились коллеги из Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) И. В. Гашенко, Ю. С. Зима и А. К. Мусаелян. Настоящее исследование открывает широкие перспективы дальнейшего использования механизма налогообложения в интересах кризис-менеджмента в России и подчеркивает целесообразность и эффективность сохранения введенных налоговых преференций и возможность их увеличения, а также распространения налоговых преференций и льгот на больший перечень бизнес-структур.

Московский коллега А. Ю. Пинчук обратился в своей статье к проблемам единообразных подходов к стратегическому планированию научно-технологического развития России. Автор показал, что современная обстановка требует корректив Стратегии научно-технологического развития и гармонизации ее положений с другими документами стратегического планирования и, в первую очередь, со Стратегией национальной безопасности.

Завершает рубрику статья Г. Н. Хубаева, в которой на основе математических и инструментальных методов в экономике осуществляется прогнозирование динамики индикаторов уровня развития экономики страны на примере Германии, России и Швеции. Полученное в процессе исследований доказательство статистической и содержательной обоснованности влияния на динамику индикаторов уровня развития экономики выделенного оригинального подмножества определяющих факторов обеспечило возможность исполнительной государственной власти в различных странах мира целенаправленно и более активно содействовать ускоренному развитию экономики, ориентируясь на созданные конкретные модели и конкретные независимые переменные.

Исследование современных социальных проблем невозможно без обращения к философской проблематике, и именно поэтому мы развиваем рубрику «**Философская инноватика**». В этом разделе автор Т. Г. Анистратенко обратилась к обсуждению коммуникации бизнеса и власти, а С. С. Черных исследовал социально-философские аспекты идентификации и классификации национализма. К рассмотрению социокультурных оснований управления персоналом в современной России обратились М. Т. Белов, А. В. Волочай и С. И. Самыгин. Поскольку культура общества оказывает определяющее воздействие на такой её сегмент, как организационная культура, включающая и определенные модели управления персоналом, в статье выделяются специфические черты, свойственные российскому управлению персоналом. Специфику конструирования социально-политической реальности в пространстве политического мифа исследовали О. М. Шевченко и Л. Л. Штофер.

Также настоящий номер не обошёлся без социокультурной проблематики. Так, Я. Ю. Искендерова, И. А. Левченко и Т. Л. Сержникова обратились к изучению парадоксов правовой культуры в российском обществе. Представленная статья содержит анализ парадоксов правовой культуры в российском обществе, которые можно охарактеризовать как противоречия, возникающие в восприятии, оценке и интерпретации норм и ценностей права на уровне массового сознания россиян. А другие авторы — Е. Л. Щукина и Т. В. Плотникова — исследовали специфику культурной политики в коммуникативном пространстве региона. Анализ проектов, способствующих толерантной межкультурной коммуникации народов донского региона, показал их важность и значимость в сегодняшней ситуации.

Мы надеемся, что изучение научных статей данного номера доставит нашим читателям интеллектуальное удовлетворение, и хотелось бы пожелать всем здоровья и успехов научном творчестве.

*Главный редактор журнала
«Вестник Южно-Российского государственного
технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки»
профессор К. В. Воденко*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 001.007:314.7
10.17213/2075-2067-2020-5-9-20

ДИСКУССИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© 2020 г. *Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов, Г. Н. Очирова*

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Цель исследования. В данной статье рассматривается научная дискуссия об интеллекте как качественной характеристике народонаселения в контексте теории человеческого капитала.

Методология исследования основывается на теориях человеческого капитала, представленных в работах А. Смита, М. Фридмана, Дж. Минсера, Т. У. Шульца, Г. С. Беккера и др. Исследование базируется на идее о том, что основной компонентом человеческого капитала является образование.

Результаты исследования. Приводится обзор ключевых научных работ об интеллекте в исторической ретроспективе. Интеллект рассматривается как одна из базовых когнитивных способностей человека, которая позволяет ему адаптироваться в новых условиях и нестандартных ситуациях, в том числе применительно в миграции. В статье на основании эмпирических исследований и научных работ показана зависимость между такими показателями, как уровень развития экономики, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования и интеллектуального потенциала населения страны. В статье также рассматривается эффект Флинна, в том числе история возникновения и подходы к его интерпретации. Анализируется поток трудовых мигрантов в Россию, в том числе из стран ключевых доноров — государств Центральной Азии, в контексте теории человеческого капитала. Обозначается, что России в условиях депопуляции требуется привлечение мигрантов и развитие адаптационных и интеграционных программ для наращивания численности российских граждан за счет миграции.

Перспективы использования результатов исследования. В статье высказывается предложение более активно использовать потенциал иммигрантов из стран бывшего СССР, близких россиянам по культуре и менталитету, для повышения качества человеческого капитала и интеллектуального потенциала населения России. Рассматривается зарубежный опыт (Канады, Германии, США, Франции) привлечения и интеграции иммигрантов, а также включение их в процесс наращивания человеческого капитала и интеллектуального потенциала принимающего общества.

Ключевые слова: теория человеческого капитала; интеллект; IQ; эффект Флинна; качественные признаки населения; миграция; мигранты; образование; ВВП; страны Центральной Азии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-29-07352.

THE DISCUSSION ON INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF MIGRATION: A DEMOGRAPHIC ASPECT

© 2020 E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, A. V. Smirnov, G. N. Ochirova

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Purpose of research. *This article examines the scientific discussion about intelligence as a qualitative characteristic of population in the context of the theory of human capital.*

The research methodology *is based on the theories of human capital presented in the works of A. Smith, M. Friedman, J. Minser, T. W. Schultz, G. S. Becker, and others. The research is based on the idea that the main component of human capital is education.*

Research result. *The article provides an overview of key scientific works on intelligence in historical retrospect. Intelligence is considered as one of the basic cognitive abilities of a person, which allows him to adapt to new conditions and non-standard situations, including migration. Based on empirical research and scientific papers, the article shows the relationship between such indicators as the level of economic development, life expectancy, and the level of education and intellectual potential of the country's population. The article also discusses the Flynn effect, including the history of its origin and approaches to its interpretation. The article analyzes the flow of labor migrants to Russia, including from key donor countries — Central Asian States, in the context of the theory of human capital. It is indicated that Russia in the conditions of depopulation needs to attract migrants and develop adaptation and integration programs to increase the number of Russian citizens due to migration.*

Prospects for using the research results. *The article suggests more active use of the potential of immigrants from the former USSR countries, which are close to Russians in culture and mentality, to improve the quality of human capital and intellectual potential of the Russian population. The article considers foreign experience (Canada, Germany, USA, France) in attracting and integrating immigrants, as well as their inclusion in the process of building up the human capital and intellectual potential of the host society.*

Key words: *human capital theory; intelligence; IQ; the Flynn effect; qualitative characteristics of population; migration; migrants; education; GDP; Central Asian countries.*

Введение. По среднему варианту официального прогноза Росстата, Российская Федерация потеряет около 4 млн. человек к 2035 году (и это при положительном ежегодном миграционном приросте более 250 тыс. человек) [14]. Ряд российских ученых считает, что Россия находится не просто в состоянии депопуляции, а в состоянии демографического кризиса, который характеризуется не только негативными количественными изменениями, проявляющимися в уменьшении численности населения, снижении рождаемости, брачности, увеличении смертности и разводимости и т.д., но и качес-

твенными изменениями, которые включают в себя такие составляющие, как состояние здоровья, возможность и желание создать семью с последующем рождением детей и когнитивные способности населения [17].

Президент России В.В. Путин на пресс-конференции 19 декабря 2019 года обратил внимание на пример Канады, которая проводит отбор желающих жить и работать в стране в основном по качественным признакам — уровню образования, возрасту и здоровью [24]. Канада считается одной из успешных стран, где идут эффективно процессы адаптации и интеграции мигрантов, в том числе из-

за балльной системы отбора, которую страна впервые применила в 1967 году [13, 35]. Считается, что в Канаде мигранты в среднем имеют более высокую квалификацию, чем местное население, благодаря чему повышается интеллектуальный потенциал страны [31], при этом доля мигрантов в общей структуре населения Канады составляет около 21% [13].

Теоретический аспект. Первые теоретические послы концепции человеческого капитала можно обнаружить в работах Адама Смита, который в определение основного капитала, помимо машин, прибыльных строений и улучшения земли, включил также и приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества (народа населения): «Приобретением таких способностей считается также содержание их обществом путем воспитания, обучения или ученичества, что всегда требует действительных расходов и представляет собой основной капитал, который якобы реализуется в личности...» [9, с. 32–33].

В более поздний период идея человеческого капитала активно развивалась в трудах экономистов чикагской школы: М. Фридмана, Дж. Минсера, Т. У. Шульца, Г. С. Беккера (1950-е годы). Фактическое признание мировым научным сообществом значимости исследований человеческого капитала для современного общества произошло в 1979 г., когда американцу Т. У. Шульцу была вручена Нобелевская премия за значительный вклад в теорию человеческого капитала. В 1992 г. американец Г. С. Беккер также удостоился данной награды. Особое внимание экономистов к теории человеческого потенциала объясняется желанием объяснить различные экономические аномалии в современном обществе. Т. У. Шульц считал, что инвестиции в человеческий капитал являются основой многих экономических процессов [7].

Широко распространено мнение, что основной компонентой человеческого капитала является образование, поэтому политики многих социально ориентированных государств и правительств нацелены на увеличение инвестиций в систему образования и расширение доступа населения к получению образования. Эти пути способствуют наращиванию человеческого капитала и в ко-

нечном итоге приносят положительный экономический эффект для страны [1]. Согласно данным ОЭСР, получение студентом высшего образования приносит в среднем государству доход, практически вдвое превышающий расходы на это образование [5]. Аналогично инновационные знания и опыт, полученные студентами за границей, могут способствовать улучшению экономических и социальных показателей стран их происхождения [3].

Вместе с тем полученные знания и навыки в процессе учебы и программ повышения квалификации капитализируются лишь тогда, когда начинают выполнять основную функцию капитала, т.е. обеспечивают материальную и нематериальную выгоду индивиду и организации-работодателю, государству, т.е. сами по себе материальные и нематериальные расходы на образование не являются гарантом наращивания человеческого капитала страны [6]. Определение ОЭСР гласит, что накопленные знания, навыки и компетенции, воплощенные в индивидах, превращаются в человеческий капитал (капитализируются) лишь тогда, когда начинают способствовать «созданию личного, социального и экономического благосостояния» индивида [5], например, характеристиками человеческого капитала, помимо способностей к труду и занятости, являются лучшее состояние здоровья и большая продолжительность жизни населения [32].

В настоящее время ввиду многообразия подходов к пониманию человеческого капитала не существует единой методики его оценки. Экономистами разработаны различные подходы к измерению человеческого капитала: первый базируется на социально-демографических показателях, второй — на финансовых расходах на его формирование, третий — на измерении и прогнозировании доходов. Во многих методиках сфера образования является одним из индикаторов оценки человеческого капитала. Например, индекс человеческого развития ПРООН рассчитывается на основании трех показателей: долголетия (ожидаемой продолжительности жизни при рождении), образования (характеризуемого двумя индикаторами — средняя продолжительность обучения и ожидаемая продолжительность обучения) и дохода (валовой национальный доход на душу населения). К сожалению

нию, учитывается только продолжительность обучения, но не учитываются качественные характеристики обучения. Существующие оценки человеческого капитала через оценку материальных и нематериальных компонент, направленных на его формирование, вычисление денежной отдачи (заработка), а также использование подхода числа лет обучения в качестве представительной оценки человеческого капитала имеют свои методологические неточности [32]. Если денежную выгоду можно определить более точно, то нематериальную полезность сложно измерить без каких-либо искажений [10].

Дискуссия об интеллекте народонаселения. Одной из базовых когнитивных способностей человека является интеллект, позволяющий адаптироваться в новых и нестандартных ситуациях, в которые попадает человек, в частности, мигрант, приехавший в чужую для него страну, без знаний языка и моделей поведения, необходимых для комфортного взаимодействия с новым социумом [37]. На сегодняшний день доказано, что интеллект является предиктором дальнейшей успешной профессиональной жизни. От интеллекта на 40–50% зависит успех в профессиях высокой квалификации, а в профессиях, которые не требуют квалификации, — лишь на 5%. Как следствие — интеллект связан и с доходом: исследования, проведенные в США в 1980–1990 годах, демонстрируют, что если есть увеличение IQ на 1 балл, то средний годовой доход увеличивается до 1000 долларов США. Профессор психологии Ричард Линн вместе с финским политологом Т. Ванханеном доказали, что экономическое развитие страны напрямую зависит от национального интеллекта населения [36].

Отдельный интерес вызывает явление, которое называется эффектом Флинна. Своим названием этот эффект обязан новозеландскому психологу и философу Джеймсу Флинну, который обратил внимание на то, что рост показателя теста на интеллект увеличивается в среднем за 10 лет на 3 единицы в разных странах мира [12].

Существует несколько гипотез, объясняющих это явление. Некоторые исследователи, включая самого Флинна, считают, что фактического увеличения интеллекта не про-

исходит, а всего лишь увеличивается охват тестированием, и как следствие, люди получают навык работы с тестами, которые и измеряют IQ [34]. Другие специалисты считают, что происходит увеличение уровня интеллекта за счет внешних факторов, к которым относится более богатая окружающая среда (в когнитивном плане), насыщенное белками питание и повышение уровня образования окружающего индивида населения. Но в настоящее время, как считает Р. Линн, с интеллектом происходит обратный процесс — он начинает снижаться, и к 2050 году снижение интеллекта может упасть на 1,27 единиц, кроме того, начинает наблюдаться отрицательная связь между интеллектом и суммарным коэффициентом рождаемости [19].

Исследования в области генетики подтверждают отрицательную корреляцию между уровнем образования и количеством детей в семье, главным образом для женщин. Генетической исландской фирмой deCode были проанализированы данные более 100 тыс. исландцев, родившихся в период с 1910 по 1990 годы. Ученые обнаружили, что гены, которые отвечают за длительное получение образования, сократились в популяции за 80 лет. Важно отметить, что женщины, которые рано закончили свое образование, но имели много «генов образования», также имели мало детей [8]. Это позволило сделать вывод, что люди, являвшиеся носителями «генов образования», внесли меньший вклад в общей генофонд, чем люди, которые не имели таких генов. Некоторые биологи считают, что культура и социум на данный момент времени сглаживают падение уровня интеллекта, но если такая тенденция сохранится на тысячелетия, то это приведет цивилизацию в упадок [11].

Бывший немецкий политик Тило Саррацин, опираясь на данные микропереписей Германии, в своей книге «Германия. Самоликвидация» приходит к выводу, что женщины, которые закончили университеты, рожают редко и поздно, а то и вовсе не оставляют потомства. Автор приводит данные 2008 года, из которых следует, что женщины в возрасте от 40 до 75 лет и имеющие высшее образование не имеют детей в 26% случаев, 16% со средним образованием и 11% с начальным образованием соответственно бездетны [31].

Однако не все ученые поддерживают точку зрения, что уровень интеллекта в человеческой популяции снижается. Известный экономист Джулиан Саймон, выигравший «демографическое» пари у биолога Пола Эрлиха, считает, что уровень интеллекта не падает, а возрастает с ростом численности населения. Спор между биологом и экономистом заключался в следующем. Первый утверждал, что демографический рост населения Земли приведет к дефициту товаров и природных ресурсов, а второй заявлял, что никакого дефицита не будет, поскольку человеческий интеллект найдет выход из сложившейся ситуации. Эрлих доказывал, что цены на металлы, которые он выберет, вырастут за следующие десять лет, а Саймон считал, что упадут. В конечном итоге экономист выиграл спор, поскольку были найдены или созданы альтернативные виды металлов, либо изменились технологии, где эти металлы использовались [2].

Д. Саймон считает, что чем больше будет народонаселения, тем сильнее разовьется общий интеллектуальный потенциал человечества, который нивелирует издержки затрат на рост численности населения. Стоит отметить, что большое количество населения благоприятно влияет не только на объем полученных знаний, но и на развитие экономики в целом, поскольку чем больше население, тем больше спрос на товары и услуги, тем интенсивнее наращивается объем производства, появляются более крупные предприятия с высокой специализацией труда и т.д. Стоит отметить, что эффективно экономика развивается при только грамотном управлении страной. Саймон указывает на тот факт, что качественные признаки населения будут тем выше, чем лучше развиты наука, медицина и экономика страны [30].

Еще в 1682 году английский статистик и экономист Уильям Петти писал: «Намного вероятнее, что по-настоящему искусный мастер объявится среди 4 миллионов, чем среди 400 человек...» [30, с. 425]. При этом, если страна обладает большим населением, но не имеет развитой экономики с возможностью создать условия для достойного образования, то безусловно в научно-техническом плане она будет проигрывать странам с куда меньшим населением, но с развитой экономикой.

Дэвид Юм, шотландский философ, размышляя в XVIII в. об отставании Китая от европейских стран, указывает на важность демократии и доверия людей к основным институтам в стране: «Прежде всего, искусства и науки не могут возникнуть там, где людям не дано благоденствовать в условиях свободы. Неограниченный деспотизм... эффективно останавливает всякое развитие и не позволяет людям приобретать ... знания» [30, с. 426]. Но в настоящее время Китай динамично развивается. После принятия «Основной программы реформ и образования Китая» в 1993 году и того, как была сформулирована задача руководства страны о повышении качественных характеристик населения, по числу победителей международных олимпиад стали доминировать китайцы [7, 20].

Миграция и интеллект в России и странах постсоветского пространства.

Миграционный коридор, сложившийся между Россией и странами Центральной Азии, является на сегодняшний день одним из самых устойчивых в мире. По оценкам экспертов, от 10% до 16% экономически активного населения из стран Центральной Азии трудятся на территории России [28]. По данным Росстата, доля прибывших на территорию России за 2019 год из стран Центральной Азии составила более 43% [22], а доля мигрантов из данного региона, указавших целью въезда работу, в 2019 году составила более 75% от въехавших на территорию России с указанной целью [25]. Поскольку трудовая миграция обычно носит временный характер, то большая часть мигрантов возвращается к себе на родину, но учитывая тот факт, что России просто необходимо население, при правильных адаптационных и интеграционных программах, направленных на мигрантов из указанного региона, мы сможем получить потенциальных российских граждан.

Интеллект, по мнению Ричарда Линна, положительно коррелирует не только с ВВП страны, но и с продолжительностью жизни и уровнем образования взрослого населения страны. Автор объясняет это тем, что люди, живущие в «богатых странах», могут дать хорошее образование своим детям и имеют развитую медицину, которая значимо увели-

чивает продолжительность жизни населения [18]. Так, в среднем по странам ОЭСР доход государства от человека, который обладает общим образованием, составляет 14 тыс. долларов США, а от человека, который получил высшее образование, — 52 тыс. долларов США, что в два раза превышает затраты на инвестиции в его образование [26], поэтому России выгодно создавать благоприятные условия для получения качественного высшего образования как для титульного населения, так и для иммигрантов, которые хотят остаться в стране.

Одним из интегральных показателей, который коррелирует с интеллектом, является индекс человеческого развития (ИЧР). Он рассчитывается из таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, грамотность взрослого населения, полнота охвата обучением в начальной, средней и высшей школе и ВВП на душу населения страны [29]. Стоит отметить, что корреляция возможна тогда, когда страна экономически развита и имеет достойный уровень образования и медицинского обеспечения. Россия за 2017 и 2018 годы входит в список стран с очень высоким уровнем человеческого развития и находится на 49 месте. Казахстан вместе с Россией входит в список стран с очень высоким уровнем человеческого развития, Туркменистан и Узбекистан входят в список стран с высоким уровнем человеческого развития, а Киргизия и Таджикистан — в список стран со средним уровнем человеческого развития [15, 16]. Опосредованно на интеллект населения влияет уровень демократии в стране. По данным экспертов британской компании Economist Intelligence Unit, Россия в 2019 году улучшила свои позиции в «индексе демократии», но все равно находится в списке авторитарных режимов на уровне с Туркменией, Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном [27]. Как отмечают исследования, например, Киргизия в этом рейтинге находится в так называемом «гибридном режиме» между «ущербной демократией» и «авторитарным режимом» [4].

После распада Советского Союза ситуация с образованием в центральноазиатских странах стала сильно различаться. Так, Киргизия перешла на Болонскую систему образования, стала активно сотрудничать

с иностранными ведущими вузами и была включена в международные стандарты в сфере образования, но, как отмечают эксперты, нет единого вектора развития, что провоцирует большое разнообразие и создает впечатление беспорядка в образовательной сфере в стране. В Туркмении после получения независимости наблюдается редукция высшего образования с пяти лет до двух, и два года приходится на практику. Академическая свобода, которая является одним из драйверов развития мировой науки, существенно ограничивается. Казахстан перешел на стандарты Болонской системы образования, активно занимается развитием науки и финансированием студентов, которых отправляет обучаться за границу. Несмотря на активное развитие новых учебных заведений в Узбекистане, в стране существует коррупция, влияющая на доступ к образованию. В Таджикистане только начинают развиваться учебные заведения современного типа, а эксперты оценивают низкую доступность образования основной массе населения данной страны. По мнению экспертов, Казахстан и Киргизия пошли по пути развития массового образования, а остальные центральноазиатские страны имеют элитарные системы образования, доступные незначительной части населения [21]. Безусловно, интеллектуальный потенциал населения будет активнее развиваться в тех бывших советских республиках, где образование общедоступно.

Россия имеет филиалы своих вузов в странах Центральной Азии: в Казахстане — 7 филиалов, в Киргизии — 8, в Таджикистане — 2, а в Узбекистане — 1. Но помимо России, в данном регионе активно пытаются завоевать рынок образования и тем самым оказать воздействие на данный регион посредством мягкой силы такие страны, как Китай, США, Турция и Иран [23]. Безусловно, России необходимо более активно включаться в образование в странах Центральной Азии, поскольку данная территория выступает буфером, за счет которого сохраняется стабильная геополитическая ситуация в регионе. Стоит отметить, что в странах Центральной Азии медианный возраст населения значимо ниже, чем в России: в Казахстане 29 лет, в Узбекистане — 26, в Туркменистане и Киргизии — 25, Таджикистане — 22, а в России — 39 [16],

что свидетельствует о важности проведения образовательной политики России в данном регионе, поскольку население молодое, а значит, есть желание учиться и получать профессию. За счет образования можно сформировать прослойку людей, которые будут хорошо знать русский язык, толерантно относиться к России и являться носителями российских ценностей в своём регионе.

Заключение. Автор общей теории населения А. Сови писал: «Необходимость в выделении качественных признаков возникает в связи с возможностью воздействовать на них» [33, с. 462]. Так, при повышении уровня медицины и качества системы здравоохранения мы можем напрямую влиять на продолжительность здоровой жизни населения, при правильной пропаганде традиционных и семейных ценностей можно влиять на увеличение суммарного коэффициента рождаемости и крепости семейных отношений, при повышении охвата образования и качества оказываемых услуг можно влиять на когнитивные способности населения, тем самым будет повышаться производительность труда и улучшаться экономическое состояние страны. Одним из ресурсов пополнения интеллектуального фонда России являются мигранты из стран бывшего СССР, которые близки в языковом, культурном, ментальном отношении к российскому населению. Если Россия будет проводить грамотную политику образования среди тех, кто желает связать свою жизнь с Россией, и открывать филиалы вузов в странах бывшего СССР, то в будущем затраты могут с лихвой окупиться, оказав положительное влияние на социально-экономическое развитие и геополитическое положение страны.

Литература

1. *Becker G. S.* Investment in human capital: effects on earnings // *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education, Second Edition.* — 1975. — Pp. 13–44.
2. *But Why Did Julian Simon Win The Paul Ehrlich Bet?* [Electronic resource]. — URL: <https://www.forbes.com/sites/timworstall/2013/01/13/but-why-did-julian-simon-win-the-paul-ehrlich-bet/#22d2bfc71b03> (Date accessed: 30.09.2020).
3. *Campbell A. C.* How international scholarship recipients perceive their contributions to the development of their home countries: Findings from a comparative study of Georgia and Moldova // *International Journal of Educational Development.* — 2017. — Vol. 55. — Pp. 56–62.
4. *Democracy Index 2019. A year of democratic setbacks and popular protest* [Electronic resource]. — URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (Date accessed: 06.10.2020).
5. *Education at a Glance 2009. OECD indicators* [Electronic resource]. — URL: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/43636332.pdf> (Date accessed: 15.10.2019).
6. *Lucas Jr. R. E.* On the mechanics of economic development // *Journal of monetary economics.* — 1988. — Vol. 22. — №1. — Pp. 3–42.
7. *Schultz T. W.* Investment in human capital // *The American economic review.* — 1961. — Vol. 51. — №5. — Pp. 1035–1039.
8. *Selection against variants in the genome associated with educational attainment* [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5293043/> (Date accessed: 28.09.2020).
9. *Spengler J. J.* Adam Smith on human capital // *The American Economic Review.* — 1977. — Vol. 67. — №1. — Pp. 32–36.
10. *Thurow L. C.* *Investment in human capital.* — Wadsworth Pub. Co., 1970. — 145 p.
11. Александр Марков — о естественном отборе, работающем против нас [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://yeltsin.ru/news/aleksandr-markov-o-estestvennom-otbore-rabotayushem-protiv-nas/> (Дата обращения: 28.09.2020).
12. *Валуева Е. А., Белова С. С.* Эффект Флинна: обзор современных данных // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* — 2015. — Т. 12. — №4. — С. 165–183.
13. *Варшавер Е.* Двадцать успешных практик интеграции мигрантов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://merc-center.ru/_ld/0/15_50324249.pdf (Дата обращения: 27.09.2020).
14. Демографический прогноз до 2035 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 25.09.2020).

15. Доклад о человеческом развитии 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (Дата обращения: 06.10.2020).

16. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (Дата обращения: 06.10.2020).

17. *Ионцев В. А., Субботин А. А.* Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. — 2018. — Т. 10. — №3. — С. 4–18.

18. *Линн Р.* Интеллект и экономическое развитие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2008. — №2. — С. 89–108.

19. *Линн Р.* Расы. Народы. Интеллект. — М.: АСТ, 2014. — 384 с.

20. *Маньшина О. А.* Образование как приоритет социально-экономического развития КНР // История и современность. — 2012. — №2 (16). — С. 197–203.

21. *Медушевский Н. А., Шишкина А. Р.* Образовательные системы стран Центральной Азии: вызовы, риски и перспективы регионального сотрудничества // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. — Волгоград: Учитель, 2014. — С. 324–363.

22. Международная миграция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 05.10.2020).

23. *Плотников Д. С.* «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления. — 2016. — №1. — С. 160–177.

24. Путин: экономика требует притока мигрантов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oXrRwQ7GEDs> (Дата обращения: 27.09.2020).

25. Распределение мигрантов — иностранных граждан по целям поездок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (Дата обращения: 06.10.2020).

26. Российское образование в контексте индекса человеческого капитала [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/20277.pdf> (Дата обращения: 06.10.2020).

27. Россия поднялась в рейтинге демократии до уровня Конго [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2020/5e2817819a7947f317a7916c> (Дата обращения: 06.10.2020).

28. *Рязанцев С. В., Красинец Е. С.* Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2016. — №5. — С. 5–14.

29. *Саградов А. А.* Россия и индекс человеческого развития // Мир России. Социология. Этнология. — 2000. — №3. — С. 146–152.

30. *Саймон Дж.* Неисчерпаемый ресурс. — Челябинск: Социум, 2005. — 797 с.

31. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. — М.: Рид Групп, 2012. — 400 с.

32. *Соболева И.* Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-9-51-70. — 2009. — №9. — С. 51–70.

33. *Сови А.* Общая теория населения. Том 2. Жизнь населений. Перевод с французского Ф. Р. Окуновой. — М.: Прогресс, 1977. — 520 с.

34. *Сугоняев К. В., Григорьев А. А.* Эффект Флинна в России // Экспериментальная психология. — 2019. — Т. 12. — №4. — С. 50–61.

35. *Суюнчалиева О. Т.* Балльные системы отбора квалифицированных мигрантов как правовой инструмент миграционной политики // Труды Академии управления МВД России. — 2012. — №2 (22). — С. 123–125.

36. *Ушаков Д. В.* Интеллект, элита, культура // Образовательная политика. — 2010. — №7–8. — С. 64–77.

37. *Холодная М. А.* Интеллект, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В. Н. Дружинина) // Психологический журнал. — 2015. — №5. — С. 5–14.

References

1. *Becker G. S.* Investment in human capital: effects on earnings // Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education, Second Edition. — 1975. — Pp. 13–44.

2. But Why Did Julian Simon Win The Paul Ehrlich Bet? [Electronic resource]. — URL: <https://www.forbes.com/sites/timworstall/2013/01/13/but-why-did-julian-simon-win-the-paul-ehrlich-bet/#22d2bfc71b03> (Date accessed: 30.09.2020).
3. *Campbell A. C.* How international scholarship recipients perceive their contributions to the development of their home countries: Findings from a comparative study of Georgia and Moldova // *International Journal of Educational Development*. — 2017. — Vol. 55. — Pp. 56–62.
4. Democracy Index 2019. A year of democratic setbacks and popular protest [Electronic resource]. — URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (Date accessed: 06.10.2020).
5. Education at a Glance 2009. OECD indicators [Electronic resource]. — URL: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/43636332.pdf> (Date accessed: 15.10.2019).
6. *Lucas Jr. R. E.* On the mechanics of economic development // *Journal of monetary economics*. — 1988. — Vol. 22. — №1. — Pp. 3–42.
7. *Schultz T. W.* Investment in human capital // *The American economic review*. — 1961. — Vol. 51. — №5. — Pp. 1035–1039.
8. Selection against variants in the genome associated with educational attainment [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5293043/> (Date accessed: 28.09.2020).
9. *Spengler J. J.* Adam Smith on human capital // *The American Economic Review*. — 1977. — Vol. 67. — №1. — Pp. 32–36.
10. *Thurow L. C.* Investment in human capital. — Wadsworth Pub. Co., 1970. — 145 p.
11. Aleksandr Markov — o estestvennom otbore, rabotajushhem protiv nas [About natural selection working against us] [Electronic resource]. — URL: <https://yeltsin.ru/news/aleksandr-markov-o-estestvennom-otbore-rabotayushhem-protiv-nas/> (Date accessed: 28.09.2020).
12. *Valueva E. A., Belova S. S.* Jeffekt Flinna: obzor sovremennyh dannyh [The Flynn Effect: an overview of current data] // *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher school of Economics]. — 2015. — Vol. 12. — №4. — Pp. 165–183.
13. *Varshaver E.* Dvadcat' uspešnyh praktik integracii migrantov [Twenty successful practices of migrant integration] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://mer-center.ru/_ld/0/15_50324249.pdf (Date accessed: 27.09.2020).
14. Demograficheskiy prognoz do 2035 goda [Demographic forecast until 2035] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Date accessed: 25.09.2020).
15. Doklad o chelovecheskom razvitii 2019 [The human development report 2019] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (Date accessed: 06.10.2020).
16. Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitija. Obnovlennye statisticheskie dannye 2018 [Indices and indicators of human development. Updated statistics 2018] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (Date accessed: 06.10.2020).
17. *Ioncev V. A., Subbotin A. A.* Sovremennye scenarii demograficheskogo budushhego mira (na primere Rossii i Germanii) [Modern scenarios of the demographic future of the world (on the example of Russia and Germany)] // *Baltijskiy region* [Baltic region]. — 2018. — Vol. 10. — №3. — Pp. 4–18.
18. *Linn R.* Intellect i jekonomicheskoe razvitie [Intelligence and economic development] // *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher school of Economics]. — 2008. — №2. — Pp. 89–108.
19. *Linn R.* Rasy. Narody. Intellect [Races. Peoples. Intelligence]. — Moscow: AST, 2014. — 384 p.
20. *Man'shina O. A.* Obrazovanie kak prioritet social'no-jekonomicheskogo razvitija KNR [Education as a priority of socio-economic development of the PRC] // *Istorija i sovremenost'* [History and modernity]. — 2012. — №2 (16). — Pp. 197–203.
21. *Medushevskij N. A., Shishkina A. R.* Obrazovatel'nye sistemy stran Central'noj Azii: vyzovy, riski i perspektivy regional'nogo sotrudnichestva [Educational systems of Central Asian countries: challenges, risks and prospects for regional cooperation] // *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks]. — Volgograd: Uchitel', 2014. — Pp. 324–363.
22. Mezhdunarodnaja migracija [International migration] [Elektronnyj resurs]. — URL:

<https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Date accessed: 05.10.2020).

23. *Plotnikov D. S.* «Mjagkaja sila» politiki Kitaja, Turcii, Irana, Rossii i SShA v Central'noj Azii v sfere obrazovanija [«Soft power» of the policy of China, Turkey, Iran, Russia and the United States in Central Asia in the field of education] // *ARS ADMINISTRANDI. Iskustvo upravlenija* [Art of management]. — 2016. — №1. — Pp. 160–177.

24. Putin: jekonomika trebuet pritoka migrantov [Putin: the economy requires an influx of migrants] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oXrRwQ7GEDs> (Date accessed: 27.09.2020).

25. Raspredelenie migrantov — inostrannyh grazhdan po celjam poezdok [Distribution of migrants — foreign citizens by travel goals] [Jelektronnyj resurs]. — URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (Date accessed: 06.10.2020).

26. Rossijskoe obrazovanie v kontekste indeksa chelovecheskogo kapitala [Russian education in the context of the human capital index] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/20277.pdf> (Date accessed: 06.10.2020).

27. Rossija podnjalas' v rejtinge demokratii do urovnja Kongo [Russia has risen in the ranking of democracy to the level of the Congo] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2020/5e2817819a7947f317a7916c> (Date accessed: 06.10.2020).

28. *Rjazancev S. V., Krasinec E. S.* Sovremennye tendencii i jekonomicheskie jeffekty trudovoj migracii iz Central'noj Azii v Rossiju [Current trends and economic effects of labor migration from Central Asia to Russia] // *Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo* [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2016. — №5. — Pp. 5–14.

29. *Sagradov A. A.* Rossija i indeks chelovecheskogo razvitija [Russia and the hu-

man development index] // *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija* [World of Russia. Sociology. Ethnology]. — 2000. — №3. — Pp. 146–152.

30. *Sajmon Dzh.* Neischerpaemyj resurs [Inexhaustible resource]. — Cheljabinsk: Socium, 2005. — 797 p.

31. *Sarracin T.* Germanija: samolikvidacija [Germany: self-destruction]. — Moscow: Rid Grupp, 2012. — 400 p.

32. *Soboleva I.* Paradoksy izmerenija chelovecheskogo kapitala [Paradoxes of human capital measurement] // *Voprosy jekonomiki* [Economic issue]. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-9-51-70. — 2009. — №9. — Pp. 51–70.

33. *Sovi A.* Obshhaja teorija naselenija. Vol.2. Zhizn' naselenij. [General theory of population. Life of populations]. — Moscow: Progress, 1977. — 520 p.

34. *Sugonjaev K. V., Grigor'ev A. A.* Jeffekt Flinna v Rossii [The Flynn Effect in Russia] // *Jeksperimental'naja psihologija* [Experimental psychology]. — 2019. — Vol. 12. — №4. — Pp. 50–61.

35. *Sujunchaliev O. T.* Ball'nye sistemy otbora kvalificirovannyh migrantov kak pravovoj instrument migracionnoj politiki [Point systems for selecting qualified migrants as a legal instrument of migration policy] // *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia]. — 2012. — №2 (22). — Pp. 123–125.

36. *Ushakov D. V.* Intellekt, jelita, kul'tura [Intellect, elite, culture] // *Obrazovatel'naja politika* [Educational policy]. — 2010. — №7–8. — Pp. 64–77.

37. *Holodnaja M. A.* Intellekt, kreativnost', obuchaemost': resursnyj podhod (o razvitii idej V.N. Druzhinina) [Intelligence, creativity, learning: a resource approach (on the development of V.N. Druzhinin's ideas)] // *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. — 2015. — №5. — Pp. 5–14.

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Pismennaya Elena Evgenievna — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Finance University under the Government of the Russian Federation, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: nikitar@list.ru

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ryazantsev Sergey Vasilievich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding member of RAS, Director, the Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: riazan@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Smirnov Alexey Viktorovich — Junior Researcher, the Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: sofetel@mail.ru

Очирова Галина Николаевна — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ochirova Galina Nickolaevna — Junior Researcher, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: galinaochirova93@gmail.com

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-21-32

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2020 г. Ю. Г. Волков, И. В. Печкуров, В. Г. Пантелеев

Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является выявление особенностей поведения миграционных потоков Ростовской области — внутрирегионального, межрегионального и международного — в условиях ограничения перемещений людей в связи с пандемией COVID-19. В частности, выявляется, насколько миграционные потоки могут восстанавливаться после ослабления ограничения перемещений, то есть их устойчивость.

Методологическую основу исследования составляет, во-первых, наблюдение за изменением статистических рядов, которые характеризуют динамику внутрирегионального, межрегионального и международного миграционных потоков Ростовской области; во-вторых, компаративистика статистических рядов в разные временные отрезки (годовые и месячные), позволяющая выявить относительную норму объемов миграционных потоков и отклонение от нормы в период действия ограничения перемещений людей; в-третьих, фиксирование в наблюдении изменений статистических рядов под воздействием фактора и таким образом определение, оказывает ли фактор влияние на динамику статистического ряда или не оказывает.

Результаты исследования. Во-первых, выявлено, что внутрирегиональный миграционный поток демонстрирует большую чувствительность к влиянию фактора ограничения перемещений людей, объем его снизился; тем не менее, он проявил высокую степень возобновляемости после ослабления ограничений. На миграционном приросте региона это никак не сказалось в силу особенностей внутрирегиональных перемещений. Во-вторых, выявлено, что межрегиональный миграционный поток также чувствителен к влиянию фактора ограничения перемещений людей и в то же время продемонстрировал высокую степень возобновляемости после ослабления ограничений; также в условиях пандемии снижение интенсивности этого миграционного потока уменьшило отток жителей Ростовской области в другие регионы. В-третьих, выявлено, что международный миграционный поток продемонстрировал те же самые свойства по части прибывающих в область, но эти свойства никак не проявились по части уезжающих из региона за рубеж; на уменьшение прироста за счет международных мигрантов фактор ограничений повлиял слабо. Таким образом, миграционные потоки Ростовской области испытали реальное влияние ограничительных мер и в то же время продемонстрировали свою устойчивость и возобновляемость после ослабления ограничивающего перемещения фактора.

Перспективу исследования составляет дальнейшее научное наблюдение за изменениями миграционных потоков на региональном уровне и влияние на них фактора ограничения перемещений людей в связи с пандемией COVID-19. Так как окончание пандемии плохо прогнозируемо, то, вероятно, ограничивающие меры будут вводиться не один раз, в связи с чем важно иметь результаты наблюдений за поведением миграционных потоков в первый период ограничений, затем во второй, третий и так далее с тем, чтобы выявить долгосрочный эффект влияния ограничивающих мер на поведение миграционных потоков на региональном уровне.

Ключевые слова: *внутрирегиональная миграция; межрегиональная миграция; между-народная миграция; Ростовская область; COVID-19.*

MIGRATION FLOWS OF THE ROSTOV REGION IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

© 2020 Yu. G. Volkov, I. V. Pechkurov, V. G. Panteleev

*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

The aim of the study is to identify the features of the behavior of migration flows in the Rostov region — intraregional, interregional and international-in conditions of restricted movement of people due to the COVID-19 pandemic. In particular, it reveals how much migration flows can recover after the easing of restrictions on movement, that is, their stability.

The methodological basis of the study is, firstly, the observation of changes in statistical series that characterize the dynamics of intraregional, interregional and international migration flows in the Rostov region; secondly, comparative statistics of statistical series in different time periods (annual and monthly), which allows us to identify the relative norm of migration flows and deviations from the norm during the period of restriction of movement of people; third, recording in the observation of changes in statistical series under the influence of a factor and thus determining whether the factor affects the dynamics of the statistical series or not.

Research result. First, it was found that the intraregional migration flow shows a greater sensitivity to the influence of the factor of restricting the movement of people, its volume has decreased; however, it has shown a high degree of reactivation after the easing of restrictions. This did not affect the migration growth of the region due to the peculiarities of intraregional movements. Secondly, it was found that the interregional migration flow is also sensitive to the influence of the factor of restricting the movement of people and at the same time showed a high degree of renewal after the restrictions were eased; also, in the context of the pandemic, a decrease in the intensity of this migration flow reduced the outflow of residents of the Rostov region to other regions. Third, it was found that the international migration flow showed the same properties for those arriving in the region, but these properties did not show up for those leaving the region abroad; the restriction factor had little effect on the decrease in growth due to international migrants. Thus, the migration flows of the Rostov region have experienced a real impact of restrictive measures and at the same time have demonstrated their stability and resiliency after the weakening of the limiting factor.

The research perspective is further scientific observation of changes in migration flows at the regional level and the impact of the factor of limiting the movement of people due to the COVID-19 pandemic. Since the end of the pandemic is poorly predicted, it is likely that restrictive measures will be introduced more than once, so it is important to have the results of observations of the behavior of migration flows in the first period of restrictions, then in the second, third, and so on in order to identify the long-term effect of restrictive measures on the behavior of migration flows at the regional level.

Key words: *intraregional migration; interregional migration; international migration; Rostov region; COVID-19.*

Введение. В 2020 году мировое общество столкнулось с неизвестным ранее вирусом, который стал стремительно распространяться по континентам и странам. Угроза массового заражения вирусом, способ лечения которого предстояло найти, поставила руководство стран мира перед выбором: вводить или не вводить меры, ограничивающие контакт людей между собой. «Аргументом» в пользу введения ограничивающих мер помимо всего прочего было и состояние медицинской сферы — во многих странах она была «оптимизирована», и соответствующих специалистов и медицинской техники просто не хватало. Таким образом, основной мерой по предотвращению распространения вируса COVID-19 стало ограничение перемещений людей.

Это ограничение проявилось на нескольких уровнях: от глобального к индивидуальному. Сначала были закрыты границы между странами и прерваны авиасообщения. Затем были введены ограничения перемещений между региональными муниципальными образованиями. Далее — ограничено перемещение между районами регионов. Наконец, многие люди были ограничены в перемещениях собственным жильем и небольшим пространством вокруг него. А те, кому «посчастливилось» стать носителем или заболевшим, вообще были ограничены комнатой в собственном жилье или больничной палатой.

Такое положение вещей неминуемо накладывает на существующие социальные проблемы и грозит различного рода осложнениями. Помимо всплеска доли непрогнозируемой смертности (самое очевидное последствие COVID-19) [5], распространение COVID-19 и меры борьбы с ним поставили в сложное положение экономическую сферу, политическую, социальную [7]. Для социально-демографической группы пожилых людей добавились новые риски и сложности жизни в связи с самоизоляцией [4]. Пандемия особенно остро обнажила проблему социального неравенства, поскольку оказалось, что не все могут себе позволить соблюдать режим самоизоляции [21]. В зоне риска оказалось и такое явление общества, как социальный иммунитет [2], система образования столкнулась с необходимостью осуществлять образовательную деятельность в дистанционном

режиме [10, 8], также выявились и многие другие вызовы, риски и явления, порожденные глобальной пандемией.

Исследователями приводится множество сценариев развития тех или иных сфер и явлений общественной жизни, которые получают свое продолжение после пандемии COVID-19 [1]. В приведенном перечне отсутствуют миграционные процессы. Хотя исследователями, изучающими миграцию и мигрантов, отмечались проблемы, с которыми мигранты столкнулись в период пандемии [14], тем не менее, очевидно, что после снятия ограничений миграционные потоки, вероятнее всего, возобновят свое движение. Однако существующие обстоятельства благоприятствуют наблюдению за поведением миграционных потоков в условиях действия фактора пандемии COVID-19 и связанных с ней мер противодействия.

В условиях ограничения пространств жизнедеятельности возрастает значение непосредственно данных для человека социально-физических полей деятельности — индивидуальных, локальных региональных. Стало быть, является важным проследивание влияния мер, ограничивающих перемещение людей, связанных с COVID-19, на миграционные потоки в пределах регионального социума. В качестве такого регионального социума в статье рассматривается Ростовская область и ее миграционные потоки: внутрирегиональный, межрегиональный, международный.

Исследования миграции в условиях пандемии COVID-19. Как уже отмечалось, эпидемия и меры по борьбе с ней пронизали многие стороны социальной жизни. Вследствие этого социологи, демографы, экономисты и другие представители дисциплин социального цикла стали свои объекты и предметы исследования рассматривать в ракурсе «ковидной» реальности. С другой стороны, ученые стали рассматривать COVID-19 и сопутствующие ему явления в качестве фактора, влияющего на изучаемую предметную область. В связи с ограничением перемещений людей естественно в таком ракурсе стала рассматриваться миграция и мигранты.

Мировой характер проблемы распространения COVID-19 предрасполагает к тому, чтобы его влияние на миграционные процес-

сы изучали не только зарубежные ученые, но и отечественные, причем внимание многих отечественных ученых в этом плане простирается далеко за пределы России. В этой группе исследований рассматривались самые различные аспекты. Это перспективы восстановления международных миграционных потоков после эпидемии [18], характер трудовой миграции в условиях пандемии в различных странах [6], влияние условий пандемии на сезонную трудовую миграцию [12], сравнительно-описательные исследования методов регулирования миграционных процессов [13] и др.

Но фактор влияния COVID-19 на миграционные процессы в российском обществе также не остался без внимания ученых. В этом ракурсе рассматривались такие темы, как женская трудовая миграция в России в условиях пандемии [16], положение международных мигрантов на российском рынке труда в условиях распространения COVID-19 [15], риски международных трудовых мигрантов в России в условиях пандемии [11], влияние эпидемии на миграционные процессы и рынок труда в России [11, 17], влияние мер, ограничивающих передвижения людей, на миграционные процессы в отдельных регионах России [3], образ мигрантов в средствах массовой информации в условиях эпидемии [9] и др.

Таким образом, в отечественной научной литературе уже рассматривались различные аспекты влияния условий пандемии COVID-19 на миграционные процессы и на мигрантов как социальную группу. Однако работ, в которых бы прослеживалось влияние периода самоизоляции на миграционные потоки отдельного региона, не наблюдается.

Целью статьи является выявление особенностей миграционных потоков Ростовской области в условиях пандемии COVID-19, а также возможности восстановления миграционных потоков после снятия ограничений. Для этого будут сопоставлены показатели прибывших, выбывших и миграционного прироста за 2019 и 2020 гг. с января по июль (поскольку в статистических источниках

приводится количество прибывших и выбывших в 2020 г. по июль). Рассматриваются три потока миграции: внутрирегиональный, межрегиональный, международный. В статье используются данные, размещенные на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы¹.

Внутрирегиональная, межрегиональная и международная миграции Ростовской области и фактор пандемии COVID-19. Меры, ограничивающие передвижение людей в России, действовали в рассматриваемый период с конца марта по конец июня. Статистика позволяет сопоставить количественные данные с этим фактом.

Рассмотрим внутрирегиональную миграцию. Отличительной особенностью этого миграционного потока является то, что он не влияет на численность населения регионального социума, то есть число прибывших людей равняется числу выбывших, но характеризует движение населения между местностями региона (такая статистика по Ростовской области для 2020 г. пока недоступна).

Если сопоставить количество людей, прибывших и выбывших в январе-феврале и июне-июле 2019 и 2020 гг., то окажется, что эти показатели являются сопоставимыми по отношению друг к другу (разница колеблется в пределах чуть более 500 человек) [19, 20]. Следовательно, мы можем рассматривать количество прибывших и выбывших в 2019 г. условно как норму (поскольку не влияет фактор пандемии COVID-19). На рисунке 1 поведение показателя внутрирегионального движения населения Ростовской области можно увидеть более наглядно.

Количество прибывших и выбывших в 2020 г. начинает отклоняться от условной нормы в марте (в конце марта была объявлена «нерабочая неделя») и достигает наибольшего отклонения в апреле и мае. В апреле разница с показателями 2019 г. составила 2862 человека, в мае она составила 1758 человек. В июне-июле разница показателей 2019 и 2020 гг. сокращается и находится в пределах нормы. Следовательно, можно заключить, что меры по самоизоляции вызы-

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>.

мели действие в апреле-мае, и многие люди, перемещающиеся внутри региона, не проигнорировали их. Вместе с тем наличие некоторого числа перемещающихся внутри региона людей может говорить о том, что эти лица заняты на производствах, работу которых прерывать нельзя. С другой стороны, для восстановления прежнего уровня внутрирегиональной миграции не потребовалось много времени — как только ограничения были сняты, она вышла приблизительно на уровень 2019 г. Наконец, с третьей стороны, при отмене ограничительных мер и продолжении

пандемии COVID-19 миграционный внутрирегиональный поток ведет себе так же, как в условиях отсутствия пандемии.

В двух других миграционных потоках количество прибывших и выбывших Ростовской области может существенно различаться. Следовательно, эти показатели характеризуют либо миграционный прирост региона, либо его миграционную убыль.

При сопоставлении показателей межрегиональной миграции 2019 и 2020 гг. наблюдается приблизительно такая же картина, как и во внутрирегиональной миграции. Имеет-

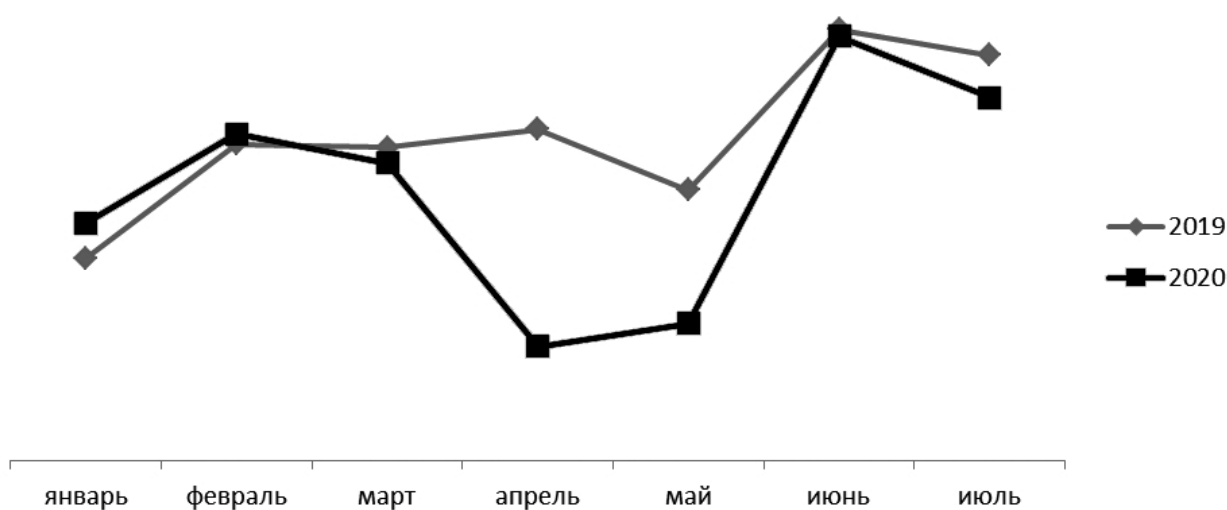

Рис. 1. Динамика количества прибывших и выбывших внутрирегиональной миграции Ростовской области, 2019 и 2020 гг.

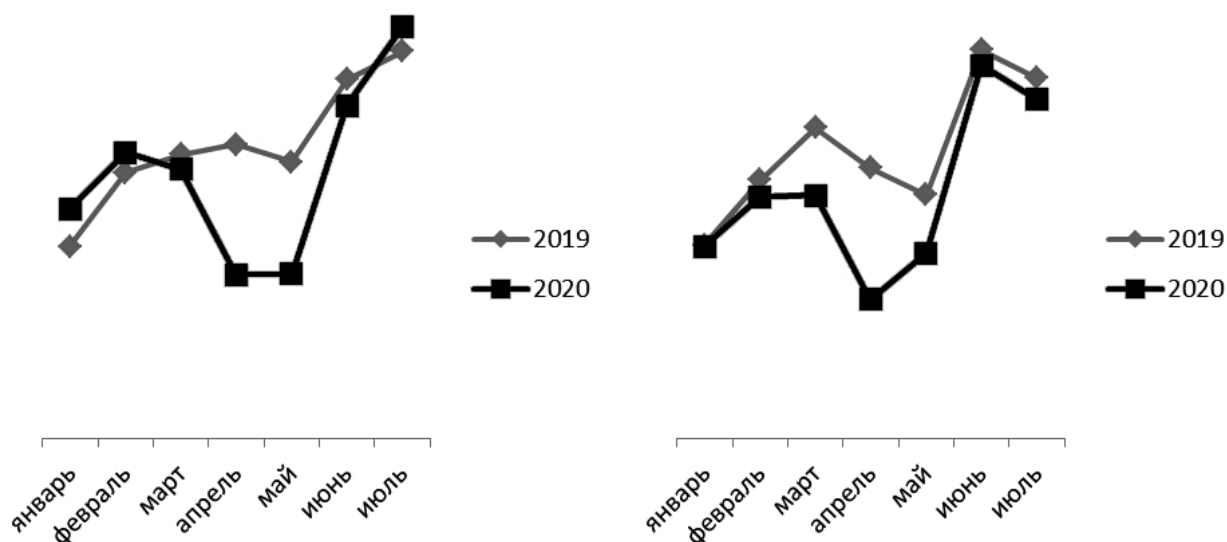

Рис. 2. Динамика количества прибывших (слева) и выбывших (справа) межрегиональной миграции Ростовской области, 2019 и 2020 гг.

ся незначительная разница в январе-феврале и июне-июле, что по количеству прибывших, что по количеству выбывших из Ростовской области людей (максимальная разница достигает 373 человек) [19, 20]. Стало быть, и в этом изменение количества прибывших и выбывших людей Ростовской области приближено к условной норме 2019 г.

На рисунке 2, отображающем изменение количества людей, прибывших в межрегиональной миграции Ростовской области, видно, что рассматриваемый показатель в 2019 и в 2020 гг. изменяется примерно так же, как в случае с внутрирегиональной миграцией. Количество людей, прибывших в Ростовскую область из других регионов, несколько уменьшается в конце марта, в апреле-мае наблюдается резкое снижение количества прибывших. В апреле разница между 2019 и 2020 гг. составляет 1303 человека, в мае — 1122 человека. Очевидно, что это результат действия мер по ограничению перемещений людей и действия средств массовой информации. В июне-июле миграционный поток прибывающих в Ростовскую область из других регионов восстанавливается.

Поведение изменения количества людей, выбывших из Ростовской области, несколько отличается от внутрирегиональной миграции. В 2019 и в 2020 гг. здесь месяцев с незначительной разницей количества выбывших меньше — расхождения наблюдаются уже в марте (рисунк 2, график справа). В апреле

2020 г. наблюдается наименьшее количество выбывших из Ростовской области, в мае численность людей, выбывающих из Ростовской области, начинает восстанавливаться и в июне-июле достигает количества, сопоставимого с количеством 2019 г. Таким образом, реальное уменьшение количества людей, выбывающих из Ростовской области в другие регионы, тоже связано с мерами, ограничивающими перемещения людей из региона и в регион.

Сказались ли ограничительные меры на межрегиональном миграционном приросте или убыли людей в Ростовской области? Сравнение суммарных показателей 2019 и 2020 гг. с января по июль говорит о том, что тенденция межрегиональной убыли населения Ростовской области уменьшилась. В 2019 г. показатель убыли составил –1930 человек, в 2020 г. этот показатель составил –457 человек.

Таким образом, для межрегиональной миграции Ростовской области в период пандемии COVID-19 характерны те же свойства, что и у внутрирегиональной: ограничительные меры реально оказали воздействие на перемещения людей, после ослабления ограничительных мер миграционный поток межрегиональной миграции быстро восстановился и ведет себя так же, как в условиях отсутствия действия фактора пандемии. Вместе с тем ограничительные меры в 2020 г. несколько уменьшили уровень миграции людей из Ростовской области.

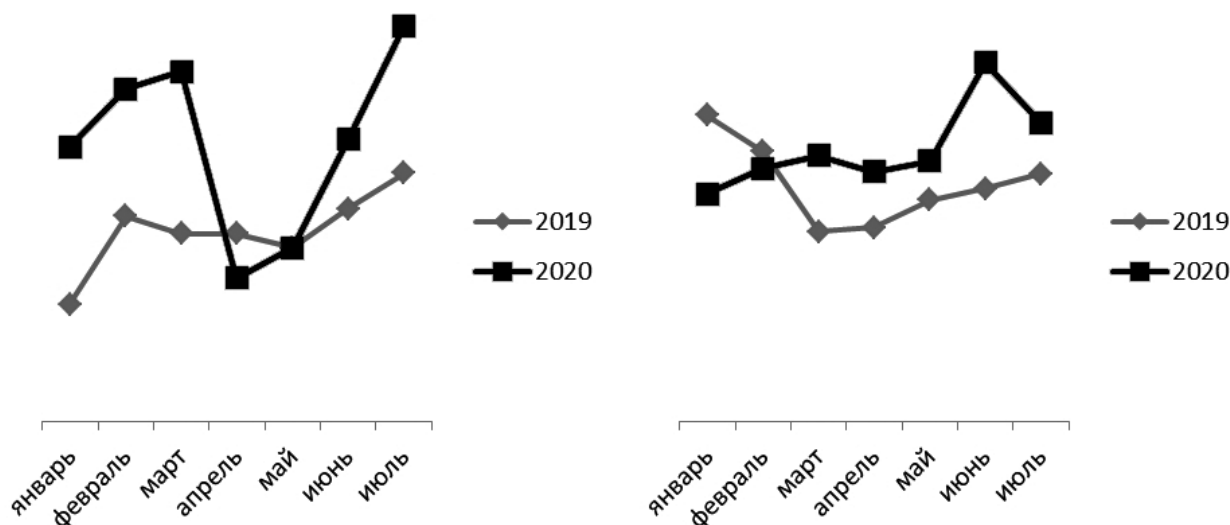

Рис. 3. Динамика количества прибывших (слева) и выбывших (справа) международной миграции Ростовской области, 2019 и 2020 гг.

Наконец, обратимся к международному потоку миграции Ростовской области. По рисунку 3 заметно, что в потоках международной миграции представляется установить «норму» по 2019 г. лишь по количеству прибывших в Ростовскую область, и то лишь в плане общей тенденции [19, 20]. Графики, отображающие изменение количества выбывших Ростовской области, и в 2019 г., и в 2020 г. ведут себя отлично друг от друга. Следовательно, в случае с людьми, выбывающими из Ростовской области, необходимо сосредоточится на 2020 г. и месяцах, в которые действовали меры, ограничивающие перемещения людей.

Кривые графиков количества людей, прибывших в Ростовскую область в 2019 и 2020 гг., демонстрируют одну и ту же тенденцию: увеличение количества от месяца к месяцу. Однако количество прибывших в 2020 г. заметно больше, чем в 2019 г. В целом наблюдается такое поведение изменений, как и в рассмотренных ранее миграционных потоках: в апреле и мае 2020 г. наблюдается резкое сокращения притока международных мигрантов в Ростовскую область, в июне миграционный поток начинает движение на прежний уровень и уже в июле выходит на уровень прерванной тенденции.

В 2020 г. количество людей, выбывших из Ростовской области за рубеж, меняется, видимо, под действием других факторов. Так, в месяцы, в которые действуют меры, ограничивающие перемещение людей, не наблюдается резкого уменьшения числа выбывших людей. Отличия между месяцами 2020 г. не резкие, за исключением июня, в котором наблюдается всплеск людей, выезжающих из Ростовской области за рубеж. По-видимому, решимость уехать из России перевешивала эпидемиологическую опасность и риск наказания за нарушение режима. Таким образом, график, отражающий динамику выбытия людей из Ростовской области, является не типичным по сравнению с другими миграционными потоками. Наконец, на прирост людей в Ростовской области за счет мигрантов из других стран ограничительные меры никак не повлияли. Несмотря на резкое уменьшение количества прибывших в апреле-мае 2020 г., в Ростовской области наблюдается прирост, причем

он почти в два раза больше чем в 2019 г. (7909 и 4453 человек).

В целом количество людей, прибывших в международном миграционном потоке Ростовской области, меняется так же, как и в миграционных потоках, рассмотренных выше. Нетипично изменение количества выбывших, которое, несмотря на ограничительные меры, менялось слабо.

Заключение. Таким образом, после рассмотрения и сопоставления количественных показателей трех миграционных потоков Ростовской области, можно сделать следующие выводы:

— по изменению количества прибывших во всех трех миграционных потоках наблюдается закономерность: во время действия мер, ограничивающих передвижение людей, приток мигрантов в Ростовскую область резко сокращался (апрель-май), в то же время при ослаблении ограничительных мер миграционные потоки по количеству прибывших быстро выходили на прежний уровень;

— по изменению количества выбывших в зависимости от действия ограничительных мер наблюдаются схожие тенденции во внутререгиональном и межрегиональном миграционных потоках, т.е. резкое уменьшение количества выбывших в апреле-мае (действие ограничительных мер) и быстрое восстановление уровня выбытия после ослабления ограничительных мер. В то же время количество жителей Ростовской области, выбывших за рубеж, не сильно менялось под воздействием ограничительных мер;

— ограничительные меры оказали влияние на межрегиональный миграционный поток: миграционная убыль Ростовской области оказалась в 2020 г. значительно ниже, чем в 2019 г. В то же время ограничительные меры не оказали влияния на миграционный прирост за счет международного миграционного потока: он оказался значительно выше в 2020 г., нежели в 2019 г.;

— в целом на краткосрочном периоде ограничения перемещений людей все три миграционных потока Ростовской области демонстрируют устойчивость и быстро восстанавливаются.

Таким образом, миграционные потоки Ростовской области оказались чувствительны

к ограничениям, которые направлены на борьбу с распространением COVID-19, и в то же время они устойчивы и возобновляемы.

Литература

1. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 17–32.
2. Гафиатулина Н. Х., Касьянов В. В., Самыгин С. И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 147–158.
3. Джиоев А. В. Самоизоляция в России как фактор миграции населения Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2020. — №3. — С. 146–156.
4. Доброхлеб В. Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 166–173.
5. Иванов С. Ф. Смертность от COVID-19 на фоне других всплесков смертности XX века // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — №2. — С. 143–151.
6. Имидеева И. В., Болдбаатар Н., Медведь В. А. Трудовая миграция в Монголии в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 122–133.
7. Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2020. — Т. 11. — №3. — С. 250–265.
8. Леонидова Г. В., Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Бабич Л. В. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 3. — №4. — С. 202–219.
9. Леденева В. Ю., Безвербная Н. А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 95–105.
10. Лубский А. В., Ковалев В. В. От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 33–50.
11. Потапова А. А. Риск ограничения занятости иностранных мигрантов в сельском хозяйстве России в условиях пандемии // Экономическое развитие России. — 2020. — Т. 27. — №6. — С. 44–53.
12. Потемкина О. Ю. Европейский союз: сезонные рабочие в условиях пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2020. — №5 (17). — С. 45–51.
13. Прыткова А. О. Коронавирус: сравнение мирового опыта в сфере ограничения миграции // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редколлегия: Н. В. Кефнер, Ю. В. Попова (отв. ред.) [и др.]. — 2020. — С. 640–645.
14. Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 7–21.
15. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Перемышлин С. Н. Положение трудовых мигрантов из стран Центральной Азии на российском рынке труда // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2020. — Т. 10. — №5 (62). — С. 1248–1259.
16. Сиволясова С. Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 106–113.
17. Титова А. В. Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3. — №4. — С. 342–348.
18. Храмова М. Н., Зорин Д. П., Туан Б. К., Морозов В. М. Влияние пандемии COVID-19 на мобильность населения Вьетнама и Таиланда и перспективы восстановления международной миграции // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2020. — №3. — С. 34–44.

19. Число выбывших [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). — Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513>.

20. Число прибывших [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). — Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514>.

21. Шеремет А. Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2020. — №4. — С. 136–141.

References

1. Volkov Ju. G., Kurbatov V. I. Global'naja sociologija pandemii: otechestvennye i zarubezhnye scenarii i trendy poslekoronavirusnogo mira [Global sociology pandemic: national and international scenarios and trends postlegarantynoe the world] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 17–32.

2. Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin S. I. Social'nyj immunitet rossijskogo obshchestva v uslovijah ugrozy koronavirusa: riski sociokul'turnoj travmatizacii [The Social immunity of the Russian society in terms of the threat of coronavirus: the risks of social and cultural trauma] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 147–158.

3. Dzhioev A. V. Samoizoljacija v Rossii kak faktor migracii naselenija Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Self-Isolation in Russia as a factor of migration of the population of the North Caucasus Federal district] // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova [Bulletin of the North Ossetian state University named after K. L. Khetagurov]. — 2020. — №3. — Pp. 146–156.

4. Dobrohleb V. G. Sovremennaja pandemiya i risk rosta social'noj izoljicii pozhilyh ljudej [Modern pandemic and the risk of growing social isolation of elderly people] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 166–173.

5. Ivanov S. F. Smertnost' ot COVID-19 na fone drugih vspleskov smertnosti XX veka [Mortality from COVID-19 against the background of other bursts of mortality of the XX century] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. — 2020. — Vol. 7. — №2. — Pp. 143–151.

6. Imideeva I. V., Boldbaatar N., Medved' V. A. Trudovaja migracija v Mongolii v period pandemii COVID-19 [Labor migration in Mongolia during the COVID-19 pandemic] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 122–133.

7. Kurjukin A. N. COVID-19 kak vyzov jekonomike, sociumu, politike [COVID-19 as a challenge to the economy, society, and politics] // MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie) [MID (Modernization. Innovations. Development)]. — 2020. — Vol. 11. — №3. — Pp. 250–265.

8. Leonidova G. V., Valiahmetov R. M., Bajmurzina G. R., Babich L. V. Problemy i perspektivy distancionnogo obuchenija v ocenках uchitelej i roditelej obuchajushhhsja [Problems and prospects of distance learning in the assessments of teachers and parents of students] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. — 2020. — Vol. 13. — №4. — Pp. 202–219.

9. Ledeneva V. Ju., Bezverbnaja N. A. Formirovanie obraza migranta v SMI i social'nyh setjah na fone jepidemii COVID-19 (po rezul'tatam kontent-analiza internet izdaniy) [Formation of the image of a migrant in the media and social networks against the background of the COVID-19 epidemic (based on the results of content analysis of Internet publications)] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 95–105.

10. Lubskij A. V., Kovalev V. V. Ot «onlajnizacii» vysshej shkoly k onlajnobrazovaniju [From «onlinesale» high school to onlineberating] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 33–50.

11. Potapova A. A. Risk ogranichenija zanjatosti inostrannyh migrantov v sel'skom hozjajstve Rossii v uslovijah pandemii [Risk of limiting the employment of foreign migrants in agriculture of Russia in conditions of a pandemic] //

Jekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic development of Russia]. — 2020. — Vol. 27. — №6. — Pp. 44–53.

12. *Potemkina O. Ju.* Evropejskij sojuz: sezonnye rabochie v uslovijah pandemii [European Union: seasonal workers in a pandemic] // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. — 2020. — №5 (17). — Pp. 45–51.

13. *Prytkova A. O.* Koronavirus: sravnenie mirovogo opyta v sfere ogranichenija migracii [Coronavirus: comparison of world experience in the field of migration restriction] // Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. Sbornik nauchnyh statej XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Collection of scientific articles of the XI all-Russian scientific and practical conference with international participation]. In N. V. Kefner, Ju. V. Popova (eds.). — 2020. — Pp. 640–645.

14. *Rjazancev S. V., Bragin A. D., Rjazancev N. S.* Polozhenie trudovyh migrantov v regionah mira: vyzovy pandemii COVID-19 i reakcija pravitel'stv [The situation of labor migrants in the world's regions: challenges of the COVID-19 pandemic and government response] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 7–21.

15. *Rjazancev S. V., Pis'mennaja E. E., Peremyshlin S. N.* Polozhenie trudovyh migrantov iz stran Central'noj Azii na rossijskom rynke truda [The situation of labor migrants from Central Asian countries on the Russian labor market] // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of national and Federal relations]. — 2020. — Vol. 10. — №5 (62). — Pp. 1248–1259.

16. *Sivopljasova S. Ju.* Zhenskaja trudovaja migracija v period pandemii COVID-19 [Women's labour migration in the period of the pan-

demic COVID-19] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 106–113.

17. *Titova A. V.* Vlijanie pandemii i uslovija ChS (priblizhennoj k ChS) na migracionnye processy i balans trudovyh resursov v Rossijskoj Federacii [The impact of the pandemic and the conditions of an emergency (close to an emergency) on migration processes and the balance of labor resources in the Russian Federation] // Posts-ovetskie issledovanija [Post-Soviet research]. — 2020. — Vol. 3. — №4. — Pp. 342–348.

18. *Hramova M. N., Zorin D. P., Tuan B. K., Morozov V. M.* Vlijanie pandemii COVID-19 na mobil'nost' naselenija V'etnama i Tailanda i perspektivy vosstanovlenija mezhdunarodnoj migracii [Impact of the COVID-19 pandemic on the mobility of the population of Vietnam and Thailand and prospects for restoring international migration] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i pravo [Scientific review. Series 1: Economics and law]. — 2020. — №3. — Pp. 34–44.

19. Chislo vybyvshih [Number of retired] [Jelektronnyj resurs] // Edinaja mezhhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (EMISS) [Unified interagency information and statistical system (UIISS)]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513>.

20. Chislo pribyvshih [Number of arrivals] [Jelektronnyj resurs] // Edinaja mezhhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (UIISS). — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514>.

21. *Sheremet A. N.* Pandemiya neravenstva. Social'no-jekonomicheskie aspekty i posledstvija COVID-19 [Pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19] // Medicina. Sociologija. Filosofija. Prikladnye issledovanija [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research]. — 2020. — №4. — Pp. 136–141.

Волков Юрий Григорьевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федеральногнo университета, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ. Руководитель, главный научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995). Специалист в области исследований социологии креативности и креативного класса в российской социологической науке, социальной имитации, гуманистической идеологии, формирования идентичности. Основатель и руководитель научной школы «Многоуровневая идентичность и идеология инновационного развития российского общества». Лауреат премии им. И. Г. Петровского, награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России, серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в науку, серебряной медалью «Джим Торосян». Общий стаж научно-педагогической работы составляет более 50 лет.

Volkov Yury Grigiryeovich — Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University. Director, Chief researcher of the South Russian Branch of Science of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Member of the Russian Academy of Social Sciences, Member of the New York Academy of Sciences (1995). Specialist in the field of research on the sociology of creativity and the creative class in Russian sociological science, social imitation, humanistic ideology, identity formation. Founder and head of the scientific school «Multilevel identity and ideology of innovative development of Russian society». I. G. Petrovsky prizewinner, was awarded P. Sorokin silver medal for his contribution to the development of sociology in Russia, P. Sorokin silver medal for his contribution to science, «Jim Torosyan» silver medal. The general experience of scientific and pedagogical work is more than 50 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: ugvolkov@sfnedu.ru

Печкуров Илья Васильевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Специалист в области исследований демонстративного потребления, миграционных процессов, формирования государственно-гражданской идентичности. Стаж научной работы 4 года.

Pechkurov Ilya Vasylevich — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the South Russian branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Specialist in the field of research on demonstrative consumption, migration processes, and the formation of state and civil identity. 4 years of research experience.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Пантелеев Вадим Геннадьевич — социолог, младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Сфера научных интересов: социальная субъектность, социальные отношения и процессы. Стаж работы в научно-исследовательской сфере — 3 года.

Panteleev Vadim Gennadyevich — Sociologist, Junior Researcher of the South Russian branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: social agency, social relations and processes. Work experience in the research field is 3 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 102
102 Maxim Gorky st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: pwg92@mail.ru

УДК 378

10.17213/2075-2067-2020-5-33-41

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО:
ДВИЖЕНИЕ К ТРАСПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹**

© 2020 г. *К. В. Воденко, А. К. Дегтярев, Н. С. Иваненко*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования. В данной статье актуализируется сложная проблема влияния академического лидерства на развитие транспрофессиональной идентичности, изменяющей облик современного инженера.

Методология исследования. Реализуя заявленную цель исследования, авторский коллектив опирается на социоресурсный подход с включением процедур институционализма и функциональности.

Результаты исследования. В результате обосновываются выводы об академическом лидерстве как исходном условии развития транспрофессиональной идентичности. Отмечается, что академическое лидерство как совокупность возможностей и условий для профессиональной подготовки влияет на транспрофессиональную идентичность, во-первых, субстанционально как сохранение академизма в рамках инновационной активности и, во-вторых, функционально в контексте закрепления транспрофессиональной идентичности как критерия принятия новых форм академического лидерства.

Перспективы использования результатов исследования. Результаты исследования могут использоваться для дальнейших исследований академического лидерства в социально-гуманитарном дискурсе, а также для развития системы образования как на федеральном, так и региональном уровнях.

Ключевые слова: академическое лидерство; транспрофессиональная идентичность; дигитализация; региональное пространство; высшее образование; будущий инженер.

**ACADEMIC LEADERSHIP:
MOVEMENT TOWARDS TRANSPROFESSIONAL IDENTITY
IN THE REGIONAL HIGHER EDUCATION SPACE**

© 2020 *K. V. Vodenko, A. K. Degtyarev, N. S. Ivanenko*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Purpose of research. This article focuses on the complex problem of the influence of academic leadership on the development of a transprofessional identity that changes the face of a modern engineer.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления Индустрии 4.0».

Research methodology. *Implementing the stated goal of the research, the authors' team relies on a socio-resource approach with the inclusion of institutionalism and functionality procedures.*

Research result. *As a result, the conclusions about academic leadership as the initial condition for the development of transprofessional identity are substantiated. It is noted that academic leadership as a set of opportunities and conditions for professional training affects transprofessional identity, firstly, substantively as the preservation of academism in the framework of innovation activity and, secondly, functionally in the context of consolidating transprofessional identity as a criterion for accepting new forms of academic leadership.*

Prospects for using the research results. *The results of the research can be used for further research of academic leadership in social and humanitarian discourse, as well as for the development of the education system both at the Federal and regional levels.*

Key words: *academic leadership; transprofessional identity; digitalization; regional space; higher education; future engineer.*

Введение. Академическое лидерство введено в научно-исследовательский оборот российской гуманитарной мысли в рамках происходящих перемен в сфере регионального высшего образования. Акцент смещается от приоритета качества и доступности высшего образования к вопросу о развитии транснациональной идентичности. Дело в том, что когда мы признаем значимость качества и доступности высшего образования, значимым становится интерпретация качества в контексте повышения мобильности высшего образования, доступности — возможности через мобильность осваивать новые профессиональные навыки и выходить в новые профессиональные ниши [1].

Не секрет, что высшее образование в российском региональном пространстве характеризуется показателями имобильности, сокращением научно-исследовательских контактов и проектов, ростом территориальных барьеров на пути перемещения студентов и особенно угасанием роли межрегионального сотрудничества в развитии высшего образования. По сравнению с предшествующим периодом конца 90-х — начала 2000-х годов не только сошли на «нет» формы межрегионального экономического сотрудничества, но и в рамках стандартизации регионального пространства высшее образование в регионе было включено в централизованную схему управления, в которой низок уровень заинтересованности в приобретении образовательных активов через новые образовательные практики из других российских регионов.

В большой степени приоритетом обладает политика «исправления ошибок прошлого», создание механизмов контроля и регулирования для внедрения официально утвержденных профессионально-образовательных стандартов, что имеет последствием и ослабление регионального компонента высшего образования, и прекращение активного инвестирования со стороны государства, которое, исходя из фискальных и политических соображений, нацелено на оптимизацию высшего образования. Логика таких действий объясняется тем, что в условиях унификации достижение равенства через несамостоятельность и зависимость от регулирующих структур для региональной образовательной системы реальной становится стратегия адаптации к нивелирующим условиям, а регионализация является избыточной и рискогенной.

Избыточной — в смысле напряженности с финансированием региональных образовательных проектов, рискогенной — в том, что могут возникнуть источники напряженности по поводу сомнительных инноваций и критической оценки со стороны регулирующих органов. Здесь важно подчеркнуть, что в России не действует европейский опыт софинансирования региональных и межрегиональных проектов, и кроме того, стратегия развития высшего образования в региональном пространстве подразумевает определение факторов перемен через государственный и технологический аспекты развития. Они связаны тем, что нынешняя волна интереса к дигитализации высшего образования основывается

на государственной программе цифровизации всех сфер общественной жизни (экономики, социальной жизни, образования), где есть противоречия с регионализацией, с тем, что трактуется как влияние социокультурной специфики региона.

Необходимая дискуссия о путях развития высшего образования в региональном пространстве замещается воспроизводством свойственных для XX века споров о влиянии технократизма на образование или рисках образовательного сепаратизма. Реально не определяются схемы взаимодействия дигитализации и регионализации, которые имеют общий контур действий в понимании дигитализации как способа регионализации высшего образования в современных условиях.

Речь идет о том, что регионализация высшего образования осмысленна и имеет общественную полезность, если направлена на рост социальной и экономической конкурентности региона, повышение качества человеческого капитала, привлечение инвестиций на развитие региона. Не менее важный фактор состоит в том, что в контексте регионализации есть возможности для принятия позиции ускорения социального развития региона, запуска проектов долгосрочного обслуживания и обеспечения сферы высшего образования. Другими словами, регионализация как процесс ставит дигитализацию в рамки концентрации образования на передовых инновационных отраслях (телекоммуникации, биотехнологии, фармацевтика, агроиндустрия). Таким образом, идея реиндустриализации региона как возрождение традиционных базисных сфер (к примеру, металлургии или машиностроения) перестает быть идеологией для высшего образования в целях расширения подготовки инженеров-специалистов, которые могут испытывать влияние изменений на рынке труда и необходимости новых путей профессиональной мобильности.

Методология исследования. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что определенная неясность как следствие «кроссинга» анализируемых понятий приводит к двум выводам. Во-первых, в рамках реализуемого исследования целью является анализ транс-профессиональной мобильной идентичности академического лидерства как индикатора

профессиональной идентичности в контексте дигитализации и регионализации высшего образования. Мы неслучайно не останавливались на понятии академического лидерства не только вследствие неукоренённости в исследовательском дискурсе, но и по причине полисемантической, то есть «эпистемологической пустоты». Академическое лидерство интерпретируется в рамках резистентности переменам в системе высшего образования последствием дигитализации, которая смещает показатели лидерства с парадигмальных достижений от авторитета в научной среде к индикаторам информатизации (цифровизации), внедрения новейших методов обучения и подготовки к росту роли виртуализации.

К тому же академическое лидерство испытывает влияние ограничивающих факторов, связанных с размытием вертикальных внутринаучных связей, с тем, что наблюдается исчезновение традиционных школ и направлений в условиях роста междисциплинарных исследований. Сложившийся фон если и вызывает неприятие академического лидерства, то возникает парадокс деакадемитизации, связанный с тем, что из лидерства исчезает понятие «академический», которое ассоциируется с фундаментальностью, классицизмом высшего образования, которое исторически сложилось в немецком варианте инженерно-технического образования. Однако в современных условиях, когда инженерная профессия испытывает вызовы дигитализации рынка, создающие эффект устарелости познания, есть необходимость определить методологические основания анализа академического лидерства в рамках альтернативы традиционной инженерной профессиональной мобильности.

На первый взгляд, работает функциональная схема, по которой «выходом» академического лидерства является выпуск востребованных и конкурентноспособных инженеров. Актуализирована и другая методологическая схема, в которой академическое лидерство измеряется по диспозиционному критерию в установках на академическое лидерство как приоритетность в подготовке инженеров нового типа, способных реализовать стратегию образования на всю жизнь и действовать по схеме готовности к перемене профессии.

Рассматриваемые подходы имеют обоснование в сложившейся ситуации в высшем

образовании в региональном пространстве, т.к. траектории его развития привязывают к инновационным изменениям и при этом характеризуют профессиональную мобильность в качестве ориентира академического лидерства. Но исследователь обязан учитывать сложности, связанные с тем, что академическое лидерство является трактуемым по «традиции», и с тем, что академичность требует создания институциональной среды, обеспечивающей стратегическое функционирование механизмов координации и саморегуляции в сфере высшего образования. В рамках институционального подхода академическое лидерство обеспечивается адаптацией образовательных центров к требованиям согласования интересов образования и реальных секторов социально-экономической жизни. Важным становится организационный показатель академического лидерства, который включает приоритет поиска способов адаптации к переменам в региональном образовательном пространстве, расширения лидерства на основе критериев коммуникативности и деловитости, а также новых институциональных практик, направленных на рост транспрофессиональной мобильности.

Такая постановка проблемы влечет необходимость изучения готовности институтов профессионального образования к формированию у будущих специалистов способности перемены профессии, акцента на профессионализм как умения в изменившихся обстоятельствах нацеливаться на запрос регионального социума в специалистах нового типа.

Таким образом, методологически академическое лидерство может анализироваться на базе монокритериальности, но, скорее, успешным является принцип методологической дуальности, сочетающий показатели функциональности и институционализацию академического лидерства. Интересно, что в данном контексте образцовой является германская модель дуального образования, то есть в имеющейся ситуации германское образование становится «академическим». Если говорить о методологическом инструментарии, очевидно, что академическое лидерство в российском региональном пространстве может включать при расшифровке обоснованных выше критериев значимость их влияния на транспрофессиональную подготовку [2].

В этом контексте критерий функциональности является объективным, т.к. характеризует количественный состав транспрофессиональной идентичности, плотность в различных сферах социально-экономической деятельности. Субъективным критерием выступает ресурсность акторов регионального образовательного пространства по отношению к подготовке и реализации стратегии академического лидерства. Таким образом, подытоживая выше сказанное, мы придерживаемся схемы социоресурсного подхода, включающего функциональные институциональные процедуры.

Результаты и выводы исследования.

На стадии продвижения и распространения академического лидерства в образовательной среде выявляется степень востребованности непосредственных и опосредованных результатов воздействия академического лидерства на транспрофессиональную идентичности. В рамках реализации целей исследования важным становится использование статистики относительно актуализации программ академического лидерства в конкретных образовательных структурах. Важным также является показатель соотношения академического лидерства с научно-инновационными проектами. Это проблемный момент исследования, т.к. академическое лидерство, повторимся еще раз, ассоциируется и воспринимается в рамках парадигмы классического образования, в то время как инновационность определяется как показатель современного неклассического образования.

Между тем степень реализации научно-инновационных проектов не может интерпретироваться вне связи с академическим лидерством: акцент на подготовку специалистов по инновационному критерию предполагает профессиональную компетентность на уровне знания базовых принципов академического лидерства. Если понимать академическое лидерство в аналитическом смысле, то следует дефинировать это понятие как совокупность качеств, свойств и параметров, определяющих состояние образовательной среды регионального пространства как вектор развития профессиональных исследовательских проективных ресурсов акторов образования [3].

По нашему мнению, подобная квалификация лидерства слабо внедрена в образова-

тельную среду и не актуализируется в сравнительном анализе эффективности региональных образовательных систем. Следствием данного упущения является искажаемость результатов относительно выпуска инженеров-специалистов, шансов трудоустройства, возможности перемены профессии. Часто акцент общественного внимания, а иногда и социологической экспертизы смещается на анализ показателей выпуска вне выявления готовности к принятию транспрофессиональной идентичности. Полагается, что акторы образования в региональном пространстве активны по логике профильности, в то время как перемена профессии воспринимается в качестве вынужденной адаптации к условиям недостаточной востребованности и низкой престижности и доходности.

Включение академического лидерства как механизма транспрофессиональной идентичности означает, что в нынешних условиях транспрофессиональная идентичность является параметром осознания акторами высшего образования принадлежности к инженерному слою как имеющему открытые границы идентификационного выбора. Профессионализм в этом значении является маркером мобилизационных качеств актора. Если же проанализировать влияние академического лидерства, то позитивные результаты закрепления транспрофессиональной идентичности выражаются в академизме акторов образования как обладающих профессиональными и культурными горизонтами для перехода в иную профессиональную нишу.

В традиционном варианте транспрофессиональная идентичность может определяться как свойство компенсации неудач в достижении профессионализма, и таким образом, транспрофессиональность может интерпретироваться как «недопрофессионализм». Для нас актуальна оценка эффективности и результативности академического лидерства в рамках его реализации на этапах становления, распространения и достижения зрелого состояния. Это замечание существенно, так как практически в региональной образовательной среде академическое лидерство находится в проективном состоянии, а навязывание схемы академического лидерства как признака элитного образования резко снижает заинтересованность региональных вузов, не входя-

щих в разряд элитных, к поиску адекватных форм академического лидерства [4].

Следует подчеркнуть, что само понятие академического лидерства, так же как установка акторов образования на его принятие в качестве основы для транспрофессиональной идентичности, может становиться доминирующим в идентификационном выборе будущих инженеров. Совершенствование профессиональной подготовки будущих инженеров, таким образом, предполагает внесение изменений в профессиональный кодекс инженеров, формирование того, что инженерная профессия обладает плавающей идентичностью и что данный фактор становится конституирующим и стимулирующим транспрофессиональной идентичности. Как показывает европейский опыт (Финляндия), лидирующие позиции в современных технологиях связаны с продуманной государственной инновационной политикой, но вероятно, позитивную роль сыграл тот факт, что в Финляндии традиционный академизм не определял траекторию развития образования и выражался на уровне заимствования образцов немецкой классической школы.

Образовательная система Финляндии после обретения независимости в 1918 г. работала в режиме использования модели «прикладного образования», было сознание того, что копирование классического академизма создает ситуацию запаздывания и практически сужает границы инноваций, которые обязательно должны быть «освещены» авторитетом академизма.

Во Франции, по сравнению с Финляндией, очевиден академический «рецидивизм», где постоянно производится спор между классическим образованием (Эколь де Франс) и новыми университетами (Нантер). Данный спор излишне затянулся и, хотя несколько потерял «классовую» окраску, является фактором, снижающим интерес к принятию академического лидерства в новом прочтении, связанным с корреспондированием между новыми технологиями и установкой акторов образования на транспрофессиональную идентичность.

Хотя Франция обладает хорошим научным потенциалом и занимает ведущее место во внедрении инноваций, следует говорить о том, что границы транспрофессиональной

идентичности во французском варианте не являются широкими. В основном французские инженеры — профессионалы своего дела, занятые в масштабных инновационных проектах (энергетика, аэрокосмическая отрасль, телекоммуникации), где важным является обретение новых профессиональных качеств при сохранении инженерной профилльности.

Финский опыт отсечен тем, что транспрофессиональная идентичность актуализируется в контексте новых технологий, работающих в сфере среднего и малого бизнеса. Можно сделать вывод о том, что в сравнении Франции и Финляндии как имеющих различные модели академического лидерства (субстанциональная и функциональная) финская предполагает принятие транспрофессиональной идентичности как перспективной для развития экономики, в то время как французская содержит признание академического лидерства в опосредованной связи с транспрофессиональной идентичностью.

При этом первостепенное значение уделяется возможностям снизить влияние транспрофессиональности, направленное на перемену профессии, и ее интерпретации как способа профессиональной переподготовки инженера. Это подтверждается тем, что новые технологии по французской модели производятся в исследовательских центрах по критерию узкого профессионализма. В Финляндии речь идет о том, что новые технологии формируются в практическом секторе и не обращены к запросу на радикальные изменения в образовательной системе [5].

Механизмы обновления в сфере академического лидерства содержат возможность изменений в активности акторов образования как следствие их участия в практических проектах. Таким образом, не претендуя на восхваление или на критику анализируемых моделей, следует учитывать, что в России ни одна из этих моделей не может быть принята в чистом виде, что в региональном образовательном пространстве есть инновационный сдвиг (Иннополис в Татарстане) и классический (Самара в России). Это является констатацией неоднородности академического лидерства, если использовать ресурсный критерий.

В поиске компромиссного варианта, актуального для реализации заявленной цели

исследования, необходимо рассматривать академическое лидерство в двух аспектах: как способ сохранения преемственности образования в региональном пространстве, консолидированности позиции оценок по поводу того, каков научно-исследовательский потенциал образования в региональном пространстве и в той же степени значим, каков вектор развития будущих инженеров, динамика их идентификационных стратегий.

В этом случае транспрофессиональная идентичность не может рассматриваться в качестве нормативной, иметь функциональную основу: там, где региональное образование отражает запрос на развитие масштабных инновационных проектов, очевидно, что транспрофессиональная идентичность может использоваться как альтернатива традиционному профессионализму в качестве решения проблемы переизбытка инженеров.

Если образовательная система в регионе движется по траектории множественности инновационных проектов и работает в режиме «сборки», очевидно, что академическое лидерство является условием ограничения экспансии транспрофессиональной идентичности как способной привести к «амнезии» академической традиции.

Очевидно, что исследование роли академического лидерства в формировании транспрофессиональной идентичности требует принятия процедур, обязывающих рассматривать системно и позиции акторов образования по поводу транспрофессиональной идентичности и влияния технологических, организационных, поведенческих изменений. Следует сделать вывод, что необходимо отказаться от технологического детерминизма и видеть влияние инноваций через позиции акторов регионального образования относительно того, что для них определяет смысл академического лидерства.

В анализируемом аспекте академического лидерства, принимающем в нашем исследовании статус исходной предпосылки транспрофессиональной идентичности, важно определить то, каким образом будет обеспечена возможность создания малых и средних инновационных предприятий на основе вуза, расширение полномочий руководителя и придание транспрофессиональной идентичности параметров компетентности. Зада-

чи, которые стоят в этом смысле, специфичны, поскольку приходится двигаться в условиях неопределенности рамочных правил и образцов внедрения и актуализации новых форм академического лидерства.

Исходя из этого, можно определить комплекс внутренних и внешних стимулов и барьеров для роста транспрофессиональной идентичности в контексте академического лидерства. Основываясь на том, что нельзя оценивать транспрофессиональную идентичность вне изменений концепций академического лидерства и в то же время допускать, что установка на транспрофессиональную идентичность акторов образования создает условия для завершения цикла перемен, в понимании академического лидерства есть возможность сделать вывод, что академическое лидерство становится одновременно проблемным и перспективным.

Оно проблемно в том, что фиксирует узлы противоречий развития региональной системы образования в отношении акторов образования ориентироваться на возможности транспрофессиональной идентичности, учебно-подготовительных программ, возможности реализации инновационных проектов. Перспективно в том, что стимулирует поиск новых форм профессиональной подготовки инженеров, исходя из востребованности в будущем, от чего зависит социально-экономическое развитие региона. Академическое лидерство таким образом перестает быть внутренней характеристикой образовательного пространства и вызывает системообразующий эффект и в образовании, и в жизни региона в целом.

Резюме. Реализуя целью исследование академического лидерства в неожиданном для социологического сообщества ракурсе транспрофессиональной идентичности, мы считаем, что полезность произведенного анализа состоит в следующем.

Во-первых, обозначены рамки концептуализации академического лидерства для сложившейся системы регионального образования, что выражается в объективных и субъективных параметрах.

Во-вторых, выбрав в качестве основы исследования социоресурсный подход, мы смогли сформулировать критерии функциональности и ресурсности, анализируя пози-

ции акторов региональной системы образования, определить возможные варианты развития транспрофессиональной идентичности при актуализации модели академического лидерства, которую можно квалифицировать как транзитивную, отражающую переход регионального образования в работе на перспективу развития региона.

В-третьих, отмечая сложность анализа соотношения академического лидерства и транспрофессиональной идентичности, мы считаем, что возникает возможность путем нахождения медиаторного показателя как инновационного проектирования сформулировать фиксированные показатели влияния академического лидерства на динамику транспрофессиональной идентичности.

Литература

1. Проект Постановления Правительства РФ «О мерах государственной поддержки российских образовательных организаций высшего образования в целях научного, технологического и кадрового обеспечения экономики и социальной сферы, повышения глобальной конкурентоспособности системы высшего образования и регионального развития».

2. Волков Ю. Г. Институт лидерства в региональном пространстве. — Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2020. — 126 с.

3. Государственное управление научно-инновационным развитием: новое в мировой практике: монография / отв. ред. В. И. Кушлин. — М.: Проспект, 2018. — 272 с.

4. Другова Е. А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров. Обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // Вопросы образования. — 2019. — №4. — С. 8–29.

5. Ахмадулина Т. В., Распоров В. М., Распоров В. В. Европейский опыт государственного регулирования инновационной деятельности: учеб. пособие / под ред. В. М. Распорова. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2019. — 264 с.

References

1. Proekt Postanovlenija Pravitel'stva RF «O merah gosudarstvennoj podderzhki rossijskih obrazovatel'nyh organizacij vysshe-

go obrazovaniya v celjah nauchnogo, tehnologicheskogo i kadrovogo obespecheniya jekonomiki i social'noj sfery, povysheniya global'noj konkurentosposobnosti sistemy vysshego obrazovaniya i regional'nogo razvitiya» [Draft Decree of the Government of the Russian Federation «On measures of state support of Russian higher education institutions for the purpose of scientific, technological and personnel support of the economy and social sphere, improving the global competitiveness of the higher education system and regional development»].

2. *Volkov Ju. G.* Institut liderstva v regional'nom prostranstve [Institute of leadership in the regional space]. — Rostov-on-Don; Taganrog: JuFU, 2020. — 126 p.

3. Gosudarstvennoe upravlenie nauchno-innovacionnym razvitiem: novoe v mirovoj praktike: monografija [State management of

scientific and innovative development: new in world practice: monograph] / In V.I. Kushlin (eds.). — Moscow: Prospekt, 2018. — 272 p.

4. *Drugova E. A.* Kljuchevye karakteristiki programm prepodavatel'skogo sovershenstva dlja akademicheskikh liderov. Obzor opyta vysokorejtingovykh universitetov na materiale zarubezhnykh publikacij [Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders. Review of the experience of highly ranked universities based on foreign publications] // *Voprosy obrazovaniya* [The issue of education]. — 2019. — №4. — Pp. 8–29.

5. *Ahmadulina T. V., Rasporov V. M., Rasporov V. V.* Evropejskij opyt gosudarstvennogo regulirovaniya innovacionnoj dejatel'nosti: ucheb. posobie [European experience of state regulation of innovative activity] / In V. M. Raspopov (eds.). — Moscow: Magistr: INFRA-M, 2019. — 264 p.

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, советник при ректорате Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Vodenko Konstantin Victorovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adviser to the rector's office, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: vodenkok@mail.ru

Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Degtyarev Alexander Konstantinovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: rse1985@mail.ru

Иваненко Наталья Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Ivanenko Natalia Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: 79043483051@yandex.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-42-52

РОЛЬ СЕМЬИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2020 г. Л. С. Деточенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования — на основе ретроспективных нарративов молодых людей с инвалидностью изучить роль социальной адаптации семьи, наличия социальной поддержки, типа внутрисемейных отношений, степени деформации семейных функций на социализацию инвалидов.

Методологическая база исследования. Теоретико-методологическая база исследования основана на синтезе подходов. Конструктивистский подход (П. Бергер., Т. Лукман, А. Шюц, Е. Ярская-Смирнова, Р. Скотт) акцентирует внимание на изучении инвалидности как социального конструкта, порождаемого спецификой социальных отношений. Институционализм позволяет понять повседневные практики стигматизации в условиях изменения социальной политики, перехода от медицинской к социальной модели инвалидности, трансформации основных институтов и акторов, отвечающих за социализацию инвалидов, формирование новых типов поведения индивидов и их идентичности (Д. Марч, К. Скинник, Й. Олсен).

Результаты исследования. Данные нарративов позволяют говорить о преобладании негативных моделей социальной адаптации, узости социальной поддержки, значительной деформации семейных функций в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью. Зафиксирован негативный опыт переживания стигмы и факт жестокого обращения в семье как следствия воспроизводства практик стигматизации в повседневной жизни. Определено значение семьи в опыте осознания факта заболевания и его социальных последствий. Проанализированы условия положительного влияния многопоколенной модели семьи и сиблинговых связей на результаты социализации молодого инвалида.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ факторов социальной адаптации семьи с особым ребенком, построения сетей социальной поддержки.

Ключевые слова: социализация инвалидов; семья, воспитывающая ребенка-инвалида; нарратив.

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE SOCIALIZATION OF DISABLED PEOPLE (BASED ON THE RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY)

© 2020 L. S. Detochenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to study the role of social adaptation of families, the availability of social support, the type of intra-family relationships, and the degree of deformation of family functions on the socialization of disabled people based on retrospective narratives of young people with disabilities.

The methodological base of the research. *The theoretical and methodological basis of the research is based on the synthesis of approaches. The constructivist approach (P. Berger, T. Lukman, A. Schutz, E. Yarskaya-Smirnova, R. Scott) focuses on the study of disability as a social construct generated by the specifics of social relations. Institutionalism makes it possible to understand the everyday practices of stigmatization in the context of changing social policy towards people with disabilities, the transition from a medical to a social model of disability, the transformation of the main institutions and actors responsible for the socialization of people with disabilities, the formation of new types of behavior of individuals and their identity (D. March, K. Skinnick, J. Olsen).*

The results of the study. *These narratives allow us to speak about the prevalence of negative models of social adaptation, narrowness of social support, and significant deformation of family functions in Russian families raising children with disabilities. Negative experiences of stigma and abuse in the family were recorded as a consequence of the reproduction of stigmatization practices in the daily life of the family. The importance of the family in the experience of understanding the fact of the disease and its social consequences is determined. The conditions of positive influence of the multi-generational family model and sibling connections on the results of socialization of a young disabled person are analyzed.*

The prospect of the study. *Further sociological analysis of the factors of social adaptation of a family with a special child and the construction of social support networks is the perspective of the research.*

Key words: *socialization of persons with disabilities; family caring for a child with a disability; narrative.*

Введение. Актуальность исследования влияния семьи на результаты социализации инвалида обусловлена несколькими причинами. Численность семей, воспитывающих детей с инвалидностью, увеличивается, в том числе и в Российской Федерации. Так за последние 4 года количество детей-инвалидов в возрасте до 18 лет возросло в нашей стране на 81 тысячу человек (590 тысяч человек на 1.01.2015 г.; 671 тысяча человек на 1.01.2019 г. [1]).

Изменение социальной политики в отношении инвалидов, ратификация целого ряда фундаментальных международных правовых актов, направленных на защиту прав инвалидов, привели к изменению ожиданий общества от семьи, воспитывающей особого ребенка. Основная задача семьи трансформировалась от ухода и обеспечения элементарных функций к формированию необходимых условий для успешной интеграции инвалида в общество. Между тем социокультурные традиции России, общий уровень инклюзивной культуры, многочисленные социальные барьеры препятствуют расширению социальной

поддержки семьи и создают реальную угрозу множественных отклонений от социализационной нормы. Вместо того чтобы стать главным проводником социальных изменений, семья часто воспроизводит традиционные стигматизирующие практики. Исследование процесса и закономерностей социального конструирования инвалидности должно начинаться в семье. Модели социализации, формирование ценностей, эталонов и норм социализации детерминированы социумом. Главным агентом их трансляции выступает именно семья. В условиях наличия как инновационных практик социальной адаптации, так и традиционных дискриминирующих практик, именно от позиции семьи зависит социализационная траектория инвалида.

Семья, в структуру которой входит ребенок-инвалид, может представлять двойной исследовательский интерес для социологии семьи. С одной стороны, воспитание инвалида изменяет функционирование семьи как социального института и малой группы. Трансформируются структура и функции семьи, брачно-семейные отношения, моде-

ли семейного жизнеустройства и образцы семейного поведения. С другой стороны, характер и степень изменений влияют на социализацию самого инвалида. Рефлексия характера семейных отношений, роли семьи в собственном жизненном пути, осмысление места семейных ценностей в собственной иерархии ценностей, принятие или отвержение «пролонгации» семейной опеки предопределяют важнейшие характеристики социализационной траектории молодых инвалидов: скорость протекания, вектор определения дальнейшего пути развития и результативность социализационного процесса на выходе из отроческого возраста. Особую актуальность имеет взгляд самих молодых инвалидов на особенности сложившихся семейных отношений и роль семьи в собственной жизни, ее места в перспективных планах социализационного развития. В научном дискурсе изучение роли семьи в социализации инвалидов имеет ряд особенностей. Признание важным значения семьи в жизни инвалида является своеобразной аксиомой для исследователей. Однако, анализ эмпирических исследований показывает ряд противоречий и парадоксов. Большинство из них посвящено влиянию воспитания особого ребенка на саму семью и ее членов (супругов, сиблингов). Основными темами здесь выступают: копинг-стратегии или адаптационные стратегии семей к сложившимся условиям [2, 3, 4], трансформация семейных функций [5, 6], качество жизни и благополучие семьи и ее членов [7, 8, 9]. Влияние же конкретной модели семьи, транслируемых ею повседневных практик, внутрисемейных отношений на результаты социализации самого инвалида стали лишь недавно входить в круг исследовательских интересов [10, 11, 12]. Еще одной особенностью является «отсутствие» голоса самих инвалидов. Между тем личное участие инвалидов в объективной оценке услуг, освещении собственной жизнедеятельности и исследованиях закреплено в фундаментальных международных нормативно-правовых актах (Всемирной программе действий в отношении инвалидов [13], Конвенции о правах инвалидов [14]). Жизнедеятельность семьи изучается на основе экспертного мнения профессионального сообщества или на основе представления родителей. Таким образом,

существует явное противоречие между актуальностью исследования роли семьи в социализации молодых инвалидов и широтой и глубиной научных разработок в данной области. Исследование же взгляда самих молодых инвалидов на роль собственной семьи в социализации и осмысление ее роли в системе ценностей и перспективных планов развития, к сожалению, не встречалось автором. В связи с этим целью данной статьи является изучение роли социальной адаптации семьи, наличия социальной поддержки, типа внутрисемейных отношений, степени деформации семейных функций на социализацию молодых людей с инвалидностью.

Методы исследования. Представленные в данной статье результаты исследования являются одним из аспектов изучения процесса особого взросления, проведенного в 2019 году. В данной статье представлены данные о роли семьи в социализации инвалида, выборе социальной траектории его развития, успешности его адаптации в социум. Прослеживая социализационные траектории респондентов в нарративах, мы стремились подчеркнуть важнейшие для становления личности инвалида события семейного процесса и маркеры социального климата. В качестве метода исследования нами был выбран метод нарративного анализа. Основным посылом автобиографических тематических нарративов являлся ответ на просьбу рассказать историю своего взросления. Всего за 2019 год было получено 30 нарративов. При формировании выборки использовалась стратегия снежного кома, при этом в качестве значимых параметров рассказчиков автором исследования обозначались: пол, возраст (от 16 до 35 лет), нозология (репрезентация патологий опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха, речи), место проживания и обучения (выпускники и обучающиеся специализированных школ-интернатов и инклюзивных образовательных учреждений).

Столкновение с диагнозом и его осознание. Травма, заболевание приобретают значение тогда, когда человек осознает его социальные последствия, реальное значение для своей повседневной жизни, возможные последствия для будущих планов. Среди рес-

пондентов были как инвалиды детства, так и те, кто столкнулся с медицинским диагнозом в более взрослом возрасте. Рождение ребенка с инвалидностью — исключительное и неожиданное событие, которое тяжело переживается всеми членами семьи, требует времени для адаптации. К моменту осознанного возраста ребенка семья зачастую уже преодолевает первый стресс от понимания диагноза, поэтому в нарративах респондентов мы не находим травмирующих переживаний первого шока семьи, столкнувшейся с фактом тяжелого недуга ребенка. В то же время именно приобретение заболевания/получения травмы становится отправной точкой нарратива второй категории респондентов, столкнувшихся с инвалидностью в более позднем возрасте. Болезнь/травма становится экзистенциальной точкой, «разрывающей» нарратив. Нарративы, повествующие о получении травмы, детализированы. Сила воздействия нового факта бытия настолько сильна, что подавляет все события и переживания. Реакция семьи (шок, отрицание, страдание, депрессия) всегда представлены в описании переломного события жизни. Типовые сюжеты основного повествования данного тематического поля включают: рассказы о сложности постановки диагноза, поиска качественной медицинской помощи, психологического стресса от формализованного отношения персонала к информированию о диагнозе, сложности организации быта, режима дня, жизнедеятельности семьи в новых условиях, адаптации к собственному телу и состоянию здоровья, непонимание социальных и медицинских аспектов последствий диагноза. Одним из важнейших и часто встречающихся сюжетов является изменение внутрисемейных взаимоотношений, супружеских отношений в данный период. От того, насколько быстро семья принимает ситуацию и выработает свой собственный адаптационный механизм, зависит скорость адаптации ребенка/молодого человека к новому состоянию здоровья и условиям жизнедеятельности. Наоборот, низкие адаптационные способности семьи, затягивающийся внутрисемейный кризис являются одним из факторов замедленных социализационных процессов молодых инвалидов.

В случае с инвалидами детства ряд нарративов дают воспоминания о первом осоз-

нании факта особого состояния своего здоровья. Зачастую именно члены семьи становятся первым источником информирования ребенка о диагнозе, его течении.

«Я помню себя маленькой девочкой, которая очень сильно испугалась от того, что у неё заболевание, о котором начали разговаривать окружающие люди. Потом мне стало немножко страшно, что я воспринимаю себя не такой, как все, что у меня не будет такой же свадьбы, как у всех, что у меня не будет такой же семьи, об этом начали говорить окружающие меня люди» (И. 6, Ж., 31 год, инвалид детства).

Подчас последствия медицинских диагнозов непонятны, недостаток информации не позволяет представить объективно собственное состояние здоровья. Тогда именно реакция семьи является «лакмусовой бумажкой», определяющей степень проблемы и ее возможные последствия для жизни. Анализ нарративов позволяет говорить о том, что реакция семьи на диагноз и форма информирования ребенка о состоянии здоровья играют большое значение в социализации инвалида. Неприятие, отторжение, внутрисемейная стигматизация не только являются болезненным социально-психологическим опытом для личности ребенка, но и служат основой формирования самостигматизации, негативно сказывающейся на всем процессе социализации.

Социальная адаптация семьи. Результаты исследования позволяют говорить о том, что адаптация семей к необходимости круглосуточной помощи и постоянному сопровождению больного ребенка происходит разными способами.

Одним из таких вариантов является *обращение родителей к традиционному распределению семейных ролей*. Такая модель соответствует традициям и ожиданиям российского общества. На отца возлагаются обязанности по экономическому обеспечению семьи, на мать же — обязанности «сохранения домашнего очага», воспитания и реабилитации. Ответственность за ребенка-инвалида полностью возлагается на мать. Следует отметить, что такое распределение семейных обязанностей является негативным фактором, повышающим угрозу семейного бла-

гополучия, неудовлетворенности семейной жизни [15]. Мать является центральным персонажем нарратива, который во многом определяет модель поведения молодого человека и уровень его притязаний.

В такой модели мать становится безусловным лидером, определяющим траектории развития своего ребенка. Диктаторское решение матери может «продолжить» детство, отодвигая возраст перехода к взрослому состоянию. Гиперопека матери в сочетании с доминирующей ролью в жизни семьи и ребенка часто становятся непреодолимым барьером в получении профессионального образования, включении в сообщества, профессиональной самореализации. Несмотря на взросление, переход к отрочеству, а потом и к молодому возрасту, инвалид обладает малой свободой самостоятельности и выбора. Все решения, в том числе и значимые для дальнейшего роста и самосовершенствования, единолично принимает мать. Именно мать чаще всего транслирует такую модель взаимодействия, которая закрепляет за ребенком «роль больного» (Т. Парсонс).

Такая модель внутрисемейного социального взаимодействия ведет к формированию высокой степени зависимости от семьи, порой отождествляемой с самой возможностью дальнейшей жизни.

Чаще всего в такой семье полностью отсутствуют или слабо развиты навыки альтернативных социальных взаимодействий (дружеские связи, включенность в клубную, общественную работу, местное сообщество и др.). В молодом возрасте семейная изоляция перерастает в самоизоляцию, негативизм, низкий уровень самооценки. Уход в творческую или учебную деятельность не приносит значимых результатов, поскольку сочетается с низкими коммуникативными навыками и заниженным уровнем притязаний. Формируются невротические черты в виде страхов, агрессии и т. д.

Делегирование полномочий профессиональному сообществу помогающих профессий. Социальная роль женщины предполагает заботу и жертвенность матери, готовность отдать все свободное время ребенку. Однако, по мере роста ребенка установки самих родителей и ожидания общества требуют уменьшения объема участия родителя в жиз-

ни ребенка. Круглосуточный уход за ребенком в раннем детстве социально приемлем, в то время как сохранение высокой вовлеченности в ежедневные практики ухода с ростом ребенка воспринимаются обществом и родителями иначе. Это приводит к поиску форм временного делегирования ответственности за ребенка. Такой формой выступают специализированные школы-интернаты. В нарративах инвалидов, возраст которых превышает 30 лет, часто присутствует тема школы-интерната. Среди положительных аспектов обучения в данном учреждении можно назвать: приобретение самостоятельности (большинство школ такого типа — интернатного), расширение взаимодействия с референтными группами (до обучения коммуникативное пространство ребенка зачастую ограничивается кругом семьи), основательную базу для адаптационного и общего образования, широкие возможности для вовлечения обучающихся в различные формы досуга (клубную работу, адаптированные спортивные секции). Между тем именно биографы, обучавшиеся в специализированных образовательных учреждениях, являются носителями стигматизированной идентичности, которая оказывает большое значение на построение всей последующей жизненной траектории.

С 2000 г. в социальную сферу активно входят новые субъекты (Фонды, НКО), практики (ранняя интервенция, временный уход). Указанные изменения происходят как раз в период жизнедеятельности наших респондентов, однако ни в одном нарративе мы не нашли инновационных практик помощи семье. Среди возможных причин такие ситуации: географическая неравномерность оказываемой помощи и явные диспропорции в оказании сопровождения молодых людей с инвалидностью в противовес детям-инвалидам. Таким образом, единственным вариантом получить помощь и высвободить время для родителей до сих пор остается система специализированных учреждений.

Другим вариантом адаптации к повседневным обязанностям ухода за больным ребенком является *возложение ответственности за уход на более старших членов семьи*. В этом случае роль матери в нарративе замещает бабушка. Родители в такой модели берут на себя ответственность воспитания

других детей и финансовое обеспечение реабилитационного процесса.

«Росла без родителей. Бабушка и дедушка меня забрали в трехлетнем возрасте. Родители отказались. У них я была нелегально. ... Отношения с родителями не складывались. По большей части общение сводилось к приходам на праздники. В основном занималась мной бабушка. Дедушка редко мной занимался» (И 10, Ж., 27 лет, 1 группа).

В том же случае, когда ребенок-инвалид отрывается от родителей и своих братьев и сестер, а коммуникация с ним сводится к минимуму, мы видим глубокий травмирующий след в нарративе.

Между тем основные нарративы, повествующие о совместном проживании (многопоколенная семья), позволяют говорить не только о положительном влиянии на благополучие семьи, но и в целом на социализацию ребенка с инвалидностью.

Сиблинги (отношение с братьями и сестрами). Ранняя литература по исследованию последствий совместного воспитания ребенка-инвалида и нормативных братьев и сестер фиксировала внимание на негативных аспектах данного опыта [16]. Ученые отмечали негативные последствия вовлечения братьев и сестер в обязанности по уходу за ребенком [17, 18] или снижение родительского внимания к детям за счет необходимости уделять больше времени больному ребенку [19]. Со временем появились исследования, отмечающие и положительные аспекты воспитания нормативных и особых детей как для нормативных сиблингов (снижение агрессии, гиперактивности, лучшее воспитание [20]), так и для социализации самих инвалидов. В поиске истины неопценимы ретроспективные нарративы инвалидов, которые позволяют познакомиться с рефлексией отношений с братьями и сестрами в горизонтальной плоскости. Анализ нарративов показал как позитивный, так и негативный опыт взаимодействия между кровными братьями и сестрами в семье с инвалидом.

«И отношения с родственниками. Не было их вообще. С сестрой мы не общались. Ну как, если я позвоню, то мы общались, если нет, то мне месяцами не звонили» (И. 10, 27 лет, 1 группа).

«Мы с братом съехали. Сейчас вместе живем. Брат работает. Я с ним. ... Он всегда был со мной» (И. 25, М., 24 года, 2 группа).

«Дед работал. Имя рос своей жизнью. Имя — это младший сын моей бабушки. Я чувствую себя виноватым перед ним. Бабушка им вообще не занималась из-за меня» (И. 10, Ж., 27 лет, 1 группа).

Следует отметить, что на характер взаимоотношений между сиблингами влияет позиция родителей, модель воспитания. Там, где в нарративе запечатлен болезненный, травмирующий опыт детско-родительских отношений, там присутствует и негативный опыт взаимодействия с братьями и сестрами. Отношение между братьями и сестрами носят изменчивый характер и зависят от возраста. Кризисный период отмечен в нарративах, связанных с подростковым возрастом: *«Я стала чувствовать, что она меня стесняется. Просто отрезала меня от своих друзей»* (И. 29 лет, Ж., 31 год, 1 группа).

Наличие братьев и сестер при условии «нормальных взаимоотношений» можно считать мощнейшим ресурсом социальной адаптации и нормализации жизнедеятельности. Именно посредством братьев и сестер возможно преодолеть коммуникативные барьеры и сложности, расширить социальные контакты и событийность повседневной жизни.

Внешняя социальная поддержка семьи. К внешней социальной поддержке возможно отнести поддержку родственников, друзей, родительских групп поддержки.

Анализ нарративов не представил нам данных о позитивной роли внешней поддержки семьи со стороны родственников. Однако, есть примеры, фиксирующие негативный опыт взаимодействия.

«Я никогда не ощущала со стороны родственников такое, чтобы они воспринимали меня, как часть семьи. ... Всем говорят: “У тебя будет семья, ты выйдешь замуж, дети”, а мне такого не говорят... И это меня очень сильно обижало, всегда... И все это, опять же, я сваливала на заболевание» (И 6, Ж., 31 год, инвалид детства).

Взаимодействие семьи с окружающим социумом, местным сообществом скудное, что существенно сужает круг общения самого ребенка. Стигматизирующие практики по-

буждают к резкому ограничению социальных контактов, изоляции, разрыву социальных связей, «поддержание социального капитала семьи и тем более, его накопление становится затруднительным» (П. Бурдые [21], Дж. Коулман [22]).

«По сути, я долго не общался ни с кем, кроме своей семьи» (И. 8, инвалид детства 1 группы, 19 лет).

Маркеры семейного микроклимата. Супружеские взаимоотношения и детско-родительские отношения. Анализ нарративов показывает, что сложности, с которыми сталкивается семья, часто приводят к ее распаду. Интересно, что в этом случае в воспоминаниях интервьюера есть и образы матери, и образы отца, факт развода зачастую замалчивается, только уточняющие вопросы позволяют установить распад супружеских отношений. Между тем сохранение семьи и благоприятного микроклимата в ней является важным источником поддержки инвалида в детском, отроческом возрасте и на этапе перехода к зрелости. Семья поддерживает ребенка в борьбе за свое здоровье («Осложнения. Мама была со мной. С мамой было намного легче лежать в больнице» (И 8, М., 19 лет, инвалид детства 1 группы)); в формировании жизненных целей и их реализации («Каждый день родители со мной занимались. Ставили цели. Ходил в специализированный интернат. А вот школы такой не было. Родителям пришлось переехать, чтобы я образование получил. По совету мамы, я поступил в институт на дефектологию» (И 15, М. 34 года, 1 группа инвалидности)); в нормализации социализационной траектории («Я думаю, что такого результата бы не было, если бы родители с самого раннего рождения не вложились в мое развитие. Я помню, как родителям предложили отправить меня в специальную и коррекционную школу, но они отказались. Я ходила в общую школу» (И. 12. Ж., 29 лет, 1 группа инвалидности)). Супружеские отношения запечатлены в нарративах, в основном, в негативном формате: недопонимание, неравномерное распределение ролей, депрессия и усталость родителей. При характеристике детско-родительских отношений образ матери встречается повсеместно. Бо-

лее редки воспоминания об отце. Следует отметить, что образ отца и его роль в жизни ребенка-инвалида более актуализируется при переходе от отрочества к зрелости. Отец здесь — источник финансовых ресурсов обеспечения развития, он — источник помощи в преодолении гиперопеки.

Деформация семейных функций. Появление ребенка-инвалида в семье приводит к деформации не только образа жизни, но и семейных функций. Социализация ребенка уходит на второй план.

«Меня скорее лечили, чем растили и воспитывали. Упор был на то, чтобы я скорее выжила, изначально. А то, как оно дальше будет, никто не знал, и такими вопросами никто не задавался» (И 10, Ж., 27 лет, 1 группа инвалидности).

Для родителей детей-инвалидов характерен экстернальный родительский контроль болезни, когда причины болезни воспринимаются как нечто, не зависящее от родителей, также для них свойственна гипернозогнозия (преувеличение тяжести болезни ребенка). Такое отношение к заболеванию ребенка определяет значительное напряжение, характерное для данных родителей и их взаимоотношений с ребенком. Происходит концентрация на соматическом состоянии ребенка (часто в ущерб его эмоциональному и личностному развитию).

«У бабушки страхи были, я везде была только с ней. Никакой социализации у меня не было». (И 10, Ж., 27 лет, 1 группа).

Негативные переживания. Стигматизация в семье. Жестокое обращение. Целый ряд основных нарративов содержал сюжеты внутрисемейной стигматизации. «Тяжело жить было, и найти врачей было достаточно сложно, я это понимаю, но, опять же, сейчас у меня до сих пор какое-то не такое, может быть, осуждение к родителям, что да, вы бы попытались еще бы больше поискать, почему я слышала в основном в свой адрес осуждающие реплики, что я не такая, как все; такое ощущение, что мы как будто дикое общество, а не развитые люди, как будто вот у меня складывалось впечатление, что мы как-то живем не так, как все» (И 6, 31 год, инвалид детства).

Выделяют несколько схем действий родителей на рождение ребенка, имеющего проблемы со здоровьем:

— принятие ребенка и его дефекта — родители принимают дефект, адекватно оценивают его и проявляют по отношению к ребенку настоящую преданность;

— реакция отрицания — отрицают, что ребенок имеет дефект. Планы относительно образования и профессии ребенка свидетельствуют о том, что родители не принимают и не признают для своего ребенка никаких ограничений;

— реакция чрезмерной защиты, протекции и опеки. Родители наполнены чувством жалости и сочувствия, что проявляется в чрезмерно заботливом и защищающем ребенка от всех опасностей типе воспитания;

— скрытое отречение, отвержение ребенка. Дефект считается позором. Отрицательное отношение и отвращение к ребенку скрывается за чрезмерно заботливым предупредительным воспитанием;

— открытое отречение, отвержение ребенка. Ребенок принимается с отвращением, и родители полностью осознают свои враждебные чувства [23, 4, 23]. *«Тяжелые отношения у меня были с отцом: он периодически проявлял ко мне насилие, да, поднимал руку, причём это продолжалось до лет 15 где-то»* (И 6, Ж., 31 год, инвалид детства).

Заключение. В целом проведенный анализ ретроспективных нарративов позволяет сделать ряд выводов.

1. Социолингвистический анализ текстового массива позволяет говорить о принципиальном различии в протекании социализационного процесса у инвалидов детства и инвалидов, получивших травму или заболевание в более позднем (осознанном) возрасте.

2. Столкновение с ограничением по здоровью как социальным ограничением — важнейший травмирующий опыт, успешное преодоление которого является необходимым условием нормальной социализации.

3. Данные нарративов позволяют говорить о преобладании негативных моделей социальной адаптации, узости социальной поддержки, значительной деформации семейных функций в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью.

4. Наличие братьев и сестер может служить как мощнейшим ресурсом социальной интеграции и адаптации, преодоления коммуникативной дезадаптации, так и болезненным и травмирующим фактором внутрисемейной стигматизации. Характер sibлинговых отношений, скорее, связан с моделью семьи, типом детско-родительских отношений (родитель — ребенок-инвалид), чем с характером и сложностью заболевания.

5. Многопоколенная модель положительно влияет не только на благополучие семьи, но и на социализацию ребенка-инвалида. Возложение ответственности за уход за детьми-инвалидами на более старших членов семьи с отчуждением ребенка от родителей и других братьев и сестер, раздельным проживанием увеличивает риски социализации и оставляет глубокий травмирующий след.

6. Несмотря на декларируемые изменения в социальных практиках помощи семье, воспитывающей ребенка-инвалида, инновационные практики (временный уход, ранняя семейная интервенция, помощь волонтеров, профессионального сообщества помогающих профессий (социальные работники, реабилитологи и др.)) остаются недостаточно развитыми. Единственным вариантом снижения нагрузки на семью является обращение к специализированным учреждениям, транслирующим практики старой модели социализации инвалидов.

7. Имеют место быть факты жестокого обращения в семье и негативный опыт переживания стигмы внутри семьи как пережитки старой модели социального взаимодействия.

Литература

1. Распределение инвалидов по полу и возрасту. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13964> (Дата обращения: 15.04.2020).

2. *Heaman D.J.* Perceived Stressors and Coping Strategies of Parents who have children with Developmental Disabilities: A comparison of Mother with Father// *Journal of Pediatric Nursing*. — 1995. — Vol. 10. — №5 (October). — P. 311–320.

3. *Carlson J. M., Miller P. A.* Family burden, child disability, and the adjustment of mothers caring for children with epilepsy: Role of social support and coping // *Epilepsy & Behavior*. — 2017. — Vol. 68 (March). — P. 168–173.
4. *Ying Zhang, Min Wei, Nanping Shen, Yaqing Zhang.* Identifying Factors Related to Family Management During the Coping Process of Families with Childhood Chronic Conditions: A Multi-Site Study // *Journal of Pediatric Nursing*. — 2015. — Vol. 30. — №1 (January-February). — P. 160–173.
5. *Benito Lara E., C. Carpio de los Pinos.* Families with a Disabled Member: Impact and Family Education // *Procedia. — Social and Behavioral Sciences*. — 2017. — Vol. 23721 (February). — P. 418–425.
6. *Crowell J. A., Keluskar J., Gorecki A.* Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder // *Comprehensive Psychiatry*. — 2019. — Vol. 90 (April). — P. 21–29.
7. *Joana M., Mas C., Dunst J., Balcells-Balcells A., Garcia-Ventura S., C. Giné, Cañadas M.* Family-centered practices and the parental well-being of youngchildren with disabilities and developmental delay // *Research in Developmental Disabilities*. — 2019. — Vol. 94. — №103495 (November). — P. 1–13.
8. *Siti Nor Ismalina Isa, Ismarulyusda Ishak, Azriani Ab Rahman, Nur Zakiah Mohd Saat, Muhammad Faiz Mohd Ismail.* Health and quality of life among the caregivers of children with disabilities: A review of literature // *Asian Journal of Psychiatry*. — 2016. — Vol. 23 (October). — P. 71–77.
9. *Dzamonja Ignjatovic T., Milanovic M., Zegarac N.* How services for children with disabilities in Serbia affect the quality of life of their families // *Research in Developmental Disabilities*. — 2017. — Vol. 68 (September). — P. 1–8.
10. *Heyman M., Hauser-Cram P.* The influence of the family environment on adaptive functioning in the classroom: A longitudinal study of children with developmental disabilities // *Research in Developmental Disabilities*. — 2019. — Vol. 86 (March). — P. 20–30.
11. *Di Marino E., Tremblay S., Khetani M., Anaby D.* The effect of child, family and environmental factors on the participation of young children with disabilities // *Disability and Health Journal*. — 2017. — Vol. 11 (Jan). — P. 36–42.
12. *Taylor Dyches T., Smith T. B., Korth B. B., Olsen Roper S., Mandlco B.* Positive parenting of children with developmental disabilities: A meta-analysis // *Research in Developmental Disabilities*. — 2012. — Vol. 33. — №6 (November-December). — P. 2213–2220.
13. Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 Генеральной ассамблеей от 3 декабря 1982 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog3.shtml (Дата обращения: 15.04.2020).
14. Конвенция о правах инвалидов Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Дата обращения: 15.04.2020).
15. *Kathleen Ell.* Social networks, social support and coping with serious illness: The family connection // *Social Science & Medicine*. — 1996. — Vol. 42. — №2 (January). — P. 173–183.
16. *Gath A.* The impact of an abnormal child upon the parents. // *The Br J Psychiatry*. — 1977. — Vol. 130. — №4 (April). — P. 405–410.
17. *Lobato D., Faust D., Spirito A.* Examining the effects of chronic disease and disability on children's sibling relationship. // *J Pediatric Psychol*. — 1988. — Vol. 13. — P. 389–407.
18. *Nelson M., Ruch S., Jackson Z., et al.* Towards an understanding of families with physically disabled adolescents // *Soc Work Health Care*. — 1992. — Vol. 17. — P. 1–25.
19. *Neuer N., Strom G. A.* Guidance and support for parents. In: Kiernan W. E., Morrison P., eds. *Comprehensive management of cerebral palsy*. — New York: Grune & Stratton, 1983. — P. 293–297.
20. *Dyson L. L.* Adjustment of siblings of handicapped children: a comparison // *Pediatr Psychol*. — 1989. — Vol. 25. — P. 459–76.
21. *Bourdieu P.* The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J. G. Richardson. — N. Y.: Greenwood Press., 1986. — P. 241–258.
22. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. — 2001. — №3. — С. 122–139.
23. *Ткачева В. В.* О некоторых проблемах семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии // *Дефектология*. — 1998. — №4. — С. 17–26.

References

1. Raspredelenie invalidov po polu i vozrastu [The distribution of disabled persons by sex and age]. [Jelektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal state statistics service]. — URL: <https://www.gks.ru/folder/13964> (Date accessed: 15.04.2020).
2. *Heaman D.J.* Perceived Stressors and Coping Strategies of Parents who have children with Developmental Disabilities: A comparison of Mother with Father // *Journal of Pediatric Nursing*. — 1995. — Vol. 10. — №5 (October). — Pp. 311–320.
3. *Carlson J.M., Miller P.A.* Family burden, child disability, and the adjustment of mothers caring for children with epilepsy: Role of social support and coping // *Epilepsy & Behavior*. — 2017. — Vol. 68 (March). — Pp. 168–173.
4. *Ying Zhang, Min Wei, Nanping Shen, Yaqing Zhang.* Identifying Factors Related to Family Management During the Coping Process of Families with Childhood Chronic Conditions: A Multi-Site Study // *Journal of Pediatric Nursing*. — 2015. — Vol. 30. — №1 (January-February). — Pp. 160–173.
5. *Benito Lara E., C. Carpio de los Pinos.* Families with a Disabled Member: Impact and Family Education // *Procedia. — Social and Behavioral Sciences*. — 2017. — Vol. 23721 (February). — Pp. 418–425.
6. *Crowell J.A., Keluskar J., Gorecki A.* Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder // *Comprehensive Psychiatry*. — 2019. — Vol. 90 (April). — P. 21–29.
7. *Joana M., Mas C., Dunst J., Balcells-Balcells A., Garcia-Ventura S., C. Giné, Cañadas M.* Family-centered practices and the parental well-being of youngchildren with disabilities and developmental delay // *Research in Developmental Disabilities*. — 2019. — Vol. 94. — №103495 (November). — Pp. 1–13.
8. *Siti Nor Ismalina Isa, Ismarulyusda Ishak, Azriani Ab Rahman, Nur Zakiah Mohd Saat, Muhammad Faiz Mohd Ismail.* Health and quality of life among the caregivers of children with disabilities: A review of literature // *Asian Journal of Psychiatry*. — 2016. — Vol. 23 (October). — Pp. 71–77.
9. *Dzamonja Ignjatovic T., Milanovic M., Zegarac N.* How services for children with disabilities in Serbia affect the quality of life of their families // *Research in Developmental Disabilities*. — 2017. — Vol. 68 (September). — Pp. 1–8.
10. *Heyman M., Hauser-Cram P.* The influence of the family environment on adaptive functioning in the classroom: A longitudinal study of children with developmental disabilities // *Research in Developmental Disabilities*. — 2019. — Vol. 86 (March). — Pp. 20–30.
11. *Di Marino E., Tremblay S., Khetani M., Anaby D.* The effect of child, family and environmental factors on the participation of young children with disabilities // *Disability and Health Journal*. — 2017. — Vol. 11 (Jan). — Pp. 36–42.
12. *Taylor Dyches T., Smith T.B., Korth B.B., Olsen Roper S., Mandlco B.* Positive parenting of children with developmental disabilities: A meta-analysis // *Research in Developmental Disabilities*. — 2012. — Vol. 33. — №6 (November-December). — Pp. 2213–2220.
13. Vsemirnaja programma dejstvij v ot-noshenii invalidov. Prinjata rezoljuciej 37/52 General'noj assambleej ot 3 dekabnja 1982 goda [The world programme of action concerning disabled persons. Adopted by the General Assembly resolution 37/52 of December 3, 1982] [Jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt OON. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog3.shtml (Date accessed: 15.04.2020).
14. Konvencija o pravah invalidov Prinjata rezoljuciej 61/106 General'noj Assamblei ot 13 dekabnja 2006 goda [The Convention on the rights of persons with disabilities was Adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006]. [Jelektronnyj resurs] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Date accessed: 15.04.2020).
15. *Kathleen Ell.* Social networks, social support and coping with serious illness: The family connection // *Social Science & Medicine*. — 1996. — Vol. 42. — №2 (January). — Pp. 173–183.
16. *Gath A.* The impact of an abnormal child upon the parents. // *The Br J Psychiatry*. — 1977. — Vol. 130. — №4 (April). — Pp. 405–410.
17. *Lobato D., Faust D., Spirito A.* Examining the effects of chronic disease and disability on children's sibling relationship. // *J Pediatr Psychol*. — 1988. — Vol. 13. — Pp. 389–407.

18. *Nelson M., Ruch S., Jackson Z., et al.* Towards an understanding of families with physically disabled adolescents // *Soc Work Health Care*. — 1992. — Vol. 17. — Pp. 1–25.

19. *Neuer N., Strom G.A.* Guidance and support for parents. In: *Kiernan W.E., Morrison P.*, eds. *Comprehensive management of cerebral palsy*. — New York: Grune & Stratton, 1983. — Pp. 293–297.

20. *Dyson L.L.* Adjustment of siblings of handicapped children: a comparison // *Pediatr Psychol*. — 1989. — Vol. 25. — Pp. 459–76.

21. *Bourdieu P.* The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology*

of Education / Ed. by J.G. Richardson. — N. Y.: Greenwood Press., 1986. — Pp. 241–258.

22. *Koulman Dzh.* Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. — 2001. — №3. — Pp. 122–139.

23. *Tkacheva V.V.* O nekotoryh problemah semej, vospityvajushhih detej s otklonenijami v razvitii [On some problems of families raising children with developmental disabilities] // *Defektologija* [Defectology]. — 1998. — №4. — Pp. 17–26.

Поступила в редакцию

9 сентября 2020 г.

Деточенко Людмила Станиславовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Основные сферы исследуемой проблематики: проблемы социализации молодежи, развитие инклюзивных практик в России, социализационные траектории молодежи с особыми потребностями.

Detochenko Ludmila Stanislavovna — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Social Technologies, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University. The main areas of research: problems of youth socialization, development of inclusive practices in Russia, socialization trajectories of young people with special needs.

346500, г. Шахты, ул. Красный Шахтер, 19
19 Krasny Shakhter st., 346500, Shakhty, Russia
E-mail: maksimus6488@yandex.ru

УДК 316:43

10.17213/2075-2067-2020-5-53-64

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

© 2020 г. А. В. Дятлов, В. В. Ковалев, А. Б. Понамарев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования состоит в том, чтобы показать особенности саморегуляции политической жизни крымской молодежи в условиях интеграции региона в состав Российской Федерации.

Методологическая база исследования основывается на феноменологической социологии А. Шюца, которая применяется для объяснения процессов саморегуляции политической жизни молодежи Крыма, а в конкретно-прикладном аспекте — массовом социологическом опросе, проведенном в Крымском федеральном университете (КФУ).

Результаты исследования. Установлено, что в основе саморегуляции лежит проявление компенсаторной функции, связанной с замещением недостатка внешней организующей силы, необходимой для сохранения устойчивости социального взаимодействия. Структура политической саморегуляции описана нами через операционализацию таких понятий, как политические потребности, интересы, установки и ценности, в комплексе образующие определенный тип политического сознания. Показано, что неопределенность и неустойчивость, порождающие потребность в самоорганизации, для молодежи Крыма свойственны в большей степени, чем для их сверстников из других регионов России. Это обусловлено процессами ресоциализации, замены одного типа политического сознания другим. Выявлено, что большая часть молодежи позитивно оценивает вхождение Крыма в состав России и видит те новые возможности, которые это объединение им предоставляет. Но имеется и определенная группа, потенциально способная искать и ищущая в реальной политике альтернативные формы саморегуляции. Данная группа показывает масштаб протестного потенциала среди молодежи Крыма.

Перспективы дальнейших исследований авторы видят в проведении массовых социологических опросов студенческой молодежи с выявлением региональных особенностей Крыма: западной, южной и восточной частей полуострова, преследуя цель более четкого выделения групп факторов, оказывающих воздействие на процессы политической самоорганизации, в том числе протестного характера.

Ключевые слова: молодежь; Крым; саморегуляция; политическая идентичность; интересы; потребности; политическая ресоциализация; социальные проблемы; адаптация.

SELF-REGULATION OF POLITICAL LIFE CRIMEAN YOUTH

© 2020 A. V. Dyatlov, V. V. Kovalev, A. B. Ponamarev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект №20-011-00585А «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

The aim of the study is to show the peculiarities of self-regulation of political life of Crimean youth in the context of integration of the region into the Russian Federation.

The methodological basis of the research is based on the phenomenological sociology of A. Shyutz, which is used to explain the processes of self-regulation of political life of young people in Crimea, and in a specifically applied aspect — a mass sociological survey conducted at the Crimean Federal University (KFU).

Research result. It is established that self-regulation is based on the manifestation of the compensatory function associated with replacing the lack of external organizing force necessary to maintain the stability of social interaction. The structure of political self-regulation is described by us through the operationalization of such concepts as political needs, interests, attitudes and values, which together form a certain type of political consciousness. It is shown that the uncertainty and instability that generate the need for self-organization are more common for young people in Crimea than for their peers from other regions of Russia. This is due to the processes of re-socialization, replacing one type of political consciousness with another. It is revealed that the majority of young people positively assesses the entry of Crimea into Russia and sees the new opportunities that this Association provides them. But there is also a certain group that is potentially able to search for alternative forms of self-regulation in real politics. This group shows the scale of the protest potential among the youth of Crimea.

The authors see the prospects for further research in conducting mass sociological surveys of students with the identification of regional features of the Crimea: the Western, southern and Eastern parts of the Peninsula, with the aim of more clearly identifying groups of factors that affect the processes of political self-organization, including protest.

Key words: youth; Crimea; self-regulation; political identity; interests; needs; political resocialization; social problems; adaptation.

Введение. Проблема саморегуляции политической жизни крымской молодежи не может считаться надуманной. В связи с интеграцией региона в состав Российской Федерации она значима для всех возрастных групп полуострова, но именно для молодежи особенно актуальна в связи с тем, что данная возрастная группа оказалась в Крыму единственной, для кого Россия по сути своей является экзогенной политической реальностью. У многих её представителей процесс политической и гражданской идентичности на этапе перехода из детства в отрочество и юность неразрывно связывался с Украиной, а некоторые из тех, кто в 2018 году принимал участие в президентских выборах, были даже ровесниками распада СССР и, соответственно, рождения украинской государственности. Неудивительно, что молодежь Крыма переживает сейчас трудности политической ресоциализации, при этом в отличие от поколения своих родителей и людей ещё более старшего возраста в 2014 год, когда со-

стоялся референдум, она входила, не имея индивидуально значимых каналов исторической памяти, по которым бы передавалась информация о неразрывной связи Крыма и России. В самом деле, система образования в школах Украины выстроена таким образом, чтобы раздробить единый исторический процесс на украинский и российский за счет принижения значимости последнего в пользу первого. С учётом высокой степени восприимчивости детского сознания к информации это неизбежно повлияло на развитие антироссийских настроений у крымской молодежи, во всяком случае, способствовало увеличению политической дистанции между молодежью двух соседних стран. Безусловно, российская власть осознает все эти трудности. Некоторые из них стали очевидными практически сразу после возвращения полуострова в состав России. Так, громким сигналом 25 мая 2014 года прозвучало исполнение гимна Украины выпускниками одной из ялтинских гимназий [1]. И пусть через

некоторое время выяснилось, что это были школьники единственного в Крыму учебного заведения, где преподавание осуществлялось на украинском языке, совсем игнорировать подобные инциденты власть не могла, поэтому сейчас условиям жизни крымской молодежи уделяется особенное внимание: предпринимаются усилия по улучшению социально-экономической инфраструктуры региона, обеспечиваются возможности для поступления в российские вузы, много времени отводится патриотическому воспитанию. Однако полностью организовать молодежь во всех её интеракциях и поставить под жесткий контроль формирование её политического сознания — задача не решаемая. В связи с этим большую роль продолжают играть процессы саморегуляции, способные принимать самые разнообразные формы и по идеологической наполняемости, и по характеру совершаемых действий. Таким образом, цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать особенности саморегуляции политической жизни крымской молодежи в условиях интеграции региона в состав Российской Федерации.

Теоретико-методологические основы и методы исследования. Под саморегуляцией в социологии обычно понимается способность сложных социальных систем, макро- и микрогрупп, а также отдельных социальных акторов компенсировать недостаток внешней организующей силы для сохранения устойчивости социального взаимодействия. В таком понимании главная функция саморегуляции — компенсаторная. Особое значение она приобретает в условиях социальной разбалансированности, которая проявляется через множество несогласованных между собой целей, ценностей, интересов, свойственных разным группам социальных акторов. При этом несогласованность имеет место как в экзогенных социальных группах, внося разлад в функционирование локальных сообществ, так и в эндогенных, порой нарушая нормальную жизнедеятельность всего региона. В принципе, каждый социум в идеале должен обладать способностью к саморегуляции, и в той или иной мере он такой способностью обладает. Эта мера, прежде всего, зависит от осознаваемой готовности социальных акторов к согласованию

разнонаправленных интересов для участия в совместной деятельности. Но в обществе позднего модерна это становится осуществлять заметно труднее, чем в традиционном: потребности всё больше приобретают многовекторный характер, а социальные традиции и стереотипы разрушаются, переставая играть роль социальных скрепов, способных быть надежной платформой для саморегуляции социального поведения [2]. В итоге социокультурная матрица на нижних уровнях, где расположены пласты, ответственные за регуляцию сферы подсознания, постепенно разрушается, а в верхних слоях, где происходит процесс выработки осознаваемых и воспроизводимых в сознании интересов и ценностей, имеет место её укрупнение. С одной стороны, это повышает значимость индивидуально принимаемых социальными акторами решений, их личную ответственность за те последствия, которые от них могут последовать, а с другой, в социуме становится более существенной роль лидеров мнений, разного рода неформальных групп, абсорбирующих в себя социально инертную массу молодежи, не способную к постановке и решению задач индивидуального характера.

Методологически процесс саморегуляции описан в феноменологической социологии А. Шюца. В качестве базового социолог избирает такое понятие, как естественная установка [3]. Она интерпретируется ученым в виде инструмента, посредством которого актор в отношении социальной коммуникации определяет, что есть индивидуализированное, а что типичное. Это разделение формирует образуемые в процессе саморегуляции сообщества, дифференцируемые субъектно через артикуляцию потребностей, выступающих естественным импульсом к социальному взаимодействию. Наличие обнаруживаемых типичностей создает условный потенциал способности молодежи к включенности в процессы саморегуляции. При этом промежуточная цель поисковой активности на основе естественной установки направлена на подавление рефлексивности, то есть намерения воспроизводить индивидуализированные смыслы. Подобное состояние он характеризует как «рациональное действие», которое «всегда действие в рамках проблематизированного и неопределенного

набора типизаций мотивов, средств и целей, способов действия и персон, его выполняющих, принимаемых в качестве само собой разумеющихся. Они, однако, принимаются как сами собой разумеющиеся не только самим действующим, но и его партнером» [3, с. 10–11]. А. Шюц определяет это как подавление очагов напряженности в пространстве жизненных смыслов, сокращение проблемных интеракций, способных поддерживать социальную неустойчивость и неопределенность.

Рассмотренная социальная модель может быть применена в качестве объясняющей социальные процессы саморегуляции политической жизни молодежи через категорию рефлексивности, посредством которой мы можем показать, каким образом осуществляется переход потребностей на уровень осмысления интересов. Что касается понятия «интерес», то мы в своей оценке заинтересованности молодежи в политическом участии будем придерживаться определения, данного Д. В. Александровым. В соответствии с его пониманием «интерес — это рационально-ценностная позиция социального субъекта относительно обеспечения условий и способов своей жизнедеятельности и поведения в обществе» [4, с. 65]. С данной точки зрения интерес представляет собой внешнее выражение отрефлексированной адаптационной стратегии, связывающей воедино политические потребности и социальные возможности субъекта. Применяя данное определение к предмету нашей статьи, отметим, что политическая саморегуляция становится возможной только в том случае, если социальный актор оказывается способным самостоятельно выработать необходимые адаптационные стратегии, которые на внешнем уровне развития его политического сознания станут формировать соответствующие интересы в области политического участия. Осознание не только потребностей, но и возможностей их удовлетворения происходит «на вторичной стадии социализации, которая характеризуется, прежде всего, развитием способности к активному познанию, осмыслению и переосмыслению, т. е. рефлексии» [5, с. 30].

Устойчивость интересов зависит не только от особенностей рефлексивного опыта отдельного социального актора. В конечном итоге в социологии этот опыт не становится

объектом самостоятельного изучения, независимо от глубины и качества рефлексивных способностей познающего субъекта. Он поглощается в поисках тех условий и оснований, которые обеспечивают формирование более широкого социального пространства. Решение этой задачи в предметном пространстве социологии осуществляется на основе применения такого понятия, как социальная установка. Под последней вслед за С. С. Гордеевой мы будем понимать «готовность субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту» [6, с. 139]. Через социальную установку реализуется не столько структурирование и цементирование индивидуальных интересов, сколько образование референтных групп политического участия молодежи, в которых поддерживаются и реализуются коллективные интересы политических единомышленников. Таким образом, социальная установка обеспечивает трансформацию индивидуальных переживаний личного опыта по удовлетворению потребностей и реализации интересов в переживания коллективные, что приводит к образованию устойчивых молодежных групп в области политических отношений, формирующихся как результирующий итог процессов самоорганизации.

Когда социальные установки начинают играть роль социокультурного регулятора, их устойчивость в этом качестве и равным образом эффективность зависят от того, насколько они оказались отрефлексируемыми познающим субъектом. Следовательно, речь идет о социальных ценностях. Понимание ценностей, лежащее в основе использования этого термина в данной статье, будет основываться на классическом определении, предложенном американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким в их совместном труде «Польский крестьянин в Европе и Америке». В указанной работе читаем следующее: «Под социальной ценностью мы понимаем любой предмет, обладающий эмпирическим содержанием, доступным членам социальной группы, а также значением, вследствие которого он является или может быть объектом действия» [7, с. 109]. Ценность продуцирует

возникновение социальной солидарности, поскольку создание единой шкалы оценки значимостей социальных объектов поддерживает групповую сплоченность и наличие системных связей, в основе которых лежат ролевые модели поведения, созданные таким образом, чтобы группа была одновременно и дифференцированной, и единым целым.

Итак, трансформация потребностей в интересах, воспроизводство на их основе социальных установок и ценностей в конечном итоге приводит к образованию пространства группового политического сознания, где социальные акторы обладают типизированными относительно друг друга мотивами к совершению политических действий. Одна из важнейших характеристик примирительно к молодежи заключается в том, что социальные условия, порождающие условия её социализации, характеризуются более высоким уровнем неопределенностей и нестабильности. Надо понимать, что описанный механизм всего лишь упорядочивает процессы создания типичностей, но не приводит к абсолютному единообразию в социальной реальности. В итоге в сознании разных групп акторов возникает нацеленность на воспроизводство устойчивых социальных форм для деятельности в групповых сообществах, где имеются альтернативные господствующим типам культуры программы поведения. Молодежь в силу характеристик, присущих именно этой возрастной группе, имеет устойчивые мотивы к более активной деятельности, чем иные возрастные когорты. Спонтанность условий, в которых формируется политическое сознание молодежи, рождает неопределенность, неструктурированность. Это, в свою очередь, ведет к потере управляемости, а поэтому обуславливает особо острую потребность в саморегуляции своей деятельности.

Всё сказанное свойственно в большей степени молодежи Крыма, чем этой же возрастной группе из других регионов России. Если на материке, как нередко выражаются в Крыму, молодые люди проходят «дежурную» социализацию, включаясь в сложившуюся матрицу из политических ценностей, норм и ролей, то на полуострове заявленная «спонтанность условий» по разным причинам, о которых мы напишем ниже, имеет куда большую вариативность, нежели в остальной России.

Анализ особенностей саморегуляции политической жизни молодежи Крыма в условиях интеграции региона в состав Российской Федерации был осуществлен в ходе социологического опроса студентов Крымского федерального университета (КФУ), реализованного в два этапа: 12–20 февраля и 12–13 марта 2018 года. Исследование проводилось с целью выполнить анализ основных характеристик электорального поля КФУ (студенты) по параметрам оценки политической, экономической и социально-психологической ситуации в Крыму, а также по основным параметрам электорального поведения — электоральной активности, определенности, устойчивости и мотивации выбора. Всего в опросе приняли участие 1400 студентов структурных подразделений и филиалов КФУ. Дополнительно к этому применялся метод анализа документов, среди которых преобладали такие источники эмпирической информации, как СМИ на электронных носителях, социальные сети, интернет-блоги.

Результаты исследования. Оценка процессов саморегуляции, проходящих в политической жизни крымской молодежи, будет осуществляться с применением трех эмпирических индикаторов: 1) удовлетворенность положением дел в регионе (стране); 2) артикуляция трудностей; 3) готовность включаться в альтернативные программы политического участия. Эти три индикатора находятся в тесной взаимосвязи между собой, т.к. отражают наличие психологического фона для иных форм политического участия, социальные основания для неудовлетворенности результатами официальной политики и осмысление способов политического участия, непредусмотренных в рамках желаемых или одобряемых процедур.

Обратимся к вопросу об удовлетворенности положением дел в регионе (стране).

Глубоких различий между региональной и общефедеральной оценкой не выявлено. Это подтверждается и другим вопросом из анкеты, которым предлагается осуществить непосредственное сравнение качества жизни в Республике Крым по сравнению с другими регионами России. Варианты «лучше» и «в нашем регионе люди живут в среднем так же, как и в большинстве дру-

Таблица 1

Удовлетворенность студентов положением дел в Республике Крым (стране), в %

Варианты ответов	Полученный результат, в %	
	В Республике Крым	В Российской Федерации
Удовлетворен	10,4	4,8
Скорее удовлетворен	34,88	38,08
Скорее не удовлетворен	28,8	28,16
Совершенно не удовлетворен	12,96	13,6
Затрудняюсь ответить	12,96	15,36

Таблица 2

Проблемы, которые являются острыми лично для Вас, в %

Варианты ответов	Полученный результат, в %
Рост цен на товары и услуги	36
Рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги, квартплату	32
Плохие дороги, плохая работа транспорта	30
Низкий уровень медицинских услуг, плохая работа органов здравоохранения	28,8
Низкие зарплаты	28,4
Коррупция, плохая работа и произвол чиновников	24,4
Низкое качество жилищно-коммунальных услуг	24,4
Низкие пенсии	21,2
Плохое состояние окружающей среды, экологические проблемы	19,2
Трудности с выездом за границу	17,2
Проблемы нравственного состояния общества, низкий уровень морали, равнодушие окружающих людей	16,8
Угроза безработицы	16
Распространенность пьянства, алкоголизма, наркомании	14,4
Приезд в регион большого количества новых жителей, мигрантов	13,6
Нехватка жилья, плохое качество, ветхость жилья	12,8
Угроза террористических актов	12
Межнациональные проблемы	9,2
Низкий уровень системы образования в регионе (школы, училища, вузы)	8,4
Высокий уровень преступности	4
Другое	2

гих регионов страны, в чем-то хуже, в чем-то лучше» выбрали в совокупности 63,36% респондентов. Согласие с альтернативной позицией «в нашем регионе люди в основном живут хуже, чем в большинстве других регионов страны» высказали 28,32% от числа всех опрошенных. Наличие совпадений в ответах только облегчает нам выход на целостное понимание того, что саморегуляция молодежи в политической сфере зависит не от осознания отсталости от других регионов России, а от неприятия конкретных проблем социально-экономического характера самого региона проживания. Вопрос заключается только в том, были ли эти проблемы всегда, в том числе в украинский период жизни полуострова, или они стали следствием вхождения Крыма в состав России. На самом деле, это важно, поскольку данный аспект напрямую связан с той схемой, которую мы сконструировали в теоретико-методологической части статьи. По линии социального недовольства можно выстроить комбинацию понятий, через которые мы описали механизм саморегуляции. В конечном итоге за представленными цифрами, свидетельствующими в данном качестве лишь о глубине психологического фона, на котором произрастают импульсы политического недовольства, можно попытаться увидеть реальные мотивы, способные действовать как факторы политической самоорганизации. Даже простой линейный замер выявляет, что в Крыму имеется около 40% потенциально недовольных своим положением студентов. Это означает, что, как минимум, именно такое количество студентов способно выбирать альтернативные официальным формы политической саморегуляции.

Наличие большого количества молодежи, неудовлетворенной положением дел в регионе, актуализирует потребность понять, какие проблемы служат основанием для этого.

Нетрудно заметить, что на верхних этапах пирамиды из лично актуализированных проблем располагаются трудности социально-экономического характера. Безусловным лидером оказался «рост цен на товары и услуги» (36,0%). В значительной степени это является прямым следствием вхождения полуострова в состав России. Рост цен в перспективе мог бы быть компенсирован ростом показателей развития, однако есть один ас-

пект этой проблемы, который нельзя исправить простым выравниванием качества жизни населения полуострова под общероссийские стандарты. Речь идет об утрате крайне удобной для украинского периода практики, когда наличие разного диапазона цен в Крыму и России позволяло российским туристам за одинаковую сумму денег потреблять на полуострове значительно больший объем благ, чем у себя на родине. Теперь цены подравнялись, говорят даже о так называемой «революции цен», и это привело к снижению покупательских возможностей граждан России в Крыму. А между тем, они во многом теперь являются единственными потребителями туристического продукта: из-за санкций иностранцы в Крым приехать не могут, а украинцы по известным причинам не хотят.

О значимости ценовой революции в восприятии самой молодежи Крыма может свидетельствовать тот факт, что при ответе на другие вопросы, связанные со стратегией развития региона, респонденты выбирали ответы, нацеливающие перспективы развития Крыма как международного туристического центра. Так, вариант ответа «регион должен развиваться как туристическая зона, производитель экологически чистых сельхозпродуктов, как экологический заповедник» выбрали 49,28% респондентов, а близкую ему по стратегии реализации формулировку «регион должен развиваться как “свободный порт”, “окно”, торговые “ворота” из России во внешний мир, и из внешнего мира в Россию» — 21,44%.

Также видно, что молодежь серьезно обеспокоена дефектами в социально-экономической инфраструктуре (транспорт, ЖКХ, дороги и т.д.), что частично можно считать наследием от украинского периода (транспорт и дороги), но также имеет следствия в связи с особенностями новой российской политики (рост оплаты за ЖКХ). Другие вопросы, например, проблемы духовно-нравственного характера, защита безопасности, низкий уровень образования, рост преступности, межнациональные противоречия оказались не столь значимыми при оценке их личностной актуальности.

Вне всякого сомнения, большая часть молодежи позитивно оценивает вхождение Крыма в состав России и видит те новые воз-

возможности, которые это объединение им предоставляет. Но имеется и определенная группа, которую далее нам предстоит определить количественно, потенциально способная искать и ищущая в реальной политике альтернативные формы саморегуляции в политической сфере.

В качестве обоснования мы можем сослаться на ряд полученных в процессе социопроса данных, свидетельствующих о поиске иных векторов политического развития для Крыма и, вероятно, личного движения по данным направлениям.

Социальные сети, разговоры с родственниками, а также телеканалы как источники информации ожидаемо оказались среди лидеров, но при этом большой удельный вес в обозначенном качестве занимают иноязычные сайты, что, очевидно, для крымской молодежи было более типично, чем для российской ещё с украинского периода. После воссоединения с Россией привычка получать информацию с иностранных сайтов сохранилась. С учетом того, что за рубежом Крым считается аннексированным, в западных СМИ преобладает соответствующая этой установке риторика при оценке современной ситуации на полуострове. Усугубление некоторых проблем, о которых говорили респонденты, в иностранных СМИ напрямую связывается с изменением международного статуса региона. Под обоснование этой мысли

работают информационные порталы, газеты, социальные сети и т.п., домены которых располагаются за границей. Пропаганда облегчается тем, что в соседней Украине русский язык становится средством антироссийской политики, облегчая проведение информационной войны за вовлечение крымской молодежи в альтернативные официальным формы политического участия.

Большую роль в этом играют разного рода структуры, определяющие цель своей деятельности как правозащитную. Современные российские власти предпринимают значительные усилия для создания на полуострове официально поддерживаемых НКО подобно существующей в Ростовской области АНО «Общественный контроль» (её крымский аналог — КРОО «Правозащитный комитет “Дело чести”» [8]), но сохраняются и даже создаются новые группы, действующие как исключительно сетевые сообщества, поскольку они регистрируются под зарубежными доменами, но при этом провозглашают, что действуют на территории Крыма. Одной из таких организаций является «Крымская правозащитная группа». Ее функции шире, чем у сетевого сообщества, т.к. данная организация фактически выступает в роли информационного агентства, самопровозглашенная цель которого «содействие соблюдению и защите прав человека в Крыму путем привлечения широкого внимания к проблемам прав

Таблица 3

Из каких источников Вы обычно узнаете о событиях, в %

Варианты ответов	Полученный результат, в %
Социальные сети	66,56
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	63,52
Общероссийские телеканалы (по значимости): <i>Россия 24, Первый канал, Россия, НТВ, Рен ТВ</i>	41,6
Интернет (иноязычные сайты): <i>Ютуб, Гугл, The New York Times (16% названий сайтов не указали)</i>	34,08
Случайные разговоры в общественных местах, слухи	24,16
Крымские телеканалы (по значимости): <i>Крым 24, 1 Крым, Миллет, ИТВ, ИКС</i>	15,52
Общественная организация, в которой состоите	8,8
Сайт КФУ	8,8
Газеты (по значимости): <i>Крымская правда, Репортер, Взгляд</i>	6,72

человека и международного гуманитарного права на территории Крымского полуострова, а также поиску и выработки механизмов для защиты прав человека в Крыму» [9]. По сути, это антироссийская организация, функционирование которой поддерживается за счет западных финансовых источников. В более традиционном формате, как сетевое сообщество в «ФВ», действует «Правозащитное движение Крыма». Территориально оно располагается на Украине, где имеет статус НКО, но тематическая направленность связана с Крымом, что обеспечивается размещением информации о нарушениях (с точки зрения администраторов группы) прав человека на полуострове. Просмотр сетевых записей показал, что «Правозащитное движение Крыма» размещает посты исключительно этнического характера, фиксируя действия российских правоохранительных органов против крымско-татарского населения [10].

Подобного рода сетевых площадок в информационном пространстве, доступном крымской молодежи, много. Их влияние на процессы саморегуляции бесспорно, т.к. они пробуждают интерес к альтернативной интерпретации трудностей процесса интеграции Крыма в Россию, порождая в политическом сознании ценности антироссийского характера. Вследствие этого политическое участие определенной части молодежи начинает подчиняться ценностям протестного характера. Надежным индикатором для проверки масштаба протестного потенциала среди молодежи могут послужить соответствующие решения, которые прогнозировались респондентами относительно участия в президентских выборах 2018 года.

Из данных таблицы 4 видно, что группа молодежи, у которой выявлены абсентеист-

ские ценности, составляет 41,14%. Это почти половина из числа опрошенных. В данной связи нам были интересны причины нежелания идти на избирательные участки, которые назывались респондентами именно из этой группы. Чаще всего среди них преобладали политические мотивы: «недоверие ко всем без исключения кандидатам в Президенты» — 14,88%, «неуверенность в справедливом подсчете голосов» — 16,96%, «политические (религиозные) убеждения» — 8,93%. Остальные варианты ответов не содержали политических акцентуаций, и их, соответственно, можно не принимать в расчет в качестве импульсов для саморегуляции политической жизни крымской молодежи. При сложении выявленных результатов получаем сумму, примерно равную сорока процентам. Это около половины от суммарного показателя в 41,14%, количественно характеризующих группу отказников от президентских выборов. Соответственно, по всей выборке выделяем совокупность респондентов в 20–25%, политические ценности которых, скорее всего, не совпадают с официальными. Именно эта группа и показывает масштаб протестного потенциала среди молодежи Крыма.

Заключение. В основе саморегуляции лежит проявление компенсаторной функции, связанной с замещением недостатка внешней организующей силы, необходимой для сохранения устойчивости социального взаимодействия. Она особенно значима в условиях социальной разбалансированности, проявляющейся в наличии несогласованных между собой целей, ценностей, интересов, свойственных разным группам социальных акторов. Особенности политической саморегуляции выражаются в том, что её механизм

Таблица 4

18 марта состоятся выборы Президента России. Намерены ли Вы голосовать, в %

Варианты ответов	Полученный результат, в %
Непременно буду голосовать	25,46
Скорее всего, буду голосовать	26,07
Скорее всего, не буду голосовать	12,83
Не собираюсь участвовать в выборах	28,31
Затрудняюсь ответить	7,33

формируется из политических интересов и ценностей. Структура политической саморегуляции описана нами через операционализацию таких понятий, как политические потребности, интересы, установки и ценности, в комплексе образующие определенный тип политического сознания. Саморегуляция политической жизни крымской молодежи на современном этапе проходит в непростых условиях. Неопределенность и неустойчивость, порождающие потребность в самоорганизации, для молодежи Крыма свойственны в большей степени, чем для их сверстников из других регионов России. Это обусловлено процессами ресоциализации, замены одного типа политического сознания другим. Дополнительным импульсом к самоорганизации выступает наличие старых программ политического участия, альтернативных тем, которые поддерживаются официальной российской властью. Оценка процессов саморегуляции, проходящих в политической жизни крымской молодежи, осуществлялась через социологический опрос с применением трех эмпирических индикаторов: 1) удовлетворенность положением дел в регионе (стране); 2) артикуляция трудностей, переживаемых региональной молодежью; 3) готовность включаться в альтернативные официальным программы политического участия. Масштабность процессов саморегуляции мы поставили в зависимость от выявления протестного потенциала среди крымской молодежи. Установлено, что большая часть молодежи позитивно оценивает вхождение Крыма в состав России и видит те новые возможности, которые это объединение им предоставляет. Но имеется и определенная группа, потенциально способная искать и ищущая в реальной политике альтернативные формы саморегуляции. В анализируемой выборке выделена совокупность респондентов в 20–25%, политические ценности которых, скорее всего, не совпадают с официальными. Именно эта группа и показывает масштаб протестного потенциала среди молодежи Крыма.

Литература

1. В Крыму школьники написали объяснительные за спетый гимн Украины [Электронный ресурс] — Режим доступа: [https://](https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-krimu-shkoljniki-napisali-objyasniteljnje-za-spetij-gimn-ukraini)

point.md/ru/novosti/v-mire/v-krimu-shkoljniki-napisali-objyasniteljnje-za-spetij-gimn-ukraini.

2. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // Социология власти. — 2011. — №6.

3. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004.

4. *Александров Д. В.* Понятие «интерес» в современной западной социологии // Социологические исследования. — 2014. — №8.

5. *Зубок Ю. А.* Рефлексия в саморегуляции социально-политических взаимодействий молодежи // Социология власти. — 2012. — №2.

6. *Гордеева С. С.* Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2016. — Выпуск 3.

7. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. — Chicago, Ill.: The University of Chicago Press. — 1918–1920. — Vol. 1.

8. Правозащитный комитет «Дело чести» [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.facebook.com/affairofthonor.

9. Крымская правозащитная группа [Электронный ресурс] — Режим доступа: crimeahrg.org/about.

10. Правозащитное движение Крыма [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.facebook.com/humanrights.rk.

References

1. V Krymu shkol'niki napisali objasnitel'nye za spetyj gimn Ukrainy [In Crimea, the students write an explanation for sung the anthem of Ukraine] [Elektronnyj resurs] — URL: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-krimu-shkoljniki-napisali-objyasniteljnje-za-spetij-gimn-ukraini>.

2. *Zubok Ju. A., Chuprov V. I.* Sociokul'turnyj mehanizm samoreguljacji v politicheskoj zhizni molodezhi [Socio-Cultural mechanism of self-regulation in the political life of youth] // Sociologija vlasti [Sociology of power]. — 2011. — №6.

3. *Shjuc A.* Izbrannoe: Mir, svetjashhij sja smyslom [Selected: the World that glows with meaning]. — Moscow: ROSSPJeN, 2004.

4. *Aleksandrov D. V.* Ponjatje «interes» v sovremennoj zapadnoj sociologii [The Concept

of «interest» in modern Western sociology] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. — 2014. — №8.

5. Zubok Ju. A. Refleksija v samoreguljaciji social'no-politicheskikh vzaimodejstvij molo-dezhi [Reflection in self-regulation of socio-political interactions of youth] // Sociologija vlasti [Sociology of power]. — 2012. — №2.

6. Gordeeva S.S. Sushhnost' i struktura social'noj ustanovki v sociologii i social'noj psihologii [The Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. — 2016. — Issue 3.

7. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. — Chicago, Ill.: The University of Chicago Press. — 1918–1920. — Vol. 1.

8. Pravozaashhitnyj komitet «Delo chesti» [Human Rights Committee «Case of honor»] [Elektronnyj resurs] — URL: www.facebook.com/affairofhonor.

9. Krymskaja pravozaashhitnaja grupa [The Crimean human rights group] [Elektronnyj resurs] — URL: crimeahrg.org/about.

10. Pravozaashhitnoe dvizhenie Kryma [The human rights movement of the Crimea] [Elektronnyj resurs] — URL: www.facebook.com/humanrights.rk.

Поступила в редакцию

9 сентября 2020 г.

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Dyatlov Alexander Viktorovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: avdyatlov@yandex.ru

Ковалев Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Kovalev Vitaliy Vladimirovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: vitkovalev71@gmail.com

Понамарев Александр Борисович — аспирант кафедры «Теоретическая социология и методология региональных исследований» Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Ponomarev Alexander Borisovich — Post-graduate Student of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: kalvarus94@gmail.com

УДК 316.4, 314.728

10.17213/2075-2067-2020-5-65-73

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ)

© 2020 г. А. Н. Дьяченко, И. В. Печкуров, Д. А. Мамина

Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования заключается в определении влияния пандемии COVID-19 на современную миграционную ситуацию в Российской Федерации.

Методологическая база исследования складывается из основных принципов и положений экономического и социологического подходов к изучению миграции и миграционных процессов.

Результаты исследования. В результате анализа миграционной ситуации и миграционной активности в Российской Федерации отмечается, что миграционная ситуация в России в период пандемии и режима изоляции претерпела определенные изменения. Миграционный прирост в России в 2020 году снизился в два раза в сравнении с 2019 годом, а трудовые мигранты оказались в сложном положении: в России ряд предприятий вынужден был прекратить свою деятельность, в результате значительное количество трудовых мигрантов остались без работы и средств к существованию. По причине закрытия границ поток трудовых мигрантов в Россию заметно снизился, а значительное число мигрантов, которые в это время находились на территории России, были вынуждены уехать на родину (если была такая возможность).

Перспектива исследования заключается в том, что в связи с возрастающим количеством заражений коронавирусной инфекцией есть вероятность продления или возобновления ограничительных мер, что, несомненно, отразится на положении мигрантов и миграционной ситуации в России в целом.

Ключевые слова: миграционная ситуация; миграционные процессы; трудовая миграция; пандемия COVID-19.

MIGRATION SITUATION IN RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC (ON THE EXAMPLE OF LABOR MIGRATION)

© 2020 A. N. Dyachenko, I. V. Pechkurov, D. A. Mamina

South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to determine the impact of the COVID-19 pandemic on the current migration situation in the Russian Federation.

The methodological base of the research consists of the main principles and provisions of economic and sociological approaches to the study of migration and migration processes.

Research results. As a result of the analysis of the migration situation and migration activity in the Russian Federation, it is noted that the migration situation in Russia during the pandemic

and the isolation regime has undergone certain changes. Migration growth in Russia in 2020 decreased twice in comparison with 2019, and labor migrants found themselves in a difficult situation: in Russia, a number of enterprises were forced to stop their activities, as a result, a significant number of labor migrants were left without jobs and means of livelihood. Due to the closure of borders, the flow of labor migrants to Russia has significantly decreased, and a large number of migrants who were in Russia at that time were forced to leave for their homeland (if possible).

The prospect of the research lies in the fact that due to the increasing number of coronavirus infections, there is a possibility of extending or resuming restrictive measures, which will undoubtedly affect the situation of migrants and the migration situation in Russia as a whole.

Key words: migration situation; migration processes; labor migration; COVID-19 pandemic.

Введение. Пандемия коронавируса внесла значительные изменения в жизнедеятельность современного общества. Мог бы современный человек подумать, что распространение вирусного заболевания настолько повлияет на жизнь общества, государства и каждого человека в отдельности? Однако, это все же произошло: повсеместный локдаун в первой половине 2020 г. в Китае, Европе, России оказал серьезное влияние на многие сферы жизни общества, в первую очередь, экономическую и социальную: разорение малых и средних предприятий, которые не смогли «пережить» пандемию, многие государства, которые существовали за счет туризма, оказались в очень трудной ситуации с закрытием границ и введением режима изоляции, значительно увеличилась безработица.

Россия в этом плане не является исключением: закрытие многочисленных предприятий среднего и малого бизнеса, увеличение темпов роста безработицы, значительные социальные проблемы в обществе — все это стало результатом введения режима самоизоляции. Разумеется, пандемия оказала большое влияние на миграционные процессы в России: закрытие границ и прекращение авиасообщения с другими государствами привели к снижению миграционных потоков в России, причем как внутренних, так и внешних. Трудовые мигранты оказались в непростой жизненной ситуации, когда, лишившись работы, они остались без средств к существованию, а из-за закрытия границ у них даже не было возможности вернуться на родину.

В данном исследовании автор предпринимает попытку рассмотреть влияние пандемии

COVID-19 на миграционную ситуацию в России. Для этого необходимо: 1) выяснить, как вообще происходили миграционные процессы в этот нелегкий для России период; 2) какие были последствия пандемии для предприятий; 3) определить положение трудовых мигрантов в России в период пандемии.

Критический анализ литературы.

Вопросы трудовой миграции в России всегда являлись предметом научного интереса российских социологов и экономистов. Активно изучением проблемы трудовой миграции занимались следующие ученые: Л.Л. Рыбаковский, В.И. Мукомель, С.В. Рязанцев, Ю.В. Рошин, А.П. Седлов. В своих многочисленных исследованиях ученые занимались изучением следующих вопросов: причины трудовой миграции в Россию, структура миграционных потоков, основные направления международной трудовой миграции в России, принципы миграционной политики и государственное управление миграционными процессами.

В настоящее время особый интерес для исследователей представляет трудовая миграция в условиях пандемии коронавируса. Так коллектив авторов (С. Рязанцев, З. Вазиров, М. Храмова, А. Смирнов) в своем исследовании «Влияние пандемии COVID-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России» рассматривает, как изменилась жизнь мигрантов из Центральной Азии в период пандемии. В результате ученым удалось установить, что мигранты из стран Центральной Азии столкнулись с такими проблемами, как потеря работы и ухуд-

шение социально-экономического и финансового положения [1]. А. В. Титова в своей статье «Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации» выяснила, с какими трудностями столкнулись трудовые мигранты в результате пандемии, а также какие меры были предприняты государством для облегчения жизни мигрантов на территории России в период пандемии [2]. И. В. Фадеева в статье «Государственное управление трудовой миграцией в период пандемии» рассматривает вопросы государственного регулирования трудовой миграции, а также государственные и региональные антикризисные меры по поддержанию мигрантов [3].

Методология исследования. Для определения современной миграционной ситуации в России в настоящее время и в период «разгара» пандемии коронавируса использовались различные социологические методы, в частности, автором использовался метод контент-анализа: были изучены различные статистические сборники, нормативно-правовые акты и новостные статьи. Автор обращался к системному и сравнительному методам анализа с целью выявления влияния пандемии на миграционные процессы. Также был использован метод мониторингового наблюдения, способствующий анализу динамики миграционных процессов в России.

Для изучения миграционных процессов в современной науке используются различные подходы и парадигмы. В целом под миграцией понимается процесс перемещения населения, предполагающий смену места жительства на постоянной или временной основе. Многими исследователями экономический подход представляется универсальным в вопросах изучения миграционных процессов, данный подход использовался такими зарубежными исследователями, как К. Маркс, А. Смит, Д. Кейнс и др., среди отечественных ученых можно выделить работы Л. А. Абалкина, Л. Л. Рыбаковского, Ж. А. Зайончковской. С позиции экономического подхода миграция способствует распределению трудовых ресурсов, повышению качества рабочей силы по средствам усиления конкуренции на рынке труда. По мнению представителей данно-

го подхода, миграция в большинстве случаев обусловлена экономическими факторами [4].

В наибольшей степени экономический подход подходит для объяснения процессов трудовой миграции. Под трудовой миграцией чаще всего понимается перемещение из места постоянного проживания на длительный период времени с целью получения заработка и последующим возвращением. При этом трудовая миграция может быть внутренней (внутри государства) и внешней, целевой, вынужденной и принудительной. Целевая трудовая миграция обусловлена притягивающими факторами — благоприятными условиями в государстве-реципиенте (высокий уровень жизни, доступный, обширный рынок труда, благополучная экономическая ситуация). Вынужденная миграция в свою очередь определяется выталкивающими факторами: неблагоприятной экономической ситуацией, низким уровнем жизни, недостатком рабочих мест в государстве-доноре [5].

Социологический подход в изучении миграционных процессов обычно применяется в вопросе изучения адаптации мигрантов в принимающем сообществе, отношения принимающего сообщества к мигрантам, выявлении причин, факторов и последствий миграции. Данный подход может оказаться очень полезным в рассмотрении роли пандемии COVID-19 в современных миграционных процессах, так как социологические методы дают возможность в полной мере рассмотреть сложившуюся ситуацию с точки зрения самих мигрантов и работодателей.

Результаты исследования. Как уже было отмечено ранее, пандемия коронавируса и последующий локдаун оказали значительное воздействие на все сферы жизнедеятельности российского общества и государства. Для более полного изучения влияния пандемии на миграционную ситуацию в России необходимо рассмотреть, насколько изменилась экономическая ситуация и социально-экономические показатели, так как эти вопросы напрямую связаны с миграцией.

По данным Росстата, в январе-сентябре 2020 г. практически по всем показателям социально-экономического развития России наблюдается снижение по сравнению с данными за аналогичный период прошлого

2019 г. По оценке отечественных экономистов и аналитиков, в период пандемии спад ВВП составил 6%, а восстановление докризисного уровня будет возможно лишь через несколько лет после пандемии и нормализации ситуации [6].

В результате ухудшения экономической ситуации в стране и введения режима самоизоляции больше 1 млн. предприятий среднего и малого бизнеса и индивидуальных предприятий не смогли справиться с «навалившимися» проблемами и прекратили свою деятельность. По данным ФНС, с августа 2019 по август 2020 г. 506 тысяч предприятий среднего и малого бизнеса и 650 тысяч индивидуальных предприятий были закрыты, что практически в два раза больше, чем за аналогичный период 2018–2019 гг. [7].

Стоит отметить, что наиболее тяжелым для всей российской экономики и жителей России оказался второй квартал 2020 г., именно тогда был введен режим самоизоляции. Снизился уровень жизни населения: уровень доходов во втором квартале упал на 8,8% к первому кварталу 2020 г. и на 4,8% к 2019 г. [8]. Уровень доходов населения в III квартале 2020 г. снизился на 3,6% по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по оценке, в январе–сентябре 2020 г. по сравнению с январем–сентябрем 2019 г. упали на 4,3% [9].

Вместе с этим произошло повсеместное повышение цен, что было вызвано необходи-

мостью предпринимателей покрывать свои расходы и попыткой «возродить» свой бизнес. Соответственно, рост цен и снижение доходов также привели к снижению покупательной способности, отмечается наименьший показатель за 10 лет [8].

Однако наибольший интерес для нас представляют такие социально-экономические показатели, как занятость и безработица. Численность рабочей силы в сентябре 2020 г. составила 75,3 млн. человек (51% от общей численности населения страны) [9]. Если рассмотреть динамику безработицы за последние 5 лет [10], то получается следующая картина (табл. 1).

Как видно, в сентябре 2020 г. показатель безработицы показал свой максимум за последние 5 лет, однако, стоит отметить, что такой высокий показатель обусловлен не только сокращением рабочих мест и повсеместными увольнениями, но еще и тем, что больше людей, потерявших работу, стали вставать на учет в центрах занятости, это объясняется увеличением социальных выплат официально безработным. По предварительным данным Росстата, в службе занятости зарегистрировано 3,7 млн. человек [9].

По данным Росстата, получается следующая миграционная ситуация в стране (табл. 2).

Очевидно, что в 2020 г. наблюдается снижение количества прибывших мигрантов по сравнению с 2019 г. на 16,5%, при этом количество выбывших в 2020 г. оказалось меньше, чем в 2019 г., а миграционный прирост сократился более чем в 2 раза [9]. Все

Таблица 1

Динамика безработицы в России (2015–2020 гг.)

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (на сентябрь)
Показатель %	5,60%	5,50%	5,50%	4,90%	4,90%	6,30%

Таблица 2

Миграционная ситуация в России в 2019 и 2020 гг.

	Январь-август 2019 г.	Январь-август 2020 г.
прибывшие	3037000	2537365
выбывшие	2870342	2468260
Миграционный прирост	166658	69105

эти метаморфозы с показателями миграции можно объяснить именно влиянием пандемии. Итак, количество прибывших и выбывших в Россию объясняется тем, что в период пандемии значительно усложнился процесс пересечения границы (в том числе был ужесточен пропускной режим), было прекращено авиасообщение с многими странами, а также произошло закрытие границ как со стороны России, так и со стороны других государств, так что потенциальные мигранты лишились возможности попасть на территорию России, а мигранты, которые оказались в это время в России, не смогли вернуться на родину.

В России трудовые мигранты всегда составляли большую долю трудоспособного населения. В большинстве своем в Россию прибывали мигранты из стран Центральной Азии и СНГ, которые занимали определенные ниши на рынке труда (кто-то занимался торговлей, кто-то работой в сфере ЖКХ и т.д.). Однако, несмотря на то, что миграционная служба предпринимает различные меры для борьбы с нелегальной трудовой миграцией, немаленькая доля трудовых мигрантов, преимущественно из Центральной Азии, задействована в «теневом» секторе, без официального трудоустройства. Введение режима самоизоляции в период пандемии COVID-19, повлекшее за собой приостановку работы ряда предприятий и компаний, негативно отразилось на жизни трудовых мигрантов, которые оказались в «патовой» ситуации (вернуться на родину им не представляется возможным, нет средств к существованию в России, работу найти они тоже не могут, а получение какой-либо государственной поддержки невозможно).

Стоит отметить, что трудовые мигранты имеют важное значение для развития Российского государства, так они вносят значительный вклад в демографическое и экономическое развитие страны, а также обеспечивают стабильное функционирование тех отраслей экономики, в которых трудятся преимущественно мигранты. По разным оценкам, в России трудится около 10–12 млн. трудовых мигрантов, отмечается, что примерно каждый десятый работник в России — мигрант. При этом не стоит забывать, что не все трудовые мигранты, как говорилось выше, официально зарегистрированы, поэтому их количест-

во может быть больше, что делает трудовых мигрантов значительной социальной группой, которая при определенных условиях может начать «бороться» за лучшие условия работы.

В РАНХиГС был проведен опрос о положении иностранных трудовых мигрантов в период пандемии и режима изоляции. По результатам опроса, 40% трудовых мигрантов потеряли работу, а 35% были отправлены в неоплачиваемый отпуск, 51% мигрантов по всей России заявили, что лишились всех источников дохода, это также подтверждается значительным сокращением денежных переводов за пределы России в страны СНГ [11].

Эти данные также подкрепляются результатами онлайн-опроса, проведенного профсоюзом «НовоПроф», респондентами преимущественно выступили жители Кыргызстана. Были получены следующие результаты: 35% респондентов не имели трудового договора с работодателем, у 44% респондентов была возможность продолжить свою трудовую деятельность в пандемию и 41% заявили, что их уровень заработной платы сохранился на прежнем уровне, 18% респондентов отправили в неоплачиваемый отпуск, а 10% были уволены при закрытии предприятий в период изоляции [11].

Как отмечалось ранее, в связи с введением режима изоляции и прекращением работы определенного количества предприятий трудовые мигранты оказались в сложном положении. Однако российское государство предприняло некоторые меры для облегчения жизни мигрантов, «застрявших» в России на неопределенный срок. 18 апреля Президент России подписал Указ №274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства» в период пандемии. Данный указ позволил избавить трудовых мигрантов, которые работают по патенту и потеряли работу в период пандемии, от ежемесячной оплаты фиксированного авансового платежа налога на доходы физических лиц на период с 15 марта по 15 июня, так они получили возможность легального пребывания на территории РФ [11]. Также в период пандемии в Главном управлении по вопросам миграции МВД России заявили о том, что не будут де-

портировать иностранных граждан и аннулировать их документы.

Однако, в связи с правовой безграмотностью мигрантов предпринятые государством меры не показали в полной мере свою эффективность: многие трудовые мигранты все равно продолжали оплачивать патент, потому что боялись быть «выдворенными» из России после окончания пандемии и открытия границ по причине неоплаты патента.

Трудовые мигранты в России обычно занимают низкоквалифицированным и низкооплачиваемым трудом в сфере ЖКХ или на стройках. В последнее время в ряде регионов России в связи с оттоком трудовых мигрантов отмечается недостаток рабочей силы в данных сферах. Примечательно, что в это же время растет уровень безработицы среди местного населения, но пока никто не спешит занимать освободившиеся рабочие места, на которых ранее трудились мигранты. В Иркутской области, например, количество трудовых мигрантов с начала года сократилось вдвое по сравнению с тем же периодом в 2019 г., особенно ощущается недостаток рабочей силы в сфере строительства [12]. Эксперты отмечают, что граждане России не стремятся занимать рабочие места мигрантов по причине низкой оплаты труда и непрестижности подобных профессий. Работодатели, которые остались без работников, не намерены увеличивать заработную плату для привлечения к работе россиян, поэтому большинство предприятий в России ждут окончания пандемии и возвращения трудовых мигрантов.

В результате, введение режима изоляции в период пандемии привело к замедлению темпов социально-экономического развития России, сокращению рабочих мест, в следствие закрытия ряда предприятий и компаний значительно снизился уровень трудовой миграции: оставшись без работы, многие мигранты были вынуждены вернуться на родину, а закрытие границ привело к тому, что потенциальные трудовые мигранты из стран СНГ не могут попасть на территорию России.

Заключение. Таким образом, на основе всего вышесказанного можно прийти к заключению, что пандемия COVID-19 и повсеместный локдаун в России оказали значи-

тельное влияние на изменение миграционной ситуации в стране. Отмечается, что по сравнению с показателями миграционной активности за прошлый 2019 г. миграционный прирост в России уменьшился более чем в 2 раза, количество прибывших мигрантов снизилось на 16,5%, при этом численность выбывших оказалась несколько ниже, чем в 2019 г. Такое положение дел обусловлено тем, что в целях нормализации эпидемиологической ситуации в стране российское правительство приняло ряд мер: было остановлено авиа- и железнодорожное сообщение с другими странами, закрыты границы и усилен пограничный контроль, введен режим изоляции, распространившийся на сферы жизнедеятельности общества. В это время в России отмечается максимально высокий уровень безработицы за последние 5 лет (6,3%), происходит закрытие многих предприятий, в результате, по имеющимся данным, около 40% трудовых мигрантов лишились работы и средств к существованию. В результате среди трудовых мигрантов наметилось две тенденции. С одной стороны, мигранты, которые во время пандемии находились в России, были вынуждены либо покинуть территорию Российской Федерации и отправиться на родину, либо остаться в России и пытаться выжить в чужой стране в такой непростой период. С другой стороны, в сложной ситуации оказались потенциальные мигранты, которые собирались отправиться в Россию на заработки, но в связи с пандемией и введением ограничительных мер не смогли попасть в РФ, что, как мы видим, отразилось на миграционной ситуации в России.

Таким образом, в настоящее время миграционная ситуация в России характеризуется снижением миграционной активности, оттоком трудовых мигрантов: в ряде регионов России, особенно в Сибирской части, отмечается дефицит дешевой рабочей силы, которая была представлена трудовыми мигрантами из Центральной Азии. Однако, эксперты отмечают, что подобная ситуация продлится до снятия ограничительных мер и возобновления работы в полной мере различных предприятий и компаний. Как только границы будут открыты, поток трудовых мигрантов увеличится, миграционная ситуация в России нормализуется. Россия останется

наиболее привлекательной в плане трудовой миграции страной для мигрантов из Центральной Азии и стран СНГ, так как, несмотря на все трудности, с которыми страна столкнулась в период пандемии, экономическая ситуация и возможность трудоустройства для мигрантов здесь выше, чем у них на родине или в других странах региона.

Литература

1. *Рязанцев С., Вазиров З., Храмова М., Смирнов А.* Влияние пандемии Covid-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Центральная Азия и Кавказ. — 2020. — Т. 23. — №3. — С. 64–76.

2. *Титова А.В.* Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3. — №4. — С. 342–348.

3. *Фадеева И.В.* Государственное управление трудовой миграцией в период пандемии // Актуальные проблемы административного права и процесса. — 2020. — №2. — С. 61–63.

4. Экономический подход к изучению миграции / Studfile.net. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://studfile.net/preview/4115173/page:7/>.

5. *Нестеров А.А.* Методология исследования трудовой миграции в современных российских экономических условиях // Экономика и управление. — 2010. — №8 (69). — С. 136–138.

6. *Воронина Н.А., Суворова В.А., Волох В.А.* Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. — 2020. — Т. 28. — №4. — С. 26–32.

7. Коронавирус привел к закрытию 1,16 млн. компаний в России / 66.ru. 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://66.ru/news/business/233597/>.

8. *Трушин А.* Двойной удар. Покупательная способность россиян достигла десятилетнего минимума // Огонек. — 2020. — №36.

9. Информация о социально-экономическом положении России (январь-сентябрь 2020) / Росстат. Москва. — 2020. — 118 с.

10. Уровень безработицы в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://>

visasam.ru/russia/rabotavrf/bezrobotica-v-rossii.html.

11. *Вартанова Е.* Трудовые мигранты в период пандемии // Новопроф. 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://novoprof.net/novosti/trudovye-migranty-v-period-pandemii/>.

12. Трудовых мигрантов не хватает: изменит ли COVID-19 рынок труда в России?/ ИА Regnum. — 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/3109028.html>.

References

1. *Rjazancev S., Vazirov Z., Hramova M., Smirnov A.* Vlijanie pandemii Covid-19 na polozhenie trudovyh migrantov iz Central'noj Azii v Rossii [The impact of the pandemic Covid-19 on the situation of migrant workers from Central Asia in Russia] // Central'naja Azija i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. — 2020. — Vol. 23. — №3. — Pp. 64–76.

2. *Titova A.V.* Vlijanie pandemii i uslovija ChS (priblizhennoj k ChS) na migracionnye processy i balans trudovyh resursov v Rossijskoj Federacii [The impact of a pandemic and the conditions of the emergency (close to an emergency) on the migration and balance of labour resources in the Russian Federation] // Postsovetskie issledovanija [Post-Soviet research]. — 2020. — Vol. 3. — №4. — Pp. 342–348.

3. *Fadeeva I.V.* Gosudarstvennoe upravlenie trudovoj migraciej v period pandemii [State management of labor migration during the pandemic] // Aktual'nye problemy administrativnogo prava i processa [Actual problems of administrative law and process]. — 2020. — №2. — Pp. 61–63.

4. Jekonomicheskij podhod k izucheniju migracii [Economic approach to the study of migration] / Studfile.net. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://studfile.net/preview/4115173/page:7/>.

5. *Nesterov A.A.* Metodologija issledovanija trudovoj migracii v sovremennyh rossijskih jekonomicheskij uslovijah [Methodology of labor migration research in modern Russian economic conditions] // Jekonomika i upravlenie [Economics and management]. — 2010. — №8 (69). — Pp. 136–138.

6. *Voronina N.A., Suvorova V.A., Voloh V.A.* Migracionnaja politika v novoj real'nosti: vyhod iz pandemii [Migration policy in the new

reality: exit from the pandemic] // *Vlast'*. — 2020. — Vol. 28. — №4. — Pp. 26–32.

7. Koronavirus privel k zakrytiju 1,16 mln. kompanij v Rossii [Coronavirus led to the closure of 1.16 million companies in Russia] / 66.ru. 2020. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://66.ru/news/business/233597/>.

8. *Trushin A.* Dvojnoj udar. Pokupatel'naja sposobnost' rossijan dostigla desjatiletnego minimuma [Double blow. The purchasing power of Russians has reached a ten-year low] // *Ogonek*. — 2020. — №36.

9. Informacija o social'no-jekonomicheskom polozhenii Rossii (janvar'-sentjabr' 2020) [Information on the socio-economic situation in Russia (January-September 2020)] / Rosstat. Moscow. — 2020. — 118 p.

10. Uroven' bezraboticy v Rossii [The unemployment rate in Russia] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/bezrobotica-v-rossii.html>.

11. *Vartanova E.* Trudovye migranty v period pandemii [Labor migrants during the pandemic] // *Novoprof*. 2020. [Elektronnyj resurs] — URL: <http://novoprof.net/novosti/trudovye-migranty-v-period-pandemii/>.

12. Trudovyh migrantov ne hvataet: izmenit li COVID-19 rynok truda v Rossii? [Labour migrants is not enough to change COVID-19 the labour market in Russia?] / IA Regnum. — 2020. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://regnum.ru/news/economy/3109028.html>.

Поступила в редакцию

19 сентября 2020 г.

Дьяченко Анжела Николаевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН); ответственный секретарь научно-образовательного журнала «Гуманитарий Юга России». Специалист в области исследований межэтнических отношений, патриотизма, гражданской идентичности, национализма, христианской религии, этнонациональных конфликтов. Общий стаж научно-педагогической работы 24 года.

Dyachenko Angela Nikolaevna — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Leading Researcher of the South Russian branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Executive Secretary of the scientific and educational journal «Humanities of the South of Russia». Specialist in the field of research on the interethnic relations, patriotism, civic identity, nationalism, Christian religion, ethno-national conflicts. The general experience of scientific and pedagogical work is 24 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: angelz2004@yandex.ru

Печкуров Илья Васильевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Специалист в области исследований демонстративного потребления, миграционных процессов, формирования государственно-гражданской идентичности. Стаж научной работы 4 года.

Pechkurov Ilya Vasylevich — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the South Russian branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Specialist in the field of research on demonstrative consumption, migration processes, and the formation of state and civil identity. 4 years of research experience.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Мамина Дарья Александровна — младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Специалист в области исследования миграционных процессов в России, социальной справедливости, гражданской ответственности.

Mamina Darya Alexandrovna — Junior Researcher, South Russian branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Specialist in the field of research on migration processes in Russia, social justice, civil consciousness.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: dasha.mamina.96@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-74-83

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

© 2020 г. В. А. Захарова

*Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия*

Целью исследования является изучение институциональных барьеров развития экологического поведения российской молодёжи.

Методологическую базу исследования представляет синтез современных методологических подходов: структурно-функционального институционализма, «понимающей» (культурсоциологии) социологии, рискологического и социально-воспроизводственного направлений социологических исследований.

Результаты исследования. К числу ключевых барьеров, существенно тормозящих развитие экологического поведения в среде российской молодёжи, относятся структурные детерминанты российской экономики, не в последнюю очередь связанные с системными проблемами её модернизации. По-прежнему в российском обществе не в полной мере может быть реализована глобальная экологическая повестка, актуальная для наиболее развитых стран. На сегодняшний день государственная стратегия России, несмотря на целый ряд деклараций экологического характера, всё-таки в большей степени нацелена на адаптацию в условиях санкционного режима и сохранения статуса страны в качестве крупнейшего экспортёра углеводородов.

Перспективу исследования составляет дальнейшее изучение специфики преодоления институциональных барьеров развития экологического поведения российской молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь; российское общество; экологическое поведение; институциональные барьеры.

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH

© 2020 V. A. Zakharova

*Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

The aim of the study is to study institutional barriers to the development of environmental behavior of Russian youth.

The methodological basis of the research is a synthesis of modern methodological approaches: structural and functional institutionalism, "understanding" (cultural sociology) sociology, risk-based and socio-reproductive areas of sociological research.

Research result. Among the key barriers that significantly hinder the development of environmental behavior among Russian youth are the structural determinants of the Russian economy, not least related to the systemic problems of its modernization. The global environmental

agenda, which is relevant for the most developed countries, is still not fully implemented in Russian society. To date, the state strategy of Russia, despite a number of environmental declarations, is still more aimed at adapting to the sanctions regime and preserving the country's status as the largest exporter of hydrocarbons.

The perspective of the research is to further study the specifics of overcoming institutional barriers to the development of environmental behavior of Russian youth.

Key words: *youth; Russian society; environmental behavior; institutional barriers.*

Введение. Экологизация поведения российской молодёжи, то есть его трансформация в сторону большей ответственности в отношении природных объектов и окружающей среды, его рационализация и позитивная оценка имеющихся в стране природных благ имеет не только границы, но и барьеры, препятствующие экологической социализации молодёжи, либо существенно-замедляющей её темпы. Стремление беречь собственную природу сталкивается с ограничениями (барьерами) природного, социально-экономического и техногенного свойства, которые могут тормозить социальные практики, способствующие экологизации поведения современной молодёжи [1]. При этом важно учитывать, что размеры нашей страны и наличие в её составе самых разнообразных регионов демонстрируют многообразие экологических проблем и способов их преодоления.

Барьеры, препятствующие внедрению экологической культуры и распространению экологического поведения, зачастую связываются с исторически сложившимися в течение десятилетий или даже целых веков особенностями системы управления российским социумом. Государственные институты в России прежде всего связаны с вертикалью власти и заинтересованы в первую очередь в исполнении директив вышестоящего начальства, которые заняты обеспечением стабильной работы отечественной экономики. Другой вопрос, что по своей структуре российская экономика (особенно промышленность, а также сектора эксплуатации природных ресурсов) довольно далека от западных и даже мировых стандартов «экологичности». Вместе с тем экологическое поведение требует «низовой организации», способной в той или иной степени аккумулировать импульсы гражданского общества.

Экологическое поведение, направленное на защиту собственного здоровья и здоровья окружающих, входит в число базовых потребностей человека. Вместе с тем между государством и представителями гражданского общества могут возникать разногласия по вопросу реализации экологической политики применительно к различным ситуациям. В данной связи важно отметить, что российская молодёжь далеко не полностью доверяет национальным государственным институтам, особенно тем, которые призваны всячески защищать гражданские права. В частности, Ф. Э. Шереги отмечает, что «молодёжь, придерживающаяся мнения, что её права защищены слабо или не защищены, сомневается в том (60% среди этой категории молодёжи), что Российская Федерация — это правовое государство» [2, с. 62], поэтому можно говорить о том, что и на пути экологических инициатив граждан сохраняется угроза превращения последних в протестную и оппозиционную деятельность.

Барьеры экологического поведения молодёжи в контексте особенностей институциональной среды российского общества. В целом экологическое поведение молодёжи не в последнюю очередь зависит от планомерных инвестиций в человеческий капитал, которые в России существенно отстают от темпов инвестиций в человеческий капитал наиболее развитых и развивающихся стран мира. В свою очередь человеческий капитал во многом определяется уровнем здоровья и экологической защищённости граждан. Так, например, по уровню эффективности медицины Россия уже занимает примерно 53-е место в мире [3], что свидетельствует о неудачах на пути реформирования системы здравоохранения. В данной связи исследователи отмечают, что «продолжительность

жизни сейчас — 72 года, развитые страны прошли эту отметку на 45 лет раньше. При этом современная «оптимизация» здравоохранения не приводит к снижению смертности в стране» [4, с. 101]. Ясно, что продолжительность жизни напрямую связана как с экологическим поведением предшествующих поколений, так и с общими (накопленными) условиями жизни и функционированием институтов здравоохранения, качеством предоставляемых ими услуг. В будущем станет понятно, сможет ли экологическое поведение современной российской молодёжи и те экологические практики, в которые они включены, оказать влияние на рост продолжительности жизни в будущем.

Ведущие отечественные институты, включая государство, образование, гражданское общество и средства массовой информации не обладают соответствующим уровнем координации, способным направить общие усилия на формирование экологической культуры. Не секрет, что многие «независимые» экологические объединения и активисты воспринимаются как оппозиционеры или прямые противники решений, реализуемых на государственном уровне. Зачастую лидеры экологических протестов как бы автоматически записываются властями в провокаторы, которые стремятся к дестабилизации сложившейся ситуации. При этом в политическом пространстве страны не существует сколько-нибудь значимой (институционализированной) парламентской (системной) оппозиции, выступающей с понятных экологических позиций.

Современное состояние ряда институтов, обеспечивающих инвестиции в человеческий капитал, оставляет желать лучшего, поэтому и соответствующие барьеры экологического поведения обнаруживаются в институциональной сфере функционирования современного российского общества. Речь соответственно идет о том, что так называемая институциональная среда по-прежнему остаётся «ахиллесовой пятой» российской экономики, которой не хватает соответствующих правовых практик, способных поддерживать экономический рост и в целом выступать важным регулятором соответствующих трансакций. Качество институтов самым непосредственным образом влияет на кон-

курентоспособность российской экономики в целом и ставит преграды для ее дальнейшего развития в сторону экологизации. «Россия по качеству институтов находится на 88-м месте среди 138 стран (GCR 2016). Несмотря на наблюдающуюся в последнее время положительную динамику (продвижение до 133-го места в GCR 2012–2013), ситуация с институтами ещё далека от удовлетворительной» [5, с. 233]. Отсюда следует, что существенным сдвигам в экологическом поведении молодёжи должны предшествовать институциональные реформы даже в тех областях общественной жизни, которые не связаны с экологией напрямую.

Многие интенции российских граждан по-прежнему в должной мере не удовлетворены современным российским государством, особенно те из них, которые находятся в плоскости правовых инстанций и, следовательно, решений, прописанных непосредственно в официальных законах. Экологические права личности выходят на передний план, когда речь заходит о том, чтобы сам человек заботился о собственном здоровье, но при этом общество должно создавать для этого соответствующие условия. «Важнейший запрос россиян в отношении государства — поиск оптимальных форм соотношения личной самореализации индивида и удовлетворения его базовых запросов, в том числе на благополучие, безопасность, правовую защищенность» [6, с. 60]. Реализация вышеописанных запросов не может быть решена без мониторинга экологических проблем и наличия довольно развитого экологического самосознания подрастающего поколения.

Правовые нормы как на уровне формальных, так и неформальных институтов могут регулироваться самим обществом, если оно будет способно относительно самостоятельным образом реализовывать экологические инициативы. Вместе с тем экологическая повестка должна быть актуализирована на уровне муниципалитетов и местных управляющих компаний. Очевидно, что высшим органам страны приходится заниматься мусорной проблемой в регионе, тогда как на местном уровне тяжело решить довольно простую на первый взгляд проблему. «Формирование экологической культуры напрямую связано

с социокультурными изменениями общества в целом, невозможными без эффективной работы института образования, средств массовой информации и иных институтов социализации, четко выраженной политической воли и экономико-правовых изменений» [7, с. 365]. Важно также отметить необходимость практической реализации правовых норм в отношении правонарушений экологического характера, в особенности тех, которые пользуются поддержкой коррумпированных сотрудников администрации.

Современный отечественный бизнес, а речь идёт о наиболее крупных российских корпорациях, не спешит внедрять высокие экологические стандарты в собственные проекты, не испытывая при этом никакого давления со стороны гражданских активистов, а также региональных правительств, заинтересованных в поддержке местных избирателей (и реально отвечающих перед ними), поэтому к барьерам экологического поведения молодёжи в России можно отнести слабую ответственность государственных и частных корпораций (бизнес-групп, аффилированных с государством) в отношении общества и окружающей среды, что показали катастрофы техногенного свойства, например, происшедшие в недавнем прошлом на российском Севере [8].

В данной связи исследователи отмечают, что сырьевая экономика страны, основанная на природной ренте, добыче и экспорте полезных ископаемых, откладывает крайне негативный отпечаток на среду обитания. Речь, конечно же, идёт в первую очередь о тех регионах страны, где эта добыча осуществляется, но при этом именно эти локации в значительной степени формируют экологический образ России на международной арене. «Сейчас в России сохранение экспортно-сырьевого экономического роста связано с увеличением загрязнения и деградации среды, нарушением баланса биосферы, что ведет к ухудшению здоровья человека и ограничивает возможности дальнейшего развития человеческого потенциала. Это означает, что страдает экологическая компонента качества жизни, благосостояния населения. Приближенные оценки рисков от загрязнения воды и воздуха позволяют говорить о том, что экономические издержки для здоровья населе-

ния России, связанные с загрязнением воздуха и воды, составляют в среднем не менее 4–6% от ВВП» [9, с. 19]. Вполне очевидно, что в данной связи существенно затруднены инвестиции в человеческий капитал, поскольку наличие вредных производств и их отходов существенно повышает рост хронических заболеваний.

Мы уже отмечали, что в последние годы серьезную угрозу для экологической ситуации во многих регионах страны представляет так называемая «мусорная проблема». Вместе с тем она может выступать дополнительным источником для стимуляции экологического поведения молодёжи, особенно в его протестном варианте. В целом нерешенность проблем с отходами и отсутствие соответствующей культуры сортировки мусора в ещё большей степени тормозит внедрение высоких экологических стандартов. В последнее время в стране появлялись новые очаги мусорных загрязнений, вызванные разрастанием мусорных свалок [10]. Однако территориальная разобщенность препятствует гражданам сформировать более тесные объединения, не говоря уже о том, что многие районы со сложной экологической ситуацией практически изолированы от густонаселенных регионов страны.

Основные барьеры экологического поведения российской молодёжи: социально-экономические аспекты. В настоящее время ряд социологических маркеров демонстрируют отсталость экологической культуры российского общества, что проявляется как недостаточная осознанность глобальной экологической повестки. Многие аспекты экологического сознания и мышления в терминах экологической безопасности ещё полностью не актуализированы в отечественной культуре и социальных практиках населения. Можно сказать, что в стране по-прежнему наблюдается дефицит экологической солидарности как между гражданами внутри страны, так и в целом с жителями всей планеты [11]. Сложившаяся ситуация не в последнюю очередь связана с историческим опытом местных экологических движений и отсутствием реальных политических партий экологической направленности, представленных в парламенте.

Несмотря на развитие сети интернет, официальные СМИ, в частности, телевидение, не в полной мере информируют граждан о возникающих экологических угрозах, многие из которых продолжают носить по сути дела перманентный характер. Недостаток официальной информации об экологических проблемах зачастую заполняют оппозиционные ю-туб блогеры, которые в свою очередь также не специализируются на экологической проблематике, а используют эту тему в целях получения сиюминутного резонанса («хайпа»). Значительную роль в сложившейся ситуации во многом играют государственные СМИ, которые подают экологические проблемы в определенном свете с целью «защитить» Россию (от критики разнообразных экологических, в первую очередь международных организаций) и представить нашу страну в качестве крупнейшей энергетической державы и крупнейшего экспортера углеводородов. Можно сказать, что базис российской экономики детерминирован добычей и экспортом соответствующих полезных ископаемых. Более того, в ближайшие годы, особенно в условиях нарастания санкционного режима, вряд ли возможна перестройка российской экономики в сторону качественного роста так называемых «зеленых технологий» и принципиально нового экономико-экологического уклада. По-прежнему природная рента и ориентация на неё выступает ключевой (базисной) детерминантой отечественной «колеи развития».

Ситуация вокруг водных ресурсов страны в целом далека от катастрофы, но пристальное изучение отдельных регионов даёт основание существенно задуматься над обнаруживаемой проблемой. При этом важно учитывать, что проблема чистой и питьевой воды входит в число наиболее опасных планетарных рисков для всех жителей земли наряду с разрушением озонового слоя и глобальным потеплением. «Суммарный дефицит водных ресурсов в маловодные годы в целом по стране, исходя из водохозяйственных балансов, оценивается в объеме 14,3 км³ (23 %). В ряде регионов, по оценкам Росводресурсов, невозможно решить эту проблему только за счет строительства новых водохранилищ, сезонного и многолетнего регулирования стока. В Республике Калмыкия, Ставрополь-

ском и Краснодарском краях, в Кемеровской области, на Южном Урале для удовлетворения потребности в воде необходима ее подача из более водообеспеченных регионов. К регионам с низкой водообеспеченностью относятся: Ставропольский край, Заволжье, Нижнее Поволжье, юг Западной Сибири, Забайкалье, Центральная Якутия» [12, с. 29]. Водные ресурсы страны, в особенности крупнейшие реки (Дон, Волга и др.), продолжают находиться в ситуации, близкой к экологическому бедствию. Подобная ситуация в большей степени становится заметна в регионах страны, что негативным образом влияет на экологическую социализацию молодёжи в целом. Более того, молодые люди — жители регионов — осознают, что решение даже вполне локальных экологических проблем не может обойтись без директив федерального центра.

Вместе с тем в отдельных регионах страны уже наблюдается дефицит рекреационных ресурсов, а борьба с засухливостью почвы требует внедрения новых технологий. Таким образом, экологическая проблематика в стране связана не только с выбросом вредных веществ, но и с процессами глобальных климатических изменений, связанных с «хрупкостью» планетарной экосистемы. К тому же многие реки протекают по территории сопредельных стран, которые могут довольно враждебно относиться к политическому курсу современной России. В сложной ситуации вокруг водных ресурсов страны также негативную роль играют внешнеполитические факторы, не в последнюю очередь связанные с ситуацией вокруг недавно присоединенных к России территорий, поэтому в данной связи нельзя полностью исключать экологические диверсии со стороны других (враждебных) России государств.

Итак, многие угрозы экологического развития страны коренятся в геополитических вызовах и подпитываются конфликтами вокруг «спорных» территорий. Дефицит пресной воды является, например, одним из важных барьеров, создающих, в частности, сложности для сельскохозяйственного развития республики Крым. «Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. увеличило число таких регионов и вместе с тем показало, что трансграничные водные ресурсы могут быть использованы как оружие при возникновении

политических конфликтов. Украина перекрыла поступление воды по каналу из Днепра на полуостров, что привело к экономическому ущербу: погубили посевы риса и другие сельскохозяйственные культуры» [12, с. 29]. Стало ясно, что далеко не все экологические проблемы в стране, угрожающие безопасности российских граждан, связаны с действиями местных властей и отсутствием управленческих компетенций внутри страны, поэтому и экологическое поведение молодёжи, особенно в таком регионе, как Крым, должно вбирать в себя оповещения о внешних угрозах экологической безопасности.

Возвращаясь к структурному описанию отечественной экономики, вернее, её базиса, необходимо указать на существенную задержку в её развитии, которое существенно отстаёт от мировых трендов. Таким образом, драйверы отечественной экономики по-прежнему сосредоточены в добывающем секторе. В данной связи исследователи вполне справедливо рассуждают о том, что без становления в стране полноценной «зеленой экономики» будет очень тяжело сформировать паттерны экологического поведения, способные удовлетворить высоким институциональным и технологическим стандартам жизни. Вместе с тем нельзя недооценивать и тот запрос, который имеется в обществе на так называемое «зеленое» потребление.

Таким образом, экологический консюмеризм может выступать своеобразным драйвером «зеленой экономики», но, пожалуй, он будет наиболее эффективным в случае развития и инвестирования в новые источники энергии. Вместе с тем экологическое поведение граждан будет выглядеть довольно однобоким в том смысле, если они не будут проявлять экологическую активность в своём повседневном быту. «С практической точки зрения, учитывая нынешнее экологическое поведение граждан, мы можем сделать единственный вывод: без “зеленой экономики” не будет экологического поведения, а без экологического поведения — не будет “зеленой экономики”. Очевидно, что многое может измениться в лучшую сторону, если граждане смогут убедиться (не поверить на слово, а именно убедиться) в тесной связи экологического поведения и качества жизни» [13, с. 64]. Более того, качество жизни долж-

но восприниматься не как редкий дар или удача, а норма российской жизни, но этого невозможно достичь без качественного роста благосостояния широких слоёв российского населения (и качественного роста представителей среднего класса), причём в сложных экономических условиях (преимущественного социального выживания и адаптации) в особенно сложной экономической ситуации оказываются зависимые от родителей молодые люди.

С другой стороны, если речь заходит о наиболее критических и сложных экологических ситуациях, то молодым людям всё-таки оказывается намного проще покинуть локацию, неблагоприятные с точки зрения экологии. Следовательно, одним из трендов экологического поведения молодёжи становится «бегство» из экологически неблагоприятных регионов, преимущественно в столичные города и крупные городские агломерации, которые, однако, также не свободны от загрязнения среды обитания и вредных выбросов в атмосферу. При этом попытки заманить профессиональную молодёжь (молодых специалистов) в сельскую местность с довольно приемлемыми экологическими условиями по-прежнему в целом оказываются малоэффективными.

Таким образом, в российском обществе, то есть в структуре его восприятия глобальных экологических вызовов, далеко не всем из них придаётся какое-либо серьёзное значение. В первую очередь это касается осознания климатических изменений, которые являются существенными угрозами экологической стабильности. В данной связи исследователи отмечают, что в российском обществе «фиксируется самая слабая корреляционная связь между убежденностью в том, что климат меняется, и обеспокоенностью такими изменениями, а также между обеспокоенностью изменениями климата и оценкой их последствий. Можно утверждать, что в целом обеспокоенность изменением климата не рассматривается россиянами как значимая информация для модификации повседневного поведения» [7, с. 364]. Многие россияне полагают, что эта проблема спущена даже враждебными силами, чему активно способствуют средства массовой информации. Сложившаяся ситуация во многом объясняется стереотипами

россиян в отношении «глобального потепления», которое даже в условиях довольно сурового северного климата воспринимается в массовом сознании как некоторое «позитивное» явление, способное в перспективе привести к росту теплых и солнечных дней в году. Кроме всего прочего, многие люди традиционно полагают, что Россия является настолько северной и холодной страной, что проблемы, связанные с глобальным потеплением, попросту её не касаются.

Экологические ценности по-прежнему не являются доминирующими в российском социуме, а если и воспринимаются, то как привилегии высших классов, а не как преимущества хотя бы образованных и средних групп населения. При этом ценность экологической среды для большей части жителей страны не включена в поле повседневного восприятия собственных гражданских прав, а борьба или даже повседневный мониторинг экологических проблем воспринимаются сквозь призму эксклюзивности. Однако на локальном и прежде всего городском уровне организованные граждане вполне могут защитить свою среду обитания, особенно, когда речь заходит о сохранении зеленых насаждений. Тем не менее, (несмотря на локальные успехи) рядом исследователей вполне справедливо делается вывод о том, «что формирование экологической культуры в современной России предполагает необходимость глубинных изменений на уровне индивидуальных и коллективных картин мира как простых граждан, так и лиц, принимающих решения. Эти изменения должны основываться на включении в систему ценностей экологического императива в качестве ее фундаментального конструкта» [7, с. 365]. Однако нравственные действия и поведение молодежи должны быть основаны на прагматическом видении мира сквозь призму, в том числе личных с оциальных достижений и карьерных возможностей.

Заключение. К числу ключевых барьеров, существенно тормозящих развитие экологического поведения в среде российской молодежи, необходимо отнести структурные детерминанты российской экономики, не в последнюю очередь связанные с системными проблемами её модернизации. Важ-

но понимать, что экологическое поведение, особенно рассмотренное сквозь призму его рациональной составляющей, должно быть в значительной степени вписано в экономический этос большей части населения страны [14], поэтому приоритетной в сложившейся ситуации является выработка у подрастающего поколения некоего «экологического рефлекса», подкрепленного знаниями в области экологии и стратегическим мышлением. Оказывается, что зачастую молодой человек поступает экологичным образом не только в тот момент, когда отправляется в романтическое путешествие (в лес) на лоно природы, но когда в своей повседневной практике выбирает тот или иной продукт, услуги или сортирует собственный мусор в процессе деятельности собственного домохозяйства. В обществе по-прежнему наблюдается дефицит экологической солидарности в решении ряда проблем, связанных с охраной окружающей природы и среды обитания. По-прежнему в российском обществе не в полной мере может быть реализована глобальная экологическая повестка, вернее, экологическая повестка, актуальная для наиболее развитых стран, например, Европейского союза. Таким образом, оказывается, что реальная экологическая повестка напрямую связана с тем положением, которое занимает та или иная страна в мировом разделении труда. Соответственно, далеко не все государства, тем более страны, ориентированные на природную ренту, могут позволить себе высокий уровень внедрения экологических проектов, способных выступать в качестве крупнейших инфраструктурных проектов.

На сегодняшний день государственная стратегия России, несмотря на целый ряд деклараций экологического характера, всё-таки в большей степени нацелена на адаптацию в условиях санкционного режима и сохранения статуса страны в качестве крупнейшего экспортера углеводородов. Более того, существует (на наш взгляд, в целом ошибочное) мнение, что «чрезмерная» экологизация («озеленение») отечественной экономики может привести к ослаблению военно-геополитического влияния России в мире и на постсоветском пространстве. По крайней мере, величие страны, о котором много говорят в центральных СМИ, не исчерпывается её впечатляющей

обороноспособностью, а предполагает реализацию инфраструктурных проектов экологического характера. Под такими проектами не стоит понимать только лишь развитие парков в крупных городах, где они естественно необходимы, это очистка рек, спасение лесов и сокращение вредных выбросов в атмосферу. Пожалуй, что экологические изменения в России ещё не являются ощутимыми и с трудом могут быть визуализированы в повседневной практике молодёжи.

Литература

1. *Казиева А. К.* Преграды на пути развития экологического строительства в России // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — №12 (52). — С. 341–344.

2. *Шереги Ф. Э.* Российская молодёжь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013.

3. Рейтинг стран мира по уровню здравоохранения (Bloomberg Health Care Efficiency за 2018 год) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/health> (Дата обращения: 10.08.2020).

4. *Регент Т. М.* Потенциалы человеческого капитала и цифровой экономики России // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2018. — №1.

5. *Травин Д., Гельман В., Заостровцев А.* Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. — СПб., 2017.

6. *Зарубина Н. Н.* Историческая память как источник знаний о цивилизационной специфике России // Общественные науки и современность. — 2017. — №2.

7. *Курбанов А. Р., Прохода В. А.* Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — №4 (152). — С. 347–370.

8. «Озеро уже мертвое». В РАН рассказали о последствиях экологической катастрофы в Норильске [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://life.ru/p/norilsk-ekologicheskaya-katastrofa> (Дата обращения: 11.08.2020).

9. *Бобылев С. Н., Минаков В. С., Соловьёва С. В., Третьяков В. В.* Эколого-экономи-

ческий индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. — М., 2012.

10. Почему в России буксует мусорная реформа? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/02/17/1817629.html> (Дата обращения: 15.08.2020).

11. *Тихомиров Д. А., Кисткина И. А.* Проблема осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. — 2017. — №2. — С. 55–61.

12. *Василенко В. А.* Экологические угрозы экономике России // Мир новой экономики. — 2014. — №3. — С. 21–31.

13. *Сосунова И. А., Мамонова О. Н.* Экологическое поведение граждан и качество жизни в условиях глобализации // Философия и социальные науки. — 2011. — №3/4. — С. 62–66.

14. *Нугматуллина Р. М., Шараванд М.* Экологическая этика как фактор разрешения экологических кризисов // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — №4. — С. 243–246.

References

1. *Kazieva A. K.* Pregrady na puti razvitiya jekologicheskogo stroitel'stva v Rossii [Barriers to the development of ecological construction in Russia] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research]. — 2015. — №12 (52). — Pp. 341–344.

2. *Sheregi F. Je.* Rossijskaja molodezh': nastroenie, ozhidaniya, cennostnye orientacii [The Russian youth: mood, expectations, and value orientations]. — Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2013.

3. Rejting stran mira po urovnju zdra-voohranenija (Bloomberg Health Care Efficiency za 2018 god) [The ranking of countries in terms of public health (Bloomberg Health Care Efficiency for 2018)] [Elektronnyj resurs] — URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/health> (Date accessed: 10.08.2020).

4. *Regent T. M.* Potencialy chelovecheskogo kapitala i cifrovoj jekonomiki Rossii [Potentials of human capital and digital economy of Russia] // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek i obshhestvo [Bulletin of the Russian new University. Series: Man and society]. — 2018. — №1.

5. *Travin D., Gel'man V., Zaostrecev A.* Rossijskij put': Idei, Interesy, Instituty, Illjuzii [The Russian way: Ideas, Interests, Institutions, Illusions]. — Saint-Petersburg, 2017.

6. *Zarubina N.N.* Istoricheskaja pamjat' kak istochnik znanij o civilizacionnoj specifikke Rossii [Historical memory as a source of knowledge about the civilizational specifics of Russia] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. — 2017. — №2.

7. *Kurbanov A.R., Prohoda V.A.* Jekologičeskaja kul'tura: jempiricheskaja proekcija (otnošenje rossijan k izmeneniju klimata) [Ecological culture: an empirical projection (the attitude of Russians to climate change)] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomičeskije i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. — 2019. — №4 (152). — Pp. 347–370.

8. «Ozero uzhe mertvoe». V RAN rasskazali o posledstvijah jekologičeskoj katastrofy v Noril'ske [«The Lake is already dead». The Russian Academy of Sciences told about the consequences of the ecological disaster in Norilsk] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://life.ru/p/norilsk-ekologičeskaja-katastrofa> (Date accessed: 11.08.2020).

9. *Bobylev S.N., Minakov V.S., Solov'jova S.V., Tret'jakov V.V.* Jekologo-jekonomičeskij indeks regionov RF. Metodika i pokazateli dlja rasčeta [Ecological and economic index of regions of

the Russian Federation. Methodology and indicators for calculation]. — Moscow, 2012.

10. *Pochemu v Rossii buksuet musornaja reforma?* [Why is the garbage reform stalling in Russia?] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/02/17/1817629.html> (Date accessed: 15.08.2020).

11. *Tihomirov D.A., Kistkina I.A.* Problema ozoznanija jekologičeskoj ugrozy v Rossii [The Problem of awareness of the environmental threat in Russia] // *Gorizonty gumanitarnogo znanija* [Horizons of humanitarian knowledge]. — 2017. — №2. — Pp. 55–61.

12. *Vasilenko V.A.* Jekologičeskije ugrozy jekonomike Rossii [Environmental threats to the economy of Russia] // *Mir novoj jekonomiki* [World of the new economy]. — 2014. — №3. — Pp. 21–31.

13. *Sosunova I.A., Mamonova O.N.* Jekologičeskoe povedenie grazhdan i kachestvo zhizni v uslovijah globalizacii [Environmental behavior of citizens and quality of life in the conditions of globalization] // *Filosofija i social'nye nauki* [Philosophy and social Sciences]. — 2011. — №3/4. — Pp. 62–66.

14. *Nigmatullina R.M., Sharavand M.* Jekologičeskaja jetika kak faktor razreshenija jekologičeskikh krizisov [Environmental ethics as a factor in resolving environmental crises] // *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, law and sociology]. — 2014. — №4. — Pp. 243–246.

Поступила в редакцию

28 сентября 2020 г.

Захарова Вера Александровна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Специалист в области исследования экоправового воспитания, экологических практик и экологического поведения. Соисполнитель ряда региональных социологических исследований.

Zakharova Vera Alexandrovna — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Specialist in the field of environmental education research, environmental practices and environmental behavior. Co-executor of a number of regional sociological studies.

295021, г. Симферополь, ул. им. газеты «Крымская правда», 4
4 st. Name of the Newspaper «Crimean Truth», 295021, Simferopol, Russia
E-mail: zakharova7vera@mail.ru

УДК 316.7

10.17213/2075-2067-2020-5-84-90

**ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА СОЗДАНИЕ ОБРАЗА
ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В МОЛОДЁЖНОМ СЕГМЕНТЕ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

© 2020 г. *Н. Н. Капанян*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является социокультурный анализ современного киноискусства, нацеленного на молодёжную аудиторию, и влияния, которое оно оказывает на формирование образа героя в молодёжной среде. С этой целью проводится сравнение советских кинолент с кинолентами современного периода и выделяются основные характеристики популярного героя кино, подверженного различным трансформациям, находящимся в зависимости от этических и эстетических представлений создателей кинолент.

Методологическую базу исследования составляют классические труды по исследованию средств массовой культуры М. Маклюэна, а также научные труды в контексте социологии культуры, рассматривающие социальные функции кинематографа (М. И. Жабский), влияние кинематографа на процесс социализации современной молодежи (М. В. Скрипаль) и на формирование образа героя нашего времени (А. В. Бабаева, Й. Хейзинга).

Результаты исследования. Социокультурный анализ состояния современного киноискусства позволил выделить его основные функции в области социализации молодежи, в течение которой формируется ценностный образ героя, не задающего в отличие от советского кинематографа идеологизированный образ, поскольку отсутствие традиционной социальной морали ведет не только к поиску новых путей в развитии кинематографа, но и к превалированию эстетических ценностей над этическими.

Перспективу исследования составляет дальнейший социокультурный анализ формирования влияния кинематографа на целевую аудиторию — студенческую молодежь.

Ключевые слова: кинематограф; молодежь; социокультурные функции; герой; социализация.

**THE INFLUENCE OF CINEMA ON CREATING THE IMAGE OF A HERO
OF OUR TIME IN THE YOUTH SEGMENT
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY**

© 2020 *N. N. Kapanyan*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is a socio-cultural analysis of contemporary cinema, aimed at a youth audience and the influence it has on the formation of the image of a hero in a youth environment. For this purpose, a comparison of Soviet films with films of the modern period is made; and the main characteristics of a popular film hero, subject to various transformations, depending on the ethical and aesthetic ideas of the film creators, are highlighted.

The methodological basis of the study is the classic works on the study of mass culture by M. McLuhan, as well as scientific works in the context of the sociology of culture, considering the social functions of cinema (M. I. Zhabsky), the influence of cinema on the process of socialization of modern youth (M. V. Skripar) and on the formation of the image of the hero of our time (A. V. Babaeva, J. Heizinga).

The results of the study. Sociocultural analysis of the state of modern cinematography made it possible to single out its main functions in the field of youth socialization, during which the value image of the hero is formed, which, unlike Soviet cinema, does not set an ideologized image of the hero, since the absence of traditional social morality leads not only to the search for new ways in the development of cinematography, but also to the prevalence of aesthetic values over ethical ones.

The prospect of the study is a further socio-cultural analysis of the formation of the influence of cinema on the target audience — student youth.

Key words: cinema; youth; socio-cultural functions; hero; socialization.

Введение. Известный современный мыслитель М. Маклюэн отмечал, что «... изменения в соотношении чувств влекут за собой изменения людей. А соотношение чувств меняется тогда, когда одно из них — или телесная, или умственная функция — облекается в конкретную технологическую форму» [1, с. 452]. Одной из таких технологических форм является в наше время кинематограф, превратившийся в социальный институт, который не только служит в качестве одного из наиболее популярных средств развлечения, но и выполняет ряд значимых социокультурных функций в современном обществе. Развитие современных коммуникативных технологий не только не привело к исчезновению кинематографа, но значительно расширило его аудиторию, сделав возможным просмотр кинолент в удобное для зрителей время, без обязательного посещения традиционных кинотеатров. Кинематограф значительно расширил жанры киноискусства, что привело к созданию кинолент специально для целевой аудитории. Однако при этом значительно уменьшилось количество кинолент, создаваемых для молодежной аудитории, нацеленных на формирование образа героя, способного стать героем для подражания.

Ведущие методологические подходы к изучению современного кинематографа. Согласно работам российского исследователя кинематографа М. И. Жабского следует выделять такие социальные функции кинематографа, как информационную, коммуникативную,

идеологическую (нормативную), политическую (посредническую), релаксационную, интеграционную [2]. Поскольку нас интересует влияние кинематографа на социализацию молодежи и формирование у нее героя нашего времени, то следует обратить внимание на социокультурные функции кинематографа, выделенные М. В. Скрипарем, а именно:

— функцию социального стабилизатора, которая способствует поддержанию общества, резервируя его основополагающие ценности, например, фильм «Неуловимые мстители», который обладал ясной социально-политической ориентацией, закладывая четкие ценностные ориентиры для подрастающего поколения;

— функцию социального катализатора, ускоряющую процесс социализации, однако не всегда создавая позитивные последствия. Так, например, если фильм «Им покоряется небо» способствовал небывалому подъему популярности героев-летчиков среди тогдашней молодежи, то фильм «Игла» и «Интердевочка» «оказали деструктивное воздействие на сознание» молодого поколения;

— функцию социального ингибитора, которая может привентировать (замедлять) негативные социальные явления (агрессия, алкоголизм, наркомания). Так, фильм «На игле» явился своеобразным предупреждением молодым людям о последствиях, к которым ведет употребление наркотических средств [3].

Следует отметить, что кинематограф, предназначенный для молодежи в советский период, был нацелен в первую очередь на фор-

мирование молодого поколения в контексте коммунистической идеологии, однако нельзя утверждать, что ценности, пропагандируемые советским кинематографом, не несли позитивной ориентации для социализации молодежи, поскольку формировали чувство любви к своей Родине, ответственное отношение к учебе, своим профессиональным обязанностям, уважительное отношение к старшему поколению и показывали героев, которые могли служить примером для молодых людей. Возможно, именно с этим и связано то, что в настоящее время во многих исследованиях фиксируется растущий интерес к кинематографу советского периода. Так, например, в исследовании, осуществленном М. Правдиной в контексте определения рецепции советского кино современными зрителями, отмечается растущий интерес к фильмам, созданным в советский период. В исследовании были использованы глубинные интервью (всего 25) с респондентами, проживающими в различных регионах России (Москва, Самара, Ростов-на-Дону, Архангельск, Новосибирск), а также анализ зрительских комментариев, размещенных в Интернете. Среди качеств, которые привлекают зрительский интерес к советскому кино, были выделены следующие характеристики: качественность, доброта, душевность, позитивность, правдоподобность, интеллектуальность. Несмотря на предубежденность к советскому кинематографу, формируемую при помощи средств СМИ, большинство зрителей в советском кино «привлекает искренность и идейность, даже если это «связано с пропагандистской функцией кино» [4, с. 115].

Между тем для современной ситуации характерен конфликт традиций и инноваций, последние связаны, прежде всего, с освоением и интерпретацией западных кинематографистов, которые зачастую сводятся к механическому копированию голливудских тенденций и технологий 5–10-летней давности. Как подчеркивает И.В. Муравьева, режиссеры, не ограниченные прежней социальной моралью, ищут сегодня особые пути, позволяющие развивать современный кинематограф для молодежи в соответствии с западными ценностями, в котором можно выделить три основные разновидности:

— традиционные, продолжающие эволюцию советского кинематографа, где в цен-

тре событий находится молодой человек со своими проблемами и надеждами, характерными для юношеского возраста. По сути, новшество проявляется только в переносе проблем в новые социокультурные условия, где и происходит формирование героя нашего времени. В качестве значимого примера можно привести фильм «Розыгрыш» (режиссер А. Кудиненко), который является ремейком известного фильма В. Меньшова, снятого в 1976 году. Так же, как и в старом фильме, в основе сюжета находится конфликт между учеником и учительницей (в новом варианте практиканткой), в который постепенно вовлекаются все герои картины. Новым представляется показанная ориентация молодежи на достижение успеха любой ценой, для чего, казалось бы, воспитанные и послушные подростки готовы пойти на подлость и предательство традиционных принципов морали;

— ко второму типу можно отнести кинофильмы, использующие в качестве образца для подражания «голливудские стандарты», например, фильм Е. Соколова «Тайна Заборского омута», где главный герой переносит психологическую травму после встречи с речным монстром, приведшую к формированию водофобии. Трагедия юноши заключается в том, что он испытывает недоверие со стороны близкого круга общения, но в финале ему удается выловить монстра и тем самым отстоять свое «лицо» и стать спасителем всех остальных людей от речного монстра. Однако фильм, снятый в духе картин «для семейного просмотра», показал явное несоответствие типичной «американской истории» с самобытностью российских персонажей;

— третий тип кинолента с героем-юношей является своеобразным миксом фильмов «для семейного просмотра», адаптированных к западному кинематографу, и картин, продолжающих традиции советского киноискусства. В качестве примера можно привести фильм А. Суриковой «Тайна “Волчьей пасти”», основной сюжетной линией которого становятся приключения детей моряков Черноморского флота, оказавшихся вовлеченными в военную операцию по обезвреживанию банды террористов. Атмосфера картины в целом совпадает с работами кинематографистов советского периода, рисующих беззаботное детство юных героев-пионеров, которые стре-

мятся быть достойными своих отцов. При этом определенные речевые обороты, а также повседневная активность молодых людей (например, торговля на пляже варениками своего собственного производства) показывают, что герои существуют в постсоветское время. Наряду с историей подростков в картине показываются сюжетные линии взрослых персонажей, что позволяет фильму быть интересным для разновозрастной аудитории. Данная картина, с одной стороны, продолжает традицию кинофильмов для юношества советского периода, но, с другой, сюжетные линии взрослых героев картины копируют тенденции западных фильмов.

Основные тенденции в развитии кинематографа для молодежи. Проведенный анализ основных методологических подходов к исследованию современного состояния кинематографа позволил выделить три наиболее видимых тренда в создании кинолент для молодого поколения, которые в значительной степени демонстрируют стремление к избеганию морализующего компонента, где зачастую возникает преобладание эстетики над этикой. Анализируя данное соотношение в современном кинематографе, Н.Н. Губанков полагает, что «... теоретическое и практическое решение проблемы взаимоотношений этического и эстетического в конечном итоге всегда являются результатом прямого или косвенного выражения функционирования морали и искусства в условиях конкретной социальной действительности, выражения социальных и философских позиций мыслителя, художника» [5, с. 56].

В ходе социокультурного развития общества происходит переоценка ценностей, отражаясь на переосмыслении образа юного героя, меняется отношение к нему как к «культовому» герою. Модификации интонаций киноповествования и характеристика образа героя напрямую зависят от современного взгляда автора и от его переоценки героев прошлых лет. В качестве примера можно привести всем известного героя Тимура из не менее известного произведения «Тимур и его команда». Первая киноверсия данного произведения появилась в 1940 г. (режиссер А. Разумный), где был воспет образ смелого и справедливого юноши, которой стал героем

для подражания для нескольких поколений юных людей. Экранизация повести, снятая в 1970 году, весьма приближенная к первоисточнику, тем не менее, показывает уже иного героя, не столь однозначного, как ранее, конечно, достойного подражания, но уже без прежней фанатичности. В 2004 году с выходом кинокартины «Тимур и его команда» (режиссер И. Масленникова) происходит «смерть» героя как культового персонажа и героя для подражания, чему способствует ироничность, с которой режиссер относится к своему герою, и некоторая насмешливость в воссоздании времени, когда действовал герой повести. Это во многом связано и с ранее упомянутым преобладанием эстетического начала над этическим, что является характерным трендом современного киноискусства, поскольку, стремясь к своему собственному самовыражению, современные режиссеры нередко игнорируют этические ценности, то есть происходит отторжение возможности взаимодействия с тем, «что является, с его точки зрения, чуждым и внешним для искусства» [6, с. 71].

Одним из значимых факторов развития современного киноискусства является его зависимость от так называемой культурной агрессии, которая характеризуется повышенным использованием сцен, связанных с насилием, что привело к созданию «особого культурного героя — Homobelli, основными характеристиками которого становятся деструктивность и изменчивость. Как отмечает А.В. Бабаева, «чем быстрее меняется герой, тем больше он отходит от традиции; чем больше он проявляет свою агрессию по отношению к жизни, обстоятельствам, обществу, другим людям, тем он больше привлекает внимание реципиента» [7, с. 127]. В качестве примера она приводит всемирно известный сериал «Игра престолов», где главная героиня сериала Дейнерис Таргарен говорит по поводу тех, кто еще не определил свое место в новой для них реальности: «У них есть выбор: либо они живут в моем новом мире, либо они могут умереть в своем старом», что, по мнению А. Бабаевой, соотносится с идеей О. Шпенглера о том, что «человек — это хищный зверь» [7].

Современное кино, отказываясь от установок на поддержание базовых моральных

ценностей, зачастую занимает позицию отстраненного наблюдателя, взгляда со стороны на окружающую действительность, что в конечном итоге ведет к отказу от авторства в традиционном его понимании. Так, например, такую позицию можно заметить у авторов двух известных кинолент — «Игры мотыльков» и «Возвращение». В первом из упомянутых фильме речь идет о парне-гитаристе, который в силу определенных обстоятельств оказывается в тюрьме, во втором рассматривается извечная тема «отцов» и «детей». Несмотря на несовпадение сюжетных линий, в обеих лентах ощущается некоторая неясность, отстранённость авторской позиции. Но, если в случае с «Возвращением» в контексте его стилистических особенностей данный принцип режиссера представляется весьма органичным, то в «Играх мотыльков» неясность авторской позиции оставляет ощущение недосказанности и формирует неопределённость в восприятии главного героя. Между тем, по мнению всемирно известного ученого Й. Хейзинга, каждое общество испытывает потребность в своих героях, поскольку в повседневности должно происходить нечто героическое, что нарушает привычный порядок и дает людям моральные ориентиры и примеры высокого служения [8].

Пренебрежение базовыми ценностями, излишняя ироничность по отношению к главному герою, намеренно декларативная позиция авторов, при которой обесценивается все и вся, приводит к тому, что с экрана исчез герой, адекватный восприятию молодых людей в качестве героя для подражания. Все более популярным становится «антигерой» — человек, который ради достижения своей цели способен на антисоциальные поступки и действия. При этом он обладает ценными для молодежи качествами: смелостью, уверенностью в себе, способностью на определенную жертвенность ради друга, решительностью, привлекательными физическими характеристиками. В этом отношении восприятие киногероя во многом отличается исходя из демографических характеристик индивида его принадлежностью к тому или иному поколению. Так, согласно социологическим опросам, проведенным во всероссийском масштабе,

у респондентов, относящихся к возрастной группе 18–30 лет, главный герой всенародно любимого сериала «Семнадцать мгновений весны» Штирлиц был поставлен на третье место, у тех же, кто старше 45, он был поставлен на первое место. Самым популярным героем среди молодежи оказался былинный персонаж из полнометражного мультипликационного фильма Илья Муромец, второе место было отдано Саше Белому, главному герою из сериала «Бригада», у поколения старше 45 данный герой получил одобрение только у 2% респондентов. Эти данные говорят о том, что кино, предназначенное для молодого зрителя, должно обладать своей спецификой, в том числе и в выборе главного героя, поскольку все меньшее уважение вызывают такие качества героя, как скромность, душевность, отзывчивость [9].

Исходя из того, что представление о герое расходится в разнопоколенческих группах, ряд современных ученых предпринимают попытки по типологизации героя нашего времени. Так, А. Е. Акимов выделяет в «кодексе героя» такие характеристики, как:

- стремление к достижению поставленной цели, где есть место подвигу;
- цельность натуры, в которую входят душевная и физическая стойкость;
- умение противостоять негативным обстоятельствам и силам, в том числе существующему в обществе консерватизму;
- стремление помочь людям, повлиять на их отношение к окружающему миру [10].

Что касается образа героя в кино, то наиболее удачной классификацией на сегодняшний день нам представляется выделение И. В. Троцук и М. В. Субботиной следующих типов киногероя: герой-воин, герой-спасатель, герой-благотворитель, герой-вдохновитель, герой-авантюрист, герой-демонстратор. Проведя эмпирическое исследование в рамках данной классификации с использованием контент-анализа и методики неоконченных предложений, авторы исследования разработали инструментарий, который позволил бы выявить «представления о героях и героизме в целом, но содержал блок, посвященный героям в кинематографе — для сравнения представлений о реальном герое и киногерое» [11, с. 150]. Анализ фильмов, наиболее успешных в российском прокате (всего 15

фильмов), показал, что в них присутствует 8 героев-воинов, 4 героя-спасателя, 5 героев-благотворителей, 4 героя-вдохновителя и 4 героя-авантюриста, причем не наблюдается совпадений в контексте получения различных кинопремий, где наибольшее количество премий получил тип героя-авантюриста. Анализ отношения к киногероям показал, что среди молодых людей преобладает, скорее, герой-вдохновитель, а не герой-воин [11, с. 155]. Однакостораживает тот факт, что таких героев молодые люди видят преимущественно среди героев зарубежных фильмов («Аватар», «Назад в будущее», «Хатико», «Пила» и др.).

Согласно проведенному нами опросу среди студентов 1–2-х курсов (общее количество респондентов составило 147) предпочтение среди российских фильмов последних лет было отдано таким фильмам, как «Экипаж», «Лед», «Движение вверх»: их посмотрело 124 человека из 147. Однако практически все (143) студенты отметили, что в основном смотрят зарубежные фильмы, так как «они более интересные и динамичные», главный герой «мало сомневается», «не занудствует в рассуждениях», «справляется с любыми сложностями», «всегда выходит победителем», то есть согласно ранее приведенной классификации, наиболее востребованным героем среди студентов становится «герой-вдохновитель».

Заключение. Таким образом, на основании проведенного социокультурного анализа состояния современного кинематографа для молодежи можно заключить, что в современном российском киноискусстве существует своеобразный дефицит героя, который мог бы служить примером для молодых людей в процессе их социализации. Ориентация на голливудскую модель фильмов «для семейного просмотра», с одной стороны, означает размывание тематических сюжетных границ фильмов, предназначенных для молодежи, с другой — не дает героя, который стал бы воплощением как традиционных ценностей, характерных для русской культуры, так и инновационных качеств, востребованных современным социокультурным развитием нашего общества.

Литература

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. — М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005.
2. Социология и кинематограф / Под общ. ред. Жабского М. И. — М., 2012.
3. Скрипарь М. В. Воздействие манипулятивных технологий кинематографа на процесс социализации и формирование ориентаций молодежи. — Чита, 2009.
4. Правдина М. Советское кино как объект современной культурной рецепции и зрительской привязанности // Вестник общественного мнения. — 2019. — №2 (100). — С. 114–127.
5. Губанков Н. Н. Этические ценности в системе художественной культуры // Искусство и эстетическая культура: Сб. научных трудов. — СПб.: СПГИТМиК, 1992.
6. Безносков В. Г. О диалектике нравственного и эстетического в художественной культуре (культурологический аспект) // Искусство и эстетическая культура: Сб. научных трудов. — СПб.: СПГИТМиК, 1992.
7. Бабаева А. В., Шмелева Н. В. Homo Belli и национальная безопасность: к вопросу о культурной агрессии // Вестник Минского университета. — 2016. — №1–2. — С. 125–135.
8. Хейзинга Й. Героизм // В тени завтрашнего дня. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 453–463.
9. Рейтинг героев [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://bd.fom.ru/report/whatsnew/press_r91209.
10. Герой нашего времени. Исследование ВЦИОМ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/news/culture/2007/10/02/2203>.
11. Акимов А. Е. Физика героизма духа // Три ключа. Педагогический вестник. — Выпуск 8. — С. 14–16.
12. Троцук И. В., Субботина М. В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Communicology. — 2018. — Т. 6. — №4. — С. 140–158.

References

1. Maklujen M. Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatajushhego [The Gutenberg Galaxy: The formation of the print-

ing man]. — Moscow: Akademicheskij Proekt: Fond «Mir», 2005.

2. Sociologija i kinematograf [Sociology and cinema] / In Zhabskiy M.I. (eds.). — Moscow, 2012.

3. *Skripar' M.V.* Vozdejstvie manipulativnyh tehnologij kinematografa na process socializacii i formirovanie orientacij molodezhi [Influence of manipulative technologies of cinema on the process of socialization and formation of youth orientations]. — Chita, 2009.

4. *Pravdina M.* Sovetskoe kino kak obekt sovremennoj kul'turnoj recepcii i zritel'skoj privjazannosti [Soviet cinema as an object of modern cultural reception and audience attachment] // Vestnik obshhestvennogo mnenija [Bulletin of public opinion]. — 2019. — №2(100). — Pp. 114–127.

5. *Gubankov N.N.* Jeticheskie cennosti v sisteme hudozhestvennoj kul'tury [Ethical values in the system of artistic culture] // Iskusstvo i jesteticheskaja kul'tura: Sb. nauchnyh trudov [Art and aesthetic culture: Collection of scientific papers]. — Saint-Petersburg: SPGITMiK, 1992.

6. *Beznosov V.G.* O dialektike npravstvennogo i jesteticheskogo v hudozhestvennoj kul'ture (kul'turologicheskij aspekt) [On the dialectics of moral and aesthetic in artistic culture (cultural aspect)] // Iskusstvo i jesteticheskaja kul'tura: Sb. nauchnyh trudov [Art and aesthetic culture:

Collection of scientific works]. — Saint-Petersburg: SPGITMiK, 1992.

7. *Babaeva A.V., Shmeleva N.V.* Homo Belli i nacional'naja bezopasnost': k voprosu o kul'turnoj agressii [Homo Belli and national security: on the issue of cultural aggression] // Vestnik Minskogo universiteta [Bulletin of the Minsk University]. — 2016. — №1–2. — Pp. 125–135.

8. *Hejzinga J.* Geroizm [Heroism] // V teni zavtrashnego dnja [In the shadow of tomorrow]. — Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. — Pp. 453–463.

9. Rejting geroev [Rating of heroes] [Elektronnyj resurs] — URL: https://bd.fom.ru/report/whatsnew/press_r91209.

10. Geroj nashogo vremeni. Issledovanie VCIOM [Hero of our time] [Elektronnyj resurs] — URL: <https://gtmarket.ru/news/culture/2007/10/02/2203>.

11. *Akimov A.E.* Fizika geroizma duha [Physics of heroism of the spirit] // Tri kljucha. Pedagogicheskij vestnik [Three keys. Pedagogical Bulletin]. — Issue 8. — Pp. 14–16.

12. *Trocuk I.V., Subbotina M.V.* Ocenka vlijanija kinematografa na social'nye predstavlenija o geroizme: aprobacija odnogo podhoda [Evaluation of the influence of cinema on social representations of heroism: approbation of one approach] // Communicology. — 2018. — Vol. 6. — №4. — Pp. 140–158.

Поступила в редакцию

22 сентября 2020 г.

Капанян Нина Николаевна — аспирант, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Kapanyan Nina Nikolayevna — Postgraduate, Senior Lecturer of the Department «Foreign Languages», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: ninakapanyan@rambler.ru

УДК 338.2:502 + 504.03(99) + 316.4
10.17213/2075-2067-2020-5-91-97

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

© 2020 г. Г. Е. Косач

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является определение и раскрытие объективных и субъективных факторов, влияющих на разделение стратегий занятости молодежного населения Российской Федерации в различных регионах страны в современный промежуток времени, а также изучение институциональной основы реализации подхода органов исполнительной и законодательной власти государства к укреплению профессионализации молодежи и локализации ее прекаризации.

Методология исследования базируется как на теоретических способах познания, таких как анализ и синтез социологического знания, так и на практических методах математической статистики и эконометрики. Совместное использование теоретических и практических подходов дает возможность изучить весь комплекс стратегий индивидуумов на рынке труда, а также выработать предложения по дальнейшему целевому управляющему воздействию на процесс дифференциации указанных стратегий.

Результаты исследования. Одним из основных результатов работы является определение объективных и субъективных факторов дифференциации стратегий занятости молодежи в российских регионах. Важность описанных процессов конкретизирует перед социальными науками проблему определения региональных, национальных и общегосударственных особенностей в подходах к выбору молодежью текущей и будущей профессии. Согласно исследованию, ведущие субъекты Российской Федерации лишь в последние годы определили необходимость регуляторной функции региональных органов власти на рынке труда. Вместе с тем в результате исследования установлено, что современное развитие маневрирования трудовых ресурсов характеризуется стихийностью и подчас хаотичностью их динамики.

Перспектива исследования состоит в дальнейшем углубленном социологическом анализе стратегий занятости молодежи в российских регионах и выработке практических методов воздействия на данные процессы со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: депрофессионализация; социум; молодежь; стратегии занятости; прекаризация.

DIFFERENTIATION OF YOUTH EMPLOYMENT STRATEGIES IN THE RUSSIAN REGIONS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS

© 2020 G. E. Kosach

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the research is to identify and disclose objective and subjective factors that affect the division of employment strategies of the youth population of the Russian Federation

in different regions in the modern period of time, as well as to study the institutional basis for implementing the approach of the Executive and legislative authorities of the state to strengthen the professionalization of youth and localize its precarization.

The research methodology is based on both theoretical methods of knowledge, such as the analysis and synthesis of sociological knowledge, and practical methods of mathematical statistics and econometrics. The combined use of theoretical and practical approaches makes it possible to study the entire range of strategies of individuals in the labor market, as well as to develop proposals for further targeted management influence on the process of differentiation of these strategies.

Research result. One of the main results of the work is the identification of objective and subjective factors of differentiation of youth employment strategies in Russian regions. The importance of the described processes concretizes the problem of determining regional, national and state characteristics in approaches to the choice of current and future professions by young people in the social Sciences. According to the study, the leading regions of the Russian Federation have only recently identified the need for a regulatory function of regional authorities in the labor market. At the same time, as a result of the research, it is established that the modern development of maneuvering of labor resources is characterized by spontaneity and sometimes chaotic dynamics.

The prospect of the study consists in further in-depth sociological analysis of youth employment strategies in Russian regions and development of practical methods for influencing these processes by public authorities.

Key words: *deprofessionalization; society; youth; employment strategies; precarization.*

Введение. В экономических, психологических и социальных науках принято выделять молодых жителей государства как самую значительную социальную группу, оказывающую воздействие на весь процесс экономического, трудового и социального воспроизводства. Уникальные свойства населения младше 29 лет делают его самым востребованным в обеспечении прорыва в развитии государства, так как оно является ключевой основой общественного воспроизводства и экономических изменений. Процесс выбора стратегий занятости и включения молодежи в социальные процессы характеризуется многовариативностью и появлением ранее неизвестных моделей адаптационного поведения, а также симбиозом устаревших и инновационных стратегий профессионального самоопределения в условиях современности.

Для молодежи в российском обществе создаются условия для сознательного выбора профессии и успешного карьерного роста. Важность обеспечения условий для сознательного выбора молодежью профессии подчеркнута в ежегодном Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина

Федеральному собранию РФ [1] в январе 2020 года.

Президент Российской Федерации отмечает необходимость не только поступательного увеличения показателей приема абитуриентов в российские образовательные учреждения, но и включения работодателей и участников бизнес-сообществ в развитие высших учебных заведений в регионах страны. Данные действия должны включать укрепление социальной, учебной, исследовательской инфраструктуры субъектов федерации, системы непрерывной и динамической подготовки, переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.

Однозначно определена потребность в получении современных знаний, чтобы обучающиеся имели возможность начать успешную карьеру в своем регионе. Для этих целей высшая школа обязана гибко и своевременно реагировать на запросы рынка труда и социума. Кроме того, дана установка на возможность смены направления и программы обучения студентов после второго года обучения.

Стратегии занятости молодежи. Институциональной основой реализации данной стратегии является укрепление взаимодействия образовательных учреждений, промышленных партнеров и органов местной, региональной и государственной власти.

Дальнейшую реализацию описанного направления можно рассмотреть на примере Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова (далее — ЮРГПУ (НПИ)). Так, в указанном высшем учебном заведении создано Управление по взаимодействию с работодателями, основными задачами которого являются:

— координация работы высшего учебного заведения и промышленных партнеров по обеспечению трудоустройства студентов и выпускников;

— анализ рынка труда на территории города, региона, округа;

— анализ текущего состояния образовательных услуг у конкурентов;

— налаживание партнерских отношений с производственными организациями, образовательными учреждениями высшего и средне-профессионального образования, органами исполнительной власти, а также службой занятости населения Российской Федерации;

— развитие и поддержание стабильного функционирования информационной системы помощи в трудоустройстве выпускников;

— создание и осуществление рекламной политики в сфере профессионального и дополнительного образования [2].

Реализацией данных задач стало заключение договоров о трудоустройстве выпускников ЮРГПУ (НПИ) с 9 научно-образовательными организациями, 11 энергетическими предприятиями, 14 предприятиями химической промышленности, 10 предприятиями машиностроения, 5 крупными предприятиями пищевой промышленности, 5 горнодобывающими и нефтегазовыми предприятиями, 4 приборостроительными компаниями, 3 организациями строительной отрасли, 36 предприятиями различных форм собственности и направленности. Принято решение о ежегодном проведении дней открытых дверей и ярмарок вакансий.

Вместе с тем, как отмечают в своей статье Ю.В. Голиусова и Г.А. Ключарев [3], после

завершения обучения в высшем или средне-специальном учебном заведении трудоустроиваются от 30 до 60 процентов выпускников. Большая часть остальной молодежи продолжает оставаться на иждивении родителей, поэтому работа по включению молодого трудоспособного населения в рабочий процесс ложится также на плечи региональных властей. Так, Правительство Ростовской области в 2019 году внесло изменения в список востребованных профессий на рынке труда [4]. Данная мера позволила определить и финансировать в первую очередь те специальности, трудоустройство с которыми имеет наибольший шанс на успех. Однако, данный список включает в себя исключительно специальности среднего профессионального образования и полностью игнорирует выпускников высших учебных заведений. Это объясняется тем, что для региона характерна потребность в выпускниках рабочих специальностей. Как отмечают Э.Д. Рубинская и И.Н. Савченкова [5], для Ростовской области характерен перекос на рынке труда, который определяется разницей в предложении и спросе на специалистов различных профессий. Однако, в различных регионах государства трудовой рынок значительно отличается и имеет свои ключевые особенности.

Региональная дифференциация занятости. В социологических науках принято выделять объективные и субъективные факторы дифференциации [6]. Следует отметить, что российские регионы и территории имеют различия, которые являются объективными причинами дифференциации направлений и стратегий занятости молодежи. В первую очередь, это географические, природно-климатические, экономические, этнокультурные, национальные особенности, статус видов деятельности и традиционные виды занятий.

К субъективным причинам дифференциации стратегий занятости относят сознательный выбор молодежью специальности, готовность к непрерывному повышению квалификации, горизонтальная профессиональная мобильность. Важным является создание на предприятии системы работы с молодыми специалистами с целью их закрепления на производстве, развитие института наставничества.

Нередко субъективные факторы оказывают решающее воздействие на выбор профессии. В условиях сформированного свободного и практически нерегулируемого рынка труда молодые выпускники учебных заведений разных уровней профессионального образования предстают перед выбором между более высоким уровнем оплаты труда и более высокими перспективами будущего карьерного роста. Данный выбор приходится осуществлять в условиях колоссального социального неравенства разных профессий на трудовом рынке, а также дифференциации прав и гарантий внутри одной профессиональной группы, на первый взгляд, равной по всем формальным признакам, таким как профессиональная квалификация и уровень образования [7].

Стоит отметить, что наибольшие показатели миграционной активности приходятся на молодежь в возрасте 15–24 года. Уровень региональной миграции в указанной возрастной группе также является максимальным. Данный фактор прямо коррелирует с объективными региональными экономическими условиями. Вместе с тем имеется сильная корреляционная зависимость между показателями занятости молодежи и размещением учебных заведений на данной территории (в первую очередь вузов), а также дислокацией военных частей.

Анализ статистических данных показывает, что дислокация воинских формирований, в отличие от многих государств, в Российской Федерации является важным объективным фактором дифференциации молодежной занятости. Так, согласно самым свежим имеющимся статистическим данным (январь 2018 года) Ростовстата [8], являющегося органом Федеральной службы государственной статистики, наименьшая безработица среди молодежи наблюдается в муниципальных образованиях Ростовской области с наибольшим количеством воинских частей, прослеживается сильная прямая корреляционная зависимость. Наибольшее количество воинских частей (согласно открытым данным Министерства обороны Российской Федерации) в Ростовской области сконцентрировано в г. Новочеркасске, Аксайском и Октябрьском районах Ростовской области, г. Батайске, а также в г. Ростове-на-Дону. При этом по-

казатель молодежной безработицы в данных муниципальных образованиях превышает 5 процентов только в г. Батайске, а в г. Новочеркасске он зарегистрирован на уровне 0,89 процентов. Вместе с тем стоит учитывать, что в г. Новочеркасске низкий показатель безработицы молодых людей образован синергетической силой большого количества факторов дифференциации, каждый из которых взаимно усиливает друг друга. Так, наличие в указанном муниципальном образовании двух крупных градообразующих высших учебных заведений, присутствие военного учебного центра при одном из учебных заведений, выпускающего командный и офицерский состав, а также относительно большое количество воинских частей взаимно усиливают эффект снижения уровня безработицы.

В отличие от занятости всего трудоспособного населения на занятость молодежи оказывает сильное влияние объективный фактор распределения по территории региона средне-специальных и высших учебных заведений. В муниципальных образованиях с высоким относительным коэффициентом присутствия учебных заведений формируется активный рынок предложения развлекательных и увеселительных услуг, развивается сфера заведений быстрого питания, кафе, прачечных, салонов красоты, типографий и т.п. В описанных городах и поселениях создано множество рабочих мест сферы услуг, что значительно превосходит предложение на рынке труда в промышленных центрах.

З.А. Капелюк и С.Д. Капелюк [9] отмечают важный объективно-субъективный фактор сегрегации по национальному признаку при распределении рабочих мест. Наблюдается значимая дискриминация национальных меньшинств при приеме на работу. Тем самым в регионах с выраженной сегрегацией по национальному признаку межрегиональный трансфер молодежной рабочей силы из регионов с иным национальным составом значительно уменьшается. Вместе с тем данный фактор подталкивает трудоспособное население национальных меньшинств в регионах мигрировать в регионы, где их этнос преобладает.

Изучая вопросы межрегиональной дифференциации трудовой занятости населения в Российской Федерации, невозможно не принимать во внимание объективный кли-

матический фактор. В связи с тем, что в стране представлены почти все климатические зоны (за исключением тропической и экваториальной), занятость в разных природных условиях сильно отличается. Предприятиям, находящимся в районах Сибири и крайнего Севера, приходится избыточно мотивировать работников повышенными заработными платами, возможностями быстрого карьерного роста, расширенным социальным пакетом. Однако в современном информационном обществе работодатели в данных регионах все же обладают низкой привлекательностью для молодых специалистов. При этом работодатели в южных регионах и мегаполисах испытывают на себе повышенное предложение трудовых ресурсов, это в конечном итоге приводит к снижению уровня оплаты труда, что при низком вмешательстве государства, наблюдаемом в данный момент, указывает на сформировавшийся свободный рынок спроса и предложения трудовых ресурсов.

При изучении вопроса занятости молодежи отдельного внимания заслуживают регионы с высокой долей молодого трудоспособного населения. В Российской Федерации наибольший показатель молодежи зарегистрирован в регионах Северо-Кавказского федерального округа. К. А. Омарова в исследованиях рынка труда в кавказских регионах [10] фиксирует значительное превышение предложения рабочей силы над спросом (86 процентных пункта). Данные факторы привели как к самым низким уровням оплаты труда по сравнению с другими субъектами Федерации, так и практической невозможности найти работу молодому специалисту в выбранной отрасли, что повлекло за собой высокий отток молодых кадров из региона. Учитывая данный аспект и факт сегрегации по национальному признаку в других регионах, который описан ранее, миграция трудовых ресурсов из республик Северного Кавказа приводит к увеличению уровня безработицы в регионах Южного федерального округа, что ежегодно фиксируется в отчетах органами Федеральной службы государственной статистики.

Таким образом, органам исполнительной власти Южного федерального округа, осуществляющим свою деятельность в области планирования занятости населения, целесообразно выработать предложения по трудоустройству

молодежи, прибывшей из соседних регионов, в целях недопущения роста безработицы.

Заключение. Подводя итоги научной работы, можно сделать вывод о том, что занятость молодого населения представляет собой актуальную проблему для Российской Федерации в 2020 году. Молодежь, являющаяся социальной группой, которая оказывает наибольшее воздействие на процесс экономического, трудового и социального воспроизводства, является в то же время и самой уязвимой группой при распределении трудовых мест. Объективные и субъективные факторы дифференциации занятости на абсолютно свободном рынке труда, наблюдающемся в последние годы, создают перекос в сторону наиболее привлекательных регионов, что в конечном итоге отразится не только на социальном, но и на экономическом развитии субъектов Федерации. Меры поддержки стратегий занятости, описанные на примере ЮРГТУ (НПИ), нуждаются в ежегодном совершенствовании и включении в данный процесс муниципальных, региональных и федеральных властей. Своевременная поддержка молодых специалистов должна стать приоритетным направлением в политике регионов на ближайшее десятилетие.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. «Послание Президента Федеральному Собранию».
2. Управление по взаимодействию с работодателями. Официальный сайт ЮРГТУ (НПИ). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=111>.
3. Голусова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. — 2017. — №15. — С. 72–90.
4. Постановление Правительства Ростовской области от 15 февраля 2016 г. №80 «Об утверждении Регионального перечня наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий и специальностей, требующих среднего профессионального образования».
5. Рубинская Э. Д., Савченкова И. Н. Рынок труда Ростовской области и иностранные

студенты: новые подходы к решению проблем дефицита рабочей силы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2017. — №1 (57). — С. 47–55.

6. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал российского права. — 2015. — №6 (222). — С. 68–82.

7. Саксельцева Л. Я., Тарский Ю. И. Проблемы занятости и трудоустройства молодежи в фокусе социологии // Вестник ПАГС. — 2016. — №4 (55). — С. 85–91.

8. Рынок труда и занятость населения. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rostov.gks.ru/folder/29049>.

9. Капельюк З. А., Капельюк С. Д. Исследование роли экономических факторов в дифференциации занятости населения // Общество: политика, экономика, право. — 2019. — №2 (67). — С. 25–29.

10. Омарова К. А., Куценко Д. С., Нурмагомедова Р. К. Рынок труда Северо-Кавказского федерального округа: анализ ситуации и содействие региональной занятости // РППЭ. — 2018. — №12 (98). — С. 260–267.

Reference

1. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 15.01.2020 g. «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju» [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 15.01.2020 «Message of the President to the Federal Assembly»].

2. Upravlenie po vzaimodejstvu s rabotodateljami. Oficial'nyj sajt JuRGPU (NPI) [Department for interaction with employers. Official website SRSPU (NPI)]. [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=111>.

3. Goliusova Ju. V., Kljucharev G. A. O strategijah zanjatosti sovremennoj molodezhi [On employment strategies for modern youth] // Rossija reformirujushhajasja [Russia is being reformed]. — 2017. — №15. — Pp. 72–90.

4. Postanovlenie Pravitel'stva Rostovskoj oblasti ot 15 fevralja 2016 g. №80 «Ob utverzhenii Regional'nogo perechnja naibolee vostrebovan-

nyh na rynke truda, novyh i perspektivnyh professij i special'nostej, trebujushhijh srednego professional'nogo obrazovanija» [Decree of the government of the Rostov region of February 15, 2016 №80 «On approval of the Regional list of the most popular in the labor market, new and promising professions and specialties requiring secondary vocational education»].

5. Rubinskaja Je. D., Savchenkova I. N. Rynok truda Rostovskoj oblasti i inostrannye studenty: novye podhody k resheniju problem deficita rabochej sily [The labor Market of the Rostov region and foreign students: new approaches to solving the problems of labor shortage] // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH) [Bulletin of the Rostov state University of Economics (RSUE)]. — 2017. — №1 (57). — Pp. 47–55.

6. Nurtdinova A. F., Chikanova L. A. Differenciacija regulirovanija trudovyh otnoshenij kak zakonomernost' razvitija trudovogo prava [Differentiation of regulation of labor relations as a pattern of development of labor law] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. — 2015. — №6 (222). — Pp. 68–82.

7. Saksel'ceva L. Ja., Tarskij Ju. I. Problemy zanjatosti i trudoustrojstva molodezhi v fokuse sociologii [Problems of employment and youth employment in the focus of sociology] // Vestnik PAGS [PAGS Bulletin]. — 2016. — №4(55). — Pp. 85–91.

8. Rynok truda i zanjatost' naselenija. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Labor Market and employment. Federal state statistics service] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://rostov.gks.ru/folder/29049>.

9. Kapeljuk Z. A., Kapeljuk S. D. Issledovanie roli jekonomicheskijh faktorov v differenciacii zanjatosti naselenija [Investigation of the role of economic factors in the differentiation of employment] // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo [Society: politics, Economics, law]. — 2019. — №2 (67). — Pp. 25–29.

10. Omarova K. A., Kucenko D. S., Nurmagomedova R. K. Rynok truda Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: analiz situacii i sodejstvie regional'noj zanjatosti [Labor Market of the North-Caucasian Federal district: analysis of the situation and to promote regional employment] // RPPJe. — 2018. — №12 (98). — Pp. 260–267.

Косач Геннадий Евгеньевич — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология молодежи, социология занятости, математическое моделирование социологических процессов.

Kosach Gennady Evgenievich — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests: youth sociology, employment sociology, mathematical modeling of sociological processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: ccar@mail.ru

УДК 37.011.31-051

10.17213/2075-2067-2020-5-98-105

АКТИВИЗМ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНОСТЯХ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2020 г. Н. В. Левченко

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва, Россия*

Цель статьи. В статье анализируется отношение учителей к своей профессиональной деятельности в российской провинции.

Методы исследования. Данные получены в ходе полевых исследований в 2013–2015 гг. и в 2019 г. в пятнадцати регионах РФ, осуществлявшихся методом глубинных интервью и фокус-групп.

Результаты исследования. Выявлена гражданская активность учителей и директоров школ и её значимая роль в социокультурном развитии местных сообществ. Исследование показало, что ситуация в районных центрах постепенно меняется, возникла тенденция снижения активизма работников образования. Учителя чаще предпочитают следовать инструкциям, не пытаются выйти за рамки, как это было ранее. Основными факторами изменения позиции учителей стали реформирование системы образования и глобальные трансформации в подходе к воспитанию детей, проявляющиеся в форме давления на учителей со стороны родителей школьников. Сделан вывод о том, что снижение активизма педагогов ведёт к ухудшению социокультурной ситуации в малых городах и посёлках, а также к снижению качества выпускников местных школ.

Ключевые слова: локальность; активизм; школа; учебный процесс; преподавательская деятельность.

TEACHER ACTIVISM IN RUSSIAN LOCALITIES: CURRENT TRENDS

© 2020 N. V. Levchenko

*Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of the research. The article analyzes the attitude of teachers to their professional activities in the Russian province.

The research methodology. The data were obtained in the course of field research in 2013–2015 and 2019 in fifteen regions of the Russian Federation, carried out by the method of in-depth interviews and focus groups.

Research result. The article reveals the civic activity of teachers and school principals and its significant role in the socio-cultural development of local communities. The study showed that the situation in district centers is gradually changing, and there is a tendency to reduce the activism of education workers. Teachers often prefer to follow instructions, not try to go beyond the limits, as it was previously. The main factors in changing the position of teachers were the reform of the education system and global changes in the approach to child rearing, which are manifested in the

form of pressure on teachers from parents of schoolchildren. It is concluded that the decrease in the activism of teachers leads to a deterioration of the socio-cultural situation in small towns and villages, as well as to a decrease in the quality of graduates of local schools.

Key words: *locality; activism; school; educational process; teaching activity.*

Введение. В Российской глубинке школа традиционно, начиная со школы земской, играла важную роль в жизнедеятельности местного сообщества, в немалой степени способствовала его развитию, а также сохранению его социокультурной среды в сложные исторические периоды, включая постперестроечный [3, 1]. Под воздействием школьного образования складывается жизненный старт молодежи, её образовательные и профессиональные пути, которые предварительно формируют работника и гражданина [7]. В последнее время система школьного российского образования трансформируется, внедрение нововведений меняют саму суть обучения [4], образовательный процесс формализуется и технологизируется. В связи с этим на местном уровне решающее значение приобретает позиция педагогического сообщества. С социологической точки зрения, основным оказывается вопрос, приняли ли преподаватели нововведения, изменилось ли их место в жизни российских локальностей?

Эмпирическую базу исследования составили проведённые коллективом глубинные интервью и фокус-группы в ходе выполнения проектов Сектора изучения социокультурного развития регионов России. Исследование проводилось в 2 этапа: первый проходил в 2013–2015 гг., второй — в 2019 г.

Для исследований в 2013–2015 гг. были выбраны следующие регионы РФ: Архангельская, Ивановская, Калужская, Курская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Смоленская, Свердловская и Тамбовская области, Республика Крым, в 2019 г.: Астраханская, Калужская и Курская области, Республика Карелия и Алтайский край. В общей сложности было собрано 141 глубинное интервью и 31 фокус-группа. Значительная часть результатов полевых исследований 2013–2015 г. опубликована, и первый раздел данной статьи основан на вторичном анализе этих публикаций.

На основании собранных данных на интернет-ресурсах и проведённых глубинных

интервью с представителями региональной власти в каждом из регионов были выбраны (в большинстве случаев) два районных центра для проведения исследования. Как правило, один район выбирался из числа наиболее благополучных и один малоресурсный район.

В связи с тем, что предметом исследования является, прежде всего, профессиональный и социальный активизм педагогов, глубинные интервью в каждом районном центре были проведены с директорами и учителями местных школ. Кроме того, были опрошены и сотрудники библиотек, музеев и Домов культуры, работники учреждений дополнительного образования, так как на локальном уровне они практически всегда взаимодействуют с учителями в образовательном процессе и активно участвуют в жизни местного сообщества.

Для выявления активистов среди представителей выбранных профессиональных групп в качестве респондентов были опрошены местные жители, в том числе их дети и представители районной администрации (особенно в тех случаях, когда их дети проживали и обучались в данном районном центре). Именно они могут рассказать о педагогах, актуализирующих свои ценности в гражданской активности и в профессиональной деятельности.

В исследованиях И.А. Халий и О.А. Аксеновой, осуществлявшихся в 1990-е и 2000-е годы, было обнаружено, что педагогическое сообщество в учебных заведениях районного центра проявляют активизм профессиональный (дают знания, сверх того, что требуется, занимаются воспитанием учеников, работают с неблагополучными семьями) и гражданский (например, борются с алкоголизмом и наркоманией, участвуют в организации культурной жизни локальности). О.В. Аксенова обозначила данный характер профессионального действия как акторский, основанный не только на компетенциях, но и на ценностях. В данном случае это тер-

мин, обозначающий определённый характер социального действия (свободного, основанного на ценностях). Определение акторского действия основано на концепте актора (действующего субъекта) А. Турена [6]. Его противоположностью является формализованное, алгоритмизированное действие, субъект которого не может выйти за рамки заданной программы [1]. По её мнению, акторское действие до сих пор сохраняется в российской провинции [2].

Основные направления развития активизма учителей. Анализ интервью показал, что вопреки закону «Об образовании»¹ во всех исследуемых районах воспитание детей оставалось в период 2013–2015 гг. важной задачей образования в малых городах и сёлах. В ходе исследования был выявлен индивидуальный подход к каждому ученику, сохранение тесных связей между учеником и учителем, традиционных для провинциальной русской школы.

Сопrotивление инновациям было выявлено и в процессе обучения, так, многие преподаватели готовили учеников к ЕГЭ и ГИА во внеурочное время, отказавшись от их «натаскивания» на сдачу данных экзаменов в учебное время. У районных учителей была установка на то, чтобы все их ученики обязательно поступили в вузы и продолжили образование, ради достижения этой цели они готовы безвозмездно заниматься с учениками, давать им знания сверх программы. Инновации, транслируемые из центра, адаптировались директорами и учителями учебными заведениями. Как правило, для школ характерны следующие сюжеты: нововведения вынужденно поддерживались преподавательским сообществом, например, процесс оптимизации на районном уровне подразумевает сокращение числа образовательных учреждений или присоединение малоресурсной школы к более крупной. Другие нововведения трансформировались и адаптировались директорами и преподавателями, так как были неприемлемы для них и для местного сообщества. Например, минимизация функции воспитания для большинства

локальностей губительна. Школа в селе стремилась противостоять девиантному поведению молодёжи, которое было реальной угрозой, в том числе и учителям. Определённые инновации охотно принимаются населением и полностью поддерживаются учительскими сообществами, к их числу в основном относится техническое оснащение школ.

В районах осуществлялась серьёзная работа по внешкольному образованию детей, работали творческие, музыкальные и спортивные учреждения. Как правило, в школах искусств занимаются в среднем по 200 человек. Большинство учеников ходят на занятия по дополнительному образованию, как в свою школу, так и в Дома культуры или в специализированные учреждения. В основном преподаватели дополнительного образования ведут свою деятельность для повышения культурного уровня учащихся, прививают интерес к занятиям спортом и к здоровому образу жизни. Эти цели распространялись на всех, особенно на детей из неблагополучных семей и детей с отклонениями. Интервью также показали, что поддержание культурных традиций держится только на инициативе и энтузиазме учителей дополнительного образования и деятелей культурно-досуговых учреждений, которые остаются одними из главных носителей российской культуры в районных центрах регионов России [5].

Активная гражданская позиция учителей влияет и на результаты школьной преподавательской деятельности. Выпускники практически всех районных школ (нередко около 100%) поступали в вузы и ссузы районных и областных центров, в ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга.

Таким образом, в 2013–2015 гг. было обнаружено, что, видимо, благодаря сложившимся традициям в провинции российские учителя пока не были готовы принимать нововведения, не соответствующие их устоявшимся представлениям о преподавании. Кроме того, российские школы пока не перенимают навязываемые европейские стандарты, даже несмотря на то, что некоторые исследуемые районы имеют тесные контакты со странами Евросоюза: в России до сих пор

¹ Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ, 2013 // Кодексы и законы РФ. 2013. Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/>.

редко где можно увидеть школьные учреждения, которые были бы ориентированы на уровень образования, доступный «отстающим». Во время полевых исследований был обнаружен только один лицей, выполняющий такую установку. В основном учителя продолжают практику обеспечения высокого уровня образования для всех.

Тенденция снижения активизма учителей. В 2019 г. было выявлено заметное снижение активизма учителей, что обусловлено целым рядом факторов, основными из которых являются последствия реформ в образовании и изменение установок учеников и их родителей.

Последствия образовательных реформ на местном уровне. Тестовая система проверки знаний (ЕГЭ и ОГЭ (ГИА)) является одним из факторов формализации образовательного процесса. Учителя долго сопротивлялись её влиянию, считая необходимым (по их словам) научить ребёнка думать. Однако подготовка к ЕГЭ стала приоритетной, в ней заинтересованы и родители учеников, так как от результатов единого экзамена зависит поступление их ребёнка в вуз или ссуз.

Формализации обучения способствует растущий бюрократизм, необходимость его ограничения уже общепризнана. Учителям по-прежнему приходится большую часть рабочего времени тратить на ведение и заполнение отчетов и документации. В результате у педагогов практически нет возможности уделять внимание своему предмету и ученикам, нет времени делать что-то сверх программы.

Взаимодействие учителей и родителей школьников. Как показало наше исследование, среди родителей все больше распространяется идея защиты прав ребенка в школе, которая чаще всего принимает гипертрофированную форму. Родители, которые четко приняли установку, что ребенок — личность и имеет право на отстаивание своих интересов, активно начинают «борьбу» против учителей. Некоторые из них полагают, что учителя слишком жестко обращаются с детьми, хотя это проявляется в большинстве случаев в том, что учителя продолжают воспитывать учеников. В ряде случаев достаточно одного-двух родителей для того, чтобы убедить остальных,

что детей нельзя заставлять, что ребенок должен сам захотеть учиться и т.п. В основном, именно давление со стороны родителей приводит к изменению позиции учителей. Это подтверждают сотрудники учреждений, которым по роду деятельности приходится взаимодействовать с детьми и подростками: *«Всё зависит от классного руководителя, если он заинтересован успеваемостью класса, отдельного ребёнка, то занимаются. Но в целом школы уходят от воспитания»* (фокус-группа с сотрудниками центра занятости, Суоярви).

В результате, даже те учителя, которые не хотели бы следовать данным условиям, вынуждены либо уходить из школы, либо принимать новые «правила игры»: *«Я раньше работала в школе, не выдержала. Дети стали вести себя ужасно, если сделаешь им выговор, то придут родители, и ты еще останешься виноватым»* (фокус-группа с представителями администрации, Обнинск).

Однако было выявлено, что далеко не во всех районных центрах наблюдается данная ситуация. Этому может способствовать жесткая позиция директора и преподавательского состава школы: *«У нас была пара родительниц, которые возмущались, они хотели убедить и других родителей, что детям надо давать больше свободы, чтобы учителя их не заставляли и не воспитывали. Но мы им объяснили, что это неправильная позиция, что последствия будут плачевными»* (из интервью с учителем школы, Алтайский край).

Потеря значимости учителей для школьников. Учитель уже потерял ту значимость для учеников, которая была раньше. Во-первых, родители, защищая права своих детей в школе, способствуют тому, что профессиональный компонент авторитета учителя перестает быть безусловным для школьников. Во-вторых, этому способствует повсеместное неконтролируемое использование школьниками Интернета, где одним из самых популярных источников знаний у подрастающего поколения становятся страницы блогеров.

Теперь учитель перестал быть уникальным источником знаний. У школьников появилась иллюзия, что они сами могут найти необходимую информацию. По их мнению, учителя «отстали» от современных трендов и не могут дать те знания, которые им действительно пригодятся в жизни.

Получение знаний в Интернете имеет ряд негативных последствий.

1) Как правило, блогеры не несут ответственности за предоставление своего материала, не умея отбирать и фильтровать материал, а дети доверяют информации, полученной от блогера.

2) Школьники и студенты начинают считать, что нет необходимости получать фундаментальные знания и даже, возможно, профессию, так как можно вести блог и получать за это достойную оплату. В результате в будущем мы можем получить общество псевдопрофессионалов: *«Мой сын сказал, что он уже умеет читать и писать, ездить на лошади, а потому ему пора бросать школу, вести блог, а летом обслуживать туристов»* (из интервью с учителем сельской школы, Республика Алтай).

3) В связи с тем, что дети склонны к поиску образцов для подражания, они выбирают авторитетных (в их среде) личностей, сейчас, как правило, это блогеры, в числе наиболее популярных — Юрий Дудь. По мнению наших респондентов, именно он поднимает острые вопросы, интересные молодым людям.

Активизм учителя зависит не только от трансформаций самого образовательного процесса. Он зависит также и от позиции учеников, от их жизненных целей и ценностей. Изменение последних можно проследить по интервью со студентами местных учреждений среднего специального образования, недавних школьников. Они всё чаще связываются с материальным успехом: *«начать зарабатывать»*, *«в жизни подняться»*, *«купить машину, купить дом»* (из фокус-групп со студентами техникумов). Молодые люди ориентируются на жизнь в большом городе, а некоторые — на эмиграцию за границу.

Труд уже перестает быть ценностью для подрастающего поколения, преобладающей ценностью становится оплата этого труда. Ситуация усугубляется и массовой потерей интереса к обучению. В результате ни учителя, ни родители не объясняют детям, зачем нужно получать фундаментальные знания.

Коммерциализация образования. Исследования 2019 г. показали, что теперь все чаще занятия становятся платными (репетиторство). Платными становятся кружки и секции при школах, куда раньше мог свободно прий-

ти любой школьник, вне зависимости от доходов его родителей.

Примерно такая же ситуация сложилась и в сфере дополнительного образования, в клубах и Домах культуры. Но проблема не только в платности. Сами учащиеся теряют интерес к ремесленным и творческим занятиям, им стало сложнее там обучаться (теряется навык преодоления трудностей). Например, в техникуме искусств, где в 2015 г. директор был полон энтузиазма и с удовольствием рассказывал о занятиях, в 2019 г. он был уже поникшим и потерянным: *«Дети стали чаще уходить после первых лет обучения, им стало сложно воспринимать и усваивать знания, учиться. Трудно, поэтому уходят»* (директор техникума искусств, Курская область).

Ориентация учеников на переезд в крупный город. Проблема заключается в том, что дети из районов стремятся уехать для продолжения учебы в более развитые региональные центры и дальше, причем речь идет не о желании жить и работать в Москве, Санкт-Петербурге или за границей, а преимущественно в других регионах РФ. Остаются ребята, которые учились слабо, остаются жить и продолжают обучение в своих же районах: *«Сегодня в педагогический колледж приходят только троечники, т. е. те, у кого знаний практически нет. Их уже бесполезно обучать чему бы то ни было. Я стараюсь просто объяснить им, как быть нормальным человеком»* (из интервью с преподавателем колледжа, Старица, Тверская область).

Такая ситуация может существенно изменить социокультурную среду локальностей, которая формировалась и воспроизводилась, в том числе педагогами-актерами.

Активизм ещё жив. Активизм еще не полностью ушел из общеобразовательных школ и организаций по дополнительному образованию в российской провинции. В нашем исследовании мы по-прежнему встречали случаи его проявления: *«В приоритете стоит занятость детей, родители работают, и нужно максимально занять детей, чтобы у них были дела. Занятость детей составляет 80%, с каждым годом увеличивается количество детей, мы сами занимаем детей, поэтому меньше времени на хулиганство»* (фокус-группа с представителями администрации, Астраханская область, Лиман).

«У нас есть учительница дзюдо, она набрала мальчиков-беспризорников. Все ребята поменялись, эта учительница стала примером для них, дети ездят на конкурсы, на соревнования и выигрывают» (фокус-группа с представителями администрации, Астраханская область, Лиман).

«Мы занимаемся просвещением и воспитанием, проводим опросы, викторины. Мы делаем многое, чтобы ребенку было интересно. У нас есть сотрудница, которая этому отдает все свое свободное время! И даем знания, которые в школе не успевают дать! Но никто этого не видит! Мы проводим беседы с детьми» (фокус-группа с сотрудниками библиотеки, Калужская область, Обнинск).

Мы по-прежнему часто слышали то, что все держится на энтузиастах, и если уйдут они, то все окончательно рухнет: *«Во всём нужен энтузиазм, прийти не просто посидеть. Нам нужны люди, которые горят своим делом»* (фокус-группа с представителями администрации, Астраханская область, Лиман).

В свою очередь многие школьники пока еще продолжают быть нацеленными на получение образования. В ходе исследований как в 2013–2015 гг., так и в 2019 г. было выявлено, что практически все поступают в вузы и ссузы районных и областных центров, в ведущие вузы страны.

Выводы. Исследования обнаружили тенденцию сокращения гражданской активности учителей, которая в 2019 г. обозначилась вполне отчетливо. Большую роль в её появлении играет формализация образования: строгое следование установленной норме и заданному алгоритму действия неизбежно минимизирует проявления активизма, основанного в значительной степени на ценностях.

Не менее важными факторами снижения активизма является растущая коммерциализация образования, новые установки учеников и их родителей, ведущие в числе прочего к снижению значимости роли учителя в жизни учеников. Учителя школ уже не могут идти наперекор сложившимся тенденциям, они начинают приспосабливаться к ним, предоставляя только образовательные услуги. В противном случае им либо приходится уходить из школы (воспитание школьников зачастую приводит к конфликтам с их роди-

телями), либо бороться с системой, но на это уже нет ни сил, ни желания, а главное — учителя перестают чувствовать отдачу от учеников, поддержку со стороны родителей и местного сообщества в целом. Учитель-актор перестаёт воспитывать учащихся и, следовательно, перестаёт быть актором.

Теперь районные учителя не всегда готовы безвозмездно заниматься с учениками, индивидуальный подход к каждому ученику сменяется механическим выполнением профессиональных обязанностей.

В результате, если в предыдущие годы школы в российской провинции были не только образовательными, но и культурными центрами, поддерживали в малых городах и в посёлках определенный социокультурный уровень, то сейчас этот уровень явно падает. Локальности могут оказаться в бедственном положении и потому, что там не первый год остаются жить и продолжать обучение те, кто в школе учился слабо и у кого в большинстве случаев практически неблагополучные семьи.

Пока всё перечисленное — лишь тенденция, но следствием её усиления может стать усиление деградации локальностей. Разумеется, деградация обусловлена в первую очередь экономическими причинами, но в предыдущие десятилетия деятельность местных акторов, среди которых были учителя и директора школ, позволяла сохранять достаточно высокий уровень социокультурного развития сообщества в условиях экономического кризиса и стагнации. Более того, подготовку выпускников многих районных школ высоко оценивали преподаватели региональных вузов. Если современную тенденцию снижения активизма не изменить в ближайшее время, то будет снижаться социокультурный потенциал страны в целом, который пока ещё складывается из множества локальностей.

Литература

1. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: монография. — М.: Институт социологии РАН, 2016. — 304 с.

2. Аксенова О. В. Модели управления в России и на Западе: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся: еже-

годник: вып. 16 / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый Хронограф, 2018. — С. 348–372.

3. Акторская парадигма управления в эпоху перемен: адаптация или противодействие // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. — Москва: Новый хронограф. — 2016. — Вып. 14. — С. 336–357.

4. Байрамова Ж. М. Интеграция образования и науки как движущая сила модернизации экономики России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2011. — №4. — С. 174–180.

5. Левченко Н. В. Модернизация системы образования: отношение учителей к возникающим рискам // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей VI-й Международной конференции / Отв. ред. Сампиев И. М. — Назрань: ООО «КЕП», 2018. — С. 316–324.

6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 206 с.

7. Чередниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. — 2016. — №3. — С. 152–182.

References

1. Aksenova O. V. Paradigma social'nogo dejstvija: professionaly v rossijskoj modernizacii: monografija [Paradigm of social action: professionals in Russian modernization]. — Moscow: Institut sociologii RAN, 2016. — 304 p.

2. Aksenova O. V. Modeli upravlenija v Rossii i na Zapade: riski i perspektivy razvitija [Management Models in Russia and the West: risks and development prospects] // Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik: vyp. 16 [Russia

reforming: Yearbook: issue 16] / In M. K. Gorshkov (eds.). — Moscow: Novyj Hronograf, 2018. — Pp. 348–372.

3. Aktorskaja paradigma upravlenija v jepohu peremen: adaptacija ili protivodejstvie [The actor paradigm of management in an era of change: adaptation or opposition] // Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik [sbornik nauchnyh statej] [Russia is reforming: Yearbook (collection of scientific articles)] / In M. K. Gorshkov (eds.); Institut sociologii RAN. — Moscow: Novyj hronograf. — 2016. — Issue 14. — Pp. 336–357.

4. Bajramova Zh. M. Integracija obrazovanija i nauki kak dvizhushhaja sila modernizacii jekonomiki Rossii [Integration of education and science as a driving force for the modernization of the Russian economy] // Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. G. Belinskogo [Izvestiya Penza state pedagogical University named after V. G. Belinsky]. — 2011. — №4. — Pp. 174–180.

5. Levchenko N. V. Modernizacija sistemy obrazovanija: otnoshenie uchitelej k vznikajushhim riskam [Modernization of the education system: teachers' attitude to emerging risks] // Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza. Sbornik nauchnyh statej VI-oj Mezhdunarodnoj konferencii [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles of the VI-th International conference] / In Sampiev I. M. (eds.) — Nazran': ООО «КЕП», 2018. — Pp. 316–324.

6. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii [Return of the active person. Essay of sociology]. — Moscow: Nauchnyj mir, 1998. — 206 p.

7. Cherednichenko G. A. Rossijskaja molodezh' v sisteme obrazovanija: ot urovnja k urovnju [Russian youth in the education system: from level to level] // Voprosy obrazovanija [The issue of education]. — 2016. — №3. — Pp. 152–182.

Поступила в редакцию

14 сентября 2020 г.

Левченко Наталья Валерьевна — научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Levchenko Natalia Valeryevna — Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35
24/35 Krzhizhanovskogo st., 117218, Moscow, Russia
E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-106-111

**СОЦИАЛЬНО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ
РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ**

© 2020 г. *В. В. Кривоусков**, *Б. Б. Месхи***

**АО «Главкосмос», г. Москва, Россия*

***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является анализ системы детерминант в условиях перехода к реализации социально-инвестиционной модели.

Методологическая база исследования строится на концепции структурно-функционального подхода (Т. Парсонс), неоинституционального (Норт) и деятельностно-активистского подхода к исследованию регионального управления.

Результаты исследования представляют возможность применения социально-инвестиционной модели в решении проблем регионального управления как инструмента социально-экономического развития территории.

Перспектива исследования заключается в возможности использования его основных положений и выводов в дальнейшей разработке проблем регионального управления в российском обществе.

Ключевые слова: региональное управление; социально-инвестиционная модель; социально-экономическое развитие; территория.

**SOCIO-INVESTMENT MODEL
OF REGIONAL MANAGEMENT AS A TOOL
FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY**

© 2020 *V. V. Krivopuskov**, *B. B. Meskhi***

**JSC «Glavkosmos», Moscow, Russia*

***Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to analyze the system of determinants in the conditions of transition to the implementation of the social and investment model.

The methodological basis of the study is based on the concept of structural and functional approach (T. Parsons), neoinstitutional (North) and activity-activist approach to the study of regional management.

The results of the study of the research present the possibility of applying the socio-investment model in solving the problems of regional management as a tool for socio-economic development of the territory.

The prospect of the study is to use its main provisions and conclusions in the further development of regional governance problems in Russian society.

Key words: regional management; socio-investment model; socio-economic development; territory.

Введение. Система регионального управления проходит путь перехода к трансформационному управлению, определения границ автономности действий в рамках сложившейся вертикально интегрированной системы управления в российском обществе. Система регионального управления, сталкиваясь с внутренними и внешними вызовами, является индикатором социокультурной модернизации. Сложившиеся социально-инвестиционные модели регионального управления в российском обществе не являются доминирующими, но задают вектор изменений в системе регионального управления, так как содержат перспективы включения новых механизмов управленческого воздействия, определяют выход за пределы прагматических задач и в условиях воспроизводства и развития человеческого капитала в регионах обретают проективный характер. Учитывая, что в системе регионального управления сохраняется «многоукладность», совместимость традиционных административно-правовых и социально-инвестиционных регуляторов, можно сказать, что в контексте исследования социально-инвестиционной модели регионального управления в российском обществе важным является выделение основных и фоновых критериев (определение эффективности социально-инвестиционной модели регионального управления на основе структурных, организационно-нормативных, функциональных и деятельностных индикаторов).

Детерминация социально-инвестиционной модели в управлении российскими регионами. Теоретическое осмысление исследования социально-инвестиционной модели регионального управления уходит корнями в классическую социологию управления (концепции фордизма, школы человеческих отношений) с учетом того, что схемы регионального управления отличаются от управления организациями не только количественными параметрами (масштабами), но и включением механизмов управленческого воздействия, связанных с пониманием региона как социума, содержащего автономные структурные, институциональные и субъектно-деятельностные параметры. Структурно-

функциональный [6], неинституциональный [5], деятельностно-активистский подходы [3, 9, 10, 11], различаясь исследовательскими принципами и процедурами, ориентированы на анализ и объяснение социально-инвестиционной модели регионального управления в контексте изменений, связанных со сферой регионального управления. Можно констатировать, что в нынешней ситуации, учитывая переход к трансформационному управлению, на основе интегрирования объективных (структурных) и субъективных (деятельностных) условий регионального управления социально-инвестиционная модель регионального управления, испытывая воздействие концепции человеческого капитала и интерпретацию регионального управления как совокупности управленческих воздействий, осуществляемых субъектами управления (управленческими структурами и общественными ассоциациями), делают востребованной многомерную модель исследования, анализирующую развитие системы регионального управления в контексте получения знания о формирующемся региональном социально-экономическом пространстве. Это означает, что анализ системы регионального управления связан с установлением взаимосвязи процессов через «социальный поворот» в региональном управлении, фиксирующий взаимосвязь изменений в системе регионального управления и развитие регионального социума.

Специфику регионального управления в российском обществе можно охарактеризовать «гибридностью» управленческих моделей как инструментов достижения управленческих решений, что предполагает обращение исследователя к анализу тенденций в развитии регионального управления, наиболее полно проявляемых в становлении социально-инвестиционной модели управления, которая из сферы «идеальности» трансформируется в практические действия. На основе концепций неинституционального и структурно-деятельностного анализа под региональным управлением понимается система действий и взаимодействий субъектов, включенных в систему регионального управления и обладающих социальной ресурсностью и профессиональной компетентностью, а также организационными навыками и опы-

том в рамках воздействия на социальные и социально-экономические процессы в региональном пространстве.

Социально-инвестиционную модель регионального управления следует интерпретировать как совокупность методов, приемов, способов, позволяющих в процессе управленческого действия и взаимодействия в региональном пространстве проектировать и реализовать программы социально-инвестиционного развития региона.

Развитие социально-инвестиционной политики и переход к региональному социуму коллективного социально-инвестиционного развития. В российских регионах существует запрос на выравнивание социально-территориального неравенства независимо от конкретной конфигурации человеческих ресурсов. Однако можно только догадываться, каким образом это может происходить, учитывая различия регионов по социально-экономическому, социально-демографическому и интеллектуальному потенциалу. В рамках образования «суперрегионов» — федеральных округов дифференциация между регионами проявляется еще отчетливей, так как соседство регионов с высоким уровнем социального развития и регионов с застарелыми социальными проблемами еще более усиливает межрегиональные различия.

Здесь есть повод для размышления, что является приоритетным в выстраивании социально-инвестиционной модели регионального управления: структурные, институциональные или деятельностные критерии. Поиск новых и сохранение существующих управленческих механизмов внутри российского общества и их взаимодействие с государственными структурами — это фактически поиск возможностей для выстраивания новой системы региональной иерархии [7]. В России этот вопрос предпочитают не ставить и не обсуждать открыто. Неявным образом социально-инвестиционная модель регионального управления понимается как возможность возникновения и развития социальных инвестиций, при этом критерии оценки механизмов реализации не обсуждаются. Также слабо выявлены ориентиры и задачи регионального управления в сфере

регулирования и обеспечения социально-инвестиционного развития.

Исходными являются минимальные социально-инвестиционные стандарты, нормальные и допустимые при условии, что региональное управление принимает де-факто накопленные человеческие ресурсы, не подвергая сбоям сложившиеся механизмы управленческого воздействия. Проглядываются перспективы взятия регионов под опеку крупными государственными структурами практически в условиях существования в России государственного капитализма, но этот процесс нельзя считать экстраполируемым, так как ожидания от внедрения смешанной модели не могут быть высокими.

Российское государство гарантирует минимальную социальную поддержку и обязательность участия регионов в федеральных целевых программах. Госкорпорации руководствуются иными экономическими критериями, и вряд ли можно ожидать, что их усилия будут направлены на безвозмездное социальное шефство. Вопрос состоит в том, что ожидания прихода на российский рынок новых мощных игроков (транснациональных операторов) также не оправдывает ожиданий. Серьезное изменение конкурентной ситуации актуализирует выживание российских игроков. Делая запланированные убытки, работая с предельно низкой рентабельностью, зарубежные игроки не становятся социальными резидентами, и их интерес к человеческим ресурсам региона ограничивается критериями дешевизны и профессиональной подготовленности.

Учитывая, что большинство транснациональных игроков связаны с привлечением массового низкоквалифицированного труда, а узкий слой специалистов формируется из экспатов, человеческий капитал региона не становится привлекательным. Это означает, что для анализа перспектив становления и формирования социально-инвестиционной модели регионального управления в российском обществе формируются несколько уровней критериев. Один из них связан со сложившимися моделями взаимодействия федерального центра и региона, с институциональными факторами и условиями институциональной среды.

Такая позиция имеет основания, так как социально-инвестиционная модель регионального управления предполагает систему формальных и неформальных норм регулирования и саморегулирования управленческой деятельности, задающей определенный набор целей и приоритетов регионального развития. При этом следует отметить, что институциональные факторы строятся на основании развития институтов взаимодействия с федеральным центром.

Региональное управление в российском обществе основано на административной модели, где маловероятна позитивная социально-инвестиционная активность. Однако данные развития регионов свидетельствуют о том, что наблюдается тренд социально-инвестиционной деятельности вне описываемых ранее корпоративной и государственной моделей инвестиционной политики. Для прояснения сущности проблемы следует сказать, что в условиях монособъектности регионального управления, неизменности институтов и моделей социального действия критерий институциональности определяется не только исследованием формальных и неформальных норм, практик формальных и добровольных соглашений. Важное место занимает социально-раздаточная матрица [1]. Важно выявить критерии векторности социальной политики в системе регионального управления: точечные, субсидиарные или общественно-служебные.

Таким образом, для исследователя данной проблемы важным становится определение параметров действующей корпоративной модели социального инвестирования, когда конкуренция в сфере обеспечения социальными услугами остается на нулевом уровне. Дилемма «административный ресурс — конкурентные отношения» [2] включает рассмотрение социально-инвестиционной модели в рамках сложившихся авторитарных и полуавторитарных принципов. При таком понимании можно констатировать, что институциональные изменения под влиянием государства или крупного бизнеса не приводят к эффективной социально-инвестиционной политике.

Если отвлечься от разговоров о бюрократизации регионального управления, от правил управленческого поведения, внутри-

управленческих отношений и институтов контроля за реализацией управленческих задач, то исследовательским трендом остается определение функциональности регионального управления в развитии социально-инвестиционной модели. Здесь исследование наталкивается на проблему разграничения дисфункциональности и функциональности, поскольку еще Р. Мертон отмечал, что наблюдаемая дисфункциональность в реальности является реализацией институтами латентных (скрытых) функций.

Важно понимать, что социально-инвестиционная модель регионального управления является нормативной, в то время как сложившиеся управленческие отношения определяются эффективностью и сплоченностью управленческой команды, границами для персонального подбора, «сословными» ценностями. Необходимым условием реализации социально-инвестиционной модели регионального управления следует считать характеристику потенциала регионального управления на уровне имплементации таких инструментов, как организационный и кадровый ресурсы, сформировавшиеся модели управленческого поведения.

Заключение. Определение коридора возможностей социально-инвестиционной модели регионального управления означает, что требуется анализ конкретных управленческих решений, позволяющих осуществить эмпирическую идентификацию реалий социально-инвестиционной активности. Заявленные исследовательские позиции связаны с деятельностно-активистской парадигмой, и в этой связи следует еще раз обратить внимание на характер взаимосвязей между институтами управления и региональным социумом. Следует указать, что в рамках деятельностно-активистской концепции развертывается механизм воспроизводства социально-инвестиционной активности, где важно указать, как выстраивается и закрепляется иерархия представлений о социально-инвестиционной активности в региональном управлении.

Здесь, как представляется, важно определить функционирование институциональной среды, регулирующей экономическую и социальную жизнь регионального социу-

ма. Представляется полезным рассматривать социально-инвестиционную модель регионального управления не в качестве стабильно воспроизводимой, а как перманентную трансформацию, процесс изменений, вносимых по мере совершенствования системы регионального управления. В основе этой аргументации лежит вполне реальная потребность системы государственного управления по возрождению человеческого потенциала, накопленного в предшествующий период для сильного модернизационного рывка в российском обществе.

В рамках исследования создание работоспособной объяснительной схемы связано с учетом тенденций рационализации деятельности институтов регионального управления для устойчивого функционирования социально-инвестиционной модели в региональном социуме и значимости коридоров возможностей, опирающихся на реалистичную тенденцию в развитии модели социального действия [2]. В этой связи важно охарактеризовать параметры социально-инвестиционной модели регионального управления как многомерный аналитический конструкт, включающий анализ и объяснение социально-инвестиционной модели регионального управления как совокупности управленческих действий и взаимодействий, направленных на рост социальных инвестиций, как инструмент повышения эффективности регионального управления, целями которого является устойчивое развитие региона через повышение качества человеческого капитала.

Необходимо изучение функций социально-инвестиционной модели регионального управления как управленческих воздействий, ориентированных на воспроизводство системы регионального управления и становление новых социальных реальностей в региональном социуме. Важным представляется определение кадрового потенциала регионального управления в соответствии с готовностью к реализации социально-инвестиционной модели управления. Можно сказать, что социально-инвестиционная модель управления в российском обществе фиксируется в рамках описания «реальности» и содержит диагноз относительно качественных изменений в системе регионального управления, свя-

занных с «преодолением» прошлого опыта сугубо административного регулирования и необходимости переустройства институциональных структур регионального управления и деятельностно-мотивационной сферы субъектов регионального управления.

Литература

1. Бессонова О. Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. — 152 с.
2. Дискин И. Россия, которая возможна. — М.: Юрист, 2011. — 175 с.
3. Журенков К. Переезд власти // Огонек. — 2018. — №9. — С. 18–20.
4. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. — М: Институт Гайдара, 2011. — 480 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. — М., 1998. — 270 с.
6. Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. — М.: Наука, 2004. — 248 с.
7. Beck U. Risk Society Revisited. — L., 2007. — 173 p.
8. Giddens A. The Politics of Climate Change. — Cambridge: Polity Press, 2009. — 126 p.
9. Urry J. Mobilities. — Cambridge: Polity Press, 2008. — 344 p.

References

1. Bessonova O. Je. Razdatok: institucional'naja teorija hozjajstvennogo razvitija Rossii [Razdatok: institutional theory of economic development in Russia]. — Novosibirsk: IJeiOPP SO RAN, 1999. — 152 p.
2. Diskin I. Rossija, kotoraja vozmozhna [Russia, which is possible]. — Moscow: Jurist, 2011. — 175 p.
3. Zhurenkov K. Pereezd vlasti [Moving power] // Ogonek. — 2018. — №9. — Pp. 18–20.
4. Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. Nasilie i social'nye porjadki [Violence and social orders]. — Moscow: Institut Gajdara, 2011. — 480 p.
5. Parsons T. Sistema sovremennyh obshhestv [System of modern societies]. — Moscow, 1998. — 270 p.

6. Puti Rossii: sushhestvujushhie ogranichenija i vozmozhnye varianty [Ways of Russia: existing restrictions and possible options]. — Moscow: Nauka, 2004. — 248 p.

7. Beck U. Risk Society Revisited. — L., 2007. — 173 p.

8. Giddens A. The Politics of Climate Change. — Cambridge: Polity Press, 2009. — 126 p.

9. Urry J. Mobilities. — Cambridge: Polity Press, 2008. — 344 p.

Поступила в редакцию

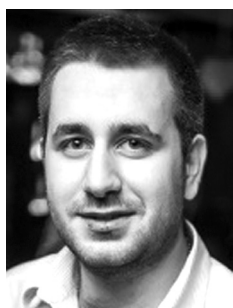
9 июля 2020 г.

Кривоусков Виктор Владимирович — доктор социологических наук, советник Генерального директора АО «Главкосмос», видный общественный деятель, председатель Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией, член Генерального Совета и руководитель Комитета «Космос — пространство мира, доверия и сотрудничества» Ассамблеи народов Евразии.

Krivopuskov Viktor Vladimirovich — Doctor of Sociological Sciences, Adviser to the General Director of Glavkosmos JSC, prominent public figure, Chairman of the Russian society for friendship and cooperation with Armenia, member of the General Council and head of the Committee «Space — space of peace, trust and cooperation» of the Assembly of Peoples of Eurasia.

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, стр. 3
39 Gilyarovskogo st., bld. 3, 129110, Moscow, Russia
E-mail: rossotram@gmail.com

Месхи Бебури Бесикович — аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Meskhi Bebur Besikovich — Post-graduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: bebur9696@mail.ru

УДК 316.35

10.17213/2075-2067-2020-5-112-117

МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

© 2020 г. В. В. Овсий

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является анализ реализации добровольческих молодежных проектов в России, их активность и значение в современном обществе, а также практическая деятельность в условиях пандемии.

Методологическая база исследования строится на концепции институционального подхода (Д. Норта). В рамках этого подхода волонтерство рассматривается как социальный институт, особый институт гражданского общества, основу функционирования которого составляет принцип целостности и солидарности.

Результаты исследования. Важнейшим результатом явилось понимание усилившейся активности молодежного волонтерского движения в условиях новой реальности. Наблюдается эффект «взросления общества», его переход к активным действиям взамен повсеместно царившей ранее пассивности и безучастности к происходящему. У молодых людей виден рост таких качеств, как осознанность своих действий, сострадание к ближнему, стойкость в тяжелых жизненных ситуациях.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ волонтерских практик, позволяющий органам власти координировать соответствующим образом государственную молодежную политику.

Ключевые слова: молодежное волонтерство; студенчество; добровольчество; пандемия.

YOUTH VOLUNTEERING IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

© 2020 V. V. Ovsii

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to analyze the implementation of voluntary youth projects in Russia, their activity and significance in modern society, as well as their activities in the context of a pandemic.

The methodological base of the study is based on the concept of the institutional approach (D. North). In this approach, volunteerism is considered as a social institution, a special institution of civil society, which is based on the principle of integrity and solidarity.

The results of the study. The most important result was an understanding of the increased activity of the youth volunteer movement in the new reality. There is an effect of «growing up of society», its transition to active actions, instead of the passivity and indifference to what is happening that prevailed everywhere before. Young people show an increase in such qualities as awareness of their actions, compassion for others, and resilience in difficult life situations.

The prospect of the study is an in-depth analysis of volunteer practices that will allow authorities to coordinate state youth policy accordingly.

Key words: youth volunteering; students; volunteerism; pandemic.

Введение. В российском обществе в последние пять лет наметилась устойчивая тенденция существенного разрыва потенциального и реального уровня участия в волонтерских и добровольческих проектах (50% против 15%) [3]. Данная тенденция требует активизации деятельности, направленной на вовлечение в волонтерское движение новых участников, что приобрело особую актуальность в условиях пандемии, с которой столкнулось мировое сообщество. Одним из ответов в борьбе с пандемией стало активное участие молодежного волонтерства в оказании помощи нуждающимся гражданам нашей страны.

Глобальный вызов для волонтерства: роль и значение в современном обществе. Волонтерская деятельность представляет для молодежи эффективный механизм выстраивания социальных отношений и взаимодействий, служит базой приобретения новых знаний, умений и навыков, формирует и раскрывает собственный духовно-личностный потенциал [1]. Участие в волонтерских проектах и движении позволяет молодым людям эффективнее социализировать и коммуницировать в обществе, осваивать нормы и правила, что характеризует волонтерство как социальный институт, формирующий общественный капитал и создающий условия для продуктивного взаимодействия всех групп и общностей, что особенно актуально для молодого поколения как отдельной социально-демографической группы.

Социологические исследования показывают, что наибольшую вовлеченность в волонтерское движение проявляют именно молодые люди: так, по данным ВЦИОМ, 22% граждан нашей страны в возрасте от 18 до 24 лет безвозмездно оказывали помощь [3], «Левада-Центр» в своих исследованиях утверждает, что именно 18–25-летние являются активными волонтерами. Средний возраст добровольца составляет 23 года [2]. По данным «Росмолодежи», в волонтерской деятельности приняли участие 4101170 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 15% от данной возрастной группы [5, 6].

Мощным толчком для развития волонтерского движения в России послужили зимние Олимпийские Игры в Сочи. За послед-

ние пять лет количество волонтеров в нашей стране выросло в три раза. Доля волонтеров от общей численности россиян составляет 15% (по сравнению с 2004 г. — 5%), это порядка 15 миллионов человек, большую часть из которых составляют студенты либо молодые люди, недавно окончившие учебные заведения [12].

Молодежное волонтерство в период пандемии. Одним из наиболее популярных направлений волонтерства в нашей стране является «эпизодическое волонтерство», т.е. принятие разового участия в событиях, выполнение четких, несложных поручений. По данным центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в эпизодическом волонтерстве предпочитают участвовать жители городов-миллионников. Примерно четверть от общего числа опрошенных составляют студенты — 26% [9]. Однако в тяжелый период пандемии сотни студентов пополнили ряды волонтеров в России и стали работать отнюдь не по эпизодическому принципу. Их деятельность включает в себя несколько направлений: это адресная помощь маломобильным слоям населения, помощь медицинскому персоналу в больницах, информирование населения, работа в колл-центрах.

Большинство волонтерских центров вузов страны присоединились к акции #мывместе с целью проведения общих офлайн-мероприятий, координации действий на уровне региона, а также с целью обеспечения безопасности студентов-волонтеров. Несомненно, студенты-медики особо востребованы в качестве волонтеров, они помогают медицинским работникам справиться с колоссальной нагрузкой, при этом помощь студентов других направлений подготовки также необходима населению в сложившейся ситуации. Так, к примеру, особо востребованы волонтеры-студенты, обучающиеся по направлению «социальная работа», «педагогика», «психология» в сложившейся ситуации.

Молодежное волонтерство в условиях пандемии включает не только вертикальные практики, но и горизонтальные — взаимопомощь среди студентов. Так, например, студенты-волонтеры МИФИ организовали помощь студентам, которые на время пандемии

вынуждены остаться в общежитиях, организована помощь иностранным студентам, которые из-за закрытия границ не могут уехать домой [9].

Особое направление в волонтерстве приобрело «цифровое» или «IT-волонтерство» в связи с тем, что все образовательные учреждения были вынуждены уйти в дистанционный формат в кратчайшие сроки, многим педагогам понадобилась помощь в освоении нового софта. Студенты-волонтеры Томского государственного университета систем управления и радиотехники помогают образовательным учреждениям решать различного рода технические проблемы, устанавливать и осваивать новые программные продукты [9].

Студенты Южного федерального университета создали цифровую модель распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на основе актуальных данных отечественных и зарубежных платформ, благодаря чему появился полноценный доступ к множеству датасетов, формируемых различными организациями от Роспотребнадзора до англоязычных ресурсов (Kaggle, Demension). Данные стекаются в режиме онлайн и позволяют наиболее точно оценить ситуацию, спрогнозировать тенденции и выработать соответствующие решения [10].

Особая значимость волонтерского движения отмечена и на государственном уровне. Так, Президент Российской Федерации на встрече с добровольцами дал высокую оценку волонтерству в условиях пандемии, отметив, что такая работа, безусловно, востребована и будет приветствоваться и поддерживаться. Владимир Путин подчеркнул, что необходимо позаботиться о тех, кто проводит соответствующие мероприятия, позаботиться об их безопасности, их собственном здоровье. В качестве поддержки молодежного волонтерства в Российской Федерации собираются в два раза повысить стипендии для студентов, помогающих медикам в борьбе с пандемией коронавируса [4]. При этом студенты вступают в ряды волонтеров отнюдь не за материальными благами и всеобщим признанием, а по зову сердца, чтобы принести пользу людям в сложные времена.

Современные вызовы мирового масштаба выступили своеобразным драйвером гражданских инициатив и студенческого волон-

терского движения в России. Исследователи отмечают, что при положительной тенденции роста числа заболевших растет и число молодых людей, желающих стать волонтерами. Так, к вузовской волонтерской акции #мывместе за время пандемии в России приняло участие более 107 тысяч волонтеров [8].

Особенностью деятельности студентов-волонтеров в период пандемии является учет их направления подготовки, при этом студенты вносят не только вклад в борьбу с вирусом, но и развивают свои профессиональные и личностные навыки и качества. Так, А. Е. Чагин среди задач, решаемых с помощью волонтерской деятельности, рассматривает формирование и развитие знаний, умений и навыков, как следствие — развитие инновационного потенциала, а также формирование социального, культурного капитала и символического капитала [11].

Таким образом, с одной стороны, волонтерство, о чем явно свидетельствуют результаты исследований деятельности добровольцев, оказывает воздействие на граждан, формируя у них готовность к решению актуальных общественных проблем, благоприятствуя образованию в обществе так называемого «мобилизационного потенциала», базирующегося на готовности к активному социальному поведению именно в силу внутреннего убеждения, а не вследствие какого-либо принуждения [7]. С другой стороны, вследствие осуществления волонтерами своей деятельности происходит создание соответствующих сообществ, осуществляется расширение круга социальных связей, что, в свою очередь, способствует повышению уровня профессионализации субъектов волонтерской активности, появлению у них новых возможностей в плане построения успешной карьеры, удовлетворению потребностей в самореализации.

Выводы. Масштабная эпидемия, охватившая весь мир, показала много отрицательных моментов в жизни общества. Однако эта же проблема явилась и толчком к консолидации различных социальных институтов и движений взаимопомощи в обществе, усовершенствованию различных прикладных элементов в моменты стрессовых ситуаций и ограничений.

Особенностью рассмотрения молодежного волонтерского движения в условиях пандемии стало активное включение молодых людей в работу по оказанию помощи населению, в которой они применяли свои профессиональные навыки, полученные в период обучения в вузе.

Непростая ситуация с эпидемиологической обстановкой выявила некую солидарность в образовательном процессе. В технических аспектах налаживания дистанционного обучения студенты проявили активность в помощи настройки программного обеспечения на различных онлайн-платформах и в освоении нового софта.

Кризис дал возможность проявить лучшие качества людей, лишней раз обратил внимание государства на волонтерское движение в нашей стране, обозначил интеллектуальную, временную и мобилизационную готовность населения и органов власти к решению поставленных задач, студентам-волонтерам предоставил возможность проявить себя как профессионалам. В результате проведенного исследования следует особо подчеркнуть, что в российском обществе наметилась тенденция осознания и ответственности за происходящее, граждане все чаще режиму пассивности предпочитают активные действия в разворачивающихся событиях, тратят на решение проблем общества свои силы и время.

Литература

1. *Балаян М. Н.* Социокультурный потенциал волонтерского движения современной студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Майкоп, 2015. — 29 с.
2. Взаимопомощь во время пандемии. Склонны ли россияне друг другу помогать? И стали ли больше помогать в пандемию? [Электронный ресурс] Всероссийский опрос проведен Фондом общественного мнения 24–26 апреля 2020 = 1000 респондентов. — Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (Дата обращения: 29.05.2020).
3. Волонтерство в России: сегодня и завтра. Пресс-выпуск ВЦИОМ от 03 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020> (Дата обращения: 15.05.2020).
4. Встреча В. Путина с участниками общероссийской акции «Мы вместе» от 30 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63294> (Дата обращения: 30.05.2020).
5. Добровольчество и волонтерство: как мы помогаем друг другу? ВЦИОМ. 2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380> (Дата обращения: 18.05.2020).
6. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере молодежной политики за 2019 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (Дата обращения: 18.05.2020).
7. *Киселев И. Ю.* Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. — 2013. — №12. — С. 60.
8. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (Дата обращения: 18.05.2020).
9. *Скокова Ю., Краснопольская И., Корнеева И.* Практика вузов в поддержке волонтерской деятельности студентов в период пандемии [Электронный ресурс]. САО-Экспрес №6 (в доработке) НИЦ ВШЭ. 2020. — Режим доступа: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (Дата обращения: 10.05.2020).
10. Ученые ЮФУ создают и анализируют датасеты о COVID-19 [Электронный ресурс] Пресс-центр ЮФУ от 02.04.2020 г. — Режим доступа: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/62583> (Дата обращения: 18.05.2020).
11. *Чагин А. Е.* О роли волонтерской деятельности в студенческой среде [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2015. — №10 (90). — С. 1327–1329. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/19268/> (Дата обращения: 26.05.2020).
12. Число волонтеров в России утроилось за пять лет [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6529522> (Дата обращения: 18.05.2020).

References

1. *Balanjan M.N.* Sociokul'turnyj potencial volonterskogo dvizhenija sovremennoj studencheskoj molodezhi: [Sociocultural potential of the volunteer movement of modern student youth: Ph. D. (Sociology) Thesis]. — Majkop, 2015. — 29 p.
2. Vzaimopomoshh' vo vremja pandemii. Sklonny li rossijane drug drugu pomogat'? I stali li bol'she pomogat' v pandemiju? [Mutual aid during a pandemic. Do Russians tend to help each other? And did they help more in the pandemic?] [Jelektronnyj resurs] Vserossijskij opros proveden Fondom obshhestvennogo mnenija 24–26 aprelja 2020 = 1000 respondentov [The all-Russian survey was conducted by the public opinion Foundation on April 24–26, 2020 = 1000 respondents]. — URL: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (Date accessed: 29.05.2020).
3. Volonterstvo v Rossii: segodnja i zavtra. Press-vypusk VCIOM ot 03 aprelja 2018 g. [Volunteering in Russia: today and tomorrow. VTSIOM press release from April 03, 2018] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020> (Date accessed: 15.05.2020).
4. Vstrecha V. Putina s uchastnikami obshherossijskoj akcii «My vmeste» ot 30 aprelja 2020 g. [Vladimir Putin's Meeting with participants of the all-Russian action «We are together» on April 30, 2020] [Jelektronnyj resurs] — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63294> (Date accessed: 30.05.2020).
5. Dobrovol'chestvo i volonterstvo: kak my pomogaem drug drugu? [Volunteering and volunteering: how do we help each other?] VCIOM. 2018. [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380> (Date accessed: 18.05.2020).
6. Itogi federal'nogo statisticheskogo nabljudenija v sfere molodezhnoj politiki za 2019 g. [Results of the Federal statistical observation in the field of youth policy for 2019] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (Date accessed: 18.05.2020).
7. *Kiselev I. Ju.* Volonterstvo kak social'nyj kapital [Volunteering as social capital] // Vestnik social'no-politicheskikh nauk. Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova [Bulletin of social and political Sciences. Yaroslavl State University named after P.G. Demidov]. — 2013. — №12. — P. 60.
8. Potencial grazhdanskogo uchastija v reshenii social'nyh problem. Svodnyj analiticheskij otchet [The potential of civil participation in solving social problems. Summary analytical report] [Jelektronnyj resurs] — URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (Date accessed: 18.05.2020).
9. *Skokova Ju., Krasnopol'skaja I., Korneeva I.* Praktika vuzov v podderzhke volonterskoj dejatel'nosti studentov v period pandemii [University Practice in supporting students' volunteer activities during the pandemic] [Jelektronnyj resurs]. SAO-Jekspres №6 (v dorabotke) NIC VShJe. 2020. — URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (Date accessed: 10.05.2020).
10. Uchenye JuFU sozdajut i analizirujut datasey o COVID-19 [SFU Scientists create and analyze datasets about COVID-19] [Jelektronnyj resurs] Press-centr JuFU ot 02.04.2020 g. — URL: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/62583> (Date accessed: 18.05.2020).
11. *Chagin A.E.* O roli volonterskoj dejatel'nosti v studencheskoj srede [On the role of volunteer activities in the student's environment] [Jelektronnyj resurs] // Molodoj uchenyj [Young scientist]. — 2015. — №10 (90). — S. 1327–1329. — URL: <https://moluch.ru/archive/90/19268/> (Date accessed: 26.05.2020).
12. Chislo volonterov v Rossii utroilos' za pjat' let [The number of volunteers in Russia has tripled in five years] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6529522> (Date accessed: 18.05.2020).

Поступила в редакцию

9 октября 2020 г.

Овсий Виталий Вадимович — аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Сфера научных интересов — проблемы молодежного волонтерства.

Ovsii Vitaly Vadimovich — Post-graduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Sphere of scientific interests — problems of youth volunteering.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: v.ovsij@yandex.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-118-126

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2020 г. *Е. Л. Шилкина**, *Д. И. Сидорова***

**Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический университет, г. Шахты, Россия*

Целью исследования является выявление основных тенденций государственного регулирования общественного призрения в дореволюционной России на основе анализа исторического опыта в сфере минимизации социальной эксклюзии людей с ограничениями здоровья.

Методологическая база исследования. Публикация подготовлена исходя из общенаучного принципа объективности, обязывающего видеть за субъективными коллизиями в политике объективные условия, в которых реализуется социальное управление. На основе принципов социального и исторического детерминизма с помощью методов структурного анализа выделены системообразующие черты, определяющие субстанциональную сущность характер и функции государственного управления в сфере регулирования процессов инвалидизации общества и общественного призрения.

Результаты исследования. Появление первых государственных учреждений придало организованный и мотивированный характер социальной деятельности. Однако такая помощь оказывалась очень ограниченно и зачастую несвоевременно. К тому же только увечные военнослужащие могли относиться к инвалидам, в то время как другие люди, состояние здоровья которых невозможно восстановить, были лишены поддержки. В отличие от Западной Европы, в России не сложилась устойчивая комплексная система благотворительной помощи, в которой государство, церковь и города выступали бы партнерами в деле благотворительности.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ отечественного опыта государственного управления процессами социальной интеграции инвалидов.

Ключевые слова: государственное управление; общественное призрение; государственная благотворительность; инвалид; правительство; пенсия; социальная поддержка.

STATE REGULATION OF PUBLIC CHARITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

© 2020 *E. L. Shilkina**, *D. I. Sidorova***

**Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia*

***Institute of Service and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty, Russia*

The purpose of the study is to identify the main trends of state regulation of public charity in pre-revolutionary Russia based on the analysis of historical experience in the field of minimizing social exclusion of people with disabilities.

Methodological basis of the study. *The publication was prepared on the basis of the general scientific principle of objectivity, which obliges to see subjective conflicts in politics as objective conditions in which social management is implemented. Based on the principles of social and historical determinism, using structural analysis methods, systemic-forming features are identified that determine the substantive nature of the nature and functions of public administration in the field of regulating the processes of disabled society and public charity.*

The results of the study. *The emergence of the first state institutions gave an organized and motivated character to social activities. However, such assistance was very limited and often untimely. But the main problem was that only eternal servicemen could relate to the disabled, while other people whose health could not be restored were deprived of support. Russia, unlike Western Europe, has not developed a sustainable comprehensive system of charitable assistance, in which the state, church and cities acted as partners in the cause of charity.*

The prospect of the study *is a further sociological analysis of the domestic experience of state management of the processes of social integration of persons with disabilities.*

Key words: *public administration; public contempt; state charity; disabled person; government; pension; social support.*

Введение. Цивилизационные трансформации, протекающие в современном обществе, требуют пересмотра подходов к проблемам инвалидности. Отношение к инвалидности как обществе в целом, так и рамках государственной политики претерпело принципиальные изменения.

В рамках государственной политики произошёл кардинальный переход от медицинской модели инвалидности к социальной, в русле которой инвалидность интерпретируется как проблема общества.

В соответствии с социальной моделью решение проблем инвалидности требует государственного вмешательства, поскольку она является следствием состояния окружающей среды, неприспособленной к нуждам людей с ограничениями здоровья. Социальная модель требует создания для данной категории граждан максимально благоприятных условий для преодоления социальной эксклюзии и интеграции в общество.

Задачи минимизации социальной эксклюзии людей с ограничениями здоровья требуют поиска путей совершенствования государственной политики, адекватных современным цивилизационным требованиям, а также учитывающих исторический опыт в данной сфере. Это обуславливает необходимость изучения государственного регулирования общественного призрения в исторической ретроспективе.

Институализация государственного призрения в России. С приходом к власти Петра I в стране происходят радикальные преобразования в сфере общественного призрения. Путешествуя по Европе, он знакомится с существующими в ней моделями государственной благотворительности и стремится внедрить все полезное в России. Результатом деятельности Петра I было более трех с половиной тысяч указов, касающихся организации государственного призрения, борьбы с нищенством и туземством, запрета подаяния. Указом 1691 года предписывалось забирать «гулящих» людей, просящих милостыню, и рассылать по месту жительства, а в случае вторичной поимки «бить батогами» и ссылать в Сибирь. За подаяние нищему на виновных накладывался штраф до пяти рублей. Проводимая в стране политика секуляризации монастырских владений способствовала установлению организационного контроля за деятельностью церкви и определению новых направлений её деятельности в деле общественного призрения. Так, участие в Северной войне привело не только к людским потерям, но и к большому количеству лиц, получивших увечья.

Именно в это время в России начали называть инвалидами немощных старых солдат, пострадавших во время военных действий и неспособных служить. Заботой госу-

даря стало устройство в монастырях лазаретов для инвалидов, не имеющих своего дома и средств к существованию. Уход за ранеными осуществляли монахи, получая за это право проживать и питаться в монастыре. Инвалиды получали жалование из монастырских доходов. Отставные офицеры использовались для подготовки новобранцев, сбора припасов и кормов для армии, а нижние чины — в качестве охранников. Однако стремление Петра I перенести заботу о нищих и инвалидах в разряд государственных задач, взяв за основу опыт западных стран, привело к недопониманию не только со стороны простых людей, предпочитающих организованному призрению милостыню, но и представителей привилегированных сословий и духовенства.

Монтескье, изучая деятельность Петра I, упрекал его за недооценку своего народа, считая, что не следует изменять установленные народом обычаи и нравы посредством законов, лучше изменять их путем внедрения иных нравов и обычаев [1]. Оказалось невозможным за такой короткий срок создать европейскую систему призрения в стране без учета всех тех предпосылок, в которых эта система создавалась в Европе, и на создание которой западный мир потратил несколько столетий. «Это все равно, что пожелать увиденные западные вековые плоды просвещения в одну минуту присвоить своему народу», — считал В. Г. Белинский [2, с. 39].

После смерти Петра Великого большая часть задуманного практически осталась на бумаге, а сорокалетний период смены власти в России ознаменовался законодательным спадом в области призрения и усилением наказания за нищенство. Только с приходом на царствование Екатерины II наметились заметные перемены в области общественного призрения. Продолжая политику Петра I в области общественного призрения, Екатерина в первый год своего правления издает указ о строительстве специальных домов для душевнобольных и назначения служителями при них «отставных солдат, добрых и исправных». Параллельно с проведением губернской административной реформы по приказу императрицы создаются приказы общественного призрения в каждом губернском городе с возложением на них обязанностей по открытию, содержа-

нию и надзору за сиротскими, инвалидными и работными домами, богадельнями.

Проведенная секуляризация церковных земель позволила пополнить государственную казну и закрыть солдатские богадельни в монастырях. Отслуживших военных направляли в указанные города на местожительство, где они получали назначенное жалованье. Затем к концу XVIII века была предпринята попытка организовать инвалидные роты с использованием их на легких работах, но они оказались неэффективными и были упразднены. После этого неспособных к военной службе оставляли при своих гарнизонах на нестроевые должности, а требующих постоянного ухода размещали по благотворительным заведениям и инвалидным домам. Если же не было мест в этих заведениях, то заботу об инвалидах поручали благонадежным лицам с оплатой из казны. Государство также брало на себя расходы на содержание солдатских жен и вдов, не способных работать, отправляя их на поселения, в женские монастыри или богадельни и оплачивая из государственной казны расходы на их содержание.

Таким образом, Екатерина II, являясь сторонницей просвещенного абсолютизма и продолжательницей дела Петра Великого, заботившаяся о быстрой цивилизации России, создала в стране ряд благотворительных учреждений призрения по европейским образцам.

Отстав от Европы почти на полтора столетия, Россия за короткий период смогла наверстать упущенные позиции в социальной сфере, по крайней мере, в Петербурге и Москве. Во всяком случае, можно сказать, что Екатерина Великая смогла заложить фундамент в деле социального призрения.

Спустя почти полтора века после того, как Россия отстала от Европы, она за короткое время добилась упреждающего статуса, но только в двух столицах.

По мнению многих отечественных историков, политика непредсказуемого Павла I, считавшего свою власть безграничной, характеризуется желанием ликвидировать установленные порядки в период правления его матери Екатерины. Так, например, самостоятельность приказов была упразднена и передана государственным властям, их сменили департаменты и врачебные коллегии, руководство которыми было возложено

на его супругу Марию Федоровну и её канцелярию. Впоследствии этот орган получил название «Ведомство учреждений императрицы Марии». С именем императрицы связано создание новых благотворительных учреждений, ведомств, сиротских домов, первых училищ для глухонемых и слепых детей. При проведении военных реформ Павел I учредил лазареты при полках, в которых лекари должны были сдать экзамен в Медицинской коллегии, а отставные солдаты из-за увечий или прослужившие более двадцати пяти лет получили право на пенсию с содержанием в инвалидных ротах. До этого указа отставные солдаты-инвалиды оказывались предоставленными самим себе, занимаясь либо нищенством, либо грабежами.

Будучи уже императором, Павел I принял решение открыть в Чесменском дворце Екатерины II богадельню для инвалидов-воинов, но из-за возникших проблем с водоснабжением проект не был реализован. Лишь через тридцать лет богадельня была открыта для инвалидов и ветеранов Отечественной войны 1812 года. Находившиеся здесь инвалиды были на полном государственном обеспечении.

Формирование комплексной системы государственной и частной благотворительной помощи. Александр I, став императором после смерти своего отца Павла I, оставил свой след в развитии общественного призрения, основав в 1802 году Императорское Человеколюбивое общество, основным назначением которого являлось оказание нуждающимся «вспоможения всякого рода» за счет государственной казны и пожертвований частных лиц, в том числе и членов императорской семьи. Так, к примеру, императором из личных средств было выделено почти сорок тысяч. Интересен и тот факт, что монаршие щедроты за 18 лет (1816–1914 гг.) составили 9 млн. рублей, а частные пожертвования за этот же период — 106 млн. рублей. Напрашивается вывод: в деле оказания помощи нуждающимся роль государства не являлась выдающейся, о чем свидетельствуют данные о затратах на дело общественного призрения в размере 0,09–0,35 рубля на душу населения [3].

Правительство поощряло богатых людей делать всевозможные пожертвования, именно благотворительность открывала широкие воз-

можности для получения государственных чинов, орденов и различных сословных привилегий. Александр I самых достойных членов общества награждал именными знаками с девизом: «Возлюби ближнего как самого себя», а в 1828 году Николай I своим указом вводит звание «Почетный попечитель» для граждан, сделавших крупные пожертвования.

Уже к 1913 году Общество объединяло около трехсот благотворительных учреждений по всей стране с установленными четкими правилами их устройства и функционирования с годовым бюджетом более 3,5 млн. рублей [4].

Немаловажен и тот факт, что Александр I не только продолжил создание инвалидных рот, начатое его отцом императором Павлом, но и провел их реформирование. В 1811 г. своим указом Александр I повелевает «инвалидные роты и команды обратить на пользу службы», а всех инвалидов именовать «военными инвалидами» и подразделить на подвижных, служащих и неспособных. Подвижные и служащие несли караул в гарнизонах, охраняя важные объекты и арестантов, занимались обслуживанием лазаретов, кухонь, казарм, конюшен. Инвалиды получали жалованье, «мундирные вещи и провиант», на обслуживание хозяйством им выделялось единовременно 50 рублей. Нетрудоспособные и нуждающиеся в уходе определялись в богадельни. Однако архивы сохранили жалобы на высочайшее имя, написанные инвалидами нижних чинов о несправедливости властей и с просьбой «... по уважать их заслуги, оказать им покровительство, сложить налоги, не следующие с них по закону», что являлось вполне типичным отражением отношения власти к инвалидам войны [5, с. 226].

Война 1812 года внесла коррективы в развитие призрения к военным инвалидам. Такой организацией стал созданный в 1814 году Комитет о раненых для призрения только высших чинов армии, пострадавших во время войны, а также членов их семей: вдов, сирот, матерей. Следующим шагом на пути развития деятельности Комитета стало покровительство нижним чинам, героям Отечественной войны, основу которого заложил П. П. Пезаровиус, создатель и редактор газеты «Русский инвалид», издаваемой с 1813 года.

Образовавшийся у него инвалидный капитал в сумме 395 тысяч рублей по указу государя был передан в распоряжение Комитета вместе со списком 1200 инвалидов нижних чинов, получающих от него пенсии. И уже в феврале 1816 года это право распространялось и на других отставных и раненых нижних чинов, но члены их семей покровительством не пользовались.

В последующие годы Комитет финансировался главным образом за счет благотворительных пожертвований, аренды земель, благотворительных балов, лотерей, аукционов. Так, Николай Стародымов приводит один из примеров прецедента проведения французской колонией благотворительного аукциона в пользу семей погибших и раненых солдат с получением дохода почти в 42 тысячи, из которых только половина пошла на нужды семей инвалидов, а остальная — нуждающимся французам. При затратах в 12,5 тыс. рублей французы не только окупили свои расходы, но и оказали поддержку своим соплеменникам за счет русских. Такая лицемерная «благотворительность» очень смахивает на фарисейство [6].

Уже к концу 1840 года инвалидный капитал составлял почти 4,2 миллиона рублей серебром, но коррупция начала разъедать благородный замысел, так директор канцелярии комитета А. Г. Политковский был уличен в воровстве почти 1,2 млн. рублей, подделывая документы, завышая суммы, подлежащие выдаче инвалидам, фальсифицируя дела инвалидов, которым якобы требовалась помощь, хотя из такой огромной суммы лишь 20% шло на поддержку нижних чинов [7].

Николаевская эпоха правления ознаменовалась спадом благотворительности, бессилием правительства справиться с последствиями войны. Нижним чинам назначались единовременные пособия, их определяли в тюремные надзиратели и в качестве сторожей при памятниках, на городских заставах.

У В. Гиляровского можно найти такие строчки: «... унтер командовал инвалиду у шлагбаума: — Подвысь!.. Инвалид гремел цепью шлагбаума». Да и у А. С. Пушкина в «Дорожных жалобах» упоминается «непроторенный инвалид».

За тридцать лет правления Николая I со службы уволилось свыше 450 тысяч чело-

век. Пытаясь защитить столицы от наплыва отставных солдат, не имеющих средств к существованию, государь своим указом 1851 года разрешал оставаться в Санкт-Петербурге и Москве лишь тем, кто имел возможность содержать себя «постоянными занятиями», что позволило сократить количество обращений за помощью и количество неимущих инвалидов в столицах. Те же, кто не мог рассчитывать на родственников или благотворителей, вынуждены были заниматься нищенством. И. Г. Прыжов в своих исследованиях писал о том, что роскошь преклонить голову в богадельне или приюте старым солдатам, слепым и безруким, блуждающим по церквам, по похоронам, лавкам, не для них. В богадельни попадают не хромые и слепые, а случайные: молодые и здоровые [8].

Для борьбы с нищенством Николай I создает «Комитет о просящих милостыню», задачей которого было оказание благотворительной помощи бедным. Реальные инвалиды получали медицинскую и материальную помощь, их определяли на службу в присутственные места, а те, кто не работал по лености, направлялись в работные дома. По словам А. Бахтиярова, на самом деле эти дома представляли собой клоаку, где никто не работал и где царило пьянство [9].

Военные перемены 60–70-х годов содействовали созданию новой системы поддержки нижних чинов. После введения 6-летнего срока службы правительство сняло с себя ответственность об отставниках, получивших право селиться на казенных землях и пособие в размере 40 рублей на обзаведение, и направило свое внимание на потребности инвалидов, утративших способность к труду в результате службы. В соответствии с положением 1867 года им назначалось пособие в размере трех рублей в месяц. Такая сумма, получаемая главой семьи, не только лишала надежды обзавестись собственным хозяйством, но и обрекала на бедность и бесправность.

Солдаты-инвалиды часто даже не подозревали, что могут воспользоваться помощью Александровского комитета. Только после публикации и передачи выдержек из существующих законов были предоставлены льготы нижним чинам, особенно тем, кто был ранен в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., приписан к обществам, но не воспользовал-

ся земельным наделом. И к концу XIX века таких инвалидов уже числилось более 30 тыс. человек

Что касается инвалидов, проживающих в сельской местности, то забота о них возлагалась на сельские общины, регулирующие хозяйственную и бытовую жизнь деревни. По решению общины назначались опекуны нетрудоспособным членам, что считалось мирской повинностью и законодательно было закреплено [10]. Принявшему в свою семью инвалида с предоставлением питания общиной определялась плата, возможность освобождения от ряда повинностей либо отвода дополнительного земельного участка.

Государственное регулирование общественного призрения в пореформенные годы. Но крестьянская реформа 1861 года, о которой писал Н. Некрасов: «Порвалась цепь великая, порвалась и ударила одним концом по барину, другим — по мужику», не повлекла за собой гражданское равноправие крестьян, а напротив, привела к тому, что большинство крестьян осталось без денег и наделов, которые можно было получить у барина по закону, заплатив за них. В сложившейся ситуации помощь немощным и инвалидам оказывалась за счет средств бедняков, входящих в состав сельских обществ: чем беднее общество, тем больше нуждающихся и тем меньше средств для оказания поддержки. Российская империя не выделяла и гроша на их материальное обеспечение. Это привело к тому, что в поисках лучшей жизни тысячи крестьян, сорванных с земли, неприкаянных, кинулись в город, пополнив армию нищих.

Сегодня можно встретить ряд публикаций, расписывающих царскую Россию как преуспевающее патерналистское государство, в котором добросердечные помещики заботились о собственных крестьянах. Однако, многие исторические источники свидетельствуют об обратном. Так, например, Л. Н. Толстой в своей статье «Голод» основными причинами его считал подати, малоземельность и закабаленность крестьян помещиками. Не только Л. Толстой, но и А. Чехов описывал нерадостную картину жизни работяг, их «испытые, истасканные, битые» лица, навсегда утратившие тепло...». Писатель В. Г. Ко-

роленко в 1890-х годах сам принимал участие в организации столовых для голодающих и выдаче продовольственных ссуд.

Следовательно, можно сказать, что в до-революционной России государственную социальную поддержку могли получать только чиновники и высшие воинские чины, а на крестьян, представителей низших чинов, рабочих и престарелых она не распространялась. Но под давлением народных волнений в 1903 году правительство приняло закон об ответственности предпринимателей за увечья, которые рабочие получали на производстве, правда, это было крайне трудно доказать из-за расплывчатых формулировок правовых норм, высоких судебных издержек, рабочей неграмотности и бюрократических судебных разбирательств. Принятый в 1912 году закон о страховании рабочих от несчастных случаев охватывал лишь 15% от общего числа рабочих в России.

Интересен тот факт, что Всероссийская конференция РСДРП, проходившая в этом же году, была посвящена рассмотрению разработанной Лениным альтернативной страховой программы, заключавшейся в идее внедрения системы государственного страхования рабочих, обеспечивающей их в случае безработицы и потери трудоспособности, охватывающей также всех работников наемного труда и членов их семейств, инвалидов войны, и при этом все расходы на страхование должны нести государство и предприниматели.

Русско-японская (1904–1905 гг.) и Первая мировая (1914–1918 гг.) войны пополнили армию инвалидов, обрекающих свои семьи на нищету и бесправие. Следует отметить, что даже по признанию властей размеры пособий, выдававшихся военным инвалидам или их семьям, не «покрывали самых насущных расходов на прокормление и одежду» [11]. Для получения пособия инвалидам надо было доказать свое ранение, а на направленные запросы в полки ответы приходили через год и более. Лишь принятый в 1912 году закон о пенсиях изменил сам принцип, на котором строилась выдача нижним чинам денежной помощи от казны. Ранее это было нечто вроде милостыни, а с 1912 года это стало возмещением со стороны государства, при этом военные инвалиды имели право на пенсию независимо от их материального

положения. И, если раньше это была благотворительность, теперь такая помощь стала компенсацией со стороны государства.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Появление первых государственных учреждений стало значительной вехой в формировании форм социальной и благотворительной деятельности, осуществляемой государством, а также придало организованный и мотивированный характер социальной деятельности. Однако такая помощь оказывалась очень ограниченно и зачастую несвоевременно. Но главная проблема заключалась в том, что только увечные военнослужащие могли относиться к инвалидам и претендовать на социальную помощь, в то время как другие люди, состояние здоровья которых невозможно восстановить, были лишены какой-либо поддержки. Их проблемы и насущные потребности игнорировались как государством, так и обществом.

Обобщая, можно сказать, что в дореволюционной России государственную социальную поддержку могли получать только чиновники и военные, причем, преимущественно высшие воинские чины, а на крестьян, рабочих и престарелых она не распространялась.

Зарождение цивилизованных трудовых отношений началось с 1912 года, когда был принят первый закон о страховании трудящихся от несчастных случаев.

Следует отметить, что в Российской империи, в отличие от Западной Европы, не сложилась устойчивая комплексная система благотворительной помощи, в которой государство, церковь и города выступали бы партнерами в деле благотворительности.

Литература

1. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 416. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://padaread.com/?book=107662>.

2. *Белинский В. Г.* Литературные мечтания // Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 1. — М., 1953. — С. 37. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.vgbelinsky.ru/texts/books/13-1/articles-and-reviews/3/>.

3. *Ильинский В.* Благотворительность в России: (История и настоящее положение). — СПб, тип. Имп. Человеколюбив. о-ва, 1908. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003748904>.

4. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. Благотворительность и общественное призвание. — М.: Изд-во: Самотека, 2008. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://istmat.info/node/166>.

5. *Щербинин П. П.* Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII — начале XX в. // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2005. — №2. — С. 226–230.

6. *Стародымов Н.* Забота о военных инвалидах [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://proza.ru/2010/12/03/278>.

7. *Жирнов Е.* Дело о великой краже пенсий // Коммерсантъ Деньги. — 2011. — №24. — С. 49.

8. *Прыжов И. Г.* Нищие на Святой Руси: материалы для истории общественного и народного быта в России / Соч. Н. Прыжова. — М.: Тип. М. И. Смирновой, 1862. — С. 95. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/nodes/16442#mode/inspect/page/105/zoom/4>.

9. *Бахтияров А. А.* Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни; [Вступ. ст. и коммент. Ф. М. Лурье]. — СПб.: РИА «Ферт», 1994. — 221 с.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. 36. Отд. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1981. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book9934/#page/148/mode/1up>.

11. Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1915 гг. — Петроград, 1915. — С. 24. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004202160>.

References

1. *Montesk'e Sh.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. — Moscow: Gospolitizdat, 1955. — P. 416. [Elektronnyj resurs] — URL: <http://padaread.com/?book=107662>.

2. *Belinskij V.G.* Literaturnye mechtanija [Literary dreams] // Poln. sobr. soch. v 13 t. Vol. 1. — Moscow, 1953. — P. 37. [Elektronnyj resurs] — URL: <http://www.vgbelinsky.ru/texts/books/13-1/articles-and-reviews/3/>.
3. *Il'inskij V.* Blagotvoritel'nost' v Rossii: (Istorija i nastojashhee polozenie) [Charity in Russia: (History and present situation)]. — Saint-Petersburg, tip. Imp. Chelovekoljubiv. o-va, 1908. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003748904>.
4. Rossiya nakanune Pervoj mirovoj vojny. Statistiko-dokumental'nyj spravocnik. Blagotvoritel'nost' i obshhestvennoe prizrenie [Russia on the eve of the First world war. Statistical and documentary reference. Charity and public charity]. — Moscow: Izd-vo: Samoteka, 2008. [Elektronnyj resurs] — P: <http://istmat.info/node/166>.
5. *Shherbinin P.P.* Osobennosti social'noj zashhity veteranov voennoj sluzhby v Rossijskoj imperii v XVIII — nachale XX v. [Features of social protection of military service veterans in the Russian Empire in the XVIII — early XX century] // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki [Series Humanities]. — 2005. — №2. — Pp. 226–230.
6. *Starodymov N.* Zabota o voennyh invalidah [Care of military invalids] [Elektronnyj resurs] — URL: <https://proza.ru/2010/12/03/278>.
7. *Zhirnov E.* Delo o velikoj krazhe pensij [Case of Grand theft of pensions] // Kommersant Den'gi. — 2011. — №24. — P. 49.
8. *Pryzhov I.G.* Nishhie na Svjatoj Rusi: materialy dlja istorii obshhestvennogo i narodnogo byta v Rossii [Beggars in Holy Russia: materials for the history of social and national life in Russia] / Soch. N. Pryzhova. — Moscow: Tip. M.I. Smirnovoj, 1862. — P. 95. [Elektronnyj resurs] — URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/16442#mode/inspect/page/105/zoom/4>.
9. *Bahtiarov A.A.* Brjuho Peterburga. Ocherki stolichnoj zhizni [The Belly of St. Petersburg. Essays on Metropolitan life]; [Vstup. st. i komment. F.M. Lur'e]. — Saint-Petersburg: RIA «Fert», 1994. — 221 p.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second Meeting]. Vol. 36. Ed. 1. — Saint-Petersburg: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1981. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9934/#page/148/mode/1up>.
11. Obzor dejatel'nosti Alekseevskogo Glavnogo komiteta za desjatiletie 1905–1915 gg. [Review of the activity of the Alekseevsky Main Committee for the decade of 1905–1915]. — Petrograd, 1915. — P. 24. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004202160>.

Поступила в редакцию

3 сентября 2020 г.

Шилкина Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор Ростовского государственного университета путей сообщения. Специалист в области исследования социальной политики, государственного и муниципального управления.

Shilkina Elena Leonidovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rostov State Transport University. Specialist in the field of social policy research, state and municipal administration.

344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya sq., 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: Elena.bona-mente@yandex.ru

Сидорова Дарья Игоревна — аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) «Донского государственного технического университета» в г. Шахты. Специалист в области исследования компонентов социокультурной среды как факторов, влияющих на социальное самочувствие людей с ограниченными возможностями здоровья.

Sidorova Daria Igorevna — Postgraduate Student, Institute of Service and Entrepreneurship (the Branch) of the Don State Technical University in Shakhty. Specialist in the field of research of components of the socio-cultural environment as factors affecting the social well-being of people with disabilities.

346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147
147 Shevchenko st., 346500, Shakhty, Russia
E-mail: samsidarena92@mail.ru

УДК: 316.776.3:378.4

10.17213/2075-2067-2020-5-127-134

ДИАЛОГ В УПРАВЛЕНИИ УНИВЕРСИТЕТОМ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОСТРУКТУРНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2020 г. Л. И. Щербакова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является концептуализация социального диалога в системе управления современным университетом как специфической разновидности социальной коммуникации, механизма социальной консолидации и согласования интересов и действий основных субъектов образовательного процесса в условиях новой социальной реальности.

Методологическая база исследования внутриуниверситетских социоструктурных и коммуникативных взаимодействий опирается на идеи П. Штомпки о социальных изменениях как процессе, влияющем на изменение структуры системы, то есть четырех сетей связей между элементами: взаимодействиями (интеракциями), интересами, нормами и идеями [11]. Социальный диалог в образовательной системе рассмотрен как равноправное, свободное и продуктивное коммуникативное взаимодействие, имеющее своей целью сплоченность и солидаризацию всех субъектов образования на принципах партнерства, уважения, толерантности. Изменяющаяся социальная реальность как внешняя среда функционирования социального института высшего образования [8] рассмотрена в контексте научных обобщений российских ученых, обращающих внимание на то, что современная социальная реальность является результатом объективизации субъективной деятельности человека, она развивается по собственным объективным законам и оказывает влияние на человека и природу в целом.

Внутренняя университетская среда охарактеризована как особое социальное пространство, в котором каждый субъект образования описан на основе системы стратификационных координат, определяющих его социальное положение, главными из которых являются его властный, профессиональный и экономический статусы, уровень образования, семейное положение, национальность, происхождение и т. д. [9].

Результаты исследования заключаются в следующем: идентифицированы основные субъекты социального диалога университета, описаны тенденции трансформаций их интересов в изменяющейся социальной реальности. Социальный диалог как технология общения и механизм выявления социальных проблем и противоречий в социальном пространстве университета охарактеризован как ресурс повышения эффективности управления, социальной консолидации, стабильности и солидарности в коллективе.

Дальнейшее исследование предполагает уточнение социокультурных регуляторов формирования мотивов, интересов субъектов образования в условиях трансформации института высшего образования и поиск форм социального диалога в реальной среде и онлайн-формате для повышения эффективности управления университетом в новой социальной реальности.

Ключевые слова: социальный диалог; социальное пространство университета; стратификационные различия; субъекты образования; управленческие технологии.

**DIALOGUE IN UNIVERSITY MANAGEMENT
IN A CHANGING SOCIAL REALITY:
SOCIOSTRUCTURAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS**

© 2020 L. I. Shcherbakova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The aim of the research is to conceptualize social dialogue in the management system of a modern University as a specific type of social communication, a mechanism for social consolidation and coordination of interests and actions of the main subjects of the educational process in the new social reality.

The methodological basis for the study of intra-University sociostructural and communicative interactions is based on the ideas of P. Shtompka about social changes as a process that affects changes in the structure of the system, that is, four networks of connections between elements: interactions (interactions), interests, norms and ideas [11]. Social dialogue in the educational system is considered as an equal, free and productive communicative interaction, which aims to unite and solidify all subjects of education on the principles of partnership, respect, and tolerance. Changing social reality as an external environment for the functioning of a social institution of higher education [8] is considered in the context of scientific generalizations of Russian scientists, who draw attention to the fact that modern social reality is the result of objectification of subjective human activity, it develops according to its own objective laws and has an impact on man and nature as a whole. The internal University environment is characterized as a special social space in which each subject of education is described on the basis of a system of stratification coordinates that determine its social status, the main of which are its power, professional and economic status, level of education, marital status, nationality, origin, etc. [9].

The results of the research are as follows: the main subjects of the University's social dialogue are identified, and the trends of changes in their interests in the changing social reality are described. Social dialogue as a communication technology and a mechanism for identifying social problems and contradictions in the social space of the University is described as a resource for improving the effectiveness of management, social consolidation, stability and solidarity in the team.

Further research involves clarifying the socio-cultural regulators of the formation of motives and interests of educational subjects in the context of the transformation of the Institute of higher education and searching for forms of social dialogue in the real environment and online format to improve the effectiveness of University management in the new social reality.

Key words: social dialogue; social space of the University; stratification differences: subjects of education; manage.

Введение. В настоящее время в управлении университетом обозначилась насущная потребность в социальном диалоге как технологии и механизме выявления социальных проблем, согласования позиций социальных субъектов образования с иногда несовпадающими или противоречивыми интересами, а также налаживания между ними конструктивного коммуникативного взаимодействия,

основанного на принципах социального и личного партнерства, равенства и доверия с целью локализации и разрешения возникающих противоречий и рисков. Внешней средой функционирования университетов является ускоренно развивающаяся социальная реальность, затрагивающая сферы научного и технологического знания, образования, производства и потребления, систему организации

труда и досуга, социальную структуру общества. Как подчеркивают специалисты института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, переход к новой стадии развития общества обострил два базовых противоречия, присущих динамике человеческой цивилизации: «культурное отставание», проявляющееся в рассогласовании ускоренного технологического развития и более медленной трансформации культурных паттернов и морально-нравственного состояния общества, и «управленческое отставание», связанное с усиливающимся влиянием знания на процессы управления в условиях усложнения социальной реальности. Кроме этого, они обращают внимание на то, что информационное и инновационное пространство как существенное качество этой реальности во многом определяют социальные и социокультурные процессы. В этих условиях изменение содержания и организации образовательного процесса (асинхронное обучение, традиционные и дистанционные технологии) сопровождается турбулентностью во мнениях и поведении субъектов образования, обнаруживает как негативные, так и позитивные тенденции, связанные с тем, что «в результате применения инноваций в технологиях образования повышается его качество, оно становится гибким, доступным, и, кроме того, формируются свойства специалиста, которые недостижимы при использовании традиционных подходов к обучению» [7, с. 273]. Уместно подчеркнуть тот факт, что детерминированные повышением роли знаний и образования расширяются возможности социального действия индивидов и дифференциаций стратегий их поведения, причем эти процессы всегда происходят быстрее на индивидуальном уровне и уровне социальных групп, в нашем случае — на уровне субъектов образования и в университетских сообществах [1].

Не ставится под сомнение тот факт, что наука и образование остаются системообразующими социальными институтами, посредством и благодаря которым представляется возможным создание, реализация, анализ и прогнозирование развития новой социальной реальности. Институт образования в социальных трансформациях остается своеобразным базисом, «зеркалом» общества, пос-

кольку именно ему принадлежит функция, посредством которой происходит трансфер знания, селекция и «производство» человеческих ресурсов, «готовых» к высокопроизводительной деятельности.

Социальный диалог в управлении университетом: коммуникативное изменение. Уточним, что подразумевается под диалогом в социальном знании. Как считает ростовский ученый-философ В.И. Курбатов, социальный диалог есть социальная коммуникация, которая представляет собой коммуникативное взаимодействие, связанное с обменом социальными смыслами в социальном времени и социальном пространстве [6]. Учитывая, что университетская система представляет собой пространство регулируемых формальных и неформальных коммуникаций, социальный диалог может рассматриваться в качестве механизма функционирования и изменения этих коммуникаций. Роль социального диалога как фактора и технологии динамичной сбалансированности интересов субъектов образования заключается в равноправном участии всех участников диалога, в ориентации на конструктивное развитие данного социального процесса с опорой на нормативно-правовые, доверительные и морально-нравственные основания, на отрицание возможности использования теневых стратегий осуществления диалога.

Стоит обратить внимание на то, что под диалогом понимается вид коммуникаций, который предполагает как минимум двух субъектов. Существенный признак диалога — процессуальная структура, присутствие смены говорящего, попеременное владение словом, попеременное высказывание, обмен информацией, мыслями, смыслами, обоснование и отстаивание своей позиции, выраженной словами [10]. Именно на эти отличительные характеристики обращает внимание Ю.Н. Емельянов, подчеркивающий, что диалог — это разговор равных, отражающий уровень их коммуникативной компетентности, рассматриваемой как развивающийся целостный жизненный опыт, осознанный и этически упорядоченный индивидом [2]. Правила диалогического взаимоотношения субъектов образования — ответственность, заинтересованность, непредвзятость, открытость.

Социальный диалог в управлении университетом: социоструктурный аспект. Социоструктурное измерение социального диалога среди субъектов образования в университете может быть охарактеризовано с учетом неинституциональных подходов Д. Норта, наиболее существенным из которых в контексте изучаемой проблемы является принцип «методологического индивидуализма», который признает реально действующими участниками социального процесса не группы или организации, а индивидов. Согласно этому принципу коллективные общности (например, фирмы или государство) не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов, и поэтому должны объясняться с точки зрения целенаправленного поведения индивидов [8]. К основным субъектам образовательного процесса традиционно относятся обучающиеся: студенты, аспиранты, педагогические работники, административные работники, коллегиальные органы управления, общественные объединения и формирования университета. В настоящее время актуализировалось участие новых субъектов: родителей, работодателей, органов местного самоуправления и органов регионального управления, с которыми также важно поддерживать диалогические взаимоотношения. Является очевидным, что у каждого из перечисленных субъектов интересы выстраиваются по шкале: от профессиональных, экономических, управленческих, коллективных — до социальных, индивидуальных, карьерных. Если использовать личностный подход к характеристике векторов взаимодействия основных субъектов образовательного процесса, то можно обнаружить разнообразие их интересов, мотивов, ценностей, потребностей, которые образуют разнонаправленную сложную ткань взаимодействий, объединенных в социальное пространство с соответствующими координатами, стратификационная суть которого (дифференциация и иерархизация) описана в трудах П. Сорокина [9]. Чтобы управление было эффективным, надо определить способы диагностики наиболее существенных взаимодействий субъектов образования, найти с помощью диалога действенные технологии и инструменты воздействия на их социальную и академическую активность.

По-прежнему главными субъектами образования остаются студенты и преподаватели. Их коммуникативное взаимодействие регулируется институциональными формальными и неформальными правилами: законами, кодексами, нормами, традициями, обычаями, академическими ритуалами, способами контроля, системой поощрений и санкций. Рыночные отношения повлияли на особенности взаимодействия между ними, а поэтому и на формы диалога, но неизменным остается очевидный факт, что в процессе диалога происходит обмен социальной информацией, ценностями, эмоциями между его участниками, трансляция социального опыта.

Студенчество как целевая группа и ресурсный социокультурный, интеллектуальный, экономический потенциал общества является объектом воздействия, с одной стороны, новой социальной реальности, с другой стороны, идей, ценностей и установок, транслируемых в стенах учебного заведения. Часто подобные воздействия производят противоположный эффект, что может быть выявлено в процессе диалога. Ю. А. Зубок считает, что студенчество, как наиболее сплоченная группа современной молодежи, находясь в состоянии неопределенности и рисков, конструирует свои модели поведения, когда молодые люди как бы приспособливают изменяющуюся действительность для реализации своих целей и потребностей [3]. Обращаясь к идеям П. Штомпки о том, что в процессе социальных изменений трансформируются интересы и идеи [11], важно в процессе социального диалога выявить направленность и динамику интересов и ценностей студенческой молодежи. Практика показывает, что преимущественно для нее характерен индивидуализм и ориентация на личные интересы в построении профессиональной карьеры. Объяснение обнаруженной тенденции дано Ю. А. Зубок, которая выделила гибридный тип интересов и ментальных особенностей молодежи, характерных для традиционной и новой рыночной культуры [4]. При аргументации своей позиции она обращается к концепции П. Сорокина [9], позволяющей проследить общее и особенное в динамике культуры, присущей конкретному обществу, оценить степень воспроизводства смысловых образцов культуры в молодежной среде. В ментальности тради-

ционной, идеациональной культуры доминируют преимущественно духовные цели и потребности, соответственно, в чувственной рыночной акцент делается на удовлетворение физических потребностей и приспособление для этих целей внешнего мира и его ресурсов. Кроме различий в поведении студентов, обусловленных социокультурными регуляторами, в студенческой среде происходит углубление социальной дифференциации между участниками образовательного процесса, обусловленное уровнем материального благополучия и достатка родителей, доступом к культурным и спортивным благам, наличием платных образовательных услуг и т.д. Все эти черты могут отражаться на содержании, достоверности мнений и оценок в процессе диалога администрации вуза и студентов. Требуется осмысления с точки зрения управленческих технологий изменяющаяся модель взаимодействия между преподавателем и обучающимся (поставщик знания — потребитель знания), направленная на приобретение компетенций, формирование определенной поведенческой модели, отвечающей конкретным, практическим экономическим задачам, а не нацеленной на развитие личности специалиста, готовой успешно интегрироваться в новую социальную реальность и быть хранителем культурных традиций.

Использование социального диалога администрацией вузов во взаимодействии со студентами может стать ресурсом актуализации важных параметров оценки роли научно-педагогических работников в повышении эффективности управления образовательным процессом на основе диагностики уровня доверия к ним и привлекательности в студенческой среде. Сторонники социально-психологических подходов считают, что доверие к преподавателю складывается из компетентности: наличие определенного профессионального опыта, знание и использование специальной лексики и научной терминологии; искренности — когда он говорит честно, не собирается убеждать оппонентов в правильности своей точки зрения и подтверждает готовность выслушать другое мнение; надежности — когда его высказывания не противоречат друг другу, а сделанные им прогнозы уже сбывались ранее.

Важная роль в социальном диалоге отводится заведующим кафедрами, деканам

факультетов, работникам администрации вузов, имеющим формализованные статусные позиции, наделенным управленческими полномочиями и владеющим инструментами вознаграждения и принуждения. Для руководителей разных уровней важно использовать диалог для убеждения всех участников образовательного процесса продуктивно действовать для достижения общих целей. Умение быть участником паритетного диалога также во многом определяется личностными чертами субъектов образования.

Социальный диалог и принципы управления университетом. Известно, что эффективное управление предполагает устойчивое функционирование обратной связи между субъектами и объектами, которая может быть безоценочной, положительной или негативной. Управление университетом опирается на следующие основные принципы управления в системе образования, изложенные в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: государственная регламентация, стратегическое планирование, информационное и методическое обеспечение, независимая оценка качества, общественно-профессиональная аккредитация, проведение мониторинга в системе образования [13]. Их развернутая характеристика дана в статье 26 «Управление образовательной организацией», в которой подчеркивается важность сочетания принципов единоначалия и коллегиальности, а также нормативное требование учета мнения обучающихся, законных представителей несовершеннолетних обучающихся и педагогических работников [13]. С реализацией данной нормативно-правовой установки связано использование потенциала социального диалога в управлении образовательным учреждением, который обеспечивает возможность внутривузовских административных структур «держать постоянно руку на пульсе состояния общественного мнения», поддерживать в актуальном состоянии обратную связь для своевременного принятия управленческих воздействий с целью устранения острых социальных вопросов, противоречий и разногласий в образовательной системе. Уровень современных информационных технологий позволяет реализовать непосредственные и опосредованные формы диалога.

В настоящее время сложилась традиционная система взаимодействий студентов, профессорско-преподавательского состава, администрации, которая отличается преимущественно непосредственным характером общения — собрания, заседания ученых советов, встречи, личный прием и т. д., при этом форма осуществления чаще всего монологична. Дистанционный режим актуализировал опосредованное взаимодействие, когда эмоциональная составляющая заменяется формальной, когнитивной, цифровой. Сочетание традиционных и новых форм взаимодействия в социальном пространстве создает обстановку социальной турбулентности, которая как раз и актуализирует роль диалога: нужен ли он, какие приобретает формы, или управление современным вузом должно опираться только на формальные нормы и правила?

Заключение. Таким образом, институциональные изменения в системе высшего образования актуализировали социальную активность всех субъектов образовательного процесса как полноправных участников управленческих технологий. Позитивным потенциалом для выработки своевременных управленческих решений является социальный диалог между всеми субъектами образования на принципах открытости, равенства, паритета. Новая социальная реальность изменила статусно-ролевые отношения между преподавателями и студентами, вместо традиционных «учитель — ученик», расширяются другие: «поставщик знания — потребитель знания», которые сдвигают акценты в целях образования с развития личности на формирование профессионала. Социальный диалог в управлении университетом содержит в себе потенциал социализации студенческого сообщества, позитивный ресурс социальной консолидации профессорско-преподавательского состава, административно-управленческих структур, родителей и работодателей.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. — М., 1996. — С. 460–466.

2. Емельянов Ю. Н. Обучение паритетному диалогу. РИО Ленинградского университета. — 1991 г. — 106 с. — С. 3.

3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования, 2009. — №1. — С. 79.

4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // В сборнике: Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т. К. Ростовской. — 2019. — С. 9–18.

5. Курбатов В. И. Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. — 2014. — С. 103–112.

6. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 208 с.

7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.

8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. Ю. Согмонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992.

9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: РХГИ, 2000.

10. Социальный диалог: повседневный дискурс и социальные практики: монография; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2012. — 236 с.

11. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.

12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». — М.: Издательство «Омега-Л», 2014. — 136 с.

References

1. Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic sociological concepts] //

Zapadno-evropejskaja sociologija XIX-nachala XX vekov [Western European sociology of the XIX — early XX centuries]. — Moscow, 1996. — Pp. 460–466.

2. *Emel'janov Ju. N.* Obuchenie paritetnomu dialogu [Training for a parity dialogue]. RIO Leningradskogo universiteta. — 1991 g. — 106 p. — P. 3.

3. *Zubok Ju. A., Chuprov V. I.* Samoorganizacija v projavlenijah molodezhnogo jekstremizma [Self-Organization in the manifestations of youth extremism] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research], 2009. — №1. — P. 79.

4. *Zubok Ju. A., Chuprov V. I.* Zhiznedeja tel'nost' molodezhi v kul'turnom prostranstve izmenjajushhejsja real'nosti: teoreticheskie podhody k issledovaniju [Youth life Activity in the cultural space of changing reality: theoretical approaches to research] // V sbornike: Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [In the collection: cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the all-Russian scientific and practical conference]. In T. K. Rostovskaya (eds.). — 2019. — Pp. 9–18.

5. *Kurbatov V. I.* Social'nyj dialog: konceptual'nyj analiz [Social dialogue: conceptual analysis] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2014. — Pp. 103–112.

6. Novaja social'naja real'nost': sistemo-obrazujushhie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitija. Rossija v tehnosocial'nom prostranstve (Kollektivnaja monografija) [New soci-

al reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space (Collective monograph)]. — Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2020. — 208 p.

7. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutes, institutional changes and functioning of the economy]. — Moscow, 1997.

8. *Sorokin P. A.* Chelovek. Civilizacija. Obshestvo [Man. Civilization. Society] / In Ju. Sogomonov (eds.). — Moscow: Politizdat, 1992.

9. *Sorokin P. A.* Social'naja i kul'turnaja dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, jetiki, prava i obshhestvennyh otnoshenij [Social and cultural dynamics: research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations]. — Saint-Petersburg: RHGI, 2000.

10. Social'nyj dialog: povsednevnyj diskurs i social'nye praktiki: monografija; Juzhnyj federal'nyj universitet [Social dialogue: everyday discourse and social practices: monograph; southern Federal University]. — Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2012. — 236 p.

11. *Shtompka P.* Sociologija. Analiz sovremen-nogo obshhestva [Sotsiologiya. Analysis of modern society]. — Moscow: Logos, 2005. — 664 p.

12. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal law «On education in the Russian Federation»]. — Moscow: Izdatel'stvo «Omega-L», 2014. — 136 p.

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.

Щербакова Лидия Ильинична — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Shcherbakova Lidiya Il'inichna — Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social and Humanities Sciences, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

346421, г. Новочеркасск, пр. Баклановский, 97, кв. 98
97 Baklanovsky av., app. 98, 346421, Novocherkassk, Russia
E-mail: lidia-npi@mail.ru

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 725.94

10.17213/2075-2067-2020-5-135-140

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ

© 2020 г. *Н. В. Алиева**, *Н. Г. Овчинникова***

**Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, г. Новочеркасск, Россия*

***Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является выделение принципов рационального использования территорий посредством формирования комплексной системы взаимодействия градостроительного зонирования и градостроительной документации, исследование которой позволяет выделить особенности зонирования территорий, характерные для южного региона России.

Методологическую базу исследования представляет анализ механизма градостроительного зонирования территории с учетом системных принципов рационального использования территории на базе нормативных правовых документов в сфере градостроительного зонирования различных уровней: Градостроительного кодекса РФ, Генерального плана и Правил землепользования и застройки.

Результаты исследования. Система зонирования реализуется специальной технологией регулирования градостроительной деятельности, необходима и обязательна в условиях рыночной экономики, обращена на учет публичных и частных интересов разных групп населения по сравнению с интересами государства. Закономерность современного периода формирования отечественной системы градостроительного зонирования состоит в том, что функциональное зонирование генерального плана и градостроительное зонирование в составе правил землепользования и застройки, где устанавливаются градостроительные регламенты, должны быть разнесены по разным документам в силу их правового статуса.

Перспективу исследования в соответствии с заявленной темой, направленной на исследование аспектов градостроительного зонирования городской среды, составляет анализ, направленный на разработку планировочных решений по организации развивающейся части территории.

В представленной статье на основе выявленных принципов сформирована комплексная система взаимодействия градостроительного зонирования и градостроительной документации, исследование которой позволяет выделить особенности зонирования территорий, характерные для южного региона России.

Ключевые слова: система градостроительного зонирования; территориальная планировка; природные условия; формы хозяйствования; установление границ территориальных зон.

**REGIONAL ASPECTS OF URBAN ZONING
IN CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA**

© 2020 N. V. Alieva*, N. G. Ovchinnikova**

**Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
**Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

The aim of the study is to identify the principles of rational use of territories through the formation of an integrated system of interaction between urban planning zoning and urban planning documentation, the study of which makes it possible to highlight the features of the zoning of territories characteristic of the southern region of Russia.

The methodological basis of the study is an analysis of the mechanism of urban planning zoning of the territory, taking into account the systemic principles of rational use of the territory on the basis of regulatory legal documents in the field of urban planning zoning of various levels — the Urban Planning Code of the Russian Federation, the General Plan and the Rules for Land Use and Development.

Research results. The zoning system is implemented by a special technology for regulating urban planning activities, it is necessary and obligatory in a market economy, it is aimed at taking into account the public and private interests of different groups of the population in comparison with the interests of the state. The regularity of the modern period of the formation of the domestic system of urban planning zoning is that the functional zoning of the master plan and urban planning zoning as part of the land use and development rules, where urban planning regulations are established, should be classified according to different documents due to their legal status.

The prospect of research in accordance with the stated topic, aimed at studying the aspects of urban planning zoning of the urban environment, is an analysis aimed at developing planning solutions for organizing a developing part of the territory.

In the presented article, on the basis of the identified principles, a complex system of interaction between urban planning zoning and urban planning documentation is formed, the study of which allows us to highlight the features of the zoning of territories characteristic of the southern region of Russia.

Key words: *system of urban planning zoning; territorial planning; natural conditions; forms of management; establishing the boundaries of territorial zones.*

Введение. Развитие градостроительства на Юге России неразрывно связано с особенностями общего исторического развития и природных условий региона, вследствие чего здесь получили развитие многие формы хозяйствования. В соответствии с рис. 1 установлены следующие признаки системы градостроительного зонирования городов южного региона страны [1].

Соподчиненность правил землепользования и застройки и генерального плана города выступает как способность территориального зонирования переносить основные проектные решения генплана в правоприме-

нительную практику. Это основополагающий принцип, служащий для формализации решений генерального плана в виде системы градостроительных регламентов.

Комплексность зонирования предопределяет взаимосвязанность документов градостроительного зонирования и документации по планировке территории. С одной стороны, ПЗЗ создают правовую базу для разработки проектов планировки, с другой — проекты планировки дают информацию, необходимую для установления полноценного градостроительного регламента.

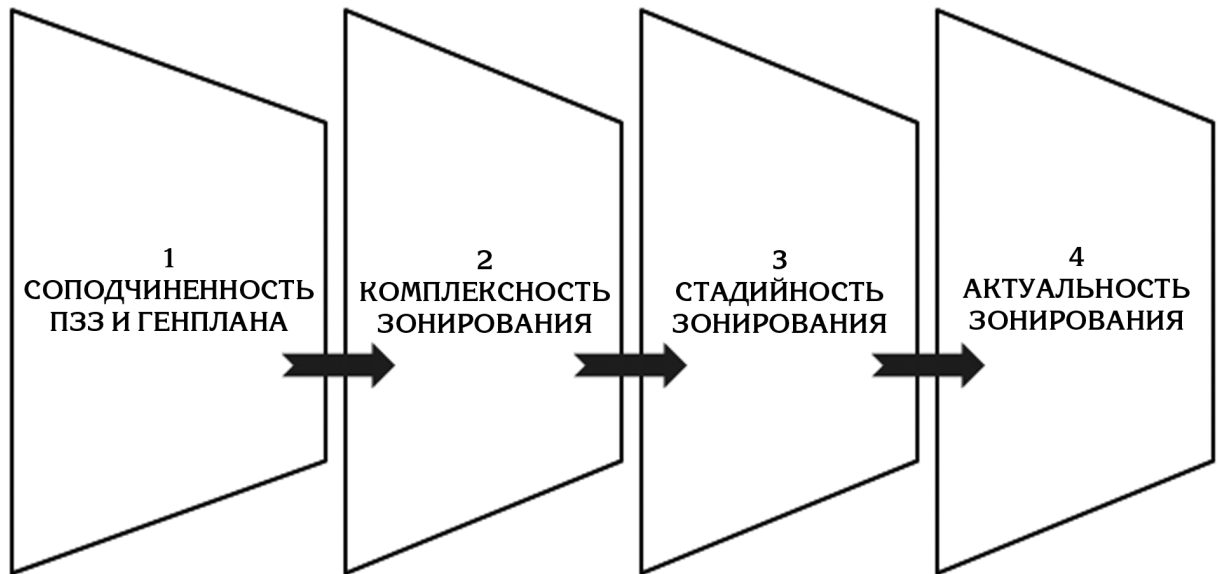

Рис. 1. Планировочные принципы зонирования городов Юга России

Рис. 2. Этапы подготовки правил землепользования и застройки

Стадийность градостроительного зонирования подразумевает подготовку градостроительных регламентов в несколько этапов. Последовательность действий по подготовке проекта правила землепользования и застройки представлена на рисунке 2.

Нормативно-правовая база обеспечения градостроительной деятельности. Актуальность градостроительного зонирования предполагает, что система зонирования должна основываться на регулярно обновляющейся информации о состоянии территории. ПЗЗ должны устанавливать полноценный правовой режим для каждого земельного участка, что невозможно без наличия качественной информационной базы [2].

В итоге на основе выявленных принципов сформирована комплексная система взаимодействия градостроительного зонирования и градостроительной документации, исследование которой позволяет выделить следующие особенности зонирования территорий, характерные для южного региона России:

1) планировочная и пространственная организация жилища, в частности, планировочные, национальные, климатические и хозяйственные особенности;

2) планировочная и пространственная организация рекреационной деятельности, заключающаяся в градостроительном освоении рекреационных районов и появлении новых форм размещения рекреационных объектов, которые требуют законодательного закрепления;

3) структура производственных зон, проистекающая из особенностей промышленной отрасли, характеризующаяся наличием небольшого числа крупных промышленных комплексов с большими объемами вредного в экологическом отношении производства;

4) типологические особенности городов добывающей промышленности, требующие выделения своих территориальных зон и планировочных ограничений [3].

Структура градостроительного зонирования городов юга России дает возможность исследовать методику преобразования проектных решений генерального плана города в систему градостроительных регламентов правил землепользования и застройки. Помимо генерального плана, к комплексу гра-

достроительной документации отнесены материалы по планировке территорий: проекты планировки, проекты межевания и градостроительные планы земельных участков.

Существует два основных способа трассировки границ зон. В первом случае границы территориальных зон проводятся по красным линиям, отделяющим муниципальные территории общего пользования от участков, которые могут быть переданы в частную собственность и вовлечены в рыночный оборот. При этом зоны с установленными градостроительными регламентами четко отделены от территориальных объектов, на которые эти регламенты не распространяются.

Второй способ состоит в том, что границы зон проводятся по осевым разделительным линиям магистралей, улиц, проездов. Существенное преимущество второго варианта трассировки границ заключается в том, что такой способ не закрепляет границы зон на красных линиях, что важно в условиях, когда часть города и кварталы не имеют красных линий вообще или имеют устаревшие красные линии, установленные по старым проектам детальной планировки. Если границы зон не зависят от красных линий, то они будут устойчивы на длительный период времени, несмотря на трансформации в связи с межеванием земель и изменением их правового статуса [4].

Еще одно существенное требование при установлении границ связано с необходимостью однозначной идентификации принадлежности каждого земельного участка только к одной из зон, выделенных на карте градостроительного зонирования, т.е. один земельный участок не может находиться одновременно в двух или более территориальных зонах.

При подготовке ПЗЗ г. Ростова-на-Дону границы зон с учетом положений ст. 34 ГрадК РФ устанавливались по линиям улиц, магистралей, проездов, естественным границам природных объектов, границам значительных по площади земельных участков и административных районов. Красные линии ввиду отсутствия необходимой планировочной документации в качестве границ территориальных зон не использовались.

Заключение. Таким образом, города южного региона России отличают многообразие

схем планировочной организации городских территорий, сложный этнокультурный состав населения, высокий инвестиционный потенциал рекреационных районов, доминирование отдельных градообразующих функций, быстрое восприятие населением социально-экономических изменений, адаптация к ним, и как следствие — обострение проблем, характерных для градостроительства в целом по стране.

Литература

1. *Медведков Д. А., Овчинникова Н. Г.* Комплексное и устойчивое развитие застроенной территории: опыт, проблемы и пути их решения // В книге: Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: материалы научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2018. — С. 204–206.

2. *Русских А. В., Овчинникова Н. Г.* Значимость документов территориального планирования муниципального образования для ведения ЕГРН // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2017. — №4. — С. 285–289.

3. *Зерщиков А. М., Овчинникова Н. Г.* Стратегия территориального развития муниципального образования // В книге: Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: материалы научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2018. — С. 122–124.

4. *Алиева Н. В., Овчинникова Н. Г.* Функции управления земельными ресурсами в решении вопросов развития территорий субъекта Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2017. — №3. — С. 79–83.

References

1. *Medvedkov D. A., Ovchinnikova N. G.* Kompleksnoe i ustojchivoe razvitie zastroennoj territorii: opyt, problemy i puti ih reshenija [In-

tegrated and sustainable development of the built-up area: experience, problems and ways to solve them] // V knige: Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [In the book: Organizational and economic problems of regional development in modern conditions: materials of scientific-practical conference of young scientists, postgraduates and students]. — 2018. — Pp. 204–206.

2. *Russkih A. V., Ovchinnikova N. G.* Znachimost' dokumentov territorial'nogo planirovanija municipal'nogo obrazovanija dlja vedenija EGRN [The Importance of territorial planning of municipal formation for conducting a EGRN] // Jelektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU» [Polythematic network Electronic magazine «Scientific works of the Kuban state University»]. — 2017. — №4. — Pp. 285–289.

3. *Zershhikov A. M., Ovchinnikova N. G.* Strategija territorial'nogo razvitija municipal'nogo obrazovanija [Strategy of territorial development of the municipality] // V knige: Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [In the book: Organizational and economic problems of regional development in modern conditions: materials of the scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students]. — 2018. — Pp. 122–124.

4. *Alieva N. V., Ovchinnikova N. G.* Funkcii upravlenija zemel'nymi resursami v reshenii voprosov razvitija territorij subekta Rossijskoj Federacii [Functions of land resources management in solving issues of development of territories of the subject of the Russian Federation] // Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (Novocherkasskogo politehnicheskogo instituta). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Social and economic Sciences]. — 2017. — №3. — Pp. 79–83.

Поступила в редакцию

27 сентября 2020 г.

Алиева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова (филиала) Донского государственного аграрного университета.

Alieva Natalya Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

Овчинникова Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 339.13

10.17213/2075-2067-2020-5-141-151

ВОПРОСЫ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ БИЗНЕСА В РОССИИ: ПОЧЕМУ НЕ ВСЕ ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ УСПЕШНЫ

© 2020 г. В. А. Бондаренко, Н. В. Гузенко, Р. М. Межаев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является обоснование сущности и специфики оценки клиентоориентированности и клиентоцентризма, являющимися значимым направлением в современном маркетинге компаний, а также выявление ключевых факторов при выстраивании работы с потребителями, влияющих на результативность клиентских программ, которые выступают продолжением и воплощением ориентации бизнеса на клиентов.

Методологическая база исследования. В рамках исследования вопросов клиентоориентированности бизнеса в России и аналитики причин отсутствия успешной реализации программ лояльности мы опираемся на рассмотрение профильных литературных источников по направлению клиентоцентризма в маркетинговой деятельности компаний в России и за рубежом, также опираемся на результаты эмпирических исследований сложившейся практики ведения бизнеса в направлении клиентоориентации в B2B и B2C сегментах. Используются методы описания, сравнения, сопоставления, анализа и синтеза полученной информации.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является выявление у компаний в городах федерального значения большей степени ориентации на клиентов в связи с сильной конкурентной борьбой, связанной с высокой концентрацией бизнеса. При этом именно сегмент B2C является флагманом осуществляемых клиентоориентированных инициатив, воплощаемых в реальность. Приходим к выводу, что проявляются тенденции, способствующие переходу от формального клиентоцентризма к реальному, что позволит обеспечить эффективность применяемых программ клиентской лояльности для тех организаций, которые будут укреплять свои рыночные позиции.

Перспективу исследования составляет доказательный анализ компаний в России по критерию ориентации на потребителей и выявлению необходимости перехода от формального клиентоцентризма к реальному, что обеспечит результативность программ клиентской лояльности для тех организаций, которые будут укреплять свои рыночные позиции.

Ключевые слова: клиентоориентированность; клиентоцентризм; маркетинг компаний; клиентские программы.

BUSINESS CUSTOMER QUESTIONS IN RUSSIA: WHY ARE NOT ALL LOYALTY PROGRAMS SUCCESSFUL

© 2020 V. A. Bondarenko, N. V. Guzenko, R. M. Mezhaev

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to substantiate the essence and specifics of assessing customer focus and customer centrism, which are a significant direction in modern marketing of companies,

as well as identifying key factors in building work with consumers that affect the effectiveness of client programs, which are a continuation and embodiment of business orientation towards customers.

The methodological base of the study. *As part of the study of the issues of customer focus of business in Russia and the analysis of the reasons for the lack of successful implementation of loyalty programs, we rely on the consideration of specialized literary sources in the direction of customer centrism in the marketing activities of companies in Russia and abroad, we also rely on the results of empirical studies of the established practice of doing business in the direction of customer orientation in B2B and B2C segments. Methods of description, comparison, comparison, analysis and synthesis of the information obtained were used.*

The results of the study. *One of the important results is the identification of companies in federal cities with a greater degree of customer orientation, due to the strong competition associated with a high concentration of business. At the same time, it is the B2C segment that is the flagship of ongoing customer-oriented initiatives that are being implemented. We come to the conclusion that tendencies are emerging that contribute to the transition from formal client-centrism to real, which will ensure the effectiveness of the applied client loyalty programs for those organizations that will strengthen their market positions.*

The prospect of the study *compiles an evidence-based analysis of companies in Russia according to the criterion of customer orientation and identifying the need to move from formal customer centrism to real, which will ensure the effectiveness of customer loyalty programs for those organizations that will strengthen their market positions.*

Key words: *customer focus; customer centrism; company marketing; client programs.*

Введение. Интерес к ориентации на запросы потребителей присутствовал в маркетинговой деятельности изначально, поскольку в условиях работы в конкурентной среде именно понимание потребностей своих потенциальных клиентов и вариант их наилучшего удовлетворения при одновременном соблюдении интересов компании является залогом успеха для предприятий и организаций.

В настоящее время в теории и практике компаний исследуются и применяются подходы по построению программ лояльности, являющиеся проявлением ориентации бизнеса на интересы клиентов, нацеленные на выстраивание длительных взаимовыгодных отношений с целевой аудиторией [9, 10, 13, 23]. Однако, далеко не все конструируемые программы лояльности успешны на практике и приводят к искомому результату, что вызывает интерес к исследованию клиентоориентации бизнеса и пониманию того, является ли она для большинства организаций на российском рынке реальной или в большинстве случаев представляет собой декларацию о намерениях и формально транслируемые тезисы,

не в полной мере сопрягаемые с предпринимаемыми бизнесом действиями [11, 12].

Обсуждение. Такие исследователи, как О. Ойнер, Е. Пантелеева подчеркивают, что восприятие клиентоориентированности бизнесом эволюционировало и прошло ряд взаимосвязанных стадий от трансформации фокуса на продукте к фокусировке усилий на потребителе, ориентации на целевой рынок, представленный ключевыми клиентами, и наконец, так называемой клиентоцентричности в маркетинговой деятельности [16].

Говоря о клиентоориентированности, ряд авторов именуется ее маркетинговой ориентацией бизнеса [27], другие говорят об общей ориентации на рынок и на целевые сегменты [5].

Зарубежные исследователи, такие как Дж. Нарвер, С. Слейтер, Д. Маклахлан, а также Р. Дешпанде, Дж. Фарли, Ф. Уэбстер и Ф. Джейкоб, концентрировали внимание на анализе экономического эффекта от ведения клиентоориентированного бизнеса на всех типах рынков [1, 2, 3, 5].

Группа отечественных и зарубежных ученых в своих работах актуализирует применение клиентоориентированного подхода для бизнес-структур на рынках развитых и развивающихся стран, дифференцируя отличия в предпринимаемых решениях, продиктованные нестабильностью ситуации, характерной для развивающихся рынков [6, 18, 19, 22, 25].

Для оценки клиентоориентированности в компании исследователями разработаны и используются различные модели шкал, в основу которых положены определенные объекты анализа, определенные метрики, их количество и применение на рынках развитых и развивающихся государств. Общая характеристика данных подходов проиллюстрирована в таблице 1.

Первая указанная шкала связана с направлением обеспечения клиентоориентированности компании, исходя из соответствующей направленности действий ее сотрудников и того факта, что сотрудники лояльны к организации-работодателю и по этой причине настроены на полноценное удовлетворение запросов клиентов.

Вторая шкала нацелена на оценку ориентации бизнеса на клиентов компании в сравнении, например, с установкой на межфирменное сотрудничество или конкурентное взаимодействие. Третья шкала содержит большое количество индикаторов, что препятствует ее применению на всех типах рын-

ков, так как сбор информации для валидации ситуации на ее основе слишком трудоемок.

Четвертая и пятая шкалы во многом похожи на третью и используют аналогичные индикаторы для оценки клиентоориентированности бизнеса. Две последние шкалы в практическом плане не тестировались на рынках развивающихся стран.

Также укажем, что для оценки общей клиентоориентированности бизнеса принято выделять бизнес-процессы, характеризующие эту деятельность. По мнению ряда исследователей, в числе данных бизнес-процессов лидируют следующие элементы:

- агрегирование основной информации, характеризующей потребителей [14];
- аналитика полученной информации о клиентах и их рыночном поведении [15];
- внутрифирменные коммуникации, способствующие пониманию ситуации с удовлетворением потребителей [4, 16, 24];
- выведение на рынок новых продуктов и сервисов [16, 20, 24, 27];
- обучение сотрудников, взаимодействующих с потребителями, рост их мотивации [7, 26];
- выстраивание взаимоотношений с клиентами, как со стратегическими партнерами [7, 8, 11, 27].

Различные подходы и отмечаемая исследователями разница в осуществлении клиентоориентированных решений на рынках развитых и развивающихся стран, к которым

Таблица 1

Основные шкалы, используемые для оценки клиентоориентированности компании [1, 2, 5, 21, 22]

Характеристики Наименование шкалы	Объект анализа	Количество индикаторов оценки	Тестирование на рынках развивающихся стран
SOCO	Сотрудники	7	да
MKTOR	Компания	6	да
MARKOR	Компания	32	да
9-факторная шкала	Компания	9	да
MORTN	Компания	10	да
CUSTOR	Компания	17	нет
Проактивная/реактивная/рыночная ориентация	Компания	8	нет

относятся в том числе и государства БРИКС, определяют актуальность аналитического рассмотрения результатов эмпирических исследований относительно проявляющейся клиентоориентации бизнеса в России.

Результаты. Характеризуя существующие данные проведенных ранее эмпирических исследований, позволяющих понять ситуацию в части клиентоориентированности бизнеса в России, приведем результаты масштабного маркетингового исследования, проведенного в 2014 г. в городах федерального значения — Москве и Санкт-Петербурге, а также других городах России, расположенных в регионах. В исследовании принимали участие 313 компаний, работающих на потребительских и промышленных рынках [12].

Согласно полученным О. Гулаковой, В. Ребязиной, М. Смирновой результатам, компании в России по критерию ориентации на клиентов можно разделить на 5 укрупненных кластеров (рисунок 1).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии высокой ориентации на удовлетворение потребительских запросов у немногим более 30% организаций, тогда как, например, 20% компаний декларируют такой характер

деятельности без подтверждения его в реальности, 6% организаций демонстрируют низкую ориентацию своего бизнеса на нужды и запрос целевой аудитории.

Целесообразно также привести данные относительно территориального размещения компаний, попадающих в тот или иной основной кластер по параметру ориентации на потребителей (рисунок 2).

Согласно представленным данным видно, что большая ориентация на клиентов проявляется у компаний в городах федерального значения, где выше концентрация бизнеса и более жестко протекает конкурентная борьба.

Важным промежуточным выводом представляется также то, что компании, декларирующие в качестве основной ценности интересы клиента и не придерживающиеся этой установки, на самом деле занимаются копированием модели поведения конкурентов, которая кажется им успешной. Например, они ведут клиентскую базу, но не применяют полученные данные о предпочтениях и поведении потребителей для выведения востребованных ими сервисов и продуктов.

Согласно данным другого эмпирического исследования, проведенного в 2017 г.

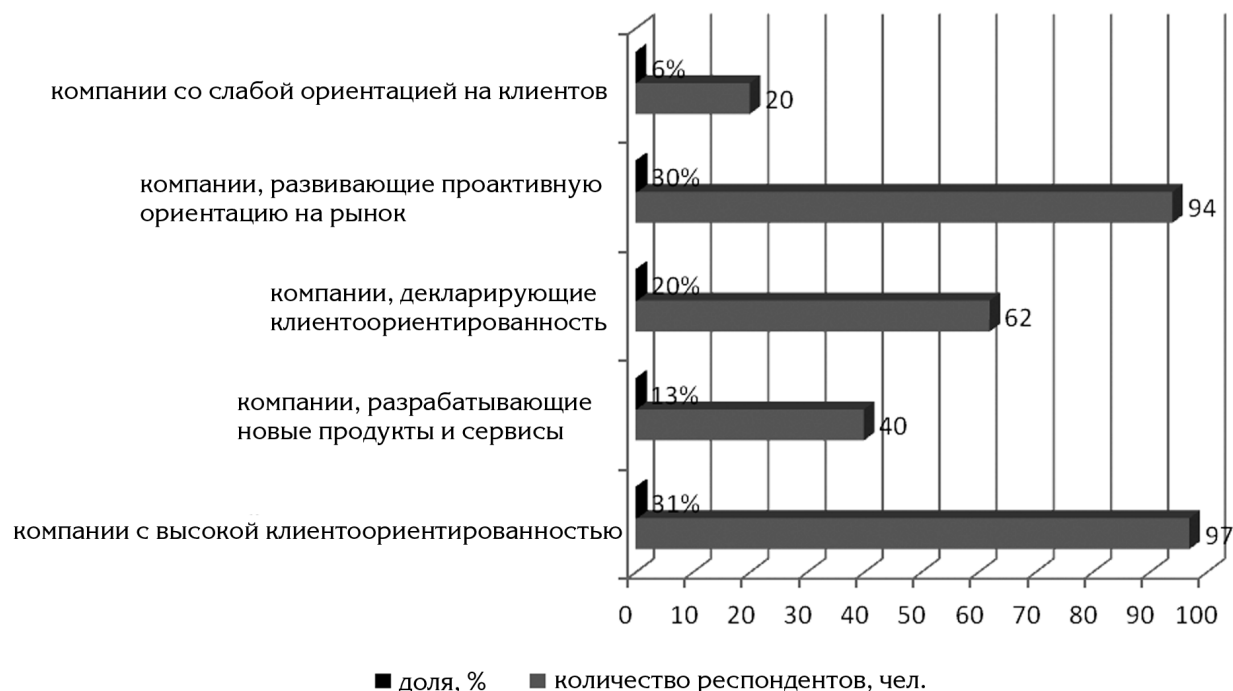

Рис. 1. Распределение компаний в России по пяти основным кластерам, исходя из критерия ориентации на потребителей в 2014 г., чел., % [11]

Рис. 2. Распределение компаний в городах федерального значения и в регионах по основным кластерам, % (согласно данным О. Гулаковой, В. Ребязиной, М. Смирновой) [11]

учеными О. Гулаковой, В. Ребязиной в виде глубинного интервью с сотрудниками компаний, работающих на российском рынке (в городах федерального значения и в регионах), были получены данные о наиболее популярных в российском бизнесе бизнес-процессах, свидетельствующих об ориентации на потребителей [11].

Территориальное расположение компаний, сотрудники которых участвовали в интервью, а также принадлежность бизнеса к B2C или B2B проиллюстрированы на рисунках 3 и 4.

Приведенные данные также подтверждают наличие широкого интереса к клиентоориентации в городах федерального значения как в сегменте B2B, так и B2C.

Данные о востребованности определенных бизнес-процессов, подтверждающих ориентацию бизнеса на потребителей, приведены на рисунке 5.

Полученные результаты свидетельствуют, с одной стороны, о высокой (по крайней мере, анонсируемой или декларируемой) ориентации на клиентов российских компаний. С другой стороны, они коррелируют с информацией о низкой ориентации такого

рода у 6% компаний и декларируемой форме такой ориентации у 30%, так как среди значимых бизнес-процессов только 53% опрошенных отнесли выведение на рынок тех товаров и сервисов, которые выступают отражением клиентских запросов. Соответственно, остальные представители компаний проявляют именно декларируемую клиентоориентацию. Они собирают необходимые сведения о потребителях, но, скорее, как дань моде или по-

Рис. 3. Территориальное расположение компаний — участниц исследования, % [11]

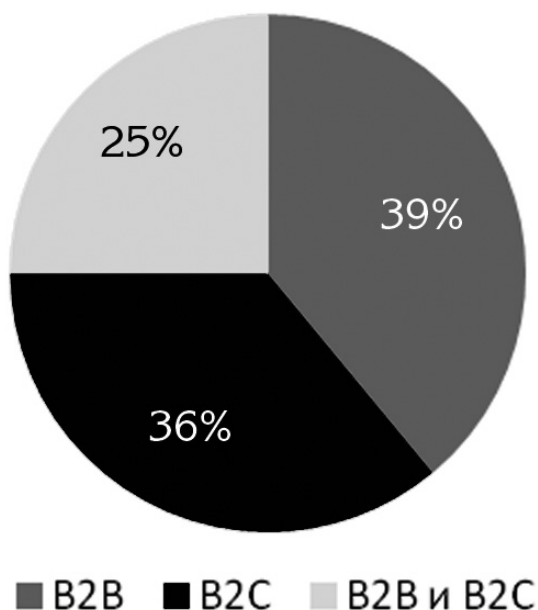

Рис. 4. Принадлежность компаний к B2B или B2C сегменту, % [11]

тому, что так делают другие, а необходимых дальнейших действий не предпринимают.

Можно также отметить, что согласно результатам другого эмпирического исследования в B2C сегменте (очевидно, из-за высокого уровня конкуренции) бизнес в большей степени проявляет интерес к клиентоцентризму, ориентации на потребителя. К условным TOP-5 в данном случае относят такие признаки, как понимание и акцентирование на потребностях клиентов, нацеленность на соответствие их ожиданиям, нацеленность на постоянство обратной связи, составление прогнозов развития клиентских потребностей, нацеленность на высокую степень удовлетворенности клиентских запросов [17].

Это позволяет предположить, что именно сегмент B2C в настоящее время в России является флагманом осуществляемых клиентоориентированных инициатив, воплощаемых в реальность, а не просто декларируемых в анонсе работы компаний.

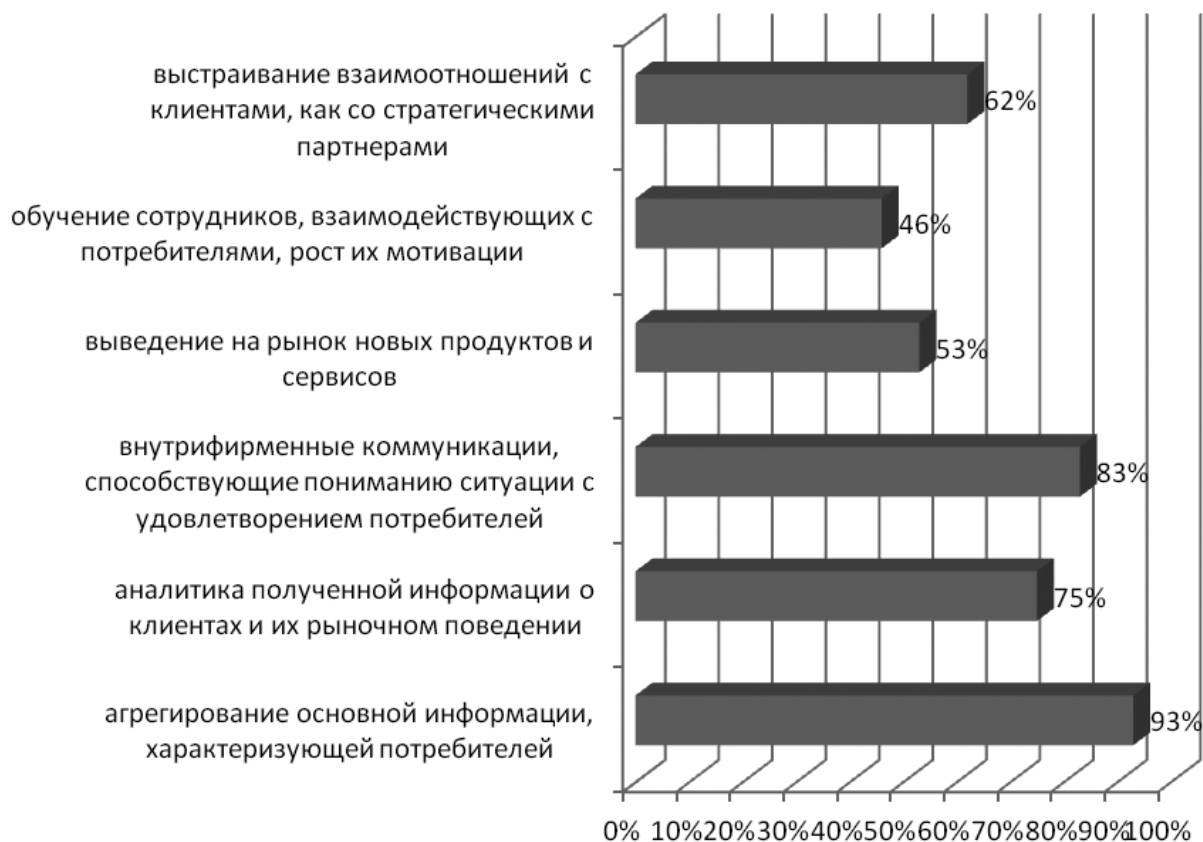

Рис. 5. Востребованность определенных бизнес-процессов, подтверждающих ориентацию бизнеса на потребителей в российских компаниях, % (согласно исследованию О. Гулаковой, В. Ребязиной) [12]

Заключение. Клиентоориентированность и клиентоцентризм являются значимым направлением в современном маркетинге компаний, что подтверждается большим количеством научных разработок и прикладным интересом со стороны бизнеса, функционирующего в высоко конкурентной среде. Это актуализирует применение программ лояльности, которые выступают продолжением и воплощением клиентоориентированности компаний. Тем не менее, далеко не все клиентские программы являются успешными, что свидетельствует о неверно определенных ориентирах при выстраивании работы с потребителями.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о наличии у ряда организаций декларируемой формальной клиентоориентации. В B2C сегменте организаций, проявляющих реальную ориентацию на запросы потребителей, больше, поскольку на рынке представлено большее количество игроков и выше конкурентная борьба за клиентский спрос. Полагаем, что, учитывая практическую ситуацию, в B2B сегменте будут проявляться те же тенденции, способствующие переходу от формального клиентоцентризма к реальному, что приведет к результативности программ клиентской лояльности для тех организаций, которые будут укреплять свои рыночные позиции.

Литература

1. *Deshpande R., Farley J. U.* Measuring Market Orientation: Generalization, Synthesis // *Journal of Market-Focused Management*. — 1998. — Vol. 2. — №3. — P. 213–232.
2. *Deshpande R., Farley J. U., Webster F. E.* Corporate Culture Customer Orientation, Innovativeness in Japanese Firms: A Quadrant Analysis // *Journal of marketing*. — 1993. — Vol. 57. — №1. — P. 23–37.
3. *Jacob F.* Preparing Industrial Suppliers for Customer Integration // *Industrial Marketing Management*. — 2006. — Vol. 35. — №1. — P. 45–56.
4. *Kohli A. K., Jaworski B. J., Kumar A.* MARKOR: A measure of market orientation // *Journal of Marketing Research*. — 1993. — №30 (4). — P. 467–477.
5. *Narver J. C., Slater S. F., MacLachlan D. L.* Responsive and proactive market orientation and new-product success. // *The Journal of Product Innovation Management*. — 2004. — №21 (5). — P. 334–347.
6. *Roersen M. J., Kraaijenbrink J., Groen A. J.* Marketing ignorance, the validity of Narver and Slater's MKTOR scale in high-tech Russian firms // *Journal of Product Innovation Management*. — 2013. — №30 (3). — P. 545–559.
7. *Saxe R., Weitz B. A.* The SOCO scale: A measure of the customer orientation of salespeople // *Journal of Marketing Research*. — 1982. — №19 (3). — P. 343–351.
8. *Бусаркина В. В.* Понятие клиентоориентированности предприятия и проблемы ее оценки [Электронный ресурс] // *Проблемы современной экономики* №4 (24). — Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art_php?nArtId=1660 (Дата обращения: 10.04.2020).
9. *Васин Ю. В., Лаврентьев Л. Г., Самсонов А. В.* Эффективные программы лояльности. Как привлечь и удержать клиентов. — М.: Альпина Паблишер, 2007. — 152 с.
10. *Герия И. А.* Программы лояльности и оценка их эффективности // *Управление и экономика в XXI веке*. — 2015. — №1. — С. 47–52.
11. *Гулакова О. В., Ребязина В. А., Смирнова М. М.* Специфика клиентоориентированности компаний на российском рынке: результаты эмпирического исследования // *Вестник СПбГУ. Серия: Менеджмент*. — 2015. — №4. — С. 39–73.
12. *Гулакова О. В., Ребязина В. А.* Клиентоориентированность компаний на российском рынке: декларация или реальность // *Вестник СПбГУ. Серия: Менеджмент*. — 2017. — Т. 16. Вып. 3. — С. 398–417.
13. *Добровидова М. А.* Эффективные технологии повышения лояльности потребителей // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. — 2005. — №3. — С. 48–53.
14. *Ламбен Ж.-Ж.* Менеджмент, ориентированный на рынок. Стратегический и операционный маркетинг. — СПб.: Питер, 2007. — 800 с.
15. *Лошков В.* Клиентоориентированность, в чем суть? [Электронный ресурс] // *Бизнес-обучение в России*. — 2008. — Режим доступа: <http://www.rosbo.ru/articles.php?catid=2> (Дата обращения: 17.05.2015).
16. *Ойнер О. К., Латышева Л. С.* Влияние рыночно-ориентированного поведения ком-

паний на результативность бизнеса // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 2. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009. — С. 287–296.

17. Ойнер О. К., Пантелеева Е. К. Признаки клиентоориентированного подхода к управлению FMCG-компанией на российском рынке // *Управленец*. — 2019. — №2. — С. 11–20.

18. Попов Н. И., Третьяк О. А. Экономические факторы низкой клиентоориентированности компаний в странах БРИК // *Российский журнал менеджмента*. — 2014. — Т. 12. — №1. — С. 109–138.

19. Ребязина В. А., Давий А. О. Маркетинговые практики: теоретические подходы к определению и пониманию представителями российских компаний // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 6. Экономика*. — 2014. — №6. — С. 97–117.

20. Резник Г. А., Яшина О. В. Клиентоориентированность корпорации как вызов времени // *Проблемы современной экономики*. — 2013. — №2. — С. 171–175.

21. Рожков А. Г. Ориентация компании на клиента: опыт практического исследования // *Вестник Уральского федерального ун-та. Сер. Экономика и управление*. — 2012. — №4. — С. 20–31.

22. Рожков А. Г., Ребязина В. А., Смирнова М. М. Ориентация компании на клиента: результаты эмпирической проверки на примере российского рынка // *Российский журнал менеджмента*. — 2014. — Т. 12. — №3. — С. 33–58.

23. Савина А. А. «Поймать лояльность» в социальную сеть // *Маркетинговые коммуникации*. — 2009. — №05 (53). — С. 258–262.

24. Семенов И. В., Кубахов П. С., Малкова Т. Г. Ориентация на рынок российских компаний: постановка проблемы, исследование и перспективы // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. — 2009. — №5. — С. 360–378.

25. Фролов В. Г., Любимова М. В., Савицкая Т. В., Храмова Т. Ю., Чемоданова Ю. В., Чекулишева Т. К. Методы оценки эффективности управления организацией при реализации клиентоориентированного подхода // *Российское предпринимательство*. — 2014. — №16 (262) — С. 16–26.

26. Шерешева М. Ю., Костянян А. А. Клиентоориентированность персонала в госу-

дарственных организациях здравоохранения России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Менеджмент*. — 2015. — №4 — С. 74–114.

27. Юлдашева О. У., Шуришова О. И. Маркетинговая ориентация компаний: методология исследования и измерения // *Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. — 2013. — №3. — С. 96–112.

References

1. Deshpande R., Farley J. U. Measuring Market Orientation: Generalization, Synthesis // *Journal of Market-Focused Management*. — 1998. — Vol. 2. — №3. — P. 213–232.

2. Deshpande R., Farley J. U., Webster F. E. Corporate Culture Customer Orientation, Innovativeness in Japanese Firms: A Quadrant Analysis // *Journal of marketing*. — 1993. — Vol. 57. — №1. — P. 23–37.

3. Jacob F. Preparing Industrial Suppliers for Customer Integration // *Industrial Marketing Management*. — 2006. — Vol. 35. — №1. — P. 45–56.

4. Kohli A. K., Jaworski B. J., Kumar A. MARKOR: A measure of market orientation // *Journal of Marketing Research*. — 1993. — №30 (4). — P. 467–477.

5. Narver J. C., Slater S. F., MacLachlan D. L. Responsive and proactive market orientation and new-product success. // *The Journal of Product Innovation Management*. — 2004. — №21 (5). — P. 334–347.

6. Roersen M. J., Kraaijenbrink J., Groen A. J. Marketing ignorance, the validity of Narver and Slater's MKTOR scale in high-tech Russian firms // *Journal of Product Innovation Management*. — 2013. — №30 (3). — P. 545–559.

7. Saxe R., Weitz B. A. The SOCO scale: A measure of the customer orientation of salespeople // *Journal of Marketing Research*. — 1982. — №19 (3). — P. 343–351.

8. Busarkina V. V. Ponjatje klientoorientirovannosti predpriyatija i problemy ee ocenki [The Concept of customer orientation of the enterprise and problems of its evaluation] [Elektronnyj resurs] // *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of modern economy] №4 (24). — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1660> (Date accessed: 10.04.2020).

9. *Vasin Ju. V., Lavrent'ev L. G., Samsonov A. V.* Jeffektivnye programmy lojal'nosti. Kak privlech' i uderzhat' klientov [Effective loyalty programs. How to attract and retain customers]. — Moscow: Al'pina Publisher, 2007. — 152 p.

10. *Gerija I. A.* Programmy lojal'nosti i oценка ih jeffektivnosti [Loyalty Programs and their effectiveness evaluation] // Upravlenie i jekonomika v XXI veke [Management and Economics in the XXI century]. — 2015. — №1. — Pp. 47–52.

11. *Gulakova O. V., Rebjazina V. A., Smirnova M. M.* Specifika klientoorientirovannosti kompanij na rossijskom rynke: rezul'taty jempiricheskogo issledovanija [Specifics of client orientation of companies in the Russian market: results of an empirical study] // Vestnik SPbGU. Serija: Menedzhment [Bulletin of St. Petersburg State University. Management series]. — 2015. — №4. — Pp. 39–73.

12. *Gulakova O. V., Rebjazina V. A.* Klientoorientirovannost' kompanij na rossijskom rynke: deklaracija ili real'nost' [Client Orientation of companies in the Russian market: Declaration or reality] // Vestnik SPbGU. Serija: Menedzhment [Bulletin of St. Petersburg State University. Series Management]. — 2017. — Vol. 16. Issue. 3. — Pp. 398–417.

13. *Dobrovidova M. A.* Jeffektivnye tehnologii povyshenija lojal'nosti potrebitelej [Effective technologies for increasing consumer loyalty] // Marketing i marketingovye issledovanija [Marketing and marketing research]. — 2005. — №3. — Pp. 48–53.

14. *Lamben Zh.-Zh.* Menedzhment, orientirovannyj na rynek. Strategicheskij i operacionnyj marketing [Market-oriented Management. Strategic and operational marketing]. — Saint-Petersburg: Piter, 2007. — 800 p.

15. *Loshkov V.* Klientoorientirovannost', v chem sut'? [Customer Orientation, what is the point?] [Jelektronnyj resurs] // Biznes-obuchenie v Rossii [Business training in Russia]. — 2008. — URL: http://www.rosbo.ru/articles.php?cat_id=2 (Date accessed: 17.05.2015).

16. *Ojner O. K., Latysheva L. S.* Vlijanie rynochno-orientirovannogo povedenija kompanij na rezul'tativnost' biznesa [Influence of market-oriented behavior of companies on business performance]. // X Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva [X international scientific confer-

ence on problems of economic and social development]. Vol. 2. — Moscow: GU-VShJe, 2009. — Pp. 287–296.

17. *Ojner O. K., Panteleeva E. K.* Priznaki klientoorientirovannogo podhoda k upravleniju FMCG-kompaniej na rossijskom rynke [Signs of a client-oriented approach to managing an FMCG company on the Russian market] // Upravlenec [Manager]. — 2019. — №2. — Pp. 11–20.

18. *Popov N. I., Tret'jak O. A.* Jekonomicheskie faktory nizkoj klientoorientirovannosti kompanij v stranah BRIK [Economic factors of low client-oriented companies in the BRIC countries] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta [Russian journal of management]. — 2014. — Vol. 12. — №1. — Pp. 109–138.

19. *Rebjazina V. A., Davij A. O.* Marketingovye praktiki: teoreticheskie podhody k opredeleniju i ponimanie predstaviteljami rossijskikh kompanij [Marketing practices: theoretical approaches to definition and understanding by representatives of Russian companies] // Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Jekonomika [Bulletin of Moscow Univ. Ser. 6. Economics]. — 2014. — №6. — Pp. 97–117.

20. *Reznik G. A., Jashina O. V.* Klientoorientirovannost' korporacii kak vyzov vremeni [Customer Orientation of the Corporation as a challenge of time] // Problemy sovremennoj jekonomiki [Problems of modern economy]. — 2013. — №2. — Pp. 171–175.

21. *Rozhkov A. G.* Orientacija kompanii na klienta: opyt prakticheskogo issledovanija [Company Orientation to the client: experience of practical research] // Vestnik Ural'skogo federal'nogo un-ta. Ser. Jekonomika i upravlenie [Bulletin of the Ural Federal University. Ser. Economics and management]. — 2012. — №4. — Pp. 20–31.

22. *Rozhkov A. G., Rebjazina V. A., Smirnova M. M.* Orientacija kompanii na klienta: rezul'taty jempiricheskogo proverki na primere rossijskogo rynka [Orientation of the company to the client: results of empirical testing on the example of the Russian market] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta [Russian journal of management]. — 2014. — Vol. 12. — №3. — Pp. 33–58.

23. *Savina A. A.* «Pojmat' lojal'nost'» v social'nuju set' [«Catch loyalty» in social network] // Marketingovye kommunikacii [Marketing communications]. — 2009. — №05 (53). — Pp. 258–262.

24. *Semenov I. V., Kubahov P. S., Malkova T. G.* Orientacija na rynek rossijskih kompanij: postanovka problemy, issledovanie i perspektivy [Market Orientation of Russian companies: statement of problems, research and prospects] // Marketing i marketingovyje issledovanija [Marketing and marketing research]. — 2009. — №5. — Pp. 360–378.

25. *Frolov V. G., Ljubimova M. V., Savickaja T. V., Hramova T. Ju., Chemodanova Ju. V., Chekulisheva T. K.* Metody ocenki jeffektivnosti upravlenija organizaciej pri realizacii klientoorientirovannogo podhoda [Methods of evaluating the effectiveness of management of the organization in implementation of customer-oriented approach] // Rossijskoe predprinimatel'stvo [Journal of Russian entrepreneurship]. — 2014. — №16 (262) — Pp. 16–26.

26. *Sheresheva M. Ju., Kostanjan A. A.* Klientoorientirovannost' personala v gosudarst-

vennyh organizacijah zdruvoohranenija Rossii [Customer Orientation of personnel in state healthcare organizations of Russia] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija: Menedzhment [Bulletin of Saint Petersburg University. Management series]. — 2015. — №4 — Pp. 74–114.

27. *Juldasheva O. U., Shirshova O. I.* Marketingovaja orientacija kompanij: metodologija issledovanija i izmerenija [Marketing orientation of companies: research and measurement methodology] // Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchnurnogo investirovanija Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin Of the research center for corporate law, management and venture investment of Syktyvkar state University]. — 2013. — №3. — Pp. 96–112.

Поступила в редакцию

29 августа 2020 г.

Бондаренко Виктория Андреевна — доктор экономических наук, доцент Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Bondarenko Victoria Andreevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: b14v@yandex.ru

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Guzenko Natalia Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: musamav@mail.ru

Межаев Руслан Махмудович — кандидат экономических наук, доцент Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Mezhaev Ruslan Makhmudovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: b14v@yandex.ru

УДК 338.1

10.17213/2075-2067-2020-5-152-161

**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СНИЖЕНИЯ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ
НА БИЗНЕС В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОХОДОВ
БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020 Г.**

© 2020 г. *И. В. Гашенко, Ю. С. Зима, А. К. Мусаелян*

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. В статье проводится оценка влияния снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии на формирование доходов бюджета РФ в 2020 г.

Методы исследования. Исследование опирается на материалы существующих работ по теме налогообложения предпринимательства и его специфики в условиях экономических кризисов. В качестве методического обеспечения исследования используется метод сравнительного анализа налоговых доходов и налоговой нагрузки в условиях стабильности экономики России.

Результаты исследования. На основе изучения опыта изменения налоговой нагрузки на бизнес в России в 2011–2019 гг. определена величина требуемого снижения данной нагрузки в 2020 г. для выполнения плана федерального бюджета Российской Федерации. Проведен план-фактный анализ этого бюджета и сделан вывод о достаточности осуществленного снижения налоговой нагрузки для бизнеса и перспективах дальнейшего использования механизма налогообложения в интересах кризис-менеджмента в России в период кризиса 2020 г.

Перспективы использования результатов исследования. Исследование открывает широкие перспективы дальнейшего использования механизма налогообложения в интересах кризис-менеджмента в России и подчеркивает целесообразность и эффективность сохранения введенных налоговых преференций и возможность их увеличения, а также расширения налоговых преференций и льгот на больший перечень бизнес-структур.

Ключевые слова: налоговая нагрузка; субъекты предпринимательства; налоговые доходы; оцифровка налоговых процессов; налоговые льготы и преференции; налоговое регулирование; экономические показатели доходов бюджета; экономический рост; совершенствование инструментов налогового регулирования.

**ASSESSMENT OF THE IMPACT OF REDUCING THE TAX BURDEN
ON BUSINESS DURING A PANDEMIC ON THE FORMATION
OF BUDGET REVENUES RUSSIAN FEDERATION IN 2020**

© 2020 *I. V. Gashenko, J. S. Zima, K. A. Musaelian*

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

Purpose of research. The article assesses the impact of reducing the tax burden on business during the pandemic on the formation of budget revenues in the Russian Federation in 2020.

Method of research. *The research is based on the materials of existing works on the topic of taxation of entrepreneurship and its specifics in the context of economic crises. The method of comparative analysis of tax revenues and tax burden in the conditions of stability of the Russian economy is used as a methodological support for the study.*

Research result. *Based on the study of the experience of changes in the tax burden on businesses in Russia in 2011–2019, the amount of the required reduction in this burden in 2020 for the implementation of the Federal budget plan of the Russian Federation is determined. The plan-fact analysis of this budget is carried out and the conclusion is made about the sufficiency of the implemented reduction of the tax burden for business and the prospects for further use of the tax mechanism in the interests of crisis management in Russia during the crisis of 2020.*

Prospects for using the research results. *The study opens up broad prospects for further use of the tax mechanism in the interests of crisis management in Russia and emphasizes the feasibility and effectiveness of maintaining the introduced tax preferences and the possibility of increasing them, as well as extending tax preferences and benefits to a larger list of business structures.*

Key words: *tax burden; business entities; tax revenues; digitization of tax processes; tax benefits and preferences; tax regulation; economic indicators of budget revenues; economic growth; improvement of tax regulation tools.*

Введение. Пандемия COVID-19 вызвала экономический кризис, уникальный не только по своей природе (кризис начался в здравоохранении и вызвал тотальные ограничения практически во всех остальных сферах), но и по своему масштабу — кризис 2020 г. еще далек от завершения, но уже превзошел финансово-экономический кризис 2008 г. по глубине спада и охвату экономики. Специфичность нынешнего кризиса также распространяется на его сущность и возможности его преодоления. Так, финансово-экономический кризис 2008 г. можно назвать стандартным, типичным. Это был кризис перепроизводства, при котором стимулирование спроса, в частности, с помощью увеличения доходов населения, способствовало росту продаж, ускорению экономического роста и соответственно преодолению кризиса.

В условиях пандемии рыночный спрос сократился не только из-за падения доходов, но и, что гораздо серьезнее, из-за ограниченный социального взаимодействия, распространившихся и на предпринимательство, вызвав спад предложения на рынке, поэтому традиционно применяющийся неокейнсианский подход к преодолению кризиса через размещение инвестиций в экономику (в широком смысле) обладает ограниченным антикризисным потенциалом и недостаточен для выхода из кризиса. Все это потребовало

научного поиска нового подхода к решению проблемы формирования доходов бюджета Российской Федерации в условиях социально-экономического кризиса 2020 г.

Рабочая гипотеза данного исследования состоит в том, что важную роль в формировании доходов бюджета Российской Федерации в первой половине 2020 г. сыграло снижение налоговой нагрузки на бизнес, которое было заложено в правительственном антикризисном плане по государственной поддержке экономики граждан во время пандемии на 2020–2021 гг. и в пост-пандемийный период. Целью статьи является оценка влияния снижения налоговой нагрузки на бизнес на формирование доходов бюджета Российской Федерации в период пандемии 2020 г.

Методы. Это исследование опирается на материалы существующих работ по теме налогообложения предпринимательства и его специфики в условиях экономических кризисов таких авторов, как А. Ю. Бунина, Т. Н. Павлюченко [3], Ю. Джабраилов [8], Н. Ц. Павлова, Б. С. Микуляева [11], С. Н. Фирсова, М. Н. Глухова, Ю. И. Ильсова [15], а также на собственные исследования авторов, представленные в опубликованных работах [4, 5, 6, 17]. В работе также используются материалы трудов по теме формирования государственного бюджета Российской Федерации в усло-

виях кризиса и, в частности, в 2020 г. таких ученых, как С.Г. Белёв, Т.В. Тищенко [1], А.Н. Дерюгин [7], С.П. Колчин, Н.Ю. Глубокова [10], И.Е. Смирнов [12], Ю.С. Тагильцева [13], Л.Г. Чередниченко, А.З. Селезнев [16].

В качестве методического обеспечения исследования используется метод сравнительного анализа налоговых доходов и налоговой нагрузки в условиях стабильности экономики России в 2011–2019 гг., а затем в условиях кризиса 2020 г. — метод корреляционно-регрессионного анализа.

Логической составляющей выдвинутой гипотезы является определение влияния налогообложения на формирование доходной части государственного бюджета.

В качестве информационно-эмпирической базы исследования выступают материалы Всемирного экономического форума, содержащиеся в Отчетах о глобальной конкурентоспособности за 2011–2019 гг. [18] и отражающие динамику налоговой нагрузки в России в указанный период с помощью таких показателей, как влияние налогообложения на инвестиции и налоговая нагрузка на бизнес. Также используются материалы о налоговых дохо-

дах государственного бюджета в соответствии с официальной статистикой Министерства финансов Российской Федерации [9]. Исходные данные для проведения исследования сосредоточены в табл. 1 (составлено авторами на основе материалов [9, 18]).

Результаты. Оценка влияния налоговой нагрузки на бизнес на формирование доходов бюджета РФ в 2020 г. произведена с помощью построения регрессионных кривых на рис. 1–3 (рассчитано и построено авторами).

Согласно рис. 1 налоговые платежи по внутреннему НДС в России в 2011–2019 гг. в значительной степени (корреляция 87,15 %) определяются влиянием налогообложения на инвестиции, увеличение которого на 1 балл приводит к росту налоговых поступлений по внутреннему НДС на 2725,7 млрд. руб. Корреляция с налоговой нагрузкой на бизнес (25,85 %) пренебрежительно мала.

Согласно рис. 2 налоговые платежи по НДС на ввозимые товары в Россию в 2011–2019 гг. не зависят от налоговой нагрузки на бизнес, так как коэффициенты корреляции

Таблица 1

**Статистика налоговой нагрузки и налоговых доходов
федерального бюджета Российской Федерации в 2011–2019 гг.**

Год	Влияние налогообложения на инвестиции, баллы 1-7 [в 2013-2017 гг.: Effect of taxation on incentives to invest (в 2011-2012 г.: Extent and effect of taxation)]	Налоговая нагрузка на бизнес, % [в 2011-2017 гг.: Total tax rate, % profits]	Налоговые платежи:		
			НДС (внутренний), млрд. руб.	НДС на ввозимые товары, млрд. руб.	Налог на прибыль, млрд. руб.
	Влияние налогообложения на конкуренцию [в 2018-2019 гг.: Distortive effect of taxes and subsidies on competition]				
2011	3,1	46,5	1753,2	1497,2	342,6
2012	2,9	46,9	1886,1	1659,7	375,8
2013	3	54,1	1868,2	1670,8	352,2
2014	3,1	50,7	2181,4	1750,2	411,3
2015	3,1	48,9	2448,3	1785,2	491,4
2016	3,1	47	2657,4	1913,6	491
2017	3,2	47,4	3069,9	2067,2	762,4
2018	3,6	44,2	3574,6	2442,1	995,5
2019	3,8	46,6	4257,8	1837,4	1185

пренебрежительно малы (32,27% и 23,85%). Это подтверждает научно-экономическое обоснование выявленной связи между внутренним НДС и налоговой нагрузкой на бизнес (рис. 1) и исключает влияние НДС на ввозимые товары на уровень налоговой нагрузки на российский бизнес и инвестиции.

Согласно рис. 3 поступления по налогу на прибыль в России в 2011–2019 гг. в значи-

тельной степени (корреляция 91,28%) определяются влиянием налогообложения на инвестиции, увеличение которого на 1 балл приводит к росту платежей по налогу на прибыль на 1005 млрд. руб. Корреляция с налоговой нагрузкой на бизнес (28,43%) достаточно низкая.

В первом полугодии 2020 г. для снижения налоговой нагрузки на бизнес в России

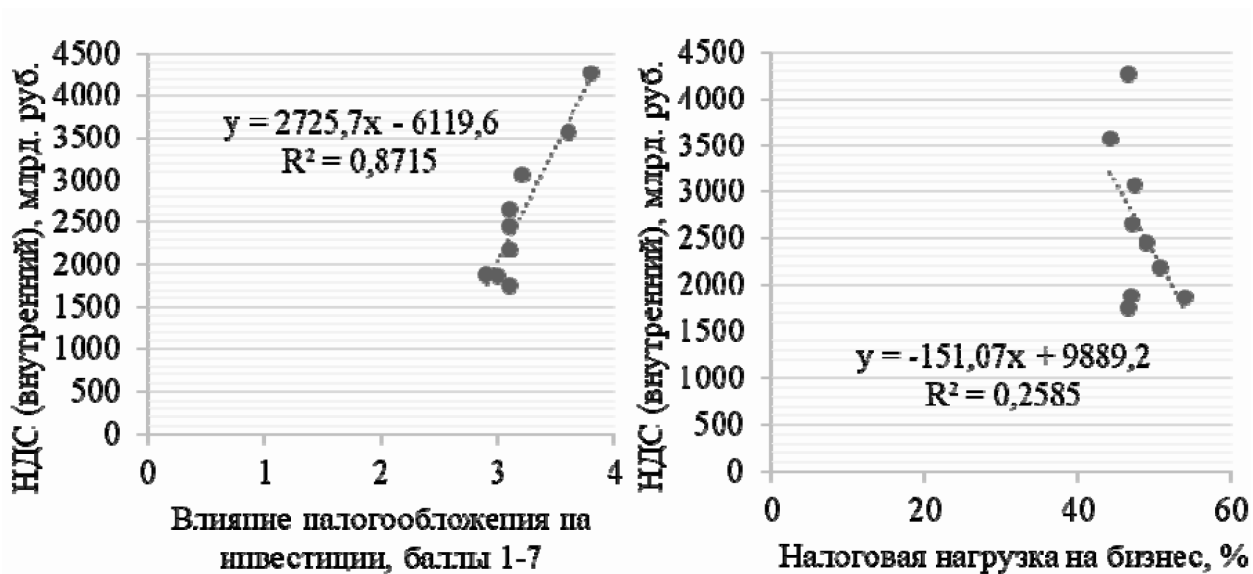

Рис. 1. Регрессионная кривая зависимости налоговых сборов по внутреннему НДС от налоговой нагрузки на бизнес в России в 2011–2019 гг.

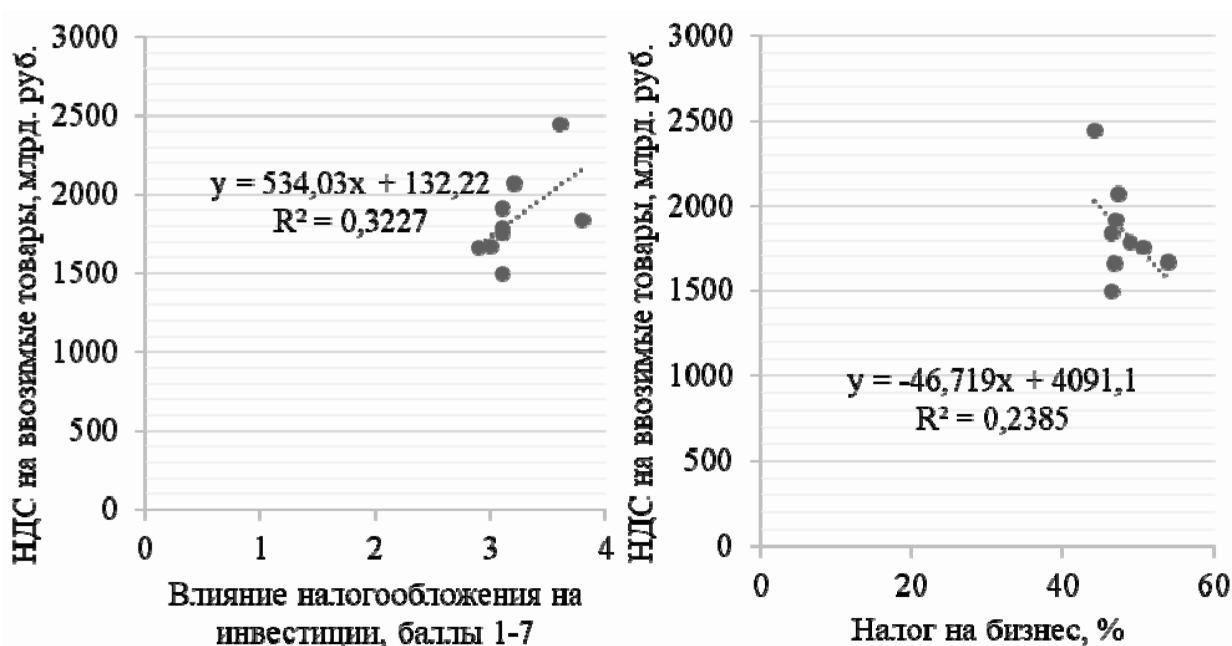

Рис. 2. Регрессионная кривая зависимости налоговых сборов по НДС на ввозимые товары от налоговой нагрузки на бизнес в России в 2011–2019 гг.

Таблица 2

План-фактный анализ доходов федерального бюджета РФ за I полугодие 2020 года, млн. руб.

Показатель	Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»	Прогноз доходов на I полугодие 2020 года	Отчет за I полугодие 2020 года	Отклонение фактических поступлений от прогноза на I полугодие 2020 года
Доходы	20 593 572,90	7 744 872,10	9 091 870,60	1 346 998,50
<i>в % к ВВП</i>	<i>18,1</i>	<i>15,8</i>	<i>18,6</i>	<i>2,8</i>
Нефтегазовые доходы	7 523 778,60	2 602 496,10	2 661 046,80	58 550,70
<i>в % к ВВП</i>	<i>6,6</i>	<i>5,3</i>	<i>5,4</i>	<i>0,1</i>
Ненефтегазовые доходы	13 069 794,20	5 142 376,10	6 430 823,80	1 288 447,70
<i>в % к ВВП</i>	<i>11,5</i>	<i>10,5</i>	<i>13,1</i>	<i>2,6</i>
Связанные с внутренним производством	6 730 696,60	2 840 534,50	3 028 308,50	187 774,00
НДС внутренний	4 552 792,70	1 969 212,30	2 078 599,70	109 387,40
Акцизы внутренние	960 593,10	393 120,80	412 898,60	19 777,80
Налог на прибыль	1 217 310,80	478 201,40	536 810,20	58 608,80
Связанные с импортом	3 811 481,50	1 515 932,10	1 586 235,80	70 303,70
НДС ввозной	3 020 508,00	1 178 482,90	1 255 098,70	76 615,80
Акцизы ввозные	125 916,60	40 188,10	42 157,30	1 969,20
Ввозные таможенные пошлины	665 057,00	297 261,10	288 979,80	-8 281,30
Прочие ненефтегазовые доходы	2 527 616,10	785 909,50	1 816 279,50	1 030 370,00

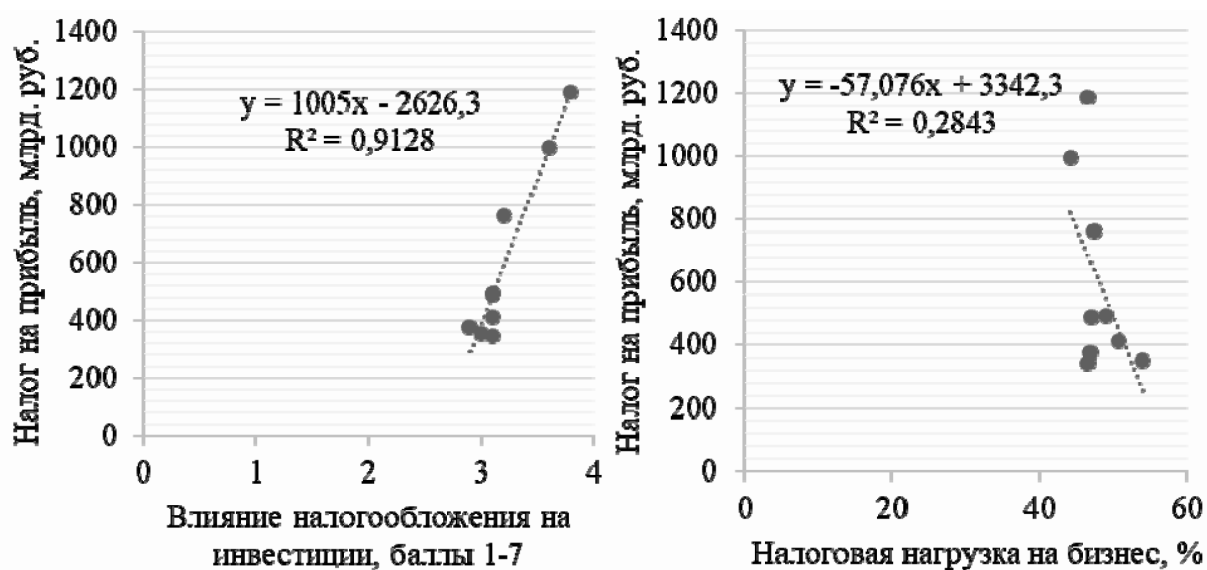

Рис. 3. Регрессионная кривая зависимости налоговых поступлений по налогу на прибыль от налоговой нагрузки на бизнес в России в 2011–2019 гг.

по причине пандемии были предприняты следующие антикризисные меры [2]:

— индивидуальным предпринимателям, субъектам малого и среднего предпринимательства и некоммерческим организациям в наиболее подверженных кризису отраслях были предоставлены отсрочки по уплате некоторых налогов (страховые взносы во внебюджетные фонды и НДС, акцизы, НДС, налог на прибыль, налог на имущество, земельный налог, единый налог по специальным налоговым режимам — УСН, ЕСХН, ЕНВД и др.);

— продлены сроки сдачи налоговой отчетности для субъектов малого и среднего бизнеса (за исключением НДС);

— приостановлены налоговые проверки, процедуры взыскания налоговой задолженности;

— введение моратория на возбуждение дел о банкротстве для налогоплательщиков.

Принятые меры умеренно способствовали увеличению налоговых преференций для российского предпринимательства по сравнению с иностранными конкурентами (мера протекционизма), что подчеркивает необходимость снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии.

Чтобы оценить влияние снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии на формирование доходов бюджета РФ в 2020 г., проведем план-фактный анализ доходов бюджета (табл. 2 (составлено авторами на основе материалов [14])).

Для достижения целевых (плановых) значений налоговых платежей по внутреннему НДС (4552,79 млрд. долл.) и по налогу на прибыль (1217,31 млрд. руб.) в 2020 г. влияние налогообложения на инвестиции должно возрасти с 3,8 до 3,92 баллов (предположительно), то есть на 3,16% по сравнению с 2019 г.

Результаты план-фактного анализа данных из табл. 2 показали, что план бюджета перевыполнен для большинства показателей. К примеру, фактические сборы по внутреннему НДС оказались больше плана на 109387,4 млн. руб., а по налогу на прибыль — на 58608,8 млн. руб. Это доказывает выраженное положительное влияние снижения налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии на формирование доходов бюджета РФ в 2020 г., обеспечивающего такие

преимущества, как де-теневизация бизнеса, сохранение бизнеса (предотвращение критических убытков и банкротства), а также обеспечение пополнения федерального государственного бюджета.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что выдвинутая гипотеза подтверждена. Снижение налоговой нагрузки на бизнес в период пандемии оказало выраженное положительное влияние на формирование доходов бюджета РФ в 2020 г. Это открывает широкие перспективы дальнейшего использования механизма налогообложения в интересах кризис-менеджмента в России и подчеркивает целесообразность и эффективность сохранения введенных налоговых преференций и возможность их увеличения, а также распространения налоговых преференций и льгот на больший перечень бизнес-структур.

Литература

1. Белёв С.Г. Исполнение федерального бюджета в январе-апреле 2020 г.: профицит бюджета обеспечен за счет роста неналоговых доходов / С.Г. Белёв, Т.В. Тищенко // Экономическое развитие России. — 2020. — Т. 27. — №6. — С. 4–7.
2. Бизнес в условиях кризиса. Какие льготы положены для поддержки бизнеса в условиях кризиса [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://its.1c.ru/anticrisis/priveleges> (Дата обращения: 20.10.2020).
3. Бунина А.Ю. Оптимизация налогообложения в кризис / А.Ю. Бунина, Т.Н. Павлюченко // Modern Science. — 2020. — №4-3. — С. 53–59.
4. Гашенко И.В. Ключевые инструменты налогового администрирования в условиях модернизации российской экономики / И.В. Гашенко, Ю.С. Зима, И.В. Оробинская // Аудит и финансовый анализ. — 2018. — №4. — С. 6–11.
5. Гашенко И.В. Роль и значение налога на прибыль организаций в формировании налоговых доходов бюджета РФ / И.В. Гашенко, Ю.С. Зима, Б.В. Черский // В сборнике: Проблемы учета, анализа, аудита и статистики в условиях рынка. Ученые записки. — Ростов-на-Дону, 2018. — С. 299–305.

6. Дерюгин А. Н. Региональные бюджеты в январе-апреле 2020 г.: сокращение доходов стало неизбежным / А. Н. Дерюгин // Экономическое развитие России. — 2020. — Т. 27. — №6. — С. 101–104.

7. Джабраилов Ю. Налогообложение, влияние налогообложения на экономический рост, уровень инфляции и рынок труда / Ю. Джабраилов // Мировая экономика: проблемы безопасности. — 2019. — №4. — С. 50–55.

8. Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс] / Министерство Финансов Российской Федерации. — Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_yanvarya_2006_g (Дата обращения: 20.10.2020).

9. Колчин С. П. Особенности федерального бюджета на 2020 год / С. П. Колчин, Н. Ю. Глубокова // Финансовая жизнь. — 2020. — №1. — С. 109–112.

10. Павлова Н. Ц. Практический анализ налогообложения предприятия: влияние налогообложения на финансовую результативность и оптимизацию налоговой нагрузки / Н. Ц. Павлова, Б. С. Микуляева // Экономика и предпринимательство. — 2018. — №3 (92). — С. 1241–1243.

11. Смирнов И. Е. Приоритеты бюджета России 2020–2022 гг. / И. Е. Смирнов // Аудитор. — 2020. — Т. 6. — №1. — С. 3–9.

12. Тагильцева Ю. С. Налогообложение малого бизнеса в условиях экономического кризиса (на примере салона n) / Ю. С. Тагильцева // Бенефициар. — 2017. — №7. — С. 10–14.

13. Федеральный бюджет Российской Федерации в 2020 г. [Электронный ресурс] / Министерство Финансов Российской Федерации. — Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2020/ (Дата обращения: 20.10.2020).

14. Чередниченко Л. Г. «Стартовые» позиции бюджетной политики и основные показатели федерального бюджета на 2020–2022 годы / Л. Г. Чередниченко, А. З. Селезнев // Друкерровский вестник. — 2020. — №2 (34). — С. 27–35.

15. Gashenko I. V. Risk-oriented approach to tax control for stabilization of financial systems

of developing countries by the example of modern Russia / I. V. Gashenko, Y. S. Zima // In the book: The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Ser. «Lecture Notes in Networks and Systems». — Cham, Switzerland, 2019. — P. 932–938.

16. The Global Competitiveness Reports 2011–2019 [Electronic resource] / World Economic Forum. — URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (Date accessed: 20.10.2020).

References

1. Beljov S. G. Ispolnenie federal'nogo bjudzheta v janvare-aprele 2020 g.: profitit bjudzheta obespechen za schet rosta nenalogovyh dohodov [Execution of the Federal budget in January-April 2020: the budget surplus is provided due to the growth of non-tax revenues] / S. G. Beljov, T. V. Tishhenko // Jekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic development of Russia]. — 2020. — Vol. 27. — №6. — Pp. 4–7.

2. Biznes v uslovijah krizisa. Kakie l'goty polozheny dlja podderzhki biznesa v uslovijah krizisa [Business in crisis conditions. What benefits are required to support business in a crisis] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://its.1c.ru/anticrisis/priveleges> (Date accessed: 20.10.2020).

3. Bunina A. Ju. Optimizacija nalogooblozhenija v krizis [Optimization of taxation in the crisis] / A. Ju. Bunina, T. N. Pavljuchenko // Modern Science. — 2020. — №4-3. — Pp. 53–59.

4. Gashenko I. V. Kljuचेvye instrumenty nalogovogo administrirovanija v uslovijah modernizacii rossijskoj jekonomiki [The key tools of tax administration in the conditions of modernization of Russian economy] / I. V. Gashenko, Ju. S. Zima, I. V. Orobinskaja // Audit i finansovyj analiz [Audit and financial analysis]. — 2018. — №4. — Pp. 6–11.

5. Gashenko I. V. Rol' i znachenie naloga na pribyl' organizacij v formirovanii nalogovyh dohodov bjudzheta RF [The role and importance of tax on profit of organizations in the formation of tax revenues of the Russian Federation] / I. V. Gashenko, Ju. S. Zima, B. V. Cherskij // V sbornike: Problemy ucheta, analiza, audita i statistiki v uslovijah rynka. Uchenye zapiski [In the book: problems of accounting, analysis, audit and statistics in market condi-

tions. Scientific notes]. — Rostov-on-Don, 2018. — Pp. 299–305.

6. *Derjugin A. N.* Regional'nye bjudzhety v janvare-aprele 2020 g.: sokrashhenie dohodov stalo neizbezhnym [Regional budgets in January-April 2020: revenue reduction became inevitable / A. N. Derjugin] // *Jekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. — 2020. — Vol. 27. — №6. — Pp. 101–104.

7. *Dzhabrailov Ju.* Nalogooblozhenie, vlijanie nalogooblozhenija na jekonomicheskij rost, uroven' infljicii i rynek truda [Taxation, the impact of taxation on economic growth, the level of inflation and the labor market] / *Ju. Dzhabrailov* // *Mirovaja jekonomika: problemy bezopasnosti* [World economy: security problems]. — 2019. — №4. — Pp. 50–55.

8. Ezhegodnaja informacija ob ispolnenii federal'nogo bjudzheta [Annual information on the execution of the Federal budget] [Elektronnyj resurs] / *Ministerstvo Finansov Rossijskoj Federacii* [Ministry of Finance of the Russian Federation]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarja_2006_g (Date accessed: 20.10.2020).

9. *Kolchin S. P.* Osobennosti federal'nogo bjudzheta na 2020 god [Features of the Federal budget for 2020] / *S. P. Kolchin, N. Ju. Glubokova* // *Finansovaja zhizn'* [Financial life]. — 2020. — №1. — Pp. 109–112.

10. *Pavlova N. C.* Prakticheskij analiz nalogooblozhenija predprijatija: vlijanie nalogooblozhenija na finansovuju rezul'tativnost' i optimizaciju nalogovoj nagruzki [Practical analysis of enterprise taxation: the impact of taxation on financial performance and optimization of the tax burden] / *N. C. Pavlova, B. S. Mikuljaeva* // *Jekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. — 2018. — №3 (92). — Pp. 1241–1243.

11. *Smirnov I. E.* Priorityety bjudzheta Rossii 2020–2022 gg. [Priorities of the budget of Russia 2020–2022] / *I. E. Smirnov* // *Auditor*. — 2020. — Vol. 6. — №1. — Pp. 3–9.

12. *Tagil'ceva Ju. S.* Nalogooblozhenie malogo biznesa v uslovijah jekonomicheskogo krizisa (na primere salona n) [Taxation of small businesses in the context of the economic crisis (on the example of salon n)] / *Ju. S. Tagil'ceva* // *Beneficiar* [Beneficiary]. — 2017. — №7. — Pp. 10–14.

13. Federal'nyj bjudzhet Rossijskoj Federacii v 2020 g. [Federal budget of the Russian Federation in 2020] [Elektronnyj resurs] / *Ministerstvo Finansov Rossijskoj Federacii* [Ministry of Finance of the Russian Federation]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2020/ (Date accessed: 20.10.2020).

14. *Cherednichenko L. G.* «Startovye» pozicii bjudzhetnoj politiki i osnovnye pokazateli federal'nogo bjudzheta na 2020–2022 gody [«Starting» positions of the budget policy and the main indicators of the Federal budget for 2020–2022] / *L. G. Cherednichenko, A. Z. Seleznev* // *Drukerovskij vestnik* [Drucker's Bulletin]. — 2020. — №2 (34). — Pp. 27–35.

15. *Gashenko I. V.* Risk-oriented approach to tax control for stabilization of financial systems of developing countries by the example of modern Russia / *I. V. Gashenko, Y. S. Zima* // In the book: *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Ser. «Lecture Notes in Networks and Systems»*. — Cham, Switzerland, 2019. — P. 932–938.

16. *The Global Competitiveness Reports 2011–2019* [Electronic resource] / *World Economic Forum*. — URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (Date accessed: 20.10.2020).

Гашенко Ирина Владиленовна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Налоги и налогообложение» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования проблемных аспектов прямого налогообложения. Советник государственной гражданской службы РФ I класса. Награждена знаком отличия «Отличник Министерства Российской Федерации по налогам и сборам». Общий стаж работы на руководящих должностях в налоговых органах составляет 25 лет, стаж преподавательской работы в университете — более 19 лет.

Gashenko Irina Vladilenovna — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics (RSUE). Advisor to the State Civil Service of the Russian Federation, 1st class Awarded with the distinction «Excellent worker of the Ministry of the Russian Federation for Taxes and Duties». The total work experience in management positions in the tax authorities is 25 years, the experience of teaching at the university is over 19 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gaforos@rambler.ru

Зима Юлия Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Налоги и налогообложение» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования проблем и перспектив налогообложения юридических и физических лиц. Общий преподавательский стаж — 20 лет.

Zima Yulia Sergeevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of researching the problems and prospects of taxation of legal entities and individuals. General teaching experience for 20 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: zima.julia.sergeevna@gmail.com

Мусаелян Анжелика Капреловна — кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования инструментов налогового администрирования. Соисполнитель регионального проекта «Популяризация предпринимательства». Общий преподавательский стаж — более 20 лет.

Musaelyan Anzhelika Kaprelovna — Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of tax administration research. Co-executor of the regional project «Popularization of Entrepreneurship».

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: anjelika-rsue@yandex.ru

УДК 316.334.23

10.17213/2075-2067-2020-5-162-174

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ:
ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

© 2020 г. Л. С. Данилова

*Нижегородский филиал Высшей школы экономики,
г. Нижний Новгород, Россия*

Целью исследования является рассмотрение концепции социальной ответственности бизнеса (далее — СОБ) с позиции теории стейкхолдеров.

Методологическую базу исследования составляет теория стейкхолдеров Р. Е. Фримана, а также концепции, в рамках которых социальная ответственность бизнеса по отношению к заинтересованными сторонам рассматривается современными исследователями («корпоративный эгоизм», «корпоративный альтруизм», «разумный эгоизм»). В качестве основного метода эмпирического исследования выбран многомерный контент-анализ 200 российских публикаций, посвященных вопросам СОБ, за период с 2013 по 2018 год.

Результаты исследования демонстрируют, что в качестве ключевых заинтересованных сторон в аспекте социальной ответственности предприятия российскими исследователями выделены государство и общество, отмечен противоречивый характер взаимоотношений с ними в контексте СОБ. Сделан вывод о том, что при декларируемой значимости всех заинтересованных в российских реалиях организации имеют возможность удовлетворять интересы преимущественно ключевых финансовых стейкхолдеров.

Перспектива исследования заключается в комплексном осмыслении дискурса вокруг вопросов социальной ответственности бизнеса в кругах современных российских исследователей, включающем не только аспект стейкхолдеров, но и такие направления в изучении СОБ, как понятийный аппарат, оценка зарубежного опыта, стандартизация и отчетность и т. д.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса; теория стейкхолдеров; стейкхолдеры; государство; общество; работник.

**SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS
IN THE CONTEXT OF STAKEHOLDER THEORY:
A VIEW OF RUSSIAN RESEARCHERS**

© 2020 L. S. Danilova

Nizhny Novgorod branch of the Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

The aim of the study is to consider the concept of social responsibility of business (further — SRB) from the perspective of the theory of stakeholders.

The methodological base of the study is the theory of stakeholders developed by R. E. Freeman, as well as the concepts of social responsibility of business considered by modern researches in relation to stakeholders («corporate egoism», «corporate altruism», «reasonable

egoism»). The main method of the empirical research is a multivariate content analysis of 200 Russian publications on the issues of SRB for the period from 2013 to 2018.

The results of the study demonstrate that the state and society are identified as key stakeholders in the aspect of social responsibility of business by Russian researchers, and the contradictory nature of relations with them in the context of SRB is noted. It is concluded that despite the declared significance of all those concerned parties, in Russian realities organizations have the opportunity to satisfy the interests predominantly of key financial stakeholders.

The prospect of the study consists in a comprehensive understanding of the discourse around the issues of social responsibility of business in the circles of modern Russian researchers, including not only the aspect of stakeholders, but also such areas in the study of the SRB as the conceptual framework, assessment of foreign experience, standardization and reporting, etc.

Key words: *social responsibility of business; stakeholder theory; stakeholders; state; society; employee.*

Введение. Новые реалии, связанные с изменением социально-экономической ситуации в России, требуют пересмотра некоторых существующих принципов взаимодействия бизнеса с заинтересованными сторонами, в том числе в аспекте социальной ответственности (СОБ). В связи с экономическим кризисом, вызванным вспышкой коронавирусной инфекции, государство было вынуждено усилить механизмы социальной защиты граждан, сняв при этом часть социальной нагрузки с предприятий, многие из которых оказались в крайне затруднительном финансовом положении. 2020 год, помимо всего прочего, ознаменовался вступлением в силу поправок в Конституцию [17], которые также окажут существенное влияние на социальную ответственность бизнеса: в этом смысле к ключевой для организаций, вероятнее всего, следует отнести изменения в ст. 75, согласно которым работодатель теперь не может установить минимальный размер оплаты труда ниже прожиточного минимума. Поправки о защите животных, охране природных богатств и т.п. также призваны сделать российские предприятия более социально ответственными.

Итак, рассмотрение вопроса социальной ответственности бизнеса, с точки зрения теории стейкхолдеров, приобретает в настоящее время новое звучание.

Целью исследования является рассмотрение концепции социальной ответственности бизнеса с позиции теории стейкхолдеров. Гипотезы исследования сформулированы следующим образом.

1. Существует некоторое несоответствие между пониманием социальной ответственности с позиции теории стейкхолдеров в исследованиях и реальным положением вещей. В научной литературе декларируется возможность и необходимость равного отношения организаций ко всем заинтересованным сторонам. На практике этот тезис находит применение лишь отчасти: положение российского бизнеса заставляет его удовлетворять интересы преимущественно ключевых стейкхолдеров.

2. Основными стейкхолдерами для бизнеса в России в аспекте социальной ответственности являются государство и общество, при этом в вопросах социальной ответственности бизнес отводит государству системообразующую роль; что же касается общества — организации замечают усиление социального контроля с его стороны, что связано с появлением новых каналов коммуникации между бизнесом и представителями общественности.

Прежде всего, необходимо уточнить некоторые аспекты возникновения теории стейкхолдеров и применения этой теории к вопросам социальной ответственности бизнеса. Считается, что основоположником теории стейкхолдеров является Р.Е. Фриман, который ввел в оборот термин «заинтересованная сторона» и отнес к таким сторонам любые индивидуумы, группы или организации, существенно влияющие на принимаемые фирмой решения и/или оказывающиеся под воздействием этих решений [1]. Очевидно, что вопросы отношений со стейкхолде-

рами в том или ином виде рассматривались применительно к бизнесу и ранее — появление теории стало методологической основой будущих исследований в этой области.

В то же время основу исследований в области СОБ составляют три теории [4 и др.]. В рамках этих теорий возможно определить в том числе отношение бизнеса к заинтересованным сторонам:

— теория «корпоративного эгоизма», в рамках которой под ответственностью бизнеса подразумевается ответственность только перед акционерами. Данный подход, по сути, придает значимость только одной из заинтересованных сторон;

— теория «корпоративного альтруизма», предполагающая, что бизнес обязан влиять на улучшение качества жизни людей — предоставлять работникам социальные гарантии, участвовать в благотворительной деятельности и т.п. Можно говорить о том, что такая теория предполагает в равной степени внимательное отношение ко всем стейкхолдерам, но особенности к тем, кто в нем более всего нуждается;

— своего рода симбиозом некоторых составленных описанных выше теорий можно считать теорию «разумного эгоизма», в рамках которой внимание акцентируется на том, что социальная ответственность для организации — это стратегическое мероприятие, «при котором корпорация направляет часть своей текущей прибыли на проведение социальных и благотворительных программ, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и в конечном счете умножает свою прибыль в будущем» [13, с. 54]. Когда мы рассматриваем этот подход с позиции заинтересованных сторон, кажется логичным утверждение о том, что «разумный эгоизм» предполагает определение группы ключевых стейкхолдеров в зависимости от текущих и стратегических интересов организации.

В России наибольшее распространение получил подход «разумного эгоизма» [12], так как «корпоративный эгоизм» все меньше признается мировым сообществом, а действовать в рамках «корпоративного альтруизма» в российских реалиях объективно крайне сложно.

Методология исследования. Сформировать собственное представление о соци-

альной ответственности бизнеса с позиции теории стейкхолдеров авторы считали необходимым с помощью систематизации уже существующих взглядов на эту тему. Для этого в базе РИНЦ были отобраны 200 научных публикаций за период с 2013 по 2018 год, так или иначе имеющих отношение к социальной ответственности бизнеса. С помощью ПО «Lekta» был проведен многомерный контент-анализ этих публикаций, что позволило выделить те смысловые отрывки, где в исследованиях говорится о стейкхолдерах. Эти смысловые отрывки также были разбиты на несколько блоков, что позволило определить несколько «сюжетов», которые формируются, когда исследователи пишут о заинтересованных сторонах.

Результаты исследования. В процессе контент-анализа удалось выявить несколько тематик, которые авторы затрагивают, рассматривая вопрос стейкхолдеров в публикациях о социальной ответственности:

— актуальность, необходимость исследования стейкхолдеров;

— теоретическая основа исследования вопроса — определение классификации стейкхолдеров, подходы к анализу;

— государство, работник и общество как основные стейкхолдеры организации;

— некоторые проблемы и решения общего характера.

Необходимость исследования стейкхолдеров

Российские исследователи говорят о необходимости исследования ответственности перед стейкхолдерами с позиции тенденций в экономике и менеджменте. В сфере экономики наблюдается возрастающая роль процессов «глобализации и повсеместной социализации бизнеса» [36], в связи с чем возникает необходимость формирования инновационных подходов к взаимодействию с заинтересованными сторонами. Такие подходы будут способствовать «устойчивому и прогрессивному» развитию экономики [20]. Актуализируется роль социальной ответственности как одного из необходимых для всех заинтересованных сторон в настоящее время элементов управления [2], так как именно постоянное эффективное взаимодействие со стейкхолдерами помогает организациям достигать

стратегических целей, реализовывать потребность в устойчивом развитии [34 и др.]. Особое внимание получила в некоторых публикациях оценка изменений мнения российского общества и бизнеса об ответственности перед заинтересованными сторонами: так, подчеркивается, что российские компании уже на протяжении довольно долгого времени участвуют в «построении социальных партнерств с различными группами заинтересованных сторон» [18, с. 55], тем не менее, в вопросе формирования устойчивой стратегии взаимодействия со стейкхолдерами российский бизнес находится еще в начале пути.

Подходы к анализу стейкхолдеров

Перед тем как рассмотреть существующие подходы к анализу стейкхолдеров, необходимо уточнить позицию исследователей по определению этого понятия. Интересно отметить, что оно практически не изменилось по отношению к базовому определению Р.Е. Фримана (см. выше). Вероятнее всего, это связано с тем, что понятие стейкхолдеров как группы лиц, на которые существенно влияет организация или которые подвержены ее существенному влиянию, признано бизнес-сообществом и наукой: так, исследователи, предлагая свое определение стейкхолдеров, преимущественно либо транслируют определение Р.Е. Фримана, либо ссылаются на трактовки, принятые в международных стандартах социальной отчетности (ISO 26000, GRI и др.). Дискуссии подлежит вопрос об определении непосредственно круга стейкхолдеров.

В процессе проведения контент-анализа были выявлены 2 основные классификации, по которым российские исследователи разделяют заинтересованные стороны организации: 1) внутренние и внешние [7 и др.]; 2) финансовые и нефинансовые [24 и др.]. Удивительным оказался факт, что в публикациях многократно упоминается термин «ключевых стейкхолдеров» (что выглядит вполне логичной отсылкой к базовому определению, так как, вероятно, именно ключевые стейкхолдеры должны «существенно влиять» на организацию или «подвергаться ее существенному влиянию»), однако, подход к рассмотрению стейкхолдеров с точки зрения ключевых и второстепенных был описан только в одной из публикаций [29]. Рассмотрим более подробно описанные выше классификации.

Внутренние и внешние стейкхолдеры. В самом общем смысле под внутренними стейкхолдерами понимаются люди (группы, организации), принадлежащие внутреннему окружению организации, под внешними — все остальные. При конкретизации круга внутренних стейкхолдеров выделяются всего 2 группы заинтересованных сторон: собственники и сотрудники. Такой подход может быть оправдан не всегда, так как в некоторых случаях зачастую понимаемые в исследованиях синонимично собственники и акционеры могут не иметь (или иметь очень опосредованное) отношение к внутренней среде организации [35].

Финансовые и нефинансовые стейкхолдеры. Под финансовыми стейкхолдерами, как правило, понимаются люди (группы, организации), которые несут в процессе деятельности организации прямые инвестиционные риски (инвесторы, собственники, кредиторы) под нефинансовыми — все остальные.

Недостаток этих классификаций в том, что они довольно четко определяют 2–3 группы заинтересованных сторон и достаточно размыто идентифицируют остальные (которых, в свою очередь, гораздо больше). Возможно, именно по этой причине в большей части научных публикаций, попавших в выборку, авторы не предпринимают попыток систематизировать и сгруппировать стейкхолдеров, ограничиваясь предоставлением некоего перечня заинтересованных сторон. Так, например, Ю.Е. Благов и др. в своих исследованиях выделяют более 20 стейкхолдеров бизнеса, включая «сотрудников компании, менеджеров, советы директоров, собственников и инвесторов, местное сообщество, инициативные общественные группы и организации, некоммерческие организации, потребителей, поставщиков и иных бизнес-партнеров, средства массовой информации» [6, с. 95] и др.

Очевидно, что определение круга стейкхолдеров для современной организации становится одной из ключевых задач, хотя интересует она немногих исследователей социальной ответственности. Те, кто рассматривает этот вопрос, отмечают, что в бизнесе проблемы идентификации и классификации стейкхолдеров решаются с помощью современных управленческих инструментов, та-

ких как карта стейкхолдеров, реестр стейкхолдеров, сценарное планирование [5]. Тем не менее, в процессе контент-анализа в публикациях довольно четко обозначились три стейкхолдера, интересы которых необходимо принимать во внимание практически всем российским организациям. К этим стейкхолдерам относятся государство, общество (объясняется это, вероятно, тем, что довольно большое количество исследований рассматривают социальную ответственность в триаде «государство-бизнес-общество»), а также работник как определяющий ресурс компании. Рассмотрим оценку российскими исследователями каждого из этих стейкхолдеров в отдельности.

Государство

В некоторых российских исследованиях государство определяется как основной стейкхолдер бизнеса, в частности, в аспекте социальной ответственности [3 и др.]. Во многом это объясняется развитием института государственно-частного партнерства [9], изменением роли государства в решении социальных проблем [10], к тому же в современных условиях нельзя не принять во внимание кризисные явления, с наступлением которых необходимость государственной поддержки предприятий ощущается наиболее остро.

Разумеется, в публикациях обозначен ряд проблем, препятствующих эффективному взаимодействию государства и бизнеса в России в области социальной ответственности. К числу таких проблем относят следующие:

- несистемную государственную экономическую политику, направленную на активизацию социальной деятельности компаний [19];
- отсутствие современных законодательных инструментов, развивающих ряд направлений социальной ответственности [31];
- отсутствие понимания у государства и организаций степени ответственности за решение социальных проблем [33];
- ограниченный фокус мероприятий, направленных на государственное регулирование социальной ответственности бизнеса: по большому счету, власть накладывает на предприятия некоторые обязательства по, прежде всего, соблюдению требований к безопасности, оплате и условиям труда работников, а также охране и защите окружающей среды [9].

Довольно пристальное внимание в исследованиях уделено решениям, которые могут быть приняты для устранения вышеупомянутых проблем. Предлагаемые решения, с одной стороны, призваны наложить на бизнес некоторые ограничения в виде обязательств и касаются совершенствования законодательства, внедрения социальных стандартов, с другой — направлены на стимулирование организаций добровольно реализовывать социальные проекты [19 и др.], формировать нравственную культуру социально ответственного предпринимательства [14 и др.]. Некоторые исследователи, принимая во внимание факт, что одним из принципов рыночной экономики является минимальное участие государства в делах бизнеса, в том числе в аспекте социальной ответственности, полагают, что характер вмешательства властных структур должен быть, скорее, рекомендательным [11].

Общество

Необходимость нести ответственность перед обществом заложена в самой сущности феномена социальной ответственности, ведь «социальный» означает не что иное, как «общественный» [23]. Определения СОБ, предлагаемые в признанных мировым сообществом стандартах, таких как, к примеру, ISO 26000, включают в себя понятие «общество» и гласят: «Социальная ответственность — это ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этичное поведение, которое способствует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества ...» [40]. Нельзя также не отметить, что бизнес как таковой является институтом, порожденным общественным развитием, поэтому он обязан соответствовать определенным общественным ожиданиям [27].

Одной из методологических проблем исследования социальной ответственности бизнеса перед обществом является проблема определения собственно общества. В некоторых публикациях, посвященных СОБ, акцентируется внимание на том, что общество — это «в том числе потребители продукции и сотрудники компании, а также их семьи» [28, с. 139]. В таком случае социальная ответственность перед обществом сводилась бы к производству качественной

продукции для потребителей и предоставлению достойных (в широком смысле этого слова) условий труда для работников, чтобы те, в свою очередь, смогли обеспечить достойную жизнь своим семьям. Большая часть исследований основана на восприятии общества в более развернутой трактовке и предполагает рассмотрение самых разных групп, входящих в него, к числу которых могут относиться, к примеру, местные сообщества, некоммерческие организации, СМИ и т.д. (разумеется, не исключая при этом потребителей и сотрудников организаций).

Некоторые исследования, попавшие в выборку, сводят ответственность бизнеса перед обществом к необходимости «соответствовать общественным ожиданиям» [2]. По этой причине разворачивается дискуссия вокруг феномена «общественное мнение» и отмечается, что в последнее время оно становится все более требовательным к бизнесу [32]. В этом смысле кажется необходимым рассмотреть некоторые современные кейсы, наглядно демонстрирующие этот тезис. К примеру, протесты, проходящие в 2020 году в США на фоне борьбы с расизмом и полицейским произволом, заставляют общество пересматривать мнение о некоторых аспектах деятельности организаций, а бизнес — реагировать на это. По этой причине, например, сотрудники компании Google обратились к руководству с просьбой «остановить продажу технологий правоохранительным органам и таким образом подтвердить свою приверженность в борьбе с расовым неравенством» [37], компания Johnson&Johnson прекращает выпуск косметики, осветляющей кожу [38], корпорации PepsiCo и Mars меняют логотипы своих продуктов, «основанные на расистском стереотипе» [39]. В России интерес общества к социальной ответственности бизнеса, несомненно, присутствует, однако выражение общественного мнения в этих вопросах носит более пассивный характер.

Итак, сила общественного давления заставляет предприятия оперативно пересматривать инвестиционные планы и в краткосрочном периоде терпеть убытки. В то же время менеджмент компаний осознает, что игнорирование интересов общества в конечном итоге будет сопряжено с репутационными потерями, негативное влияние которых

в стратегической перспективе окажется куда более существенным, чем текущие финансовые издержки. В настоящее время можно однозначно говорить о том, что усиление социального контроля общества (в том числе с появлением новых возможностей выразить собственное мнение — социальные сети и т.п.) является для организаций крайне серьезным стимулом для пересмотра социальной политики.

Работник

Несмотря на то, что работника как одного из стейкхолдеров социальной ответственности бизнеса следовало бы рассматривать в рамках категории «общество», кажется необходимым вынести этот вопрос отдельно, так как тему СОБ по отношению к работникам можно считать «наболевшей» для российских исследователей: этому вопросу посвящено значительное количество публикаций, в особенности в аспекте проблем, с которыми сотрудники российских организаций сталкиваются на рабочем месте.

В публикациях отмечается, что в современном мире работник и работодатель взаимно заинтересованы в устойчивом развитии организации: работодатели приходят к осознанию роли персонала как ключевого ресурса организации [26 и др.], работники, в свою очередь, признают, что организация, следующая принципам устойчивого развития, способна гарантировать рабочее место и стабильную оплату труда. В исследованиях отмечаются экономические и другие позитивные эффекты от вложений в социальные проекты для сотрудников [16 и др.]: такие проекты повышают их мотивацию и производительность, улучшают имидж организации как работодателя и в конечном счете увеличивают ее прибыль. По мнению некоторых исследователей, достойная оплата и условия труда работников являются индикатором социальной устойчивости бизнеса [21 и др.], а такой бизнес, в свою очередь, в целом повышает благосостояние экономики [16 и др.]

Сложности, возникающие у работников в организации по вине работодателя, составляют ядро дискуссии о социальной ответственности в этой области. В российских научных работах обозначаются следующие проблемы и формы несправедливости, с которыми сталкиваются сотрудники организаций:

— в российском экономическом контексте конкуренция на рынке труда далека от идеализированной классической модели: все большее распространение получают монополия и подобные явления [21];

— к наиболее существенным относятся серьезные проблемы в сферах оплаты труда работников [7 и др.], охраны и условий их труда [15 и др.]. Со стороны работодателя это проявляется либо в прямом нарушении трудового законодательства, либо в уклонении от возможностей увеличить фонд заработной платы / улучшить условия труда работников;

— наблюдаются различные формы дискриминации в оплате труда: к примеру, по отношению к женщинам [16], к работникам, находящимся на испытательном сроке [22], к «рядовым» работникам в сравнении с менеджментом [15 и др.];

— профессиональному развитию работников не уделяется достаточно внимания [8].

В российских публикациях на тему социальной ответственности затронуты также проблемы работодателей: в качестве основной отмечена нехватка квалифицированных кадров [21 и др.]. Разумеется, это может стать причиной низкой эффективности производства, как следствие — невозможности финансировать социальные проекты. Тем не менее, нельзя не разделить мнение исследователей о том, что низкая рентабельность предприятия не может быть оправданием несоблюдения принципов социальной ответственности (как минимум, на законодательном уровне).

Важным аспектом в анализе социальной ответственности бизнеса по отношению к работникам является предложение ряда решений, способствующих нейтрализации указанных выше проблем. Отмечается, что на российских предприятиях необходимо внедрять систему страхования [31]; разрабатывать такую культуру предпринимательства, в которой социальные задачи будут такими же важными, как производственные [15]; предоставлять работникам возможности для профессиональной переподготовки и повышения квалификации и т.п. По большому счету, варианты решений, предлагаемые в публикациях, носят довольно абстрактный и очевидный характер. К предложениям, которые можно довольно оперативно внедрить в практическую деятельность, относятся за-

ключение между организацией и работниками коллективных договоров [22 и др.], в основу которых заложены совместно определенные интересы работника и работодателя, однако в российском частном бизнесе такая практика не является распространенной.

Проблемы и решения общего характера

Результаты анализа подчеркивают взаимозависимость и взаимовлияние рассмотренных стейкхолдеров, в связи с чем заинтересованность каждой из сторон в эффективном взаимодействии должна казаться очевидной. Тем не менее, на практике, по мнению российских исследователей, механизмы взаимодействия бизнеса с государством и обществом в контексте социальной ответственности несовершенны по следующим причинам:

— в Российской Федерации в действительности нет стейкхолдеров, готовых взять на себя обязательства стать «двигателем» в развитии СОБ [6];

— взаимодействие государства, бизнеса и общества в России в целом носит конфликтный характер в связи с «борьбой» за использование ограниченных ресурсов [35];

— для бизнеса управление взаимодействием со стейкхолдерами воспринимается скорее как управление рисками, нежели возможность совместного создания ценности [6].

Вполне очевидно, что в качестве основного решения описанных выше проблем предлагается формирование такой системы социальной ответственности, которая будет учитывать интересы всех заинтересованных сторон [9 и др.]. Это возможно в том числе благодаря повышению значимости таких стейкхолдеров, как органы местного самоуправления, объединения работодателей и профсоюзы [25]. В настоящее время остаются не вполне определенными практически все механизмы создания такой системы. Сейчас же для бизнеса выход видится в разработке концепции позиционирования в сфере социальной ответственности путем определения приоритетных стейкхолдеров, их постоянного анализа и оценки [30].

Заключение. Результаты проведенного исследования в целом подтверждают выдвинутые гипотезы.

1. В научной литературе выдвигаются обоснованные точки зрения о необходимос-

ти в равной степени учитывать мнения всех заинтересованных сторон в вопросах реализации КСО. Тем не менее, в российских реалиях организации стремятся к удовлетворению интересов преимущественно ключевых стейкхолдеров, но даже это делается не всегда: к примеру, признается важность работника как важнейшего ресурса организации, однако повсеместные нарушения трудового законодательства говорят об обратном. В условиях недостаточно развитой культуры предпринимательства круг ключевых стейкхолдеров сводится к «финансовым» стейкхолдерам.

2. Основными стейкхолдерами для бизнеса в России можно считать общество и государство. Оценка государства как системообразующего стейкхолдера КСО продиктована, скорее, нежеланием и отсутствием у бизнеса ресурсов взять такую роль на себя (полностью или в равной степени с остальными заинтересованными сторонами) и несколько противоречит концепции о том, что организации, власть и общество в равной степени заинтересованы в реализации принципов социальной ответственности.

Ответственность бизнеса перед обществом в настоящее время принимает новые формы: появление современных технологий, позволяющих представителям общества публично выражать мнение о реализации КСО в организациях, заставляет их оперативно реагировать на общественные мнения, в том числе с целью избегания финансовых и нефинансовых рисков.

Таким образом, возникающие в последнее время вызовы системе социальных отношений могут стать своего рода «триггером» изменений направления научной дискуссии по вопросам стейкхолдеров социальной ответственности бизнеса. В этом смысле обсуждение может стать более «полярным», так как, с одной стороны, наблюдается усиление социальной роли государства, появление в условиях кризиса нетипичных, даже стихийных, форм социальной ответственности предприятий (помощь медикам, пенсионерам и т.д.), с другой — объективное сокращение финансовых ресурсов организаций, как следствие — невозможность исполнять даже минимальные социальные обязательства перед государством и обществом.

Литература

1. *Freeman R. E.* Strategic management: stakeholder approach. — Boston: Pitman Publishing. — 1984. — 275 p.

2. *Абдокова Л. З.* Корпоративная социальная ответственность как основа корпоративного гражданства и социального партнерства в бизнесе // Успехи современной науки и образования. — 2017. — Т. 2. — №1. — С. 139–141.

3. *Аксенов В. А., Богатищева Ю. Н., Любимова М. В.* Региональный аспект корпоративной социальной ответственности // Управленческие науки. — 2013. — №2. — С. 46–57.

4. *Астафьев В. А., Писклакова С. В.* Формирование российской модели социальной ответственности бизнеса // Социогуманитарный вестник. — 2013. — №3 (12). — С. 33–38.

5. *Басова М. М.* Основные проблемы корпоративной социальной ответственности бизнеса и пути их решения // Стратегии бизнеса. — 2017. — №2. — С. 16–20.

6. *Благов Ю. Е., Кабалина В. И., Петрова-Савченко А. А., Соболев И. С.* Создание ценности для бизнеса и общества: анализ корпоративной социальной деятельности российских компаний // Российский журнал менеджмента. — 2015. — Т. 13. — №2. — С. 67–98.

7. *Виттенберг Е. Я.* Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса // Вестник института социологии. — 2017. — Т. 8. — №1 (20). — С. 76–115.

8. *Выборный А. Б.* Корпоративная социальная ответственность и обеспечение устойчивости и конкурентоспособности предпринимательских структур // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2013. — №15. — С. 79–83.

9. *Герасимова В. В., Мансуров А. М.* Социальная ответственность в развитии партнерских отношений государства и бизнеса // Вестник ПАГС. — 2013. — №4 (37). — С. 49–55.

10. *Гончарова А. В., Агафонова М. С.* Социальная ответственность работодателей и ее современная роль в формировании социальной политики в России // Научное обозрение. Экономические науки. — 2016. — №2. — С. 64–67.

11. *Горшенина Е. В., Вицелярова К. Н.* Социальная ответственность и культура пред-

принимательства // Экономические исследования. — 2017. — №3.

12. *Емельянов С.М.* Корпоративная социальная ответственность в стратегии современной компании: методологические подходы // Управленческое консультирование. — 2014. — №5 (65). — С. 73–85.

13. *Захаров В.В., Новгородова Н.С., Подворотова Д.М.* Корпоративная социальная ответственность // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. — 2013. — №13. — С. 53–59.

14. *Ивашина М.М.* Корпоративная социальная ответственность как инструмент реализации социальной составляющей российской экономической системы // Наука и общество. — 2015. — №4 (23). — С. 57–60.

15. *Ишкинина М.Х.* Социальная ответственности предприятия перед работниками // Вестник ВЭГУ. — 2013. — №2 (64). — С. 179–183.

16. *Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А.* Социальный аудит в призме социальной ответственности организаций // Вестник БГУ. — 2014. — №3. — С. 278–283.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

18. *Мальшиева Е.А.* Практика развития компаний в условиях социально-ориентированного управления // Вестник Самарского муниципального института управления. — 2017. — №1. — С. 47–57.

19. *Мантаева Э.И., Голденева В.С.* О роли социальной ответственности бизнеса на региональном уровне (на материалах Республики Калмыкия) // Вестник РУДН. Серия: Экономика. — 2014. — №4. — С. 104–112.

20. *Матакаева Ф.Ю.* Проблема оценки качества реализации политики корпоративной социальной ответственности интегрированного бизнес-кластера // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. — 2013. — №4. — С. 437–442.

21. *Морозов А.А.* Социальная ответственность бизнеса в системе «работник-работодатель»: опыт эмпирического изучения //

Труды Карельского научного центра РАН. — 2015. — №3. — С. 117–125.

22. *Нуртдинова А.Ф.* Социальная ответственность бизнеса: правовые аспекты экономической концепции // Журнал российского права. — 2015. — №1 (217). — С. 30–46.

23. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. — М.: Высшая школа, 1993. — 944 с.

24. *Петрунин Ю.Ю., Пурлик В.М.* Корпоративная социальная ответственность: поиск методологических оснований // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2015. — №3. — С. 19–33.

25. *Савина Т.Н., Сульдина О.В.* Институциональные предпосылки становления и развития социальной ответственности бизнеса в России // Научное обозрение. Экономические науки. — 2014. — №2. — С. 82.

26. *Савина Т.Н.* Практика реализации корпоративной социальной ответственности: опыт ПАО «Лукойл» // Экономический анализ: теория и практика. — 2016. — №2(449). — С. 91–102.

27. *Строков М.А., Рудакова О.В.* Социальная ответственность бизнеса как его конкурентное преимущество // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — №3. — С. 108–115.

28. *Сушкова И.А.* Корпоративная социальная ответственность на практике // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. — 2013. — №3. — С. 139–143.

29. *Трещевский Ю.И., Никитина Л.М.* Методология исследования корпоративной социальной ответственности // Социально-экономические явления и процессы. — 2010. — №3 (19). — С. 244–248.

30. *Фролов Д.П., Рожков С.А.* Эволюция института социальной ответственности бизнеса в России: логика, форматы, фактор Всемирной торговой организации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — Т. 9. — №21 (210). — С. 2–12.

31. *Черепанов С.В.* Страхование как инструмент социальной защиты работников в системе корпоративной социальной ответственности // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — №2 (26). — С. 147–151.

32. Чернышева Ю.Г., Шепеленко Г.И. Социальная ответственность предпринимателя // Финансовые исследования. — 2015. — №4 (49). — С. 271–276.
33. Чубарова М.С., Евстратова Т.А. Концепция социальной ответственности бизнеса // Материалы Ивановских чтений. — 2017. — №3-1 (14). — С. 168–174.
34. Шорохова Н.А. Социальная ответственность как базовая ценность культуры предпринимательства // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2016. — №1 (20). — С. 61–66.
35. Шулимова А.А. Институциональные проблемы развития социально-экономической ответственности российского бизнеса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — №9 (246). — С. 56–64.
36. Яровинская М.С. Инвестиции в социальную ответственность как опцион роста // Управленческие науки. — 2013. — №1 (6). — С. 26–31.
37. Bloomberg: сотрудники Google попросили руководство прекратить сотрудничество с полицией [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/8792755>.
38. Johnson & Johnson перестанет выпускать осветляющую кожу косметику [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/20/06/2020/5eedd02d9a7947397565c3a3>.
39. PepsiCo и Mars меняют логотипы продуктов в рамках борьбы с расизмом [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/8756295?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
40. ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rspp.ru/simplepage/iso-26000-rukovodstvo-posotsialnoy-otvetstvennosti/>.
41. danstva i social'nogo partnerstva v biznese [Corporate social responsibility as the basis of corporate citizenship and social partnership in business] // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija [Successes of modern science and education]. — 2017. — Vol. 2. — №1. — Pp. 139–141.
42. 3. Aksenov V.A., Bogatishheva Ju. N., Ljubimova M. V. Regional'nyj aspekt korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Regional aspect of corporate social responsibility] // Upravlencheskie nauki [Managerial Sciences]. — 2013. — №2. — Pp. 46–57.
43. 4. Astaf'ev V. A., Pisklakova S. V. Formirovanie rossijskoj modeli social'noj otvetstvennosti biznesa [Formation of the Russian model of social responsibility of business] // Sociogumanitarnyj vestnik [Socio-Humanitarian Bulletin]. — 2013. — №3 (12). — Pp. 33–38.
44. 5. Basova M.M. Osnovnye problemy korporativnoj social'noj otvetstvennosti biznesa i puti ih reshenija [Basic problems of corporate social responsibility and ways of their solution] // Strategii biznesa [Business Strategy]. — 2017. — №2. — Pp. 16–20.
45. 6. Blagov Ju. E., Kabalina V.I., Petrova-Savchenko A. A., Sobolev I. S. Sozdanie cennosti dlja biznesa i obshhestva: analiz korporativnoj social'noj dejatel'nosti rossijskich kompanij [Creating value for business and society: corporate social performance of Russian companies] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta [Russian journal of management]. — 2015. — Vol. 13. — №2. — Pp. 67–98.
46. 7. Vittenberg E. Ja. Social'naja otvetstvennost' rossijskogo biznesa v uslovijah krizisa [Social responsibility of Russian business in the crisis] // Vestnik instituta sociologii [Bulletin of the Institute of sociology]. — 2017. — Vol. 8. — №1 (20). — Pp. 76–115.
47. 8. Vybornyj A. B. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' i obespechenie ustojchivosti i konkurentosposobnosti predprinimatel'skih struktur [Corporate social responsibility and ensuring sustainability and competitiveness of business structures] // MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie) [MID (Modernization. Innovations. Development)]. — 2013. — №15. — Pp. 79–83.
48. 9. Gerasimova V. V., Mansurov A. M. Social'naja otvetstvennost' v razvitii partnerskih otnoshenij gosudarstva i biznesa [Social responsibility in the development of partnership relations between

References

1. Freeman R. E. Strategic management: stakeholder approach. — Boston: Pitman Publishing. — 1984. — 275 p.
2. Abdokova L. Z. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' kak osnova korporativnogo grazh-

the state and business] // Vestnik PAGES [PAGES Bulletin]. — 2013. — №4(37). — Pp. 49–55.

10. *Goncharova A. V., Agafonova M. S.* Social'naja otvetstvennost' rabotodatelej i ee sovremennaja rol' v formirovanii social'noj politiki v Rossii [Social responsibility of employers and its modern role in the formation of social policy in Russia] // Nauchnoe obozrenie. Jekonomicheskie nauki [Scientific review. Economic Sciences]. — 2016. — №2. — Pp. 64–67.

11. *Gorshenina E. V., Viceljarova K. N.* Social'naja otvetstvennost' i kul'tura predprinimatel'stva [Social responsibility and business culture] // Jekonomicheskie issledovanija [Economic study]. — 2017. — №3.

12. *Emel'janov S. M.* Korporativnaja social'naja otvetstvennost' v strategii sovremennoj kompanii: metodologicheskie podhody [Corporate social responsibility in the strategy of a modern company: methodological approaches] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]. — 2014. — №5 (65). — Pp. 73–85.

13. *Zaharov V. V., Novgorodova N. S., Podvorotova D. M.* Korporativnaja social'naja otvetstvennost' [Corporate social responsibility] // Jekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitija [Economics and management in the XXI century: development trends]. — 2013. — №13. — Pp. 53–59.

14. *Ivashina M. M.* Korporativnaja social'naja otvetstvennost' kak instrument realizacii social'noj sostavljajushhej rossijskoj jekonomicheskoj sistemy [Corporate social responsibility as a tool for implementing the social component of the Russian economic system] // Nauka i obshchestvo [Science and society]. — 2015. — №4 (23). — Pp. 57–60.

15. *Ishkinina M. H.* Social'naja otvetstvennosti predpriyatija pered rabotnikami [Social responsibility of the enterprise to employees] // Vestnik VJeGU. — 2013. — №2 (64). — Pp. 179–183.

16. *Kovaleva N. N., Dvoreckaja Ju. A.* Social'nyj audit v prizme social'noj otvetstvennosti organizacij [Social audit in the prism of social responsibility of organizations] // Vestnik BGU [Bulletin of BSU]. — 2014. — №3. — Pp. 278–283.

17. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabrya 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation

(adopted by popular vote on December 12, 1993 with changes approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)] [Jelektronnyj resurs] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

18. *Malysheva E. A.* Praktika razvitija kompanij v uslovijah social'no-orientirovannogo upravlenija [Practice of company development in the conditions of socially-oriented management] // Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija [Bulletin of the Samara municipal Institute of management]. — 2017. — №1. — Pp. 47–57.

19. *Mantaeva Je. I., Goldenova V. S.* O roli social'noj otvetstvennosti biznesa na regional'nom urovne (na materialah Respubliki Kalmykija) [On the role of social responsibility of business at the regional level (based on the materials of the Republic of Kalmykia)] // Vestnik RUDN. Serija: Jekonomika [Series: Economy]. — 2014. — №4. — Pp. 104–112.

20. *Matakaeva F. Ju.* Problema ocenki kachestva realizacii politiki korporativnoj social'noj otvetstvennosti integrirovannogo biznes-klastera [The problem of assessing the quality of implementation of the corporate social responsibility policy of an integrated business cluster] // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetaurova [Bulletin of the North Ossetian state University named after K. L. Hetaurov]. — 2013. — №4. — Pp. 437–442.

21. *Morozov A. A.* Social'naja otvetstvennost' biznesa v sisteme «rabotnik-rabotodatel'»: opyt jempiricheskogo izuchenija [Social responsibility of business in the «employee-employer» system: experience of empirical study] // Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN [Proceedings Karelian research centre of RAS]. — 2015. — №3. — Pp. 117–125.

22. *Nurtdinova A. F.* Social'naja otvetstvennost' biznesa: pravovye aspekty jekonomicheskoj koncepcii [The Social responsibility of business: legal aspects of economic concepts] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. — 2015. — №1 (217). — Pp. 30–46.

23. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij. 4-e izd. [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. 4th ed.]. — Moscow: Vysshaja shkola, 1993. — 944 p.

24. *Petrinin Ju. Ju., Purlik V.M.* Korporativnaja social'naja otvetstvennost': poisk metodologicheskikh osnovanij [Corporate social responsibility: search for methodological grounds] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo) [Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (state and society)]. — 2015. — №3. — Pp. 19–33.
25. *Savina T.N., Sul'dina O.V.* Institucional'nye predposylki stanovlenija i razvitija social'noj otvetstvennosti biznesa v Rossii [Institutional prerequisites for the formation and development of social responsibility of business in Russia] // Nauchnoe obozrenie. Jekonomicheskie nauki [Scientific review. Economic Sciences]. — 2014. — №2. — P. 82.
26. *Savina T.N.* Praktika realizacii korporativnoj social'noj otvetstvennosti: opyt PAO «Lukoil» [Practice of implementing corporate social responsibility: experience of PJSC «Lukoil»] // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika [Economic analysis: theory and practice]. — 2016. — №2 (449). — Pp. 91–102.
27. *Strokov M.A., Rudakova O.V.* Social'naja otvetstvennost' biznesa kak ego konkurentnoe preimushhestvo [Social responsibility of business as its competitive advantage] // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk [Central Russian Bulletin of social Sciences]. — 2017. — №3. — Pp. 108–115.
28. *Sushkova I.A.* Korporativnaja social'naja otvetstvennost' na praktike [Corporate social responsibility in practice] // Jekonomika. Pravo. Pechat' [Economy. Right. Print]. Vestnik KSJeI. — 2013. — №3. — Pp. 139–143.
29. *Treshhevskij Ju. I., Nikitina L.M.* Metodologija issledovanija korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Methodology of corporate social responsibility research] // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy [Socio-economic phenomena and processes]. — 2010. — №3 (19). — Pp. 244–248.
30. *Frolov D.P., Rozhkov S.A.* Jevolucija instituta social'noj otvetstvennosti biznesa v Rossii: logika, formaty, faktor Vsemirnoj torgovoj organizacii [The evolution of the Institute of social responsibility of business in Russia: logic, formats, factor world trade organization] // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]. — 2013. — Vol. 9. — №21 (210). — Pp. 2–12.
31. *Cherepanov S.V.* Strahovanie kak instrument social'noj zashhity rabotnikov v sisteme korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Insurance as a tool of social protection of workers in the system of corporate social responsibility] // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava [Current problems of Economics and law]. — 2013. — №2 (26). — Pp. 147–151.
32. *Chernysheva Ju. G., Shepelenko G.I.* Social'naja otvetstvennost' predprinimatelja [Social responsibility of the entrepreneur] // Finansovye issledovanija [Financial research]. — 2015. — №4 (49). — Pp. 271–276.
33. *Chubarova M.S., Evstratova T.A.* Konceptija social'noj otvetstvennosti biznesa [The Concept of social responsibility of business] // Materialy Ivanovskih chtenij [Materials of Ivanovo readings]. — 2017. — №3-1 (14). — Pp. 168–174.
34. *Shorohova N.A.* Social'naja otvetstvennost' kak bazovaja cennost' kul'tury predprinimatel'stva [Social responsibility as the basic value of business culture] // Vestnik Instituta jekonomiki i upravlenija Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo [Bulletin of the Institute of Economics and management of the Novgorod state University of Yaroslav Mudry]. — 2016. — №1 (20). — Pp. 61–66.
35. *Shulimova A.A.* Institucional'nye problemy razvitija social'no-jekonomicheskij otvetstvennosti rossijskogo biznesa [Institutional problems of development of social and economic responsibility of Russian business] // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]. — 2014. — №9 (246). — Pp. 56–64.
36. *Jarovinskaja M.S.* Investicii v social'nuju otvetstvennost' kak opciju rasta [Investment in social responsibility as a growth option] // Upravlencheskie nauki [Management Sciences]. — 2013. — №1 (6). — Pp. 26–31.
37. Bloomberg: sotrudniki Google poprosili rukovodstvo prekratit' sotrudnichestvo s policiej [Bloomberg: Google employees asked the management to stop cooperating with the police] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://tass.ru/ekonomika/8792755>.
38. Johnson & Johnson perestanet vypuskat' osvetljajushhuju kozhu kosmetiku [Johnson & Johnson will stop producing skin-lightening cosmetics] [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.rbc.ru/business/20/06/2020/5eedd02d9a7947397565c3a3>.

39. PepsiCo i Mars menjajut logotipy produktov v ramkah bor'by s rasizmom [PepsiCo and Mars change product logos as part of the fight against racism] [Jelektronnyj resurs] — URL: https://tass.ru/obschestvo/8756295?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.

40. ISO 26000 «Rukovodstvo po social'noj otvetstvennosti» [ISO 26000 «Guide to social responsibility»] [Jelektronnyj resurs] — URL: <http://rspp.ru/simplepage/iso-26000-rukovodstvo-po-sotsialnoy-otvetstvennosti/>.

Поступила в редакцию

14 июля 2020 г.

Данилова Любовь Сергеевна — преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; аспирант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Danilova Liubov Sergeevna — Lecturer, Faculty of Management, Department of General and Strategic Management, National Research University Higher School of Economics; Postgraduate student, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University.

603011, г. Нижний Новгород, ул. Окская, 2
2 Okskaya st., 603011, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: ldanilova@hse.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2020-5-175-181

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПОТОКАМИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

© 2020 г. В. Г. Ларионов*, В. В. Ларичкин**, И. А. Сажин**

**Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,
г. Москва, Россия*

***Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия*

Целью исследования является анализ реализации экологического менеджмента потоками автомобильного транспорта в большом городе с силу очевидной необходимости поиска новых путей и подходов к решению проблем загрязнения атмосферного воздуха выхлопными газами двигателями внутреннего сгорания. Основным из таких универсальных путей в мире общепризнан экологический менеджмент.

Методологическую базу исследования представляют работы в области системы экологического менеджмента (З.В. Туриева, А.Л. Боброва, Н.В. Пахомовой, А. Эндерса, К. Рихтера и др.), атмосферной диффузии (математические модели построены на основании регламентированной методики). Исследование показывает возможность непосредственного применения экологического менеджмента как системы управления потоками автомобильного транспорта, являющихся основными источниками выбросов загрязняющих веществ в атмосферу города.

Результаты исследования. В результате исследования проведен анализ основных структурных элементов экологического менеджмента применительно к конкретным потокам автомобильного транспорта в большом городе. Построенные модели участков городских магистралей как площадные источники выбросов загрязняющих веществ рассмотрены как объекты системы экологического менеджмента.

Перспективу исследования составляет объективная необходимость снижения загрязнения атмосферного воздуха в больших городах с помощью широкого применения систем экологического менеджмента.

Ключевые слова: экологический менеджмент; город; автомобильный транспорт; загрязняющие вещества.

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT BY ROAD TRANSPORT FLOWS IN A BIG CITY

© 2020 V. G. Larionov*, V. V. Larichkin**, I. A. Sazhin**

**Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

***Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia*

The purpose of the study is to analyze the implementation of environmental management of traffic flows in a large city due to the obvious need to find new ways and approaches to solving the problems of air pollution by exhaust gases from internal combustion engines. Environmental management is generally recognized as the main such way in the world.

The methodological base of the study is to be represented by work in the field of environmental management system (Z. V. Turiev, A. L. Bobrov, N. V. Pakhomova, A. Enders, K. Richter, etc.), atmospheric diffusion (mathematical models are built on the basis of regulated techniques). The study shows the possibility of direct application of environmental management as a system for managing traffic flows, which are the main sources of pollutant emissions into the city's atmosphere.

The results of the study. The analysis of the main structural elements of environmental management in relation to specific flows of road transport in a big city was carried out. The constructed models of sections of city highways, as areal sources of emissions of pollutants, are considered as objects of the environmental management system.

The prospect of the study is the objective need to reduce air pollution in large cities through the widespread use of environmental management systems.

Key words: environmental management; town; automobile transport; pollutants.

Введение. Выхлопные газы (или отработавшие газы) — основной источник токсичных веществ от двигателя внутреннего сгорания [5, 6, 7]. Это неоднородная смесь различных газообразных веществ с разнообразными химическими и физическими свойствами, состоящая из продуктов полного и неполного сгорания топлива, избыточного воздуха, аэрозолей и различных микропримесей (как газообразных, так и в виде жидких и твердых частиц), поступающих из цилиндров двигателей в его выпускную систему. В своем составе они содержат около 300 веществ, большинство из которых токсичны. Основными нормируемыми токсичными компонентами выхлопных газов двигателей являются оксиды углерода, азота и углеводороды. Оксиды азота являются одними из наиболее токсичных компонентов отработавших газов [4, 5]. Сгоревшие не полностью углеводороды выбрасываются с выхлопными газами в атмосферу. Они являются причиной многих хронических заболеваний. Пары бензина токсичны, допустимая среднесуточная концентрация паров бензина составляет 1,5 (мг/куб. м). Содержание углеводородов в выхлопных газах возрастает при работе двигателя на режимах принудительно-холодного хода. Углеводороды (олефины) и оксиды азота при определенных метеорологических условиях активно способствуют образованию смога. Он представляет собой аэрозоль, состоящий из дыма, тумана, пыли, частичек сажи, капелек жидкости (во влажной атмосфере), возникает в атмосфере промышленных городов при определенных метеорологических условиях.

В настоящее время на долю автомобильного транспорта приходится больше половины всех вредных выбросов в окружающую среду, которые являются главным источником загрязнения атмосферы, особенно в крупных городах [3]. В среднем при пробеге 15 тыс. км за год каждый автомобиль сжигает 2 т топлива и около 26–30 т воздуха, в том числе 4,5 т кислорода, что в 50 раз больше потребностей человека. При этом автомобиль выбрасывает в атмосферу (кг/год): угарного газа — 700, диоксида азота — 40, несгоревших углеводородов — 230 и твердых веществ — 2–5. Кроме того, выбрасывается много соединений свинца из-за применения в большинстве своем этилированного бензина. Наблюдения показали, что в домах, расположенных рядом с большой дорогой (до 10 м), жители болеют раком в 3–4 раза чаще, чем в домах, удаленных от дороги на расстояние 50 м.

Общая картина загрязнения атмосферного воздуха в городах Российской Федерации продолжает ухудшаться, несмотря на отдельные успехи и достижения [3]. Основная причина этого заключается в постоянном увеличении автомобильного парка городов, низкой эффективности используемых защитных мероприятий, отсутствии надлежащего мониторинга уровня загрязнения атмосферного воздуха.

Все более очевидной становится необходимость поиска новых путей и подходов к решению экологических проблем промышленного производства. Основным из таких путей в мире общепризнан экологический менеджмент. Целесообразно реализовать

экологический менеджмент как тип управления, принципиально ориентированный на формирование и развитие экологических технологий и экологической культуры жизнедеятельности человека. Новая концепция экологического менеджмента в рассматриваемом случае включает полный комплекс проблем управления, связанных с распространением загрязняющих веществ от двигателей внутреннего сгорания в условиях большого города. Необходимо сформировать математическую — статистическую максимально достоверную модель объекта управления, выделить элементы подлежащие регулированию.

Формирование математической — статистической модели объекта управления. В качестве примера, не уменьшающего общность рассуждений, выбран г. Новосибирск. Более 60% общего количества ЗВ в атмосфере города от автомобильного транспорта [1, 4]. Основные городские магистрали имеют три или четыре полосы в каждом направлении, тротуары, жилая застройка, как правило, находится на расстоянии 20–50 м от проезжей части улицы, длина таких улиц варьируется от 1 до 5 км, исключение — Красный проспект длиной около 10 км, по которому движение грузового автотранспорта запрещено. В качестве расчетных моделей целесообразно рассмотреть автомобильные городские магистрали с двумя, тремя и четырьмя полосами движения в каждом направлении. Продолжительность пробки протяженностью 1 км составляет в среднем 60 мин. Среднестатистическое количество автомобилей на расчетной длине улицы с четырьмя полосами движения в каждом направлении: грузовые автомобили (дизели) с разрешенной массой более 5 тонн — 120 единиц (20% от общего числа), грузовые автомобили (бензиновые двигатели) с разрешенной массой до 5 тонн — 180 единиц (30% от общего числа), автобусы вместимостью до 50 пассажиров — 60 единиц (10% от общего числа), легковые автомобили — 240 единиц (40% от общего числа). Скорость движения в пробке не превышает 10 км в час, поэтому источник выбросов ЗВ можно считать стационарным, площадным, у которого длина в 10–15 раз больше ширины.

В представленной работе применена регламентируемая методика [7] для моделирова-

ния распространения ЗВ от автомобильного транспорта с 2-мя, 3-мя, 4-мя полосами движения в каждом направлении, длина пробки принята равной 1 км. Жилая застройка расположена на расстоянии 20–30 м от границы автомобильной части улицы. Вычисления выполнены конечно-разностным методом [4].

Анализ полученных данных. Определены области распространения диоксида азота как наиболее характерные для рассматриваемого вида выбросов загрязняющих веществ. Значения средних концентраций диоксида азота: для 8-полосной магистрали — 98,1 (мкг/куб. м), для 6-полосной — 86,6 (мкг/куб. м), для 4-полосной — 60,2 (мкг/куб. м). Величины наибольших значений концентраций диоксида азота увеличиваются по сравнению со средними значениями в 2,5 раз, 2,46 раз, 1,75 раз для 8-, 6-, 4-полосных магистралей соответственно. Полученные результаты соответствуют результатам исследований [2, 5, 6]. Авторами показана возможность превышения ПДК диоксида азота от 6,9 до 8,5 раз относительно ПДК в случае максимальной концентрации автотранспортных средств на городских улицах. В работе [6] было выявлено, что у 53% проб, собранных на расстоянии менее 20 метров от автодорог, концентрация диоксида азота превысила 40 мкг/куб. м, а 30% проб, собранных на расстоянии от 20 до 50 метров от автодорог, показали средний результат 30–40 мкг/куб. м. В Москве и городах-спутниках было собрано 78 проб, 17 были установлены на расстоянии менее 20 метров от автодорог, из которых 11 из них показали концентрацию более 40 мкг/куб. м. Максимальные концентрации диоксида азота — 101 мкг/куб. м — зафиксированы на пересечении Бакинской улицы и Кавказского бульвара; 78,71 мкг/куб. м — вблизи ул. Нижняя Масловка [2].

Полученные данные о состоянии атмосферного воздуха позволяют в полном объеме применить методы экологического менеджмента для достижения поставленных целей. Ведущими являются административные методы, направленные на принуждение природопользователей к рациональному потреблению природных ресурсов и сохранению качества окружающей среды:

— экологическая экспертиза конкретной городской магистрали;

— применение экологических нормативов, норм и стандартов на этапах проектирования, строительства, эксплуатации объекта;

— установление запретов или ограничений по экологическим показателям, что широко используется в природоохранной практике;

— применение штрафных санкций за нарушение экологических нормативов, природоохранных законов, правил и других административных мер, включая самые жесткие меры. Например, в США в соответствии с Законом о чистом воздухе владелец или водитель городского автобуса, не соблюдающий требование работы на низкозагрязняющем топливе, подвергается штрафу до 25 тыс. долл. за каждый день такого нарушения. В ряде регионов нашей страны, в том числе Москве, действуют подразделения экологической милиции, которые выявляют нарушителей природоохранного законодательства и предъявляют им штрафные санкции.

В последнее время наряду с административными методами широко применяются экономические методы. Разработано множество экономических инструментов, направленных на обеспечение экологической безопасности, включая экономическое стимулирование природоохранной деятельности, экологическое страхование, совершенствование налоговой системы с учетом экологического фактора, предоставление кредитов на льготных условиях как форму поощрения за экономию ресурсов, введение дифференцированных цен на экологически «чистую» и «грязную» продукцию и т.п. Государство может оказывать финансовую поддержку природопользователям, осуществляющим мероприятия по охране окружающей среды, в разных формах:

— денежные субсидии для освоения экологически чистых технологий, продукции;

— выделение целевых займов и кредитов предприятиям, желающим реализовать технологии, улучшающие экологию атмосферного воздуха в городе;

— создание режима ускоренной амортизации экологической техники;

— налоговые льготы по вложению инвестиций на природоохранные цели;

— поощрение развития экобизнеса.

Заключение. В статье акцентировано внимание на проблеме выхлопных газов ав-

томобильного транспорта как основном источнике токсичных загрязняющих веществ в атмосфере большого города. Проведено обоснование экологического менеджмента в качестве основного общепризнанного механизма управления, принципиально ориентированного на формирование и развитие экологических технологий и экологической культуры жизнедеятельности человека. Представлены расчеты величин концентрации загрязняющих в атмосфере городских магистралей. Полученные данные соответствуют известным результатам. Каждый элемент этой системы (городская автомобильная пробка) должен рассматриваться в качестве источника выбросов загрязняющих веществ в атмосферу города повышенной интенсивности. Изложен спектр методов экологического менеджмента применительно к проблеме загрязнения атмосферы мегаполиса. Выполненный в данной работе анализ показал целесообразность практического внедрения в полном объеме экологического менеджмента применительно к системе «городские магистрали — автомобильный транспорт» как объекту управления. Перспективность исследования обусловлена объективной необходимостью снижения загрязнения атмосферного воздуха в больших городах с помощью широкого применения систем экологического менеджмента.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Новосибирской области в 2016 году». — Новосибирск, 2017. — 212 с.

2. Интернет-документ. Диоксид азота в большом городе. Результаты исследования [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.Greenpeace.ru/wpcontent/upload/2018/10/report_tube.pdf. (Дата обращения: 26.03.2020).

3. Ларионов В. Г., Бадалова С. Г., Фалько А. Г. Экология. Менеджмент. Человек. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2017. — 302 с.

4. Ларичкин В. В., Ларионов В. Г., Сажин И. А. Проблема переработки ТБО в Новосибирске в 2018 г. и возможные варианты решения // Контроллинг. — 2018. — №68(2). — С. 28–35.

5. Ложкин В. Н., Ложкина О. В. Комплексный экспериментальный и расчетный мониторинг и прогнозирование загрязнения воздуха автотранспортом с использованием национальных и европейских подходов / НИР, МЧС России, СПб У ГПС МЧС России. Заключительный отчет, № гос. регистрации 114080630031, 2015 г. — 3,5 п. л.

6. Магдеева А. Р., Шагидуллин А. Р., Гилязова А. Ф., Амиряннова Г. Ф., Шагидуллин Р. Р. Анализ структуры выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта на территории г. Казани. // Российский журнал прикладной экологии. — 2016. — №1. — С. 33–37.

7. Приказ Минприроды РФ от 06.06.2017 г. №273 «Об утверждении методов расчетов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе».

Referense

1. Gosudarstvennyj doklad «O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Novosibirskoj oblasti v 2016 godu» [State report «On the state and environmental protection of the Novosibirsk region in 2016»]. — Novosibirsk, 2017. — 212 p.

2. Internet-dokument. Dioksid azota v bol'shom gorode. Rezul'taty issledovanija [Internet document. Nitrogen dioxide in a big city. The results of the research] [Elektronnyj resurs] — URL: http://www.Greenpeace.ru/wpcontent/upload/2018/10/report_tube.pdf. (Date accessed: 26.03.2020).

3. Larionov V. G., Badalova S. G. Fal'ko A. G. Jekologija. Menedzhment. Chelovek [Manage-

ment. Man]. — Moscow: Izdatel'skotorgovaja korporacija «Dashkov i Ko», 2017. — 302 p.

4. Larichkin V. V., Larionov V. G., Sazhin I. A. Problema pererabotki TBO v Novosibirsk v 2018 g. i vozmozhnye varianty reshenija [The Problem of MSW management in Novosibirsk in 2018 and possible solutions] // Kontrolling [Controlling]. — 2018. — №68 (2). — Pp. 28–35.

5. Lozhkin V. N., Lozhkina O. V. Kompleksnyj jeksperimental'nyj i raschetnyj monitoring i prognozirovanie zagryaznenija vozduha avtotransportom s ispol'zovaniem nacional'nyh i evropejskih podhodov [Integrated experimental and computational monitoring and forecasting air pollution from vehicles using the national and European approaches] / NIR, MChS Rossii, SPb U GPS MChS Rossii. Zakljuchitel'nyj otchet, № gos. registracii 114080630031, 2015 g. — 3,5 p. l.

6. Magdeeva A. R., Shagidullin A. R., Giljazova A. F., Amirjanova G. F., Shagidullin R. R. Analiz struktury vybrosov zagryaznjajushhih veshhestv ot avtotransporta na territorii g. Kazani [Analysis of the structure of emissions of pollutants from vehicles on the territory of Kazan]. // Rossijskij zhurnal prikladnoj jekologii [Russian journal of applied ecology]. — 2016. — №1. — Pp. 33–37.

7. Prikaz Minprirody RF ot 06.06.2017 g. №273 «Ob utverzhdenii metodov raschetov rasseivaniya vybrosov vrednyh (zagryaznjajushhih) veshhestv v atmosfernom vozduhe» [Order of the Ministry of natural resources of the Russian Federation dated 06.06.2017 №273 «On approval of methods for calculating the dispersion of emissions of harmful (polluting) substances in atmospheric air»].

Поступила в редакцию

11 августа 2020 г.

Ларионов Валерий Глебович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и организация производства» МГТУ им. Н.Э. Баумана, автор более 30 монографий и учебных пособий, специалист в области стратегического менеджмента, экологического менеджмента, психологии управления, проблем продовольственной безопасности, автор более чем 350 статей в отечественных и 50 зарубежных журналах, член Международной ассоциации экономистов, преподавателей Высшей школы, член комитета США по логистике, международный журналист, почетный работник Высшей школы.

Larionov Valery Glebovich — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics and Organization of Production, Bauman Moscow State Technical University, author of over 30 monographs and textbooks, specialist in the field of strategic management, environmental management, management psychology, food security problems, author of more than 350 articles in domestic and 50 foreign journals, member of the International Association of Economists, Graduate School teachers, member of the US Logistics Committee, international journalist, Honorary Worker of the Higher School.

105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., 5, стр. 1
5 2nd Baumanskaya st., bld. 1, 105005, Moscow, Russia
E-mail: vallarionov@yandex.ru

Ларичкин Владимир Викторович — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Инженерные проблемы экологии» Новосибирского государственного технического университета, автор 5 монографий, более 100 статей в отечественных и зарубежных журналах, специалист в областях оптимизации аппаратов мокрой очистки газов угольных электростанций, технологии переработки и утилизации техногенных образований и отходов, разработки методов количественного анализа сыпучести гранулированных зернистых катализаторов.

Larichkin Vladimir Viktorovich — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Head of the Department of Engineering Ecology Problems, Novosibirsk State Technical University, author of 5 monographs, more than 100 articles in domestic and foreign journals, an expert in the fields of optimization of devices for wet cleaning of gases from coal-fired power plants, processing technology and utilization of technogenic formations and waste, development of methods for quantitative analysis of the flowability of granular granular catalysts.

630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
20 K. Marksa av., 630073, Novosibirsk, Russia
E-mail: larichkin@corp.nstu.ru

Сажин Игорь Александрович — кандидат технических наук, доцент кафедры технической теплофизики Новосибирского государственного технического университета, автор 3 монографий и учебных пособий, более 30 статей в отечественных и зарубежных журналах, специалист в областях промышленной экологии, технической теплофизики.

Sazhin Igor Aleksandrovich — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Technical Thermophysics, Novosibirsk State Technical University, author of 3 monographs and textbooks, more than 30 articles in domestic and foreign journals, an expert in the fields of industrial ecology, technical thermal physics.

630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
20 K. Marksa av., 630073, Novosibirsk, Russia
E-mail: sajinia@ngs.ru

УДК 658.511:338:3

10.17213/2075-2067-2020-5-182-193

ФЕНОМЕН ГАРМОНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА© 2020 г. *А. В. Мухин, Г. Э. Ганина, Ю. А. Островский**Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия*

Цель статьи. В статье рассматривается новый подход к описанию образа гармоничного производства и методов оценки взаимосвязи гармонии и эффективности на основе построения обобщенных моделей гармонизации производства.

Результаты исследования. В основе предложенной модели лежит утверждение, гласящее, что «величина производственных затрат эквивалентна вариативности действий при изготовлении продукции». Предлагается использовать универсальный метод производственных затрат для оценки эффективности гармоничного производства через процентно-продуктовое соответствие. Любая сфера жизнедеятельности представима в виде взаимосвязи продуцентов и продуктов, в которой элементарной ячейкой жизнедеятельности является элементарное звено «продуцент — продукт», объединяемое геном продуцирования как общим свойством продукта и продуцента. Измерение соответствия между продуктом и продуцентом с помощью гена продуцирования как ёмкости соответствующих свойств одинаковой природы является универсальным методом оценки степени соответствия частей производства.

Перспективы использования результатов. Приведенное в статье описание явления производственного цикла, включающего как действие продуцирования, так и действие репродуцирования, сближает производство, как образец искусственной системы с образами живой природы, на которые в конечном итоге целесообразно ориентироваться разработчикам при построении гармоничных производственных структур.

Ключевые слова: гармонизация; производственная система; структура производства; функция производства; процентно-продуктовый подход; вариативность; эффективность.

MANUFACTURING HARMONIZATION PHENOMENA© 2020 *A. V. Muchin, G. E. Ganina, Yu. A. Ostrovskij**Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

Purpose of article. The article considers a new approach to describing the image of harmonious production and methods for assessing the relationship between harmony and efficiency based on the construction of generalized models of production harmonization.

Research result. The proposed model is based on the statement that «the value of production costs is equivalent to the variability of actions in the manufacture of products». It is proposed to use a universal method of production costs to assess the effectiveness of harmonious production through product-product correspondence. Any sphere of life activity is represented as a relationship between producers and products, in which the elementary cell of life activity is an elementary

link «producer — product», united by the production gene as a common property of the product and the producer. Measuring the correspondence between the product and the producer using the production gene as a capacity of corresponding properties of the same nature is a universal method for assessing the degree of conformity of parts of production.

Prospects for using the results. *See description of the phenomenon of a production cycle, which includes both action production and action of reproduction, brings together the production as a sample of the artificial system with images of nature, which in the end, it is advisable to focus developers to build a harmonious industrial structures.*

Key words: *harmonization; production system; production structure; production function; production-product approach; variability; efficiency.*

Введение. В настоящее время наметился новый взгляд на проблему эффективности производственных систем при организации производственной деятельности. Имеющиеся традиционные подходы к её оценке вызывают озабоченность в связи с тем, что в сферу факторов, определяющих эффективность производства, начинают активно «внедряться» факторы, казалось бы, непроизводственной сферы, а именно: социальные, психологические, поведенческие, морально-этические и т.д. Так как большинство учитываемых факторов по своей природе противоречивы, многие исследователи обращаются к такому понятию, как «гармония производственной системы». Первые шаги было предложено делать в направлении согласования стандартов и описания производственных процессов, образовательных стандартов, например, [1, 2].

Принятое определение гармонии в любой системе зиждется на согласованности существования противоречивых факторов, и задачей поиска гармонии является поиск таких факторов и способов установления их значений, которые в совокупности могли бы обеспечить максимальную эффективность системы.

В первую очередь напрашивается и методика решения подобной задачи через построение соответствующих моделей оптимизации. Существующие модели оптимизации охватывают широкий спектр математических методов, включающих как линейные, так и нелинейные модели, динамические и стационарные модели, дискретные и непрерывные зависимости и т.д. В этом смысле нет недостатка в методах проведения оптимизации

при организации и управлении машиностроительной производственной системой [3].

Однако в проблеме описания гармонии в производстве возникает существенная трудность. Это происходит всегда, когда в понятие гармонии вкладывается изначальный её смысл, а именно, как только ограничивается количество факторов (противоречивых и противоположных), сразу возникает ощущение неполноты представления о гармонии системы. К сожалению, существующие методики построения моделей оптимизации всегда опираются на ограниченный набор факторов, что объективно приводит к выводу: решенная задача соответствует частному случаю, а не гармонии производства в целом.

В этой связи актуальной проблемой является разработка теоретических положений и практических методик построения обобщенных моделей гармонизации производства на этапах становления, эффективного функционирования и совершенствования производственных процессов. Данный интерес возник на базе сложности, вариативности и противоречивости факторов, определяющих качество производственных процессов.

Специалистов в области экономики и организации производства перестали удовлетворять методы решения производственных задач. Показателен в этом отношении анализ, приведенный в работе Г. Клейнера [4]. Автор убедителен в отношении недостатков существующих методов оценки качества и эффективности производственных процессов. Ни один из существующих подходов, по мнению автора, не позволяет всеобъемлюще оценить процессы производства, хорошо решая лишь частные задачи.

Автор [4] склоняется к выводу, что на смену частным методам должен придти обобщенный метод, основанный на критерии гармоничности производства и экономики в целом. При этом автор отмечает, что, поставив задачу таким образом, мы оказываемся при этом перед необходимостью найти новый инструментарий поиска решений по критерию гармоничности.

С Г. Клейнером [4] солидарен А. С. Муратов [5], который провел своеобразный обзор работ в области гармонизации экономики производства. Здесь автору удалось заглянуть в историю вопроса о гармонизации экономики. Был охвачен весьма обширный период времени. В число цитируемых авторов вошел, например, Ф. Бастиа [6], работы которого по гармонизации экономики относятся к 1848 г. Не обойден вниманием и один из основоположников теории организации производства К. Адамецки [7], а также А. А. Богданов [8], считающийся одним из основателей всеобщей организационной науки.

Здесь должны быть отмечены и труд Л. М. Семашко [9], посвященный гармоничной цивилизации, и труд А. И. Ивануса [10] по проблеме гармоничного инновационного менеджмента.

Гармонизации производства посвящена монография [11], в которой приведена теория и практика гармонизации производства, в том числе отмечается, что главной проблемой является отсутствие подходящего инструментария для формализации процесса принятия решений по гармонизации. Усугубляет эту проблему то обстоятельство, что, несмотря на давний интерес к гармонизации, не удается даже для ограниченной системы дать полное, исчерпывающее описание ее гармонического состояния. Объясняется это, в первую очередь, тем, что для любой ограниченной системы «толкователь» сталкивается с так называемым «проклятием размерности» (согласно Н. Винеру).

В работе [12] предлагается выполнять экономическую оценку производства, учитывая расширяющуюся информатизацию его инфраструктуры. При внедрении информационных технологий усиливается роль интеллектуальной составляющей производственной системы, соответственно, необходимо учитывать природу критериев оценки.

В предлагаемой классификации разделяются материальные и нематериальные факторы, получившие наименование когнитивных. В число этих факторов включаются объекты, входящие в состав средств технического оснащения производства и информационной поддержки управления производством, объекты организационного обеспечения, производственных знаний, уровень образования сотрудников, способность к анализу, коммуникативные навыки и т. д. Указывается, что перечень может дополняться, что говорит об усложнении модели производственной системы с течением времени.

Действительно, если ограничиться только производством как одной из частей общей системы жизнедеятельности, сразу можно выявить значительное число факторов, которые в реальных условиях часто оказываются противоречивыми [13].

Понятие гармонии является одним из очевидных, когда выступает в качестве интуитивной оценки, и в то же время неуловимо, когда требуется дать четкое, формализованное определение [14], поэтому нужно выявить взаимосвязь между понятиями эффективности и гармоничности производственной системы, так как интуитивно понятно, что они отражают разные категории свойств: эффективность отражает множество «затратных» свойств производства, гармоничность — множество свойств «расположения» производства относительно внешней среды.

Следовательно, для гармонизации производственных процессов в настоящее время необходимо решать две взаимосвязанные задачи:

— создание образа гармоничного производства в виде совокупности элементов, могущих быть объединенными в единое согласованное целое ради достижения замысла производства как системы;

— разработка инструментария формализации отношений между элементами системы и принятия решений по критерию гармоничности.

Методология исследования. Производственная система, созданная человеком, как и любая другая искусственная система, приобретает свойства гармоничности и эффективности в результате целенаправленных действий. Целенаправленность действий

основана на замысле, определяемом через сравнение с идеалом. Для задачи создания гармоничного производства таким идеалом является гармоничность живой природы. Наблюдая за живой природой, изучая и анализируя, человек многое из нее заимствовал, начиная от источников энергии и заканчивая созданием искусственных технологических устройств как продолжения эффекторов естественной природы.

Что касается гармонии, то здесь дела обстоят гораздо хуже, так как, несмотря на очевидный успех в физике, химии, других естественных науках, человечество находится еще на ранних стадиях изучения механизма возникновения и развития гармонии в живой природе.

Однако целеустремленность человека в этом вопросе позволила достичь некоторых успехов в понимании фрагментов гармонии природы. В первую очередь, здесь речь идет о понятийном аппарате в создании образа гармоничной природы.

Проблеме разработки теоретических положений и практических методик построения обобщенных моделей гармонизации машиностроительного производства посвящены многие исследования, проведенные в МГТУ им. Н. Э. Баумана. В первую очередь следует упомянуть о результатах исследований, приведших к «отчуждению от стоимости» при оценке затрат [16, 17]. Выразилось это в форме утверждения, гласящего, что «величина производственных затрат эквивалентна вариативности действий при изготовлении продукции». Подобное доказанное утверждение в свою очередь послужило основанием для оценки производственных затрат через соответствие продукта продуценту.

Универсальный метод оценки производственных затрат через продуцентно-продуктовое соответствие оказался плодотворным в смысле всеобщности охвата производственных процессов. Дальнейшие исследования показали, что метод продуцентно-продуктового соответствия применим и для задач построения гармоничного производства.

Этот метод может рассматриваться в качестве инструмента как для задач анализа гармонически действующего производства, так и для задач построения нового производства, соответствующего критерию эффективности.

Предлагается расширение этого метода с использованием элементов, свойственных живой природе, что может быть полезно как для проектировщиков машиностроительных предприятий, так и для широкого круга специалистов промышленного производства, увлеченных идеями гармонизации.

Структура гармоничной живой природы представляет собой огромное по масштабам число элементов, которое, на первый взгляд, очень трудно каким-либо способом упорядочить. Однако специалисты в области биогенеза [15] пришли к выводу, что их можно разделить на два класса: продукты и продуценты.

Активную роль в природе выполняют продуценты (*producens* — производящий), а термин «продуцирование» закрепился за любым действием, направленным на получение нужного результата. Термин «продуцент» так глубоко проник во многие сферы жизнедеятельности, что им стали обозначать и страны-производители продукции, и системы, производящие товар. В этой связи термину «продуцент» должен соответствовать термин «продукт» как результат продуцирования.

По существу, любую сферу жизнедеятельности можно представить в виде взаимосвязи продуцентов и продуктов. Напрашивается вывод, что элементарной ячейкой жизнедеятельности является элементарное звено «продуцент — продукт», объединяемое геном продуцирования (рис. 1). Свойство продукта, здесь обозначенное как «ген» *g*, одновременно присуще и продуценту. Таким образом, *g* выполняет роль связующего

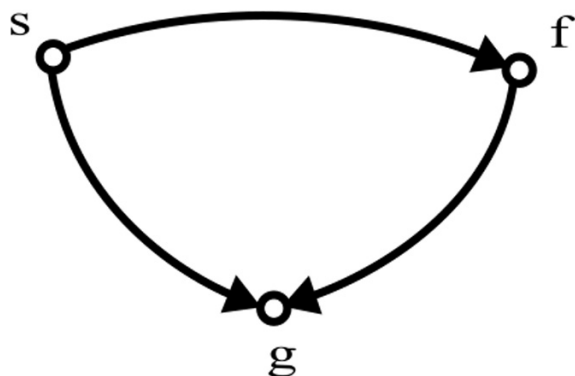

Рис. 1. Элементарная ячейка продуцирования
s — продуцент; *f* — продукт;
g — ген продуцирования

звена между s и f , наполняя s и f одинаковым содержанием по виду общих их свойств.

Несмотря на то, что «механизм продуцирования» в живой природе человеком до конца не понят, делается вывод, что он может быть изображен в соответствии с рис. 1. Также делается вывод, что такой механизм может быть использован при построении искусственно созданной системы продуцирования.

Данный прием может быть использован при описании любой искусственно созданной человеком системы жизнедеятельности и, в первую очередь, при описании производства как структуры организованных производственных процессов.

Создать систему, полностью аналогичную системе в живой природе, невозможно по разным причинам, главной из которых является та, что природная система, обладающая функцией продуцирования, имеет еще и функцию репродукции.

Данную функцию имеют все элементы живой природы (для растений, например, пара «дуб — желудь»), но человеку построить её для искусственных систем не представляется возможным. Очевидно, что следует искать пути, имитирующие естественную функцию репродукции.

В общем случае, учитывая наличие как продуцирующей, так и репродуцирующей функций, схематично взаимодействие проду-

центов и продуктов можно изобразить следующим образом (рис. 2).

На рисунке 2: s — продуцент (при продуцировании), продукт (при репродуцировании); f — продукт (при продуцировании), продуцент (при репродуцировании); $(s \rightarrow f)$ — продуцирование; $(f \rightarrow s)$ — репродуцирование; $g_{\text{прод}}$ — ген продуцирования; $g_{\text{репрод}}$ — ген репродуцирования.

Как видно из схемы на рис. 2, продукт и продуцент меняются местами в зависимости от функции, которой принадлежат эти структурные элементы.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- в качестве образца гармонической системы необходимо брать живую природу во всех её проявлениях;

- в целях упорядочения понятийного аппарата систем жизнедеятельности необходимо ограничиться двумя классами элементов подобных систем: продуктами (f) и продуцентами (s);

- наиболее существенными функциями любой системы жизнедеятельности является продуцирующая (производственная) функция и репродуцирующая функция;

- для создания искусственной системы (в том числе и производственной) можно применять процедуры создания продуцирующих подсистем (подобно созданию многочисленных систем технологического назначения);

- создание подсистем репродуцирования гораздо сложнее в связи с отсутствием подходящих методов формализации репродуцирующих систем в живой природе: для имитации репродуцирующих функций в производственной системе предстоит отыскать новые подходы и методы их создания;

- для практического воплощения идей гармонизации в сфере организации производства необходимо, опираясь на аналоги в живой природе, дать по возможности четкое определение или хотя бы толкование гармоничного производства.

Исходя из сложившегося понятия «гармоничного производства» как системы со-размерных и согласованных частей, соответствующих друг другу [11], и придерживаясь аналогии с живой природой [15], образ гармоничного производства целесообразно строить, опираясь на продуцентно-продукто-

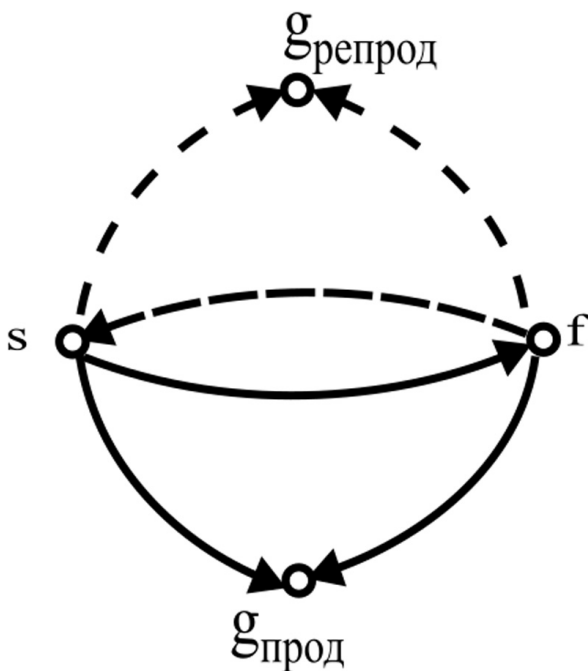

Рис. 2. Схема взаимодействия s и f

вый подход. Несмотря на сложность существующих производственных систем, их можно описать одним или множеством звеньев, представленных на рис. 1. При этом, в свою очередь, как s , так и f могут быть материальными (M) или идеальными (J).

Однако такой очевидный подход к описанию гармоничного производства не даёт уверенности в том, что удастся упорядочить и формализовать производственную систему в целом, учитывая следующие обстоятельства:

— как продукты (f), так продуценты (s) могут быть и материальными (M), и идеальными (J);

— необходимость вместе с продуцированием учитывать и функцию репродуцирования говорит о том, что при одних условиях объект является продуцентом, а при других — продуктом;

— любая производственная система представляет собой цепь из связанных звеньев по типу рис. 1, но образ такой цепи не представляется ясным и очевидным.

Каждое из перечисленных обстоятельств должно быть учтено при описании образа гармоничного производства.

Рассмотрим последовательно роль этих обстоятельств в описании образа гармоничного производства.

Специалисты в области технологии и организации производства постоянно имеют дело с многочисленными проявлениями материальной и идеальной формы продуктов и продуцентов. С тем, чтобы свернуть их огромное разнообразие в приемлемую для анализа совокупность, воспользуемся классической предикатной формой.

Все материальные индивиды опишем в форме $M(i)$, где M — свойство «быть материальным». Тогда все материальные продукты в производственной системе будут принадлежать множеству $M(f)$, а продуценты — множеству $M(s)$. К числу $M(f)$ могут быть отнесены все предметы, прошедшие этап изготовления в производстве (детали, узлы, машины и пр.). К числу $M(s)$ могут быть отнесены различные орудия труда (станки, инструменты, оборудование заготовительного производства и др.). Отметим, что перечисленные предметы из числа $M(f)$ могут быть отнесены к числу $M(s)$ и наоборот.

Так, любой станок из числа $M(s)$ являлся ранее предметом производства и относился к множеству $M(f)$. «Инверсия», т.е. взаимное превращение продуцента в продукт и наоборот, наталкивает на мысль о возможном существовании репродуцировании в производственной среде.

По аналогии все идеальные индивиды могут быть представлены в виде $J(i)$, где J — свойство «быть идеальным». К числу $J(f)$ могут быть отнесены идеальные индивиды, являющиеся результатами чьего-либо действия. В качестве примера $J(f)$ может быть названо какое-либо проектное решение по технологическому процессу, результат сравнения с аналогом.

В свою очередь, технологический процесс может быть продуцентом $J(s)$ при выборе технологического оборудования. Здесь также прослеживается «инверсия», т.е. взаимное превращение $J(f)$ и $J(s)$.

В целом на основании сделанных предположений можно сформулировать определение производственной системы в терминах продуцентно-продуктовых структур: «если элементы производственной системы являются или продуцентами, или продуктами и выступают или в материальной, или идеальной форме, то производственная система представима в виде множества $\{M(f); M(s); J(f); J(s)\}$ ».

Звено типа $(s-f)$, определяющее какое-либо событие в «жизни» производства, можно создать из упомянутого множества. Важно при этом представить, в какой последовательности расположить созданные звенья.

Основываясь на накопленном опыте по созданию производственных систем, как домашнего, так и машинного, включая компьютеризированное, производства, предложим следующую цепочку событий в жизни производства:

— экспериментальное изготовление материального продукта;

— формализованное описание созданного материального образа продукта;

— формализованное описание последовательности действий по изготовлению материального продукта;

— создание оборудования (продуцента) для изготовления материального продукта.

Используя традиционные термины, можно представить перечисленную цепочку событий следующим образом:

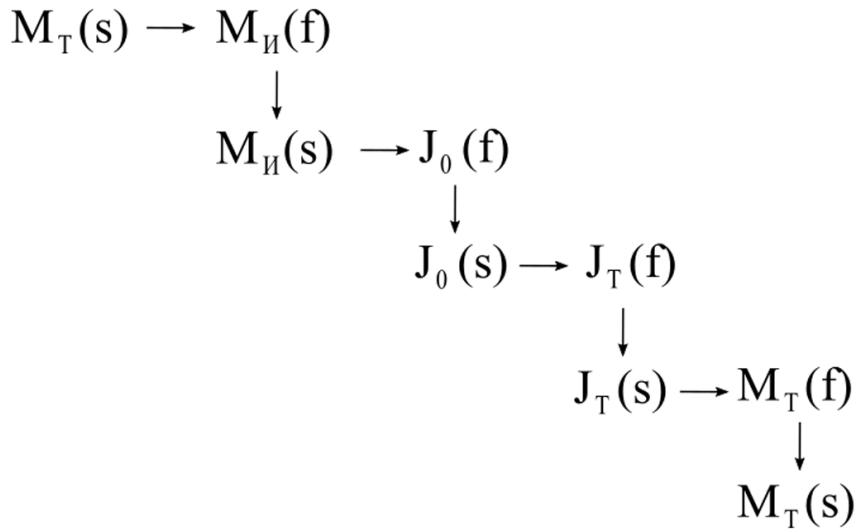

Рис. 3. Каскад последовательности превращений звеньев типа (s-f)

— опытное производство материального продукта (опытно-конструкторская разработка (ОКР));

— проектирование и конструирование материального продукта;

— проектирование технологического процесса (технологическая подготовка производства (ТПП));

— проектирование и изготовление средств технологического оснащения (СТО).

С учетом обозначений элементов производственной системы, возможности их «ин-

версии» (из продуцентов в продукты и наоборот), цепочку событий в жизни производства для начала представим в виде каскада (рис. 3).

На рисунке 3: $M_T(s)$ — материальный продуцент из числа СТО; $M_H(f)$ — материальный продукт в виде изделия; $M_H(s)$ — материальный продуцент, поставляющий информацию для ОКР; $J_0(f)$ — идеальный продукт в виде замыслов и воплощенный в конструкторской документации (КД); $J_0(s)$ — идеальный продукт в виде КД, поставляющий информацию для ТПП; $J_T(f)$ — идеальный продукт в виде технологических решений; $J_T(s)$ — идеальный продуцент в виде технологических решений по созданию СТО; $M_0(f)$ — материальный продукт в виде СТО.

Изображенный на рис. 3 каскад можно представить и по-другому (рис. 4). Знаком « \rightarrow » на рис. 4 обозначены продуцирующие связи в продуцентно-продуктовом звене, а знаком « \rightsquigarrow » обозначен переход продукта в статус продуцента.

Движение по часовой стрелке в цикле отражает функцию продуцирования, а возврат в начало движения отражает функцию репродуцирования.

Продукционный цикл в производстве (рис. 4) состоит из упорядоченной последовательности звеньев ($s \rightarrow f$), где каждое звено имеет «собственный» ген продуктивности, по которому и можно определить степень гармонизации производства в целом. Рас-

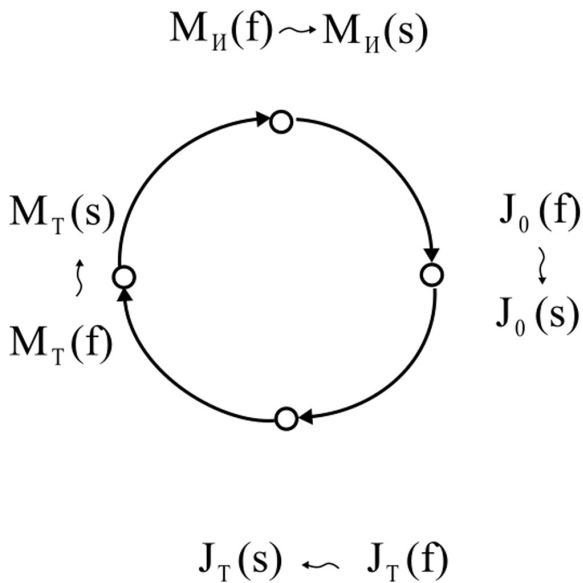

Рис. 4. Продукционный цикл в производстве

смотрим гены продукционности по каждому звену и сведём их воедино в таблицу 1.

Степень гармонии (или дисгармонии) в производстве влияет на экономическую эффективность. Можно на примерах показать, как это проявляется для разных звеньев производственного цикла.

В случае $g(M_T(s); M_I(f))$, как показано в работе [14], при любом отношении ёмкости продуцента от ёмкости продукта возрастают затраты в производстве.

Рассмотрим ситуации, связанные со звеньями 2, 3, 4 (таблица 1). В случае $M_I(s) \rightarrow J_0(f)$ имеет место несогласованность реальных форм и размеров материального продукта (изделия) и совершенство (или несовершенство) языка проектирования в ОКР: возможны ситуации, когда в системе отсутствуют языковые (например, графические) формы, присущие реальному изделию. В автоматизированных системах проектирования это приводит к полной остановке процедуры проектирования, а специалисты в области ОКР в ходе ручной работы (весьма затратной) вынуждены приводить в соответствие реальное изделие и его отображение в КД. В подобной ситуации могут оказаться специалисты, связанные со звеном $J_0(s) \rightarrow J_T(f)$.

Довольно часто для некоторых решений в ОКР нет готовых ответов в проекте ТПП. Для устранения такого несоответствия при-

ходится проводить дополнительные работы, связанные с существенными затратами.

Наконец, для звена $J_T(s) \rightarrow M_T(f)$ характерна следующая ситуация: спроектированный технологический процесс (через соответствующую $J_T(s)$) требует определенного технологического оборудования ($M_T(f)$), которого ещё нет «в природе» или которое необходимо приобретать или заимствовать в другой производственной системе. В любом случае, это связано с дополнительными производственными затратами.

В соответствии с правилами гармонизации производства дисгармония наступает, даже если несоответствие между продуцентом или продуктом имеется лишь в одном звене; степень гармоничности производства зависит от числа звеньев, в которых присутствует дисгармония.

Результаты. Приведенные примеры демонстрируют действительную связь показателей гармоничности и эффективности производства; такая связь стала возможной только после того, как на смену калькуляционным методам расчета эффективности пришел структурно-комбинаторный метод, изложенный в [16].

Родился этот метод в связи с тем, что в производстве быстрыми темпами стала нарастать неопределенность экономическо-

Таблица 1

Содержание генов продукционности

№	Обозначение звена	Обозначение гена продукционности	Значение и примеры
1	$M_T(s) \rightarrow M_I(f)$	$g(M_T(s); M_I(f))$	Отношение «ёмкостей» свойств продукта и действий по их достижению: $M_I(f) = \{\text{форма; размеры}\}$, $M_T(s) = \{\text{формообразующие действия}\}$
2	$M_I(s) \rightarrow J_0(f)$	$g(M_I(s); J_0(f))$	Отношение «ёмкостей» форм и размеров материального продукта и символов, их отображающих в КД
3	$J_0(s) \rightarrow J_T(f)$	$g(J_0(s); J_T(f))$	Отношение «ёмкостей» символов изделий и символов действий по его изготовлению в технологическом процессе
4	$J_T(s) \rightarrow M_T(f)$	$g(J_T(s); M_T(f))$	Отношение «ёмкостей» символов действий по изготовлению материального продукта и технологического оборудования, воплощающего эти действия

го характера, которая в свою очередь, стала следствием такого явления, как ускорение сменяемости изделий в производстве. Явление экономической неопределенности повлекло за собой соответствующие исследования, посвященные разработке новых методов расчета эффективности, появились первые работы [17], посвященные этому направлению. В завершенном виде метод расчета эффективности, отчужденный от стоимости, опубликован в [16].

Оказалось, что этот структурно-комбинаторный метод удобен тем, что с его помощью одинаково успешно можно рассчитывать как эффективность производства на разных этапах жизненного цикла, так и гармоничность.

Особенно это полезно для расчета гармоничности производства, где стоимостные методы оказываются попросту неуместными ввиду специфичности понятия «гармоничность». Применение производственного подхода здесь позволяет применять совместно показатели, содержащие свойства из разных категорий. Вначале «феномен гармоничности» работал на формирование структуры производства в виде «продуцентно-продуктового» отношения, а затем новый структурно-комбинаторный метод расчета эффективности оказался пригоден для оценки гармоничности производства.

Заключение. Рассмотренная в статье методология гармонизации производства опирается на ряд положений, среди которых можно выделить главные:

— продуцентно-продуктовый подход очевиден в том смысле, что для производства единственно подходящим аналогом в плане гармонизации является живая природа — «прародительница» термина «продуцент» и таких взаимосвязанных явлений, как продуцирование и репродуцирование;

— универсальным методом оценки степени соответствия частей производственного процесса является измерение соответствия между продуктом и продуцентом с помощью гена продуцирования как ёмкости соответствующих свойств одинаковой природы;

— введенное понятие «производственный цикл» позволило для множества производственных ситуаций объединить в единое целое связанные действия продуцирования и репродуцирования.

Построенная на основе главных положений методология гармонизации производственных процессов носит концептуальный характер и позволяет развивать и решать многочисленные задачи организации производства на единой онтологической базе.

Литература

1. Electrical Codes, Standards, Recommended Practices and Regulations, Editor (s): Robert J. Alonzo, William Andrew Publishing, 2010.

2. *Quintino L., Fernandes I., Miranda R. M.* International harmonization of training and qualification in the manufacturing industry. *Journal of European Industrial Training*. 2011. 35. 502-514. DOI:10.1108/03090591111138044.

3. *Косачев А. В., Лялин В. Е., Семенов В. В.* Модель оптимального управления долгосрочным развитием интеллектуального предприятия // *Аудит и финансовый анализ*. — 2006. — №4. — С. 314–349.

4. *Клейнер Г.* Экономика должна быть гармоничной // *Современная конкуренция*. — 2009. — №2 (14). — С. 19–21.

5. *Муратов А. С.* Гармонизационный подход к экономике и управлению предприятиями: теория и практика: монография. — М.: Креативная экономика, 2011.

6. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. — М.: ЭКСМО, 2007.

7. *Адамецки К.* О науке организации. — М.: Экономика, 1972.

8. *Богданов А. А.* Тектология: всеобщая организационная наука. — М.: Финансы, 2003.

9. *Гармоничная цивилизация. Инновационные проекты ГСГ / Л. М. Семашко*. — Санкт-Петербург: Лита, 2009.

10. *Иванус А. И.* Гармоничный инновационный менеджмент. — М.: URSS, 2011. — 248 с.

11. *Клевлин А. И.* Логистические основы организации крупных промышленных комплексов. — Тольятти-Самара: ИЧП «Акцент», 1996.

12. *Omelchenko I., Drogovoz P., Gorlacheva E., Shiboldenkov V., Yusufova O.* The modeling of the efficiency in the new generation manufacturing-distributive systems based on the cognitive production factors. // *IOP Conf. Series:*

Materials Science and Engineering 630 (2019) 012020, IOP Publishing, DOI:10.1088/1757-899X/630/1/012020.

13. *Силинский В. С.* Гармонизация сбытовой и производственной деятельности высокотехнологического промышленного предприятия в условиях неопределенности и нестабильности // Экономический журнал. — 2015. — №1 (37). — С. 6–17.

14. *Самохвалова В. И.* О метафизическом смысле гармонии. // Дельфис. — 1998. — №16 (3/1998).

15. *Цавкелова Е. А., Климова С. Ю., Чедынцева Т. А., Нетрусов А. И.* Микроорганизмы — продуценты стимуляторов роста растений и их практическое применение (обзор) // Прикладная биохимия и микробиология. — №2 (42). — 2006. — С. 133–143.

16. *Мухин А. В., Ганина Г. Э., Островский Ю. А.* Учет эффективности производства в систем технико-экономических показателей промышленного предприятия // Контроллинг. — 2014. — №52. — С. 26–35.

17. *Мухин А. В., Островский Ю. А., Петров В. В.* Метод оптимального распределения ресурсов при решении производственных задач в условиях экономической неопределенности // СТИН. — 2013. — №2. — С. 35–40.

References

1. Electrical Codes, Standards, Recommended Practices and Regulations, Editor (s): Robert J. Alonzo, William Andrew Publishing, 2010.

2. *Quintino L., Fernandes I., Miranda R. M.* International harmonization of training and qualification in the manufacturing industry. Journal of European Industrial Training. 2011. 35. 502–514. DOI:10.1108/03090591111138044.

3. *Kosachev A. V., Ljalin V. E., Semenov V. V.* Model' optimal'nogo upravlenija dolgosrochnym razvitiem intellektual'nogo predpriyatija [Model of optimal management of long-term development of an intellectual enterprise]. // Audit i finansovyj analiz [Audit and financial analysis]. — 2006. — №4. — Pp. 314–349.

4. *Klejner G.* Jekonomika dolzhna byt' garmonichnoj [The economy should be harmonious] // Sovremennaja konkurencija [Modern competition]. — 2009. — №2 (14). — Pp. 19–21.

5. *Muratov A. S.* Garmonizacionnyj podhod k jekonomike i upravleniju predpriyatijami: teorija i praktika: monografija [Harmonization approach to the economy and management of enterprises: theory and practice: monograph]. — Moscow: Kreativnaja jekonomika, 2011.

6. *Bastia F.* Jekonomicheskie garmonii [Economic harmony]. — Moscow: JeKSMO, 2007.

7. *Adamecki K.* O nauke organizacii [On the science of organization]. — Moscow: Jekonomika, 1972.

8. *Bogdanov A. A.* Tektologija: vseobshhaja organizacionnaja nauka [Tectology: General organizational science]. — Moscow: Finansy, 2003.

9. Garmonichnaja civilizacija. Innovacionnye proekty GSG [Harmonious civilization. Innovative projects of GSG] / L. M. Semashko. — Saint-Petersburg: Lita, 2009.

10. *Ivanus A. I.* Garmonichnyj innovacionnyj menedzhment [Harmonious innovation management]. — Moscow: URSS, 2011. — 248 p.

11. *Klevlin A. I.* Logisticheskie osnovy organizacii krupnyh promyshlennyh kompleksov [Logistics bases of organization of large industrial complexes]. — Tol'jatti-Samara: IChP «Akcent», 1996.

12. *Omelchenko I., Drogovoz P., Gorlacheva E., Shiboldenkov V., Yusufova O.* The modeling of the efficiency in the new generation manufacturing-distributive systems based on the cognitive production factors. // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 630 (2019) 012020, IOP Publishing, DOI:10.1088/1757-899X/630/1/012020.

13. *Silinskij V. S.* Garmonizacija sbytovoj i proizvodstvennoj dejatel'nosti vysokotekhnologichnogo promyshlennogo predpriyatija v usloviyah neopredelennosti i nestabil'nosti [Harmonization of sales and production activities of a high-tech industrial enterprise in conditions of uncertainty and instability] // Jekonomicheskij zhurnal [Economic journal]. — 2015. — №1 (37). — Pp. 6–17.

14. *Samohvalova V. I.* O metafizicheskom smysle garmonii [On the metaphysical meaning of harmony] // Del'fis. — 1998. — №16 (3/1998).

15. *Cavkelova E. A., Klimova S. Ju., Chedynceva T. A., Netrusov A. I.* Mikroorganizmy — producenty stimulyatorov rosta rastenij i ih prakticheskoe primenenie (obzor) [Microorganisms-producers of plant growth stimulators and their

practical application (review)] // *Prikladnaja biokhimiya i mikrobiologija* [Applied biochemistry and Microbiology]. — №2 (42). — 2006. — Pp. 133–143.

16. *Muhin A. V., Ganina G. Je., Ostrovskij Ju. A.* Uchet jeffektivnosti proizvodstva v sistem tehniko-jekonomicheskikh pokazatelej promyshlennogo predpriyatija [Accounting for production efficiency in the system of technical and economic indicators of an industrial enter-

prise] // *Kontrolling* [Controlling]. — 2014. — №52. — Pp. 26–35.

17. *Muhin A. V., Ostrovskij Ju. A., Petrov V. V.* Metod optimal'nogo raspredelenija resursov pri reshenii proizvodstvennyh zadach v uslovijah jekonomicheskoy neopredelennosti [Method of optimal resource allocation for solving production problems in conditions of economic uncertainty] // *STIN*. — 2013. — №2. — Pp. 35–40.

Поступила в редакцию

18 мая 2020 г.

Мухин Александр Васильевич — доктор технических наук, профессор, работал в Московском государственном техническом университете им. Н.Э. Баумана, член правления некоммерческого партнерства «Объединение проектировщиков предприятий», кавалер ордена Трудового Красного Знамени, ведущий специалист в области теоретической технологии и организации производства, автор более 200 научных статей и 5 монографий.

Mukhin Alexander Vasilyevich — Doctor of Engineering Sciences, Professor, worked at the Bauman Moscow State Technical University, a member of the Board of the non-profit partnership «Association of Enterprise Designers», a Knight of the Order of the Red Banner of Labor, a leading specialist in the field of theoretical technology and production organization, author of more than 200 scientific articles and 5 monographs.

105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 7
7 2nd Baumanskaya st., 105005, Moscow, Russia
E-mail: alvasmuhin@yandex.ru

Ганина Галина Эдуардовна — кандидат технических наук, доцент кафедры «Экономика и организация производства» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, специалист в области организации производства и инновационного менеджмента, автор более 40 научных статей и 2 учебных пособий.

Galina Galina Eduardovna — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Production Organization, Bauman Moscow State Technical University, specialist in the field of production organization and innovation management, author of more than 40 scientific articles and 2 textbooks.

105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 7
7 2nd Baumanskaya st., 105005, Moscow, Russia
E-mail: galya.ganina@yandex.ru

Островский Юрий Андреевич — кандидат технических наук, доцент кафедры «Метрология» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, специалист в области автоматизации технологической подготовки производства, автор более 30 научных статей.

Ostrovsky Yuri Andreevich — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Department of Metrology, Bauman Moscow State Technical University, specialist in the field of automation of technological preparation of production, author of more than 30 scientific articles.

105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5
5 2nd Baumanskaya st., 105005, Moscow, Russia
E-mail: yost@bmstu.ru

УДК 339.138

10.17213/2075-2067-2020-5-194-202

УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЯМИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ВЕДЕНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2020 г. *Н. Г. Овчинникова, Е. И. Жидкова, В. А. Тимофеева*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является рассмотрение процесса управления территориями муниципальных образований посредством ведения градостроительной деятельности, целью которого является создание наиболее благоприятных и комфортных условий для жизни населения и функционирования города как целостной системы.

Методологическую базу исследования представляет анализ нормативно-правового регулирования системы территориального планирования и застройки территорий муниципальных образований, экономических и эстетических принципов возведения объектов строительства, применение которых способствует улучшению качества жизни населения на территории, повышению экономического роста региона.

Результаты исследования. Важным результатом данного исследования является выявление методологических предпосылок осуществления градостроительной деятельности на муниципальном уровне. Все внимание концентрируется на вопросах проектирования и застройки территорий муниципальных образований, нормативно-правового регулирования системы территориального планирования в Российской Федерации, существующих принципах возведения городских объектов. Тем самым хочется отметить, что принятие градостроительных решений должно осуществляться на основе учета самых разнообразных факторов: экономических, правовых, эстетических, социальных, экологических и пр. Эффективными будут считаться те решения, которые принимают во внимание все эти критерии в комплексе и способствуют повышению качества жизни людей на данной территории.

Перспективу исследования составляет анализ, направленный на раскрытие механизмов осуществления градостроительной деятельности в условиях интенсивного освоения территорий муниципальных образований.

Ключевые слова: градостроительное проектирование; рациональное использование; пространственная конфигурация; территориальное планирование, градостроительное зонирование; документы территориального планирования.

MANAGEMENT OF MUNICIPAL TERRITORIES IN URBAN PLANNING ACTIVITIES

© 2020 *N. G. Ovchinnikova, E. I. Zhidkova, V. A. Timofeeva*

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to consider the process of managing the territories of municipalities through the conduct of urban planning activities, the purpose of which is to create the most favorable and comfortable conditions for the life of the population and the functioning of the city as an integral system as a whole.

The methodological base of the study is the analysis of the legal regulation of the system of territorial planning and development of the territories of municipalities, the architectural and aesthetic principles of the construction of construction projects, the use of which helps to improve the quality of life of the population on the territory, to increase the economic growth of the region.

The results of the study. An important result of this study is the identification of methodological prerequisites for the implementation of urban planning activities at the municipal level. All attention is focused on issues of design and development of municipal territories, legal regulation of the territorial planning system in the Russian Federation, existing principles for the construction of urban facilities. Thus, I would like to say that the adoption of urban planning decisions should be based on taking into account a wide variety of factors: architectural, legal, aesthetic, social, environmental, etc. Those decisions that take into account all these criteria in a complex and contribute to an increase in the quality of life will be considered effective people in the area.

The prospect of the study is an analysis aimed at revealing the mechanisms for the implementation of urban planning activities in the conditions of intensive development of the territories of municipalities.

Key words: urban planning; rational use; spatial configuration; territorial planning, urban zoning; territorial planning documents.

Введение. В настоящее время людей окружают большие города и густонаселённые пригороды, в связи с этим необходимо предусматривать ответственный подход к планированию застройки территорий [1, 2]. И поскольку в крупных городах уже мало свободной земли, то нужно профессионально подходить и к дальнейшему ее распределению. Чтобы эффективно застроить район, правильно рассчитать плюсы и минусы, и существует градостроительное проектирование [3], ведь именно от него зависит, насколько правильно будут построены жилые дома, здания, места отдыха, дороги и другие объекты, а соответственно, и безопасность горожан.

Градостроительное проектирование микрорайона должно отвечать определенным требованиям, возникшим в настоящее время. Концепция планировки микрорайона должна быть направлена на рациональное использование земельных ресурсов, не оказывать негативного воздействия на окружающую среду и не препятствовать эффективной жизнедеятельности населения [4, 5].

Актуальность работы заключается в том, что с каждым годом города развиваются все стремительнее. Развитие города как благоприятной среды жизнедеятельности человека предполагает наличие определенных градостроительных норм и правил, прописан-

ных в градостроительной документации [6]. В связи с этим важным условием при планировке населенного места является изучение законодательства в области градостроительства и планировки населенных мест. Помимо этого, для улучшения качества жизни населения при планировке необходимо учитывать природные и климатические факторы местности [7, 8].

Таким образом, под градостроительным проектированием понимается многосторонний комплексный процесс, в ходе которого формируются пространственная конфигурация, планировка и застройка территории. Во время этого процесса оптимизируется размещение объектов жилищного строительства, городского хозяйства и социальной сферы, транспортных и инженерных коммуникаций, формируется архитектурный облик, обеспечивается функциональная связь всех необходимых для эффективного функционирования города элементов, при этом в приоритет ставятся мероприятия, связанные с улучшением состояния городской среды. Перечисленные выше действия необходимо осуществлять с учетом интересов граждан, общественных и государственных интересов, а также национальных, историко-культурных, экологических, природных и иных особенностей определенных территорий [9, 10].

Другими словами, градостроительное проектирование – это комплексная работа, которая должна обеспечить население и субъектов предпринимательской деятельности объектами, правилами пользования землей и нормативами застройки. Ввиду разных экономических показателей, особенностей территории и климатической зоны, количества жителей и иных показателей для каждого населенного пункта, района и субъекта Российской Федерации эти нормативы будут отличаться. В результате этого градостроительное проектирование требует четкого понимания политических, социальных и экономических факторов [11].

Нормативно-правовая база обеспечения градостроительной деятельности. Основным нормативным документом для градостроительного проектирования является Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 года №190-ФЗ. В нем содержатся основные понятия, требования к порядку разработки и содержанию документов, полномочия органов местной и региональной

власти. Кроме этого, правовой основой служат Земельный кодекс Российской Федерации, Жилищный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации, а также законы и нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации. Законы и принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие отношения в области градостроительной деятельности, не могут противоречить Градостроительному кодексу Российской Федерации.

Законодательство о градостроительной деятельности является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это означает, что нормативно-правовые акты, принимаемые публичными субъектами системы градорегулирования нижних уровней власти, не могут противоречить законодательным и нормативно-правовым актам высших уровней, а изменения Федерального законодательства неизбежно требуют приведения в соответс-

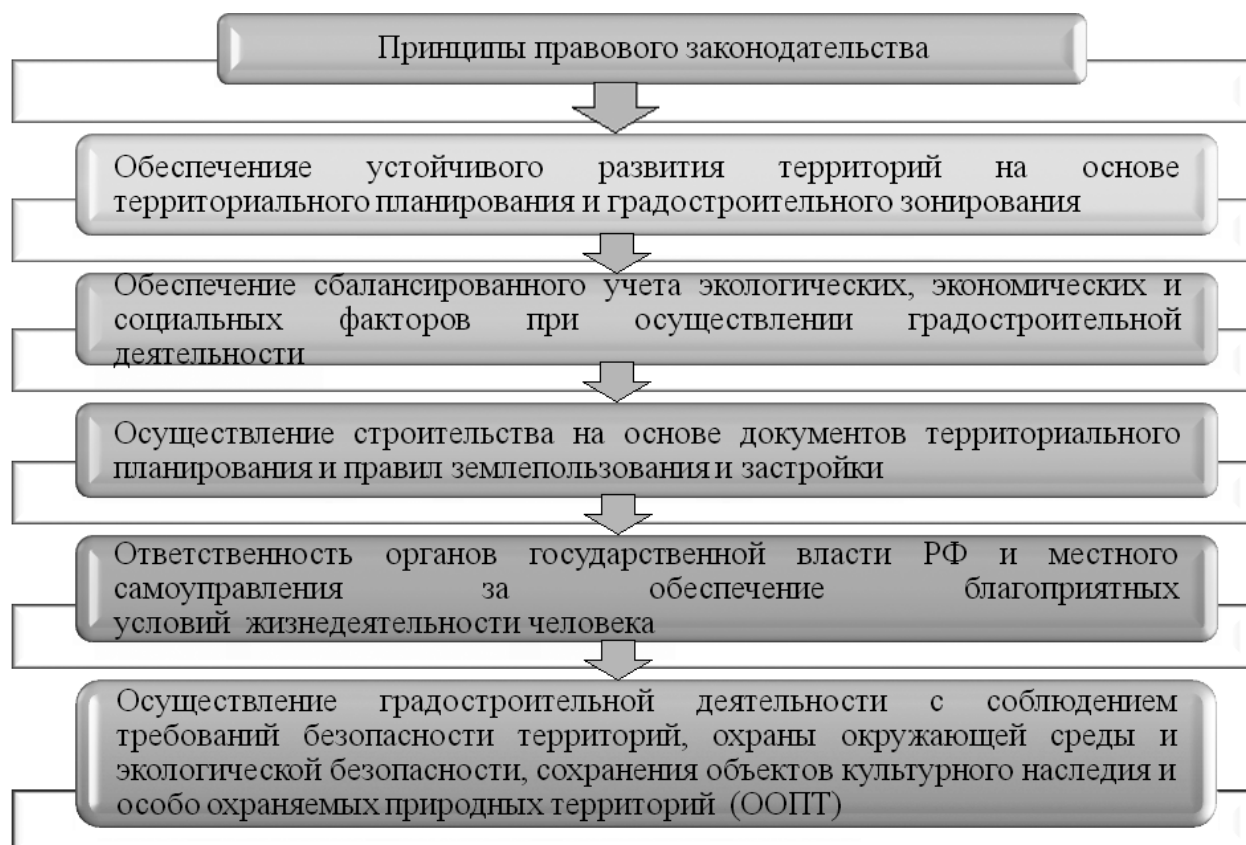

Рис. 1. Принципы правового законодательства о градостроительной деятельности

твие с федеральным законодательством всех нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Законодательство о градостроительной деятельности регулирует отношения по территориальному планированию, градостроительному зонированию, планировке территории, архитектурно-строительному проектированию, возведению и реконструкции объектов капитального строительства, а также капитальному ремонту в том случае, если он затрагивает конструктивные и иные параметры, характеризующие безопасность и надежность подобных объектов. В связи с этим правовое законодательство и изданные в соответствии с ним нормативно-правовые акты должны основываться на определенных принципах, представленных на рисунке 1.

Правовое регулирование вопросов градостроительной деятельности на муниципальном уровне. Как уже говорилось выше, органы местного самоуправления в рамках своих компетенций вправе принимать местные нормативно-правовые акты, регламентирующие градостроительную деятельность. Подобными нормативными правовыми актами признаются постановления глав муници-

палитетов, районов, городов, сел и поселков, специальных территорий, закрытых территориальных образований [12]. Все они устанавливают обязательные правила для населения самоуправляемых территорий, учреждений и организаций, осуществляющих свою деятельность в пределах этих территорий, и так или иначе отражают то разнообразие методов, способов, форм, в которых организовано и продолжает развиваться местное самоуправление в России [13]. Полномочия органов местного самоуправления представлены на рисунке 2.

В статье 18 Градостроительного кодекса Российской Федерации представлен перечень документов территориального планирования муниципального образования. Данный перечень документов представлен на рисунке 3.

Состав, порядок подготовки документов территориального планирования муниципальных образований, порядок подготовки изменений и внесения их в такие документы, а также состав, порядок подготовки планов реализации таких документов устанавливаются в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

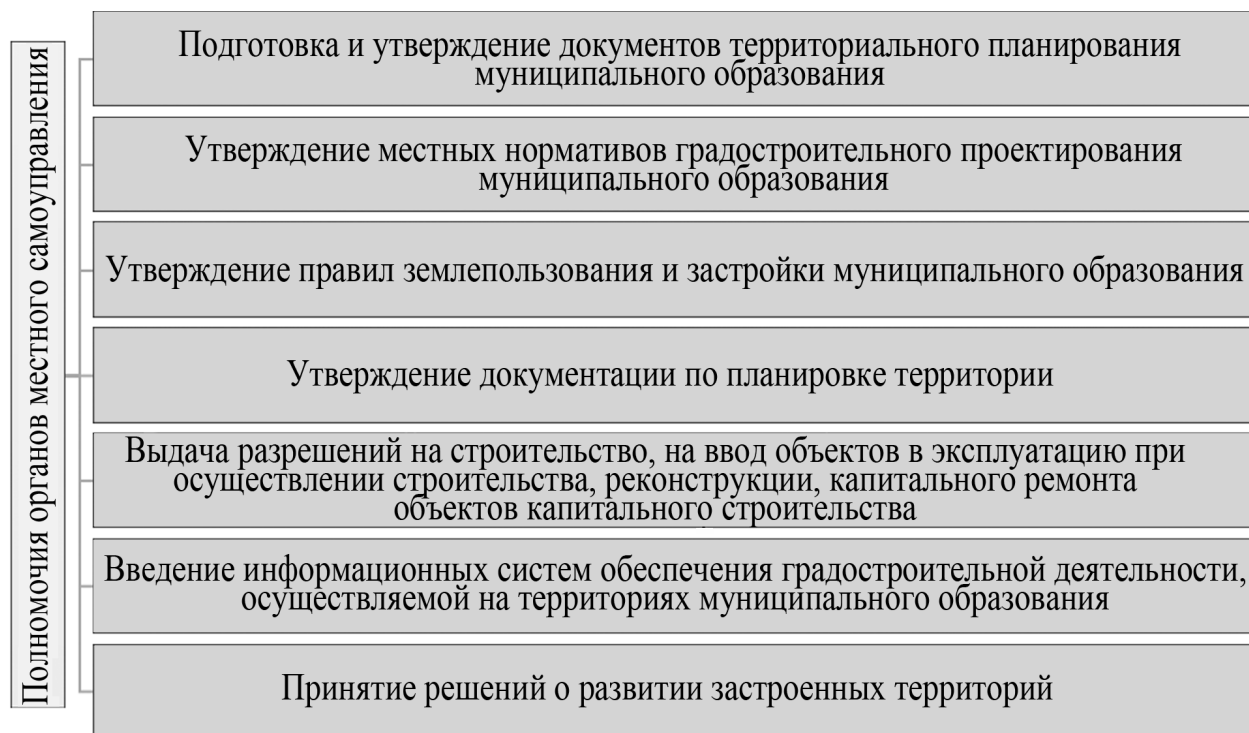

Рис. 2. Полномочия органов местного самоуправления

Схема территориального планирования муниципального образования является особым видом документации территориального планирования, которым должны располагать администрации муниципальных образований. На основании такого документа решаются вопросы, касающиеся земельно-имущественных отношений, а также дается разрешение на строительство и реконструкцию объектов капитального строительства. С одной стороны, схема территориального планирования является необходимым этапом документального оформления процесса хозяйственного развития территории, а с другой стороны, служит инструментом для определения возможных направлений развития территории.

Помимо схемы, согласно Градостроительному кодексу Российской Федерации одним из основных документов территориального планирования является и Генеральный план. Планировка, застройка, реконструкция и иные виды градостроительной деятельности выполняются на основании такого проектного документа. Важным элементом генерального плана является масштабное изображение, получаемое путем графического наложения чертежа проектируемого объекта на топографический, фотографический или инженерно-топографический план территории. Объектами проектирования могут быть как земельные участки со всеми архитектурными сооружениями, так и целые города или муниципальные районы [14].

Структура правовой основы управления в области градостроительной деятельности имеет определенные особенности, свойственные только ей. Правила землепользования и застройки и градостроительные регламенты, в частности, подготовленные и утвержденные органами местного самоуправления

поселений, муниципальных образований и городских районов, обязательны для исполнения не только физическими и юридическими лицами, но и представителями других органов публичной власти, других субъектов регулирования — Российской Федерацией, субъектов Российской Федерации.

При этом полномочия в управлении градостроительной деятельностью и градостроительного регулирования разных уровней публичной власти — Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления — не пересекаются между собой. Это означает, что не существует очередности в подготовке документов территориального планирования. В случае неимения документов территориального планирования Российской Федерации или ее субъектов органы местного самоуправления на землях, отнесенных к их ведению, могут осуществлять территориальное планирование в пределах своих компетенций. Именно такой подход и обеспечивает упорядоченный уровень в организации территории. При этом важным остается условие согласования проектов документов территориального планирования другими органами публичной власти, а также учет документов территориального планирования и документации по планировке территории при подготовке проектов градостроительного проектирования.

Можно сказать, что отсутствие подобных пересечений в полномочиях субъектов публичной власти создает необходимость использования совместных технологий в области подготовки документов территориального планирования [12, 15].

Отличительной чертой градостроительного регулирования является то, что население и владельцы недвижимости выступают равноправными субъектами регулирования

Рис. 3. Документы территориального планирования муниципальных образований

градостроительной деятельности. В связи с этим обязательным условием является проведение публичных слушаний, на которых рассматриваются различные вопросы правил землепользования и застройки.

Заключение. Как видим, градостроительное проектирование – это не мода или современный стиль общества, а вполне закономерный процесс, который включен в градостроительную систему, результатом которой является законченный строительный объект, соответствующий установленным нормативно-правовым актам, правилам и нормам, действующим на определенной территории.

Литература

1. *Овчинникова Н.Г.* Совершенствование управления градостроительным комплексом на территории Ростовской области. Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. — 2016. — С. 234–236.
2. *Овчинникова Н.Г.* Социо-эколого-экономическое моделирование процессов управления земельными ресурсами в сфере сельскохозяйственного производства / *Terra Economicus*. — 2011. — Т. 9. — №3-2. — С. 89–91.
3. *Овчинникова Н.Г.* Разработка и принятие проектных решений по организации рационального использования земельных ресурсов. Известия Ростовского государственного строительного университета. — 2011. — №15. — С. 225–230.
4. *Овчинникова Н.Г., Гончарова С.Н.* Оценка производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий. Интернет-журнал «Науковедение». — 2012. — №3 (12). — С. 112.
5. *Овчинникова Н.Г., Шумкова Е.С.* Учетно-регистрационный процесс в системе управления земельными ресурсами. Экономика и экология территориальных образований. — 2016. — №2. — С. 125–129.
6. *Русских А.В., Овчинникова Н.Г.* Значимость документов территориального планирования муниципального образования для ведения ЕГРН. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2017. — №4. — С. 285–289.
7. *Овчинникова Н.Г., Шмакова В.В.* Организация рационального использования земельных ресурсов при территориальном планировании муниципальных образований. Экономика и экология территориальных образований. — 2017. — №4. — С. 80–90.
8. *Овчинникова Н.Г., Алиева Н.В.* Территориальные условия организации использования земельных ресурсов / Инженерный вестник Дона. — 2012. — №3 (21). — С. 836–839.
9. *Овчинникова Н.Г.* Использование и охрана земельных ресурсов в системе рационального землепользования / Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2011. — №6 (78). — С. 83–91.
10. *Овчинникова Н.Г.* Организационно-территориальные аспекты использования земельных ресурсов / Инженерный вестник Дона. — 2011. — Т. 17. — №3. — С. 236–240.
11. *Овчинникова Н.Г.* Территориально-градостроительное развитие Ростовской области в современных условиях / Строительство и архитектура — 2015. Материалы международной научно-практической конференции ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Союз строителей Южного федерального округа, Ассоциация строителей Дона. — 2015. — С. 243–244.
12. *Чешев А.С., Овчинникова Н.Г.* Концептуальные основы формирования механизма устойчивого землепользования / *Terra economicus*. — 2008. — Т. 6. — №2-2. — С. 115–118.
13. *Чешев А.С., Овчинникова Н.Г.* Экологические аспекты формирования землепользования в новых условиях хозяйствования / *Terra economicus*. — 2008. — Т. 6. — №3-3. — С. 68–70.
14. *Овчинникова Н.Г., Чешев А.С.* Организационно-правовые формы хозяйствования в современных условиях / Инженерный вестник Дона. — 2011. — Т. 15. — №1. — С. 279–288.
15. *Новик Ю.С., Овчинникова Н.Г., Зерщиков А.М.* Основные направления градостроительного развития южного региона России / Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 227–229.

References

1. *Ovchinnikova N. G.* Sovershenstvovanie upravlenija gradostroitel'nym kompleksom na territorii Rostovskoj oblasti. Integracionnyy processy v sovremennom geojekonomicheskom prostranstve. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii [Improving the management of urban development in the Rostov region. Integration processes in the modern geoeconomic space. Materials of the scientific and practical conference]. — 2016. — Pp. 234–236.
2. *Ovchinnikova N. G.* Socio-jekologojekonomicheskoe modelirovanie processov upravlenija zemel'nymi resursami v sfere sel'skohozjajstvennogo proizvodstva [Socio-ecological and economic modeling of land management processes in the field of agricultural production] / *Terra Economicus*. — 2011. — Vol. 9. — №3-2. — Pp. 89–91.
3. *Ovchinnikova N. G.* Razrabotka i prinjatije proektnyh reshenij po organizacii racional'nogo ispol'zovanija zemel'nyh resursov. Izvestija Rostovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta [Development and adoption of design decisions on the organization of rational use of land resources. Proceedings of the Rostov state University of civil engineering]. — 2011. — №15. — Pp. 225–230.
4. *Ovchinnikova N. G., Goncharova S. N.* Ocenka proizvodstvennogo potenciala sel'skohozjajstvennyh predpriyatij [Assessment of the production potential of agricultural enterprises]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*. — 2012. — №3 (12). — Pp. 112.
5. *Ovchinnikova N. G., Shumkova E. S.* Uchetno-registracionnyy process v sisteme upravlenija zemel'nymi resursami. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Accounting and registration process in the land management system. Economics and ecology of territorial formations]. — 2016. — №2. — Pp. 125–129.
6. *Russkih A. V., Ovchinnikova N. G.* Znachimost' dokumentov territorial'nogo planirovanija municipal'nogo obrazovanija dlja vedenija EGRN. *Elektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU»* [Significance of territorial planning documents of a municipality for maintaining the unified state register of Russian regions. Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU»]. — 2017. — №4. — Pp. 285–289.
7. *Ovchinnikova N. G., Shmakova V. V.* Organizacija racional'nogo ispol'zovanija zemel'nyh resursov pri territorial'nom planirovanii municipal'nyh obrazovanij. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Organization of rational use of land resources in territorial planning of municipalities. Economics and ecology of territorial formations]. — 2017. — №4. — Pp. 80–90.
8. *Ovchinnikova N. G., Alieva N. V.* Territorial'nye uslovija organizacii ispol'zovanija zemel'nyh resursov [Territorial organization of land use] / *Inzhenernyj vestnik Dona* [Engineering journal of Don]. — 2012. — №3 (21). — Pp. 836–839.
9. *Ovchinnikova N. G.* Ispol'zovanie i ohrana zemel'nyh resursov v sisteme racional'nogo zemlepol'zovanija [Use and protection of land resources in the system of rational land use] / *Zemleustrojstvo, kadastr i monitoring zemel'* [Land management, cadastre and monitoring of lands]. — 2011. — №6 (78). — Pp. 83–91.
10. *Ovchinnikova N. G.* Organizacionno-territorial'nye aspekty ispol'zovanija zemel'nyh resursov [Organizational-territorial aspects of land use] / *Inzhenernyj vestnik Dona* [Engineering journal of Don]. — 2011. — Vol. 17. — №3. — Pp. 236–240.
11. *Ovchinnikova N. G.* Territorial'no-gradostroitel'noe razvitie Rostovskoj oblasti v sovremennyh uslovijah [Territorial and urban development of the Rostov region in modern conditions] / *Stroitel'stvo i arhitektura* — 2015. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii FGBOU VPO «Rostovskij gosudarstvennyj stroitel'nyj universitet», Sojuz stroitelej Juzhnogo federal'nogo okruga, Associacija stroitelej Dona [Construction and architecture-2015. Materials of international scientific-practical conference of FSBEI HPE «Rostov State Construction University», Union of builders of the Southern Federal district, Association of builders of Don]. — 2015. — Pp. 243–244.
12. *Cheshev A. S., Ovchinnikova N. G.* Konceptual'nye osnovy formirovanija mehanizma ustojchivogo zemlepol'zovanija [Conceptual bases of formation of mechanism of sustainable land management] / *Terra economicus*. — 2008. — Vol. 6. — №2-2. — Pp. 115–118.
13. *Cheshev A. S., Ovchinnikova N. G.* Jekologicheskie aspekty formirovanija zemlepol'zovanija v novyh uslovijah hozjajstvovanija

[Environmental aspects of land use in new conditions of managing] / Terra economicus. — 2008. — Vol. 6. — №3-3. — Pp. 68–70.

14. *Ovchinnikova N. G., Cheshev A. S.* Organizacionno-pravovye formy hozjajstvovaniya v sovremennyh uslovijah [Organizational-legal forms of managing in modern conditions] / Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering journal of Don]. — 2011. — Vol. 15. — №1. — Pp. 279–288.

15. *Novik Ju. S., Ovchinnikova N. G., Zershhikov A. M.* Osnovnye napravlenija grado-

stroitel'nogo razvitija juzhnogo regiona Rossii [Main directions of urban development of the southern region of Russia] / Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Organizational and economic problems of regional development in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference]. — 2017. — Pp. 227–229.

Поступила в редакцию

27 сентября 2020 г.

Овчинникова Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

Жидкова Екатерина Ивановна — магистрант кафедры экономики природопользования и кадастра Донского государственного технического университета.

Zhidkova Ekaterina Ivanovna — Master's Student of the Department of Environmental Economics and Cadastre, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

Тимофеева Виктория Анатольевна — магистрант кафедры экономики природопользования и кадастра Донского государственного технического университета.

Timofeeva Victoria Anatolievna — Master's Student of the Department of Environmental Economics and Cadastre, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 338.984

10.17213/2075-2067-2020-5-203-208

**О ПРОБЛЕМАХ ЕДИНООБРАЗНЫХ ПОДХОДОВ
К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

© 2020 г. А. Ю. Пинчук

*Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Россия*

Цель статьи заключается в поиске единообразия концептуального и нормативно-правового регулирования научно-технологического развития России.

Результаты исследования. Рассмотрены технологии, обеспечивающие его реализацию, и их закрепление в документах стратегического планирования. Выявляется соотношение научно-технологического развития и обеспечения национальной безопасности. В стратегическом планировании России сложились разнонаправленные представления о конкретных направлениях научно-технологического развития России. Динамика вызовов и угроз требует от органов государственной власти России большей гибкости и своевременности реагирования.

Перспективы исследования. Современная обстановка требует корректив Стратегии научно-технологического развития и гармонизации ее положений с другими документами стратегического планирования и, в первую очередь, со Стратегией национальной безопасности.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие; индустрия 4.0; цифровая экономика; нормативное регулирование.

**PROBLEMS OF UNIFORM APPROACHES
TO STRATEGIC PLANNING OF SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN RUSSIA**

© 2020 A. Y. Pinchuk

Moscow State University of Technology «STANKIN», Moscow, Russia

The purpose of the article is to find uniformity in the conceptual and legal regulation of scientific and technological development in Russia.

Research result. The technologies that ensure its implementation and their consolidation in strategic planning documents are considered. The correlation between scientific and technological development and national security is revealed. In the strategic planning of Russia, there are multidirectional ideas about specific areas of scientific and technological development of Russia. The dynamics of challenges and threats require more flexibility and timely response from the Russian state authorities.

Prospects of the study. The current situation requires adjustments To the strategy of scientific and technological development and harmonization of its provisions with other strategic planning documents and, first of all, with the national security Strategy.

Key words: *scientific and technological development; industry 4.0; digital economy; regulatory regulation.*

Введение. Как добиться того, чтобы многообразие концептуальных и программно-стратегических документов развития России не компенсировалось их слабой связью с реальной жизнью? И почему мы вообще наблюдаем эту картину? Что в таком случае является тем рычагом, с помощью которого можно перевернуть если не мир, то, во всяком случае, создать реальные механизмы ускорения государственного прогресса, а в ряде случаев и остановку деградации? Представляется, что речь может идти о научно-технологическом развитии, направленном на формирование современного народного хозяйства на основе цифровой экономики и ускоренное развитие производственного сектора.

Цифровая экономика и индустрия 4.0.

При этом следует иметь в виду, что распространенный сегодня бренд цифровой экономики получил существенное ускорение к распространению благодаря маркетинговому ходу немецкой компании «Сименс», которая при поддержке других крупных немецких корпораций в 2011 году заявила о наступлении новой (четвертой) технологической революции и в этой связи предложила концепцию «Индустрия 4.0» [1, 2].

Данный подход лег в основу продвижения новых подходов и услуг немецких компаний, объединенных содержанием данной концепции, в основе которых были выделены следующие технологические платформы:

— промышленный Интернет вещей (датчики и оборудование на производстве объединены в одну сеть иерархической структурой и подчинены единой системе управления производством);

— дополненная реальность (применима для различных целей, в том числе при выборе частей различных конструкций на складе, отображении инструкций по ремонту и обслуживанию оборудования и т. д.);

— большие данные (BIG DATA) и бизнес-аналитика (аналитика, основанная на работе с большим объемом данных, что позволяет оптимизировать качество продукции,

экономить энергию и повысить работоспособность оборудования);

— «облачные технологии» (применяются ведущими компаниями при решении многих задач, в частности, в программном обеспечении своей производственной деятельности и т. д.). Необходимость обработки больших баз данных требует дальнейшего совершенствования «облачных сервисов»;

— автономные роботы (т. е. гибкие и функционально независимые);

— горизонтальная и вертикальная интеграция систем (организация тесного взаимодействия как на различных уровнях внутри предприятия, так и между предприятиями-партнерами по производственному циклу);

— информационная безопасность (защищенный доступ, надежная связь, полный контроль доступа к сетям управления);

— аддитивное производство (освоение в промышленности аддитивных технологий, в том числе применение 3D-печати для прототипирования и производства отдельных деталей);

— цифровое моделирование, являющееся одним из базовых направлений реализации программы «Индустрия 4.0», которое будет активно применяться в производственных процессах, в том числе путем использования актуальных данных, получаемых с помощью виртуальной модели окружающего физического мира [3, 4].

В этой связи в практику вошли цифровые производственные ячейки, безлюдное производство, цифровые производственные двойники, цифровые стандарты, широкое внедрение бизнес-процессов на основе киберфизических систем и т. п.

Следует отметить, что официально закрепления концепт «Индустрия 4.0.» в Российской Федерации не получил, хотя и активно используется в научной и производственной сферах. А вот взаимоувязанная идеология в виде цифровой промышленности и цифровой экономики закреплена в соответствующем Паспорте национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”», утверж-

денном протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам №7 от 4 июня 2019 г. [5].

Одновременно с этим российским государством сформировано стратегическое представление о своем научно-стратегическом развитии и приоритетах в этой связи, отраженное в Стратегии научно-технологического развития, где были сформулированы приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации. Более того, в России приняты усилия по определению конкретных направлений реализации научно-технологической стратегии. Так, выделена площадка, получившая название «Новая технологическая инициатива», определены конкретные технологические решения, которые в будущем станут так называемыми «прорывными». В послании Федеральному собранию 4 декабря 2014 года Президент России Владимир Путин обозначил Национальную технологическую инициативу одним из приоритетов государственной политики. Миссией НТИ определено объединение бизнеса, вузов, институтов развития, экспертных и профессиональных сообществ, органов власти.

Указанный подход расширил представления о технологических перспективах. Однако дальнейшее концептуальное и нормативно-правовое регулирование реализации этих проектов опять ушло в сторону цифровой экономики в российской интерпретации, то есть в самостоятельную ИТ-сферу. Здесь, однако, следует обратить внимание на разобщенность и некоторую несогласованность в выделении стратегических для государства технологий. Мы наблюдаем три верхнеуровневых государственных стратегических основы, каждая из которых является приоритетной для органов власти и научно-технологического сообщества, затрагивает принципиальные проблемы развития и безопасности государства. Но в Стратегии национальной безопасности выделено 9 направлений, в Новой технологической инициативе их 10, а в Стратегии научно-технологического развития — 7.

Сравнительный анализ государственных стратегических основ научно-технологического развития. Попытаемся сравнить государственные стратегические осно-

вы научно-технологического развития на основе обращения к Стратегии национальной безопасности, к Новой технологической инициативе и к Стратегии научно-технологического развития (табл. 1).

Как мы видим, некоторые технологии не совпадают, дублирование частичное и разнонаправленное, много пробелов. При этом решения, принимаемые российским государством в сфере науки и технологий, ситуативно базируются на различных стратегических установках.

Например, летом 2020 года в нашей стране серьезное внимание было уделено генетическим исследованиям. Президент России Владимир Путин на совещании о развитии генетических технологий в России поручил создать национальную базу генетической информации. Проводимые Президентом совещания широко освещались СМИ как одно из важнейших направлений научно-технологического развития страны. По итогам предусмотрено создание отечественного лабораторного и научного оборудования, позволяющего проводить исследования мирового уровня в области генетических технологий; разработка школьных учебных курсов и модулей по генетике, организация повышения квалификации педагогов; создание национальных биоресурсных центров по направлениям федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы; обеспечение потребности в кадрах в области разработки и применения генетических технологий.

Как мы видим в приведенной таблице, генетические исследования отсутствуют в Стратегии научно-технологического развития и направлениях Научно-технологической инициативы (хотя в последней упоминаются «генетика, биотехнологии»). Можно было бы предположить, что генетика является частью приоритета «в) переход к персонализированной медицине». Однако геновая инженерия — это и, например, ГМО. Но это уже пищевые продукты с улучшенными свойствами, что относится к приоритету «г) создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания». Возможно, логика базируется на том, что это смежная для приоритетов технология. Однако геновая инженерия присутствует ключевым и са-

Таблица 1

Сравнительный анализ государственных стратегий научно-технологического развития

Стратегия научно-технологического развития	Новая технологическая инициатива	Стратегия нац. безопасности
Цифровые, интеллектуальные производственные технологии; роботизированные системы; новые материалы; способы конструирования; создание систем обработки больших объемов данных; машинное обучение; искусственный интеллект	Новые производственные технологии; сенсорика и компоненты робототехники; нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности; искусственный интеллект; системы распределенного реестра, или блокчейн; квантовые технологии; «Большие данные» (Big Data)	Робототехника; нанотехнологии; когнитивные технологии; природоподобные конвергентные технологии)
Экологически чистая, ресурсосберегающая энергетика, повышение эффективности добычи и переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии	Новые и портативные источники энергии	
Персонализированная медицина, технологии здоровьесбережения, в том числе за счет рационального применения лекарственных препаратов (прежде всего антибактериальных)	Технологии управления свойствами биологических объектов	Генная инженерия; биологические технологии
Высокопродуктивное и экологически чистое агро- и аквахозяйство, системы рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективная переработка сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных продуктов питания		
Противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства		
Интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, международные транспортно-логистические системы, освоение и использование космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики	Технологии беспроводной связи	Информационные и коммуникационные технологии

Технологии эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук		
--	--	--

мостоятельным направлением в Стратегии национальной безопасности. То есть в двух одноуровневых документах стратегического планирования данная технология имеет разный уровень фиксации, если вообще полноценно присутствует, при том что руководство страны ситуативно определяет важнейшей технологией направление, которое в ключевом документе, вероятно, забыли прямо упомянуть (или на момент написания проекта Стратегии научно-технологического развития недооценили его значимость).

С другой стороны, Искусственному интеллекту, отсутствующему в Стратегии национальной безопасности и предусмотренному Стратегией научно-технологического развития и Научно-технологической инициативой, государством уделено большое внимание. О его развитии принят отдельный Указ Президента России от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а решением Правительства России более 60 федеральных министерств и ведомств готовят «дорожные карты» по внедрению решений на основе искусственного интеллекта. Именно такая «наступательность» вполне логична при реализации согласованной государственной стратегии. При этом маловероятно, что столь значимый сегмент научно-технологического развития, затрагивающий важнейшие вопросы безопасности общества и государства, находится вне сферы национальной безопасности.

Заключение. Таким образом, мы наблюдаем рассогласованность в методологии и подходах. Это свидетельствует о серьезных недоработках в вопросах формирования единой системы нормативно-правового регулирования научно-технологического развития Российской Федерации во взаимосвязи

с обеспечением национальной безопасности и трансформацией социально-политических процессов.

В этой связи можно сделать следующие выводы. Во-первых, в стратегическом планировании России сложились разнонаправленные представления о конкретных направлениях научно-технологического развития России. Во-вторых, динамика вызовов и угроз требует от органов государственной власти России большей гибкости и своевременности реагирования. Современная обстановка требует корректив Стратегии научно-технологического развития и гармонизации ее положений с другими документами стратегического планирования, и, в первую очередь, со Стратегией национальной безопасности.

Литература

1. Революционный темп: Индустрия 4.0. Концепция «Индустрия 4.0» приживается на отечественном рынке [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://siemens.rbc.ru/article2.html> (Дата обращения: 12.09.2020).
2. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. — СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. — 807 с.
3. *Плакиткин Ю. А.* Программы «Индустрия 4.0» и «Цифровая экономика Российской Федерации» — возможности и перспективы в угольной промышленности // Горная Промышленность. — 2018. — №1 (137). — С. 22–28.
4. *Рябинская С. С.* Информатизация общества в России: особенности формирования и сопутствующие угрозы // Концепт. — 2013. — Т. 4. — С. 276–280.
5. *Харичкин И. К.* Проблемы обеспечения национальной безопасности в условиях ста-

новления цифровой экономики России // Аллея Науки. — 2018. — №6 (22). — С. 703–709.

6. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. — Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. — 131 с.

References

1. Revoljucionnyj temp: Industrija 4.0. Konceptija «Industrija 4.0» prizhivaetsja na otechestvennom rynke [Revolutionary pace: industry 4.0. the Concept of «Industry 4.0» takes root in the domestic market] [Jelektronnyj resurs] — URL: <http://siemens.rbc.ru/article2.html> (Date accessed: 12.09.2020).

2. Cifrovaja transformacija jekonomiki i promyshlennosti: problemy i perspektivy [Digital transformation of the economy and industry: problems and prospects] / In A. V. Babkina (eds.). — Saint-Petersburg: Izd-vo Politehn. unta, 2017. — 807 p.

3. Plakitkin Ju. A. Programmy «Industrija 4.0» i «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» — vozmozhnosti i perspektivy v ugol'noj

promyshlennosti [Programs «Industry 4.0» and «Digital economy of the Russian Federation» — opportunities and prospects in the coal industry] // Gornaja Promyshlennost' [Mining Industry]. — 2018. — №1 (137). — Pp. 22–28.

4. Rjabinskaja S. S. Informatizacija obshhestva v Rossii: osobennosti formirovanija i soputstvujushhie ugrozy [Informatization of society in Russia: peculiarities of formation and related threats is considered] // Koncept. — 2013. — Vol. 4. — Pp. 276–280.

5. Harichkin I. K. Problemy obespechenija nacional'noj bezopasnosti v uslovijah stanovlenija cifrovoj jekonomiki Rossii [Problems of national security in the conditions of formation of the digital economy of Russia] // Alleja Nauki [Avenue of Science]. — 2018. — №6 (22). — Pp. 703–709.

6. Razvitie cifrovoj jekonomiki v Rossii kak kljuchevoj faktor jekonomicheskogo rosta i povyshenija kachestva zhizni naselenija: monografija [Digital economy development in Russia as a key factor for economic growth and improved quality of life: monograph]. — Nizhnij Novgorod: Professional'naja nauka, 2018. — 131 p.

Поступила в редакцию

28 сентября 2020 г.

Пинчук Андрей Юрьевич — доктор политических наук, первый проректор Московского государственного технологического университета «СТАНКИН».

Pinchuk Andrey Yurevich — Doctor of Political Sciences, first Vice-rector, Moscow State University of Technology «STANKIN».

127055, г. Москва, Вадковский пер., 3А
3A Vadkovsky ln., 127055, Moscow, Russia
E-mail: pakt77@mail.ru

УДК 338.462

10.17213/2075-2067-2020-5-209-223

ГОСУДАРСТВО КАК КЛЮЧЕВОЙ СТЕЙКХОЛДЕР В РАМКАХ ПЕРСПЕКТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ СС(U)S В РОССИИ¹

© 2020 г. Н. В. Ромашева, А. А. Ильинова, О. О. Евсеева

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Проблема сокращения выбросов углекислого газа (CO₂) является сегодня широко обсуждаемой во всем мире. В последние годы возрастает роль технологий секвестрации CO₂, как ключевого направления в обеспечении глобальной цели по предотвращению изменения климата. Данные технологии позволяют улавливать CO₂, выделяемый в энергоемких производственных процессах, тем самым предотвращая его попадание в атмосферу. Применение технологий секвестрации CO₂ осуществляется в рамках СС(U)S (carbon capture, utilization and storage) проектов, предполагающих захват, а в некоторых случаях использование и захоронение CO₂.

Мировой опыт внедрения СС(U)S технологий свидетельствует об их экологической результативности, однако повсеместному тиражированию СС(U)S проектов препятствует ряд экономических, технических и организационных ограничений. В условиях существующих барьеров актуальным признается формирование стратегического подхода, направленного на гармонизацию интересов по отношению к технологиям секвестрации CO₂ в системе «государство — бизнес — общество», что позволит ускорить их внедрение в различных секторах экономики.

Целью данного исследования является обоснование значимости участия государства в распространении СС(U)S технологий, а также анализ перспектив применения существующих инструментов государственного регулирования развития технологий секвестрации CO₂ при реализации СС(U)S проектов в России.

Основные результаты исследования представлены в виде систематизации существующих в мировой практике инструментов государственного регулирования реализации СС(U)S проектов, оценки их применимости в России, а также комплекса рекомендаций для распространения российских СС(U)S проектов. Основными методами исследования выступали такие методы, как декомпозиция, систематизация и классификация, карта аргументов с ориентацией на актуальные практические материалы по тематике работы.

Ключевые слова: углекислый газ; секвестрация CO₂; государственное регулирование; СС(U)S проекты.

THE STATE AS A KEY STAKEHOLDER IN THE PROSPECTS OF IMPLEMENTATION OF CC(U)S PROJECTS IN RUSSIA

© 2020 N. V. Romasheva, A. A. Ilinova, O. O. Evseeva

Saint Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russia

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00210 «Разработка методологии оценки общественной эффективности проектов секвестрации углекислого газа»).

The problem of reducing carbon dioxide (CO₂) emissions is today widely discussed throughout the world. In recent years, the role of CO₂ sequestration technologies has been increasing as a key area in the strategy of the global mitigation goal. These technologies capture CO₂ emitted from energy-intensive industrial processes, thereby preventing it from entering the atmosphere. The application of CO₂ sequestration technologies is carried out in CC (U) S (carbon capture, use and storage) projects involving capture, in some cases use of CO₂ and storage.

The world experience in the implementation of CC(U)S technologies proves their environmental performance, however, the widespread replication of CC(U)S projects is hampered by a number of economic, technical and organizational constraints. In the context of existing barriers, the formation of a strategic approach aimed at harmonizing interests in relation to CO₂ sequestration technologies in the «state — business — society» system is recognized as relevant, which will accelerate their implementation in various sectors of the economy.

The purpose of this study is to substantiate the importance of state participation in the spreading of CC(U)S technologies, as well as to analyze the prospects for using existing instruments of state regulation of the development of CO₂ sequestration technologies in the implementation of Russian CC(U)S projects.

The main results of the study are presented in the form of a systematization of existing instruments of state regulation of the development of the CC(U)S direction, an assessment of their applicability in Russia, as well as a set of recommendations for the development of Russian CC(U)S projects. The main research methods were such methods as decomposition, systematization and classification, a map of arguments with a focus on relevant practical materials on the topic of the work.

Key words: carbon dioxide; CO₂ sequestration; state regulation; CC(U)S projects.

Введение. Изменение климата и глобальное потепление, по мнению многих ученых, связаны с увеличением в атмосфере Земли количества парниковых газов, включая CO₂. Диоксид углерода является наиболее распространенным парниковым газом, который поступает в атмосферу как из естественных источников, так и антропогенных [1].

По данным компании ВР, объем выбросов CO₂ в мире в 2018 году достиг своего максимума (33,9 млрд. т), увеличившись на 2,1%, что является максимальным темпом роста за предшествующие 7 лет [9]. Наибольшая часть выбросов приходится на сектор транспорта (28%), далее следуют сектор электроэнергетики (27%) и промышленность (22%) [20]. Россия занимает четвертое место в мире по объемам выбросов (1,55 млрд. т в 2018 году — 4,5% от общемировых) после Китая (27,8%), США (15,1%) и Индии (7,2%) [9].

Снижение количества выбросов CO₂ является сегодня значимой задачей глобального уровня. Изменение климата представляет собой не только масштабную экологическую проблему, но и способствует разнонаправ-

ленным изменениям во многих отраслях промышленности, тем самым влияя на мировую экономику [3]. Необходимость поиска путей минимизации негативного влияния на климатическую систему и разработки скоординированных стратегий выступила катализатором для активизации процессов международного сотрудничества в этой области. Глобальные механизмы, разрабатываемые в целях предотвращения изменений климата, формируют одновременно дополнительные обязательства и возможности для повышения конкурентных преимуществ среди стран, нацеленных на устойчивое развитие.

В условиях тенденции к декарбонизации заметное место занимают технологии секвестрации CO₂. Международное энергетическое агентство и Международная группа экспертов ООН по изменению климата признают, что без крупномасштабного распространения данных технологий реализация целей по сокращению выбросов не представляется возможной [22].

Технологии секвестрации постепенно внедряются по всему миру на предприятиях

различных отраслей промышленности [7]. По оценкам аналитиков, вклад технологий секвестрации CO₂ в снижение концентрации CO₂ в мировом масштабе к 2050 г. должен составлять не менее 13% [12].

Секвестрация CO₂ позволяет улавливать до 90% выбросов двуокиси углерода, образующихся в крупномасштабных энергоемких процессах, таких как производство цемента и стали, химическая обработка, производство водорода и выработка электроэнергии, предотвращая эмиссию вещества в атмосферу [22].

Секвестрация CO₂ представляет собой совокупность технологий, которые можно разделить на три группы: улавливание и хра-

нение углерода (carbon capture and storage — CCS); улавливание и использование углерода (carbon capture and utilization — CCU); улавливание, использование и захоронение (carbon capture, utilization and storage — CCUS) [21]. Технологии CCS связаны с улавливанием и захоронением углекислого газа в геологических формациях и водоносных структурах. Технологии CCUS и CCU предполагают использование CO₂, что позволяет получить коммерческий эффект. Направлениями использования CO₂ в проектах CCUS являются повышение нефте- и газоотдачи, извлечение метана из угольных пластов, извлечение жидких минеральных ресурсов

Таблица 1

**Концептуальное представление особенностей развития проектов CC(U)S
(составлено авторами)**

Показатель	Проекты CCS	Проекты CCUS	Проекты CCU
Сущность проекта	Захват и захоронение CO ₂	Захват, захоронение и использование CO ₂	Захват и использование CO ₂
Цель реализации	Экологический эффект Повышение имиджа страны и участников Доступ к технологиям и информации	Коммерческий эффект (при возможности) Инновационно-технологическое развитие производств Экологический эффект Ответственное инвестирование Повышение имиджа участников	
Ранжирование ключевых участников*	1. Государство 2. Общество 3. Бизнес	1. Бизнес 2. Государство 3. Общество	1. Бизнес 2. Государство
Экономические аспекты	Не являются коммерческими, высокий уровень капитальных и эксплуатационных затрат, отсутствие дохода	Возможно получение коммерческого эффекта, однако, величина капитальных и эксплуатационных затрат на текущем уровне развития технологий достаточно велика и может быть не сопоставима с доходами	
Технологические аспекты	Технологический цикл апробирован, особое внимание к захоронению и мониторингу хранилищ	Технологический цикл в стадии апробации и масштабирования, особое внимание к технологиям использования CO ₂ , захоронению и мониторингу хранилищ	Технологический цикл в стадии развития, особое внимание к технологиям использования CO ₂
Социальные аспекты	Снижение выбросов в регионе, социальные инвестиции в развитие региона, создание новых рабочих мест		
* в зависимости от роли участника в системе «государство — бизнес — общество»			

и воды. Направлениями использования CO_2 в проектах CCU являются производство углеродных видов топлива, химических веществ, строительных материалов, а также использование CO_2 для повышения урожайности.

В таблице 1 представлено концептуальное видение и анализ особенностей развития проектов с выделением сущности и цели реализации, а также определением характе-

ристик по экономическим, технологическим и социальным аспектам.

CC(U)S проекты дают возможность гибкого перехода к снижению выбросов. В отличие от более радикальных механизмов декарбонизации (отказа от использования органического топлива, перехода на альтернативную энергетику и пр.), они не требуют замены глобальной инфраструктуры и подде-

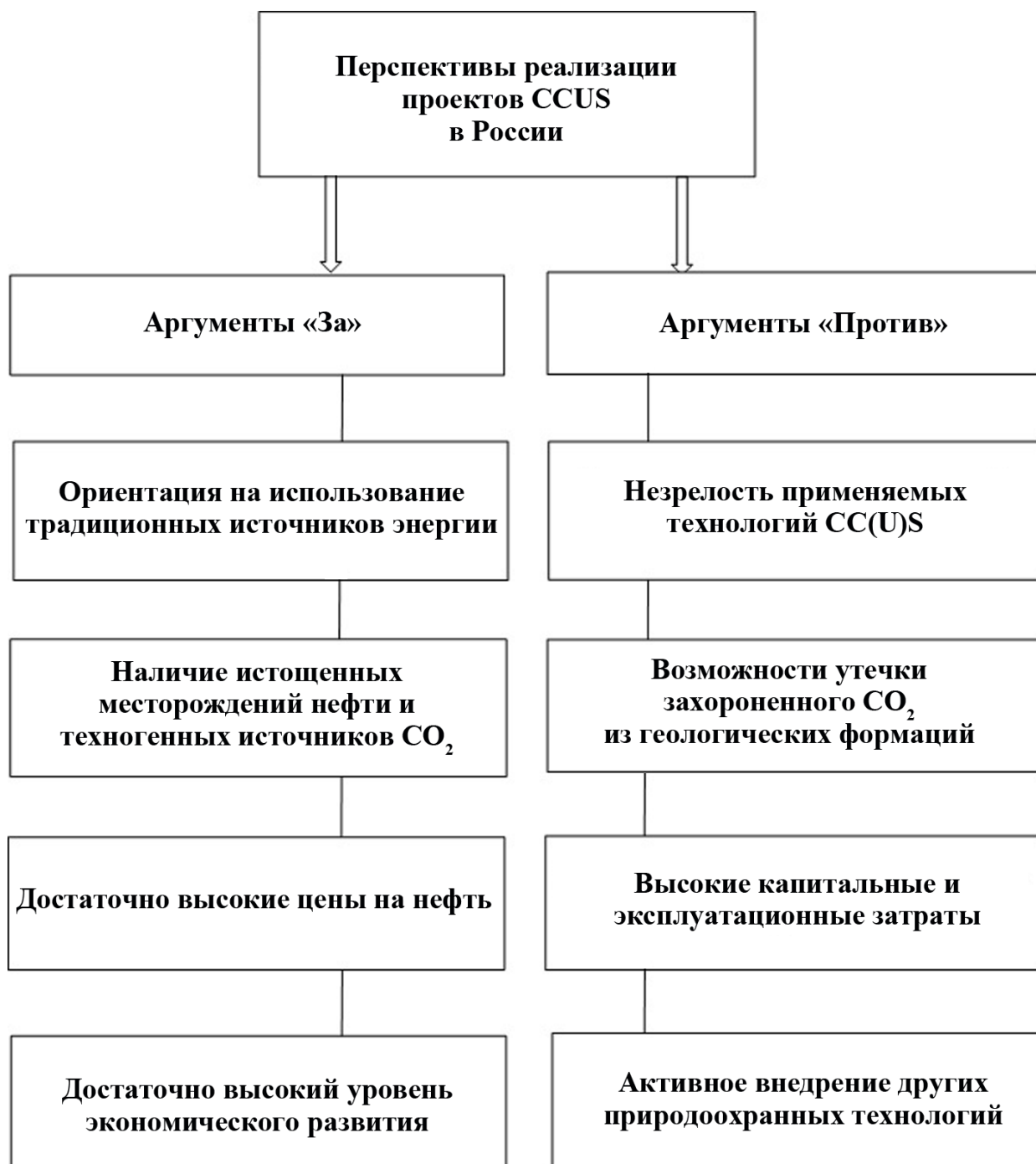

Рис. 1. Аргументационная карта реализации проектов CC(U)S в России (составлено авторами)

рживают отрасли, сохраняя тем самым рабочие места и налоговые поступления [22].

Роль государства в развитии технологий секвестрации CO₂. При текущем уровне развития технологий секвестрации CO₂ государственное регулирование играет определяющую роль для активизации развития CC(U)S проектов; их распространение требует целенаправленного политического вмешательства через механизмы популяризации и поддержки, а также систему стимулов и ограничений [4, 5]. В странах, занимающих активную позицию по вопросу снижения эмиссии CO₂, общепризнанным является тот факт, что государственное участие имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы проекты CC(U)S инициировались, геологическое хранение CO₂ было безопасным и эффективным, природные ресурсы эффективно использовались, бизнес проявлял интерес к таким проектам, а общество признавало эту технологию [6, 8].

На данный момент времени на территории Российской Федерации не реализуется ни один из CC(U)S проектов, однако по ряду причин их внедрение является перспективным (рисунок 1).

В существующей литературе [10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 24], а также в ранее проведенных авторами исследованиях [19] было выявлено, что государственное регулирование эмиссии парниковых газов имеет определяющее значение в распространении технологий секвестрации CO₂. При этом роль государства в экологическом развитии должна быть представлена как побуждающими, так и поддерживающими механизмами.

Участие государства в широкомасштабном распространении технологий CC(U)S должно быть направлено одновременно на снижение существующих барьеров и стимулирование хозяйствующих субъектов к использованию технологий CC(U)S. Ключевыми барьерами для начала реализации проектов секвестрации CO₂ сегодня являются высокие капитальные

Таблица 2

Направления деятельности государства в распространении технологий секвестрации CO₂ (составлено авторами)

Направление государственной политики	Содержание
Транслирование приверженности сокращению выбросов парниковых газов	Ориентир на сокращение эмиссии CO ₂ в масштабах всей национальной экономики, государственные программы развития технологий CC(U)S
Поддержка операционной эффективности технологий CC(U)S	Предоставление налоговых преференций участникам CC(U)S проектов. Минимизация рисков, в т.ч. связанных с реализацией продукции, производимой с применением CCUS
Информационное сопровождение	Масштабное распространение в обществе информации о содержании технологии CC(U)S; содействие повышению ее имиджа
Нормативное регулирование	Устранение правовых барьеров в развитии индустрии CC(U)S, стимулирование производственного сектора к сокращению эмиссии парниковых газов путем введения установленных ограничений по объемам выбросов
Государственное финансирование	Целевое финансирование научных исследований и разработок в сфере сокращения эмиссий CO ₂ , государственные инвестиции в инфраструктуру CC(U)S
Международное сотрудничество	Содействие созданию условий для обмена передовым опытом в области сокращения эмиссий парниковых газов; развитие международной интеграции в рамках совместного осуществления проектов

и операционные затраты, значительные коммерческие, технические и организационные риски CC(U)S проектов, низкая осведомленность общества о преимуществах данных технологий, противодействие со стороны природоохранных организаций [2, 23]. В связи с этим целесообразно выделить следующие основополагающие направления политики государства в данной области (таблица 2).

Технологии секвестрации требуют инвестиций как на стадии разработки, так и на стадии внедрения на объектах, способствуют возникновению дополнительных рисков, тем самым повышая привлекательность альтернативы «без применения CC(U)S» для хозяйствующих субъектов. В отсутствие прямого экономического эффекта (например, для технологий CCS), принятие решения в пользу технологии в большинстве случаев будет связано с необходимостью выполнения установленных требований.

Процесс реализации CC(U)S проектов до момента их выхода на эксплуатационную стадию может быть достаточно продолжительным. Даже в случае наличия у проектов коммерческого эффекта длительный период окупаемости и отсутствие проектов-аналогов может негативно отразиться на принятии инвестиционного решения. Поддержка государством подобных инициатив помимо прямых экологических результатов позволит получить эффекты, связанные с заинтересованностью бизнеса в реализации российских проектов секвестрации CO₂, в том числе с применением отечественных технологий.

Государственное регулирование развития CC(U)S проектов. По мнению Global CCS Institute, комплексная нормативно-правовая основа для поддержки расширения масштабов CCS в мире пока не разработана [12]. При этом отмечается, что в отсутствие последовательной государственной политики частный сектор не будет внедрять технологии секвестрации в объеме, необходимом для достижения целей по смягчению последствий изменения климата [12]. В работе [19] доказано, что успешность реализации CC(U)S проектов в ведущих странах мира, таких как США, Канада, Великобритания, Япония, Китай и др., напрямую зависит от разнообразия создан-

ной нормативно-правовой базы, используемых методов стимулирования.

Практическая значимость государственной политики определяется инструментами государственного регулирования, влияющими на функционирование конкретной системы. Авторами настоящего исследования был проанализирован перечень потенциально возможных инструментов государственного регулирования развития направления CC(U)S в России. Результат анализа представлен в таблицах 3 и 4.

Административные механизмы регулирования активно используется с целью охраны окружающей среды. Различные законодательные акты, стандарты, регулирующие выбросы вредных веществ, препятствующие образованию и складированию отходов производства, прямые запреты на использование опасных технологий ограничивают свободу компаний. С помощью экономических инструментов государственные структуры воздействуют на компании с целью обеспечения их необходимого поведения путем воздействия на материальные интересы. При этом экономические и административные инструменты государственного регулирования взаимосвязаны. Так, любой инструмент, относящийся к экономическим, несет в себе элементы администрирования, поскольку контролируется той или иной государственной структурой. По нашему мнению, особое внимание должно уделяться организационным инструментам государственного регулирования, поскольку они формируют эффективные институциональные условия, способствующие внедрению и распространению CC(U)S проектов.

Применение широкого спектра инструментов государственного регулирования развития CC(U)S проектов допустимо, однако проведенные исследования по данной проблеме показали, что первоочередное значение для компаний, инвестирующих в CC(U)S проекты, имеют экономические инструменты, а также предсказуемость и гибкость нормативно-правовой базы.

На основе анализа зарубежного опыта государственного регулирования CC(U)S проектов, а также изучения законодательства об охране окружающей среды авторами сформулированы рекомендации по созданию

политической и нормативной базы, стимулирующей реализацию и распространение CC(U)S проектов. Данные рекомендации даны по группам инструментов государственного регулирования и включают следующее.

1. Административные инструменты. В России приняты основополагающие законы по охране окружающей среды, установлены

нормативы допустимого воздействия на окружающую среду, однако нарушение нормативов нефтегазовыми компаниями пока еще не приводит к серьезным финансовым потерям. В целях охраны окружающей среды и распространения CC(U)S проектов необходимо постепенно ужесточать существующее законодательство.

Таблица 3

**Инструменты государственного регулирования развития CC(U)S проектов
(составлено авторами)**

Инструменты государственного регулирования	Для CC(U)S проектов России*
<i>Экономические</i>	
1. Парижское соглашение о климате	V
2. Климатическая и энергетическая политика государства (дорожные карты снижения выбросов)	V
3. Государственные программы, стратегии реализации проектов CCS, дорожные карты по сокращению выбросов CO ₂	V
4. Налог на выбросы CO ₂	X
5. Налоговые льготы для компаний, реализующих проекты CCS	V
6. Налоговый кредит	V
7. Схемы торговли выбросами	X
<i>Административные</i>	
8. Специфические законы, связанные с улавливанием и захоронением CO ₂	V
9. Экологическое законодательство (законы о качестве воды, воздуха и об отходах)	V
10. Стандарт, ограничивающий концентрацию CO ₂ в газе	X
11. Прямая финансовая поддержка реализации проектов CC(U)S различными государственными фондами и структурами	V
12. Государственная поддержка научно-исследовательских и опытно конструкторских работ	V
<i>Организационные</i>	
13. Межправительственное международное сотрудничество по проектам CCS	V
14. Процесс выдачи разрешений на хранение CO ₂	V
15. Государственные институты и организации по продвижению технологий CCS	V
16. Предсказуемая правовая база	V
17. Государственные программы по продвижению экологически ответственного бизнеса	V
18. Средства обучения на всех уровнях образования	V
* V – инструмент может быть использован для условий России; X – не целесообразно использовать для условий России	

Таблица 4

**Характеристика инструментов государственного регулирования
развития CC(U)S проектов (составлено авторами)**

№	Сущность
<i>Экономические</i>	
1	Регулируют меры по снижению содержания CO ₂ в атмосфере с 2020 года, ратификация соглашения способствует реализации любых типов проектов CC(U)S, в свою очередь, выход из соглашения может оказать негативное влияние на их интенсификацию
2	Имеют существенное значение для распространения любых типов проектов CC(U)S, если в данных документах отражены цели и разработаны мероприятия по сокращению выбросов парниковых газов
3	Стимулируют реализацию и распространение любых типов проектов CC(U)S в случае их понятной и четкой формулировки, а также соответствия стратегической и климатической политике
4	Являются эффективным механизмом сокращения выбросов CO ₂ во многих странах мира и стимулом к реализации любых природоохранных проектов, однако оказывают негативное влияние на коммерческую эффективность деятельности компаний и не целесообразны к применению в России
5	Применяются во многих странах для стимулирования реализации демонстрационных проектов CC(U)S, не предусматривающих получение дополнительных экономических эффектов
6	Предоставляются только в США, что связано с развитой системой законодательства в данной стране и сложностью использования данного механизма в случае, если улавливание и захоронение CO ₂ осуществляется разными компаниями
7	Могут рассматриваться как эффективный механизм стимулирования реализации проектов CCS, согласно которому устанавливаются обязательства по сокращению выбросов для участников рынка и распределяются квоты на выбросы, которые могут покупаться участниками с целью компенсации чрезмерных выбросов или продаваться в случае соблюдения экологических нормативов. В России данный механизм не планируется к применению в среднесрочной перспективе в связи с отсутствием утвержденных документов, определяющих процедуры и правила торговли квотами
<i>Административные</i>	
8	Регулируют транспортировку, наземное и морское хранение CO ₂ , устанавливают правила и порядок оценки объема возможного захоронения CO ₂ . Только в некоторых странах данные законы создают четкую правовую основу и не противоречат другим законодательным актам, регулирующим разведку и добычу углеводородов, хранение природного газа, добычу питьевой воды и т.д.
9	Действуют во многих странах мира и стимулируют компании к внедрению природоохранных технологий, в том числе всех видов технологий улавливания и захоронения CO ₂ , за счет высоких штрафов за его нарушение
10	Действуют на территории некоторых добывающих углеводороды государств, что делает необходимым удаление газа во время обработки и его полезное использование и приводит к необходимости реализации любых типов проектов CC(U)S

Окончание таблицы 4

11	Имеют решающее значение для развития и распространения низкоуглеродных технологий. Большинство проектов были поддержаны государственными структурами разных уровней управления. Важен баланс между государственной поддержкой и инвестициями бизнеса. Для проектов CCUS государственная поддержка на коммерческой стадии нецелесообразна
12	Являются обязательным условием для внедрения технологий CC(U)S. Такая поддержка направлена на снижение рисков и затрат, и в то же время увеличение доступных ресурсов
<i>Организационные</i>	
13	Играют важную роль в обмене опытом и распространении технологий CC(U)S по всему миру. Правительства многих стран предоставляют финансирование для проектов CC(U)S в сотрудничестве с другими странами и через существующие программы и учреждения
14	Являются критически важной нормативной проблемой, с которой сталкиваются компании, реализующие проекты CC(U)S в различных регионах мира. Многие проекты по всему миру были отложены или отменены из-за сложного процесса выдачи разрешений на хранение CO ₂
15	Действуют во многих странах мира и способствуют ускорению развития проектов CC(U)S. Создавая различные источники информации, такие учреждения могут иметь решающее значение для информирования общественности и восприятия технологий CCS(U)
16	Необходимы для развертывания CC(U)S технологий, как на национальном, так и на международном уровне. Из-за широкого спектра индивидуальных и уникальных условий в каждом проекте CC(U)S важно иметь гибкое, но предсказуемое законодательство
17	Побуждают компании рассматривать экологически ответственный бизнес как часть своей деятельности, что стимулирует реализацию природоохранных мер, включая проекты CC(U)S
18	Обеспечивают школьников и студентов знаниями о существующих экологических проблемах и путей их решения, способствуют осознанию важности и роли проектов CC(U)S в устойчивом развитии

Перед началом реализации CC(U)S проектов следует создать не противоречащее законодательство, регулирующее улавливание, захват, захоронение, утилизацию и транспортировку CO₂. Отсутствие специального законодательства может стать поводом для переноса или отмены таких проектов. На данный момент времени специфические законы, регулирующие реализацию проектов CCS, в России не приняты.

Низкая коммерческая эффективность, сложность технологий, высокие капитальные и операционные затраты делают финансовую поддержку решающей на начальном этапе реализации CC(U)S проектов. Сегодня

в России предусмотрена государственная поддержка для региональных инвестиционных проектов, специальных инвестиционных контрактов и т.д., однако в связи с отсутствием в планах реализации проектов CC(U)S финансовая поддержка для них пока не планируется. Также не осуществляется финансирование НИОКР в области исследования технологий улавливания и захоронения CO₂, тем не менее, за счет средств различных бюджетов покрываются затраты на исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники. Для успешной реализации CC(U)S проектов, в первую очередь, важно создать адрес-

ные, стабильные, сбалансированные и динамичные программы финансовой поддержки СС(U) технологий, чтобы обеспечить уверенность инвесторов и преодолеть высокие первоначальные затраты.

2. Экономические инструменты. Россия ратифицировала Парижское соглашение 23 сентября 2019 года, однако реальных механизмов по снижению выбросов CO₂ до сих пор не разработано. В России принята Энергетическая стратегия, однако вопросы снижения выбросов CO₂ не относятся к числу приоритетных направлений развития энергетики; большое внимание уделяется перспективам использования альтернативных источников энергии. Для внедрения и реализации СС(U) проектов необходимо включить цель по сокращению выбросов CO₂ и соответствующие инициативы в энергетическую стратегию, а также разработать дорожные карты на государственном уровне.

В налоговом кодексе России предусмотрен широкий спектр налоговых льгот при освоении нефтегазовых месторождений. Целесообразным является предусмотреть льготные ставки при исчислении налога на добычу нефти, полученной в результате повышения коэффициента нефтеотдачи за счет использования CO₂.

В России инвестиционный налоговый кредит предоставляется на срок до 5, в ряде случаев до 10 лет, однако применяется он только для налога на прибыль, а также региональных и местных налогов. Целесообразным представляется применение налогового кредита также для СС(U)S проектов.

3. Организационные инструменты. Для распространения СС(U)S проектов необходимо предусмотреть участие в международных программах и проектах, создать эффективный механизм выдачи разрешений на захоронение CO₂, повышать информированность общественности, взаимодействовать с неправительственными организациями, стимулировать компании к экологически ответственной деятельности, а также создать систему для результативного скоординированного взаимодействия между компаниями, заинтересованными в реализации СС(U)S проектов.

Заключение. Проекты секвестрации CO₂ являются стратегическими и с момента

их инициации (при должной государственной поддержке, нормативно-правовой базе и применении мер административного характера) будут реализовываться на протяжении десятков лет. При этом некоторые виды таких проектов по своей природе не являются коммерческими. Наряду с возможностью генерации дохода по мере развития технологий важной представляется экологическая и социальная направленность, а также роль СС(U)S проектов в формировании экологически направленного сознания общества. Это определяет необходимость применения совершенно иных подходов к управлению ими как на уровне хозяйствующего субъекта, так и на уровне государства.

В результате проведенного исследования авторами получены следующие результаты.

1. Обоснована значимость участия государства в развитии направления СС(U)S. Выявлены, систематизированы и охарактеризованы инструменты государственного регулирования развития СС(U)S проектов. Новизна результатов заключается в представлении списка таких инструментов, их классификации и определении возможности применения в условиях России. В ранее проведенных зарубежных исследованиях рассматривались либо отдельные инструменты государственного регулирования, либо был представлен ограниченный их перечень без сущности. Применительно к России данный вопрос не исследовался, в ряде работ выполнен анализ инструментов государственного регулирования, применяемых в США, Норвегии, Европе. Однако, представленное в работе деление инструментов на административные, экономические и организационные носит дискуссионный характер и требует дальнейшего более тщательного обоснования с определением степени важности для каждого типа СС(U) проекта.

2. По группам инструментов государственного регулирования разработаны рекомендации по созданию нормативно-правовой базы, стимулирующей реализацию и распространение СС(U)S проектов в России. Для условий России ранее такие исследования не проводились, однако данные рекомендации носят скорее общий характер и будут детализированы в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Голубева А. С., Магарил Е. Р. Обоснование необходимости сокращения эмиссии CO₂ автомобильным транспортом // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. — 2012. — №2. — С. 109–117.
2. Евсеева О. О., Ильинова А. А., Череповицын А. Е. Согласование интересов ключевых стейкхолдеров при реализации проектов секвестрации CO₂ // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2018. — №4 (60). — С. 133–141.
3. Любарская М. А., Меркушева В. С., Зиновьева О. С. Участие России в международном сотрудничестве в сфере сокращения выбросов парниковых газов энергетическими компаниями // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2019. — №3. — С. 377–390.
4. Ромашева Н. В., Каблан И. Б. К. Зарубежный опыт нормативно-правового регулирования проектов улавливания и захоронения углекислого газа // Экономика и предпринимательство. — 2019. — №9 (110). — С. 864–868.
5. Ромашева Н. В., Крук М. Н., Череповицын А. Е. Особенности мировых проектов секвестрации CO₂ // Российский экономический интернет-журнал. — 2018. — №4. — С. 97.
6. Череповицын А. Е. и др. Ключевые социально-экономические аспекты развития секвестрации углекислого газа: Монография. — СПб.: ЛЕМА, 2019. — 229 с.
7. Череповицын А. Е., Васильев Ю. Н., Цветкова А. Ю. Оценка перспектив внедрения технологий секвестрации CO₂ // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. — 2018. — №2. — С. 86–89.
8. Череповицын А. Е., Ильинова А. А., Евсеева О. О. Управление стейкхолдерами проектов секвестрации углекислого газа в системе «государство — бизнес — общество» // Записки горного института. — 2019. — Т. 240. — С. 731–742.
9. BP: Statistical Review of World Energy — 2019 edition [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/bp-statistical-review-of-world-energy> (Дата обращения: 12.08.2020).
10. Budinis S., Krevor S., Mac Dowell N., Brandon N., Hawkes A. An assessment of CCS costs, barriers and potential // Energy Strategy Reviews. DOI: 10.1016/j.esr.2018.08.003. — 2018. — Vol. 22. — Pp. 61–81.
11. Burton E., Ezzedine S., Reed J., Beyer J. Accelerating Carbon Capture and Sequestration Projects: Analysis and Comparison of Policy Approaches // Energy Procedia. — 2011. — Vol. 4. — Pp. 5778–5785.
12. Global CCS Institute. Policy priorities to incentivise large scale deployment of CCS [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.globalccsinstitute.com/resources/publications-reports-research/policy-priorities-to-incentivise-large-scale-deployment-of-ccs/> (Дата обращения: 01.09.2020).
13. Hasan M. F., First E. L., Boukouvala F., Floudas C. A. A multi-scale framework for CO₂ capture, utilization, and sequestration: CCUS and CCU // Computer Aided Chemical Engineering. — 2015. — Vol. 81. — Pp. 2–21.
14. Henriksen D., Ombudstvedt I. CCS — What Does it Take? Necessary Framework to Succeed with CCS // GHGT-12, Energy Procedia. DOI: 10.1016/j.egypro.2014.11.708. — 2014. — Vol. 63. — Pp. 6730–6737.
15. Herzog H. Financing CCS Demonstration Projects: Lessons Learned from Two Decades of Experience // Energy Procedia. DOI: 10.1016/j.egypro.2017.03.1708. — 2017. — Vol. 114. — Pp. 5691–5700.
16. Krahe M., Heidug W., Ward J., Smale R. From demonstration to deployment: An economic analysis of support policies for carbon capture and storage // Energy Policy. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.05.019. — 2013. — Vol. 60. — Pp. 753–763.
17. Lipponen J., McCulloch S., Keeling S., Stanley T., Berghout N., Berly T. The Politics of Large-scale CCS Deployment // Energy Procedia. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.egypro.2017.03.1890>. — 2017. — Vol. 114. — Pp. 7581–7595.
18. Mardones C., Baeza N. Economic and environmental effects of a CO₂ tax in Latin American countries // Energy Policy. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.12.001. — 2018. — Vol. 114. — Pp. 262–273.
19. Romasheva N., Ilinova A. CCS Projects: How Regulatory Framework Influences Their Deployment [Электронный ресурс] // Resources. — 2019. — Vol. 8(4), 181. — Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/resources8040181>.

20. Sources of Greenhouse Gas Emissions [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.epa.gov/ghgemissions/sources-greenhouse-gas-emissions> (Дата обращения: 10.09.2020).

21. *Tsvetkov P.S., Cherepovitsyn A.E., Fedoseev S.V.* The Changing Role of CO₂ in the Transition to a Circular Economy: Review of Carbon Sequestration Projects // Sustainability. — 2019. — №11. — Pp. 1–19.

22. What Is Carbon Capture and Storage (CCS)? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ccsknowledge.com/what-is-ccs> (Дата обращения: 19.08.2020).

23. ZERO Policy instruments for large-scale CCS [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.zero.no/wp-content/uploads/2016/06/policy-instruments-for-large-scale-ccs.compressed.pdf> (Дата обращения: 01.09.2020).

24. *Zhao X., Yin H., Zhao Y.* Impact of environmental regulations on the efficiency and CO₂ emissions of power plants in China // Applied Energy. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.03.112. — 2015. — Vol. 149. — Pp. 238–247.

References

1. *Golubeva A.S., Magaril E.R.* Obosnovanie neobходимosti sokrashheniya jemissii CO₂ avtomobil'nym transportom [Justification of the need to reduce CO₂ emissions by road transport] // Vestnik URFU. Seriya: Jekonomika i upravlenie [Urfu Bulletin. Series: Economics and management]. — 2012. — №2. — Pp. 109–117.

2. *Evseeva O.O., Il'ina A.A., Cherepovitsyn A.E.* Soglasovanie interesov kljuchevykh stekholderov pri realizacii proektov sekvestracii CO₂ [Coordination of interests of key stakeholders in the implementation of CO₂ sequestration projects] // Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka [The North and the market: shaping the economic order]. — 2018. — №4(60). — Pp. 133–141.

3. *Ljubarskaja M.A., Merkusheva V.S., Zinov'eva O.S.* Uchastie Rossii v mezhdunarodnom sotrudnichestve v sfere sokrashheniya vybrosov parnikovyykh gazov jenergeticheskimi kompanijami [Russia's Participation in international cooperation in reducing greenhouse gas emissions by energy companies] // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [RUDN Bulletin. Series: International relations]. — 2019. — №3. — Pp. 377–390.

4. *Romasheva N.V., Kablan I.B.K.* Zaru-bezhnyj opyt normativno-pravovogo regulirovaniya proektov ulavlivanija i zahoroneniya uglekislogo gaza [Foreign experience of regulatory regulation of carbon dioxide capture and disposal projects] // Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]. — 2019. — №9(110). — Pp. 864–868.

5. *Romasheva N.V., Kruk M.N., Cherepovitsyn A.E.* Osobennosti mirovykh proektov sekvestracii CO₂ [Features of global CO₂ sequestration projects] // Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal [Russian economic online journal]. — 2018. — №4. — P. 97.

6. *Cherepovitsyn A.E. et al.* Kljuchevyje social'no-jekonomicheskie aspekty razvitiya sekvestracii uglekislogo gaza: Monografija [Key socio-economic aspects of the development of carbon dioxide sequestration: Monograph]. — Saint-Petersburg: LEMA, 2019. — 229 p.

7. *Cherepovitsyn A.E., Vasil'ev Ju. N., Cvetkova A. Ju.* Ocenka perspektiv vnedrenija tehnologij sekvestracii CO₂ [Assessment of prospects for implementing CO₂ sequestration technologies] // RISK: Resursy, Informacija, Snabzhenie, Konkurencija [RISC: Resources, Information, Supply, Competition]. — 2018. — №2. — Pp. 86–89.

8. *Cherepovitsyn A.E., Il'ina A.A., Evseeva O.O.* Upravlenie stekholderami proektov sekvestracii uglekislogo gaza v sisteme «gosudarstvo — biznes — obshhestvo» [Managing stakeholders of carbon sequestration projects in the «state — business — society» system]. // Zapiski gornogo instituta [Notes of the mining Institute]. — 2019. — Vol. 240. — Pp. 731–742.

9. BP: Statistical Review of World Energy — 2019 edition [Elektronnyj resurs] — URL: <https://nangs.org/analytics/bp-statistical-review-of-world-energy> (Date accessed: 12.08.2020).

10. *Budinis S., Krevor S., Mac Dowell N., Brandon N., Hawkes A.* An assessment of CCS costs, barriers and potential // Energy Strategy Reviews. DOI: 10.1016/j.esr.2018.08.003. — 2018. — Vol. 22. — Pp. 61–81.

11. *Burton E., Ezzedine S., Reed J., Beyer J.* Accelerating Carbon Capture and Sequestration Projects: Analysis and Comparison of Policy Approaches // Energy Procedia. — 2011. — Vol. 4. — Pp. 5778–5785.

12. Global CCS Institute. Policy priorities to incentivise large scale deployment of CCS [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.globalccsinstitute.com/resources/publications-reports-research/policy-priorities-to-incentivise-large-scale-deployment-of-ccs/> (Date accessed: 01.09.2020).
13. *Hasan M.F., First E.L., Boukouvava F., Floudas C.A.* A multi-scale framework for CO₂ capture, utilization, and sequestration: CCUS and CCU // *Computer Aided Chemical Engineering*. — 2015. — Vol. 81. — Pp. 2–21.
14. *Henriksen D., Ombudstvedt I.* CCS — What Does it Take? Necessary Framework to Succeed with CCS // *GHGT-12, Energy Procedia*. DOI: 10.1016/j.egypro.2014.11.708. — 2014. — Vol. 63. — Pp. 6730–6737.
15. *Herzog H.* Financing CCS Demonstration Projects: Lessons Learned from Two Decades of Experience // *Energy Procedia*. DOI: 10.1016/j.egypro.2017.03.1708. — 2017. — Vol. 114. — Pp. 5691–5700.
16. *Krahe M., Heidug W., Ward J., Smale R.* From demonstration to deployment: An economic analysis of support policies for carbon capture and storage // *Energy Policy*. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.05.019. — 2013. — Vol. 60. — Pp. 753–763.
17. *Lipponen J., McCulloch S., Keeling S., Stanley T., Berghout N., Berly T.* The Politics of Large-scale CCS Deployment // *Energy Procedia*. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.egypro.2017.03.1890>. — 2017. — Vol. 114. — Pp. 7581–7595.
18. *Mardones C., Baeza N.* Economic and environmental effects of a CO₂ tax in Latin American countries // *Energy Policy*. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.12.001. — 2018. — Vol. 114. — Pp. 262–273.
19. *Romasheva N., Ilinova A.* CCS Projects: How Regulatory Framework Influences Their Deployment [Jelektronnyj resurs] // *Resources*. — 2019. — Vol. 8 (4), 181. — URL: <https://doi.org/10.3390/resources8040181>.
20. Sources of Greenhouse Gas Emissions [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.epa.gov/ghgemissions/sources-greenhouse-gas-emissions> (Date accessed: 10.09.2020).
21. *Tsvetkov P.S., Cherepovitsyn A.E., Fedoseev S.V.* The Changing Role of CO₂ in the Transition to a Circular Economy: Review of Carbon Sequestration Projects // *Sustainability*. — 2019. — №11. — Pp. 1–19.
22. What Is Carbon Capture and Storage (CCS)? [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://ccsknowledge.com/what-is-ccs> (Date accessed: 19.08.2020).
23. ZERO Policy instruments for large-scale CCS [Jelektronnyj resurs] — URL: <https://www.zero.no/wp-content/uploads/2016/06/policy-instruments-for-large-scale-ccs.compressed.pdf> (Date accessed: 01.09.2020).
24. *Zhao X., Yin H., Zhao Y.* Impact of environmental regulations on the efficiency and CO₂ emissions of power plants in China // *Applied Energy*. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.03.112. — 2015. — Vol. 149. — Pp. 238–247.

Поступила в редакцию

23 сентября 2020 г.

Ромашева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Организация и управление» Санкт-Петербургского горного университета. Основные научные интересы: государственное регулирование горнодобывающего комплекса, инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса, управление рисками при реализации проектов в нефтегазовой промышленности, экологическое воздействие предприятий топливно-энергетического комплекса на окружающую среду, альтернативные источники энергии.

Romasheva Natalia Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Organization and Management, Saint Petersburg Mining University. Main research interests: state regulation of the mining complex, innovative development of oil and gas enterprises, risk management in the implementation of projects in the oil and gas industry, environmental impact of fuel and energy complex enterprises on the environment, alternative energy sources.

199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, д. 2
Vasilievsky isl., 21 line, 2, 199106, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: smirnova_nv@pers.spmi.ru

Ильинова Алина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Организация и управление» Санкт-Петербургского горного университета. Основные научные интересы: стратегическое развитие минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплекса, инновационные технологии в сфере природопользования, освоение и инновационное развитие Арктических регионов, развитие технологий секвестрации углекислого газа, развитие промышленно-сырьевых комплексов в Арктике.

Ilinova Alina Alexandrovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Organization and Management, Saint Petersburg Mining University. Main research interests: strategic development of the mineral and fuel and energy complex, innovative technologies in the field of nature management, development and innovative development of the Arctic regions, development of carbon sequestration technologies, development of industrial and raw materials complexes in the Arctic.

199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, д. 2
Vasilievsky isl., 21 line, 2, 199106, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: Ilinova_AA@pers.spmi.ru

Евсеева Ольга Олеговна — аспирант кафедры «Организация и управление» Санкт-Петербургского горного университета. Основные научные интересы: проектный подход в минерально-сырьевом комплексе, устойчивое развитие нефтегазодобывающих предприятий, стратегическое развитие минерально-сырьевых центров Арктической зоны РФ.

Evseeva Olga Olegovna — Graduate Student of the Department of Organization and Management, Saint Petersburg Mining University. Main research interests: project approach in the mineral resource complex, sustainable development of oil and gas production enterprises, strategic development of mineral resource centers in the Arctic zone of the Russian Federation.

199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, д. 2
Vasilievsky isl., 21 line, 2, 199106, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: s185097@stud.spmi.ru

УДК 004+658

10.17213/2075-2067-2020-5-224-240

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ИНДИКАТОРОВ
УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ, РОССИИ И ШВЕЦИИ)¹**

© 2020 г. Г. Н. Хубаев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является анализ и прогнозирование динамики индикаторов уровня развития экономики страны. Расчеты проведены на данных Всемирного банка по Германии, России и Швеции.

Методологическую базу исследования представляют экономическая теория, идеи и рекомендации, содержащиеся в работах Мориса Алле (M. Allais) и Фредерика Хайека (F. Hayek), экономико-математические методы и модели.

Результаты исследования. Выделено с использованием оригинальных методов подмножество определяющих факторов из исходного множества большой мощности. Построено более двух десятков регрессионных моделей для прогнозирования динамики ВВП страны и ожидаемой продолжительности жизни граждан — R^2 скорр $\approx 0,9$; $F_{кр} \gg 100$, $b_i/b_{bi} \gg 2$. Средняя ошибка прогноза за 10-летний период по исследуемым странам — менее 5% при лаге независимых переменных от одного до трех лет. Проведен расчет ошибок функций отклика с использованием имитационного моделирования. Обнаружено, что величина ошибок функций отклика даже у моделей с близкими численными значениями статистических характеристик качества существенно отличается.

Перспектива исследования состоит в том, что полученное в процессе исследований доказательство статистической и содержательной обоснованности влияния на динамику индикаторов уровня развития экономики выделенного оригинального подмножества определяющих факторов обеспечило возможность исполнительной государственной власти в различных странах мира более целенаправленно и активно содействовать ускоренному развитию экономики, ориентируясь на созданные конкретные модели и конкретные независимые переменные.

Ключевые слова: динамика индикаторов; ВВП страны; продолжительность жизни; регрессионные модели; имитационное моделирование; ошибки прогноза.

**FORECASTING THE DYNAMICS OF INDICATORS
OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF THE COUNTRY'S ECONOMY:
MODELS, METHODS, TOOLS
(ON THE EXAMPLE OF GERMANY, RUSSIA AND SWEDEN)**

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — проект 18-010-00806/18 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)».

© 2020 G. N. Khubaev

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to analyze and forecast the dynamics of indicators of the level of development of the country's economy. The calculations are based on world Bank data for Germany, Russia and Sweden.

The methodological basis of the research is economic theory, ideas and recommendations contained in the works of Maurice Allais and Frederick Hayek, economic and mathematical methods and models.

Research result. Using original methods, a subset of determining factors from the original high-power set is selected. More than two dozen regression models were built to predict the dynamics of the country's GDP and the life expectancy of citizens — $R^2_{\text{своп}} \approx 0,9$; $F_{\text{кр}} \gg 100$, $b_i/\sigma_{b_i} \gg 2$. The average forecast error over a 10-year period for the studied countries is less than 5% with a lag of independent variables from one to three years. Errors of response functions are calculated using simulation modeling. It is found that the magnitude of errors in response functions differs significantly even for models with similar numerical values of statistical quality characteristics.

The prospect study is that the research evidence of the statistical and substantive validity of the influence on the dynamics of indicators of level of economic development highlighted in the original subset of determinants provided the opportunity for the Executive state power in various countries of the world more deliberately and actively promote the accelerated development of the economy, focusing on a specific model and specific independent variables.

Key words: dynamics of indicators; country's GDP; life expectancy; regression models; simulation modeling; forecast errors.

Введение. В мире две сотни стран ориентируются *на рыночную* экономику, а результаты социально-экономического развития этих стран почему-то *разные*. Да и *скорость* появления *позитивных изменений* в экономике стран мира *тоже разная* (см. данные ООН и Всемирного банка). Причём, как оказалось, *ни климат, ни площадь территории, ни географическая широта, ни даже наличие или отсутствие полезных ископаемых почему-то не оказывают существенного влияния* на самые главные экономические показатели и результаты.

Странная ситуация, на первый взгляд, получается: все заинтересованы, но не все могут (или не знают, как изменить ситуацию, переломить исходное состояние в нужном направлении). Но ведь для того, чтобы успешно *управлять процессом* ускоренного развития экономики страны и *ростом* уровня жизни граждан, *необходимо знать ответы* на вопросы:

— на *какие факторы-показатели* следует *воздействовать*, чтобы получить нужный результат — *ожидаемое значение функции отклика*;

— *какова степень* влияния этих факторов на уровень развития экономики и уровень жизни граждан;

— *как сформировать оптимальный состав независимых переменных* для прогнозирования функции отклика;

— *и как определить, насколько заметно отражается на динамике функции отклика скорость приращения* некоторых содержательно и статистически значимых факторов;

— *главное — с каким запаздыванием (лагом) проявляется влияние* тех или иных факторов на динамику функции отклика и *какова степень* этого влияния;

— *и, конечно, каковы затраты ресурсов* на реализацию каждого фактора, на величину *инвестиций* в каждый фактор-показатель.

Но, оказывается, совсем не просто сформировать необходимые исходные данные, чтобы ответить на поставленные вопросы. Ведь в открытых статистических данных, сформированных ООН и Всемирным банком, представлены сведения о значениях *нескольких тысяч* экономических показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития стран мира. И как выбрать необходимое подмножество определяющих факторов из множества столь большой мощности?

Здесь мы, продолжая ранее начатые исследования (см., например, [1–3]), используем оригинальный метод выделения (с оценкой величины лага) ограниченного подмножества объектов (*факторов, признаков, показателей*) из исходного множества достаточно большой мощности, содержащего сотни и тысячи объектов. При выполнении расчетов использованы данные *Всемирного банка*, характеризующие уровень социального и экономического развития *Германии, России и Швеции*.

[Пояснение. Почему выбраны именно эти три страны? Во-первых, **Германия** — это реальный «донор» ЕС, который со времен «немецкого чуда» (порожденного в начале 50-х годов прошлого века в результате действий команды Людвиг Эрхарда) продолжает успешно выявлять и реализовывать приоритетные, как оказалось, направления развития страны. **Россия** — это страна, 20 лет назад приступившая к социально-экономическим преобразованиям в условиях *массовой нищеты, убыли населения, развала экономики* (см., например, [4, 11] и/или в [1] страницу «Как мы жили 20 лет назад»), смогла за ничтожно малый (по историческим меркам) промежуток времени осуществить (по результатам социально-экономического развития) поразительный скачок, позволивший добиться *непрерывного* (с 2003 г.) *роста* ожидаемой продолжительности жизни граждан (ОПЖ) и *ежегодного* увеличения в течение 8 последних лет количества лиц старше 100 лет. **Швеция** — это страна не только с *относительно ограниченным запасом используемых* полезных ископаемых, но и почему-то с долгоживущими (с 2003 г. ОПЖ ≥ 80 лет) и к тому же с самыми счастливыми в мире гражданами (наряду с Финляндией, Норвегией и Данией), такое

заключение вынесли эксперты британского центра Legatum, опубликовавшие «рейтинг счастья», в котором оценены 104 страны мира.

Во-вторых, мы полагаем, что органы исполнительной власти этих стран вместе с Всемирным банком осуществляют достаточно строгий контроль за уровнем достоверности данных государственной статистики.]

1. Регрессионные модели для прогнозирования ОПЖ граждан и ВВП страны с оценкой характеристик потребительского качества. В процессе исследований, направленных на выделение определяющих факторов-показателей, осуществлялся предварительный отбор искомого подмножества факторов из множества претендентов с использованием метода [8, 13]. В последующем уменьшение размерности пространства факторов выполнено путем экспертных опросов по методу пошагового уточнения ранжирования объектов-факторов [7]. В результате исходный состав факторов уменьшался в среднем на порядок. При этом стало возможным проводить *сравнительный анализ* статистических характеристик качества построенных регрессионных моделей и *разной структуры, и *с разным составом факторов — независимых переменных.

Оценка значимости факторов и величины лага влияния проведена при использовании исходной информации в *относительных* единицах (отношение численных значений показателей по годам рассматриваемого периода).

По каждой из стран представлены *сформированный состав *независимых переменных* в регрессионных моделях, *статистические характеристики степени влияния переменных на функцию отклика с указанием величины лага.

При выделении подмножеств определяющих факторов, оказывающих основное влияние на исследуемые функции отклика (на ВВП страны и ожидаемую продолжительность жизни граждан), использованы сведения из базы Всемирного банка за период в 10–12 лет по 2015 год включительно. Одновременно оказалось, что с декабря 2019 года и в 2020 году для оценки потребительского качества построенных моделей можно воспользоваться содержащимися в базе Всемирного банка данными по ВВП и ОПЖ анали-

зируемых стран *дополнительно* ещё за 2–3 года, т.е. за 2016, 2017 и иногда за 2018 годы. Поэтому *при сравнительном анализе прогнозных свойств* построенных моделей использованы сведения о значениях функций отклика за период до 2017 года или, при наличии требуемой информации, до 2018 года, причем в расчетах использовались и фактические данные (абсолютная шкала), и относительные значения (ежегодный прирост значений функций отклика). Что касается независимых переменных, то они, как и ранее, представлены в относительных единицах за весь период до 2015 года — как приращения за период от одного до трех лет, т.е. с учетом запаздывания с влиянием на функцию отклика (лага).

Для каждой страны и рассматриваемых функций отклика представлены регрессионные модели, обладающие лучшими статистическими характеристиками потребительского качества и минимальными ошибками функций отклика (ВВП и ОПЖ).

[Пояснение 2. Характеристики потребительского качества построенных моделей оцениваются используемыми в статистике показателями: b_i/σ_{bi} , $R^2_{ск}$, $F_{кр}$. В представленных ниже моделях при неизменной функции отклика изменяется только состав независимых переменных.]

После выполнения расчетов по каждой из функций отклика в изучаемых странах получены регрессионные модели с достаточно хорошими и практически одинаковыми статистическими характеристиками потребительского качества как для абсолютных, так и относительных значений. Однако, исходя из *прикладной полезности* для управления инвестиционной деятельностью государства (*путем изменения налоговой политики, компенсации доли кредита, целевой финансовой помощи административно-территориальным образованиям и др.*), для сравнительной оценки потребительского качества выделены и здесь представлены модели с лучшими статистическими характеристиками и функцией отклика в *относительных* единицах, т.е. с величиной *ежегодного приращения* функции отклика — приращения ВВП на душу населения, ППС; ВВП на одного работающего и ОПЖ граждан. Исходная информация представлена в таблицах 1–7.

1.1. Функция отклика Y_1 — Ожидаемая продолжительность жизни граждан за период с 2006 по 2017 годы.

*Швеция. Исходная информация представлена в таблице 1.

Все три модели имеют вид:

$$Y_{01} = b_1 * X_1, \text{ где:}$$

Таблица 1

Исходная информация по Швеции — ОПЖ

Год	Значения ОПЖ, Y_i	Значения Y_i/Y_{i-1}	Модель 1. Значения X_1	Модель 2. Значения X_1	Модель 3. Значения X_1
2006	80,75		1,088659	1,012386	0,97913
2007	80,9	1,001858	1,07342	1,023981	1,007906
2008	81,1	1,002472	1,062381	1,014645	1,002307
2009	81,35	1,003098	1,021045	1,022601	0,974342
2010	81,45	1,001229	0,994739	0,983958	0,952197
2011	81,80	1,004312	1,355728	1,303169	1,014874
2012	81,70	0,998807	1,042476	0,999	1,049969
2013	81,95	1,003075	1,034755	0,999828	1,020248
2014	82,25	1,003631	1,022794	1,020674	0,99603
2015	82,20	0,999407	1,016734	1,017482	0,994964
2016	82,30	1,001246			
2017	82,30	1,0			

1) Модель с X_1 — X_1 — относительное приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (за один год, текущие, в долларах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,93; \sigma_{b_1} = 0,028; b_1/\sigma_{b_1} = 32,8; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,88; F_{кр} = 1077,98.$$

Значимость $F_{кр} = 8,08E-10$.

2) Модель с X_1 — относительное приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение (за один год, в % от государственных расходов). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,96; \sigma_{b_1} = 0,027; b_1/\sigma_{b_1} = 35,4; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,88; F_{кр} = 1255,1.$$

Значимость $F_{кр} = 4,41E-10$.

3) Модель с X_1 — относительное приращение оплаты труда работников (за два года, в % от расходов). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,002; \sigma_{b_1} = 0,008; b_1/\sigma_{b_1} = 118,96; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,89; F_{кр} = 14151,4.$$

Значимость $F_{кр} = 2,79E-14$.

Модели для прогнозирования ОПЖ по Германии и России построены нами в [14].

1.2. Функция отклика Y_2 — ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года).

*Германия. На конец 2019 года по Германии в базе Всемирного банка содержались сведения о ВВП на душу населения, ППС (в долларах 2011 г.) до 2018 года, а при выделении определяющих факторов использовались данные до 2015 года включительно. Поэтому качество построенных прогнозных моделей можно оценивать и по данным с 2016 по 2018 годы, и за весь период с 2009 по 2018 год. Функции отклика — это и абсолютные значения ВВП на душу населения, ППС, и данные о ежегодном приращении этого фактора, а для независимых переменных лаг составлял от одного до трех лет.

Исходная информация представлена в таблице 2.

1) Модель 1. X_1 — относительное приращение валового накопления основного капитала (за три года, в % от ВВП). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,0012; \sigma_{b_1} = 0,011; b_1/\sigma_{b_1} = 90,4; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,89; F_{кр} = 8172,6.$$

Значимость $F_{кр} = 2,5E-13$.

2) Модель 2. X_1 — относительное приращение экспорта промышленных товаров (за три года, в % от объема экспорта товаров). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,014; \sigma_{b_1} = 0,014; b_1/\sigma_{b_1} = 71,3; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,89; F_{кр} = 5086,4.$$

Значимость $F_{кр} = 1,7E-12$.

*Россия. Исходная информация представлена в таблице 3.

1) Модель 1. X_1 — приращение экспорта коммерческих услуг (за один год, в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,906; \sigma_{b_1} = 0,04; b_1/\sigma_{b_1} = 21,8; R^2 = 0,97; R^2_{ск} = 0,89; F_{кр} = 475,6.$$

Значимость $F_{кр} = 9,19E-10$.

2) Модель 2. X_1 — приращение объема торговли услугами (за три года, в % от ВВП); **X_2 — приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения** (за один год). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,53; b_2 = 0,45; \sigma_{b_1} = 0,05; \sigma_{b_2} = 0,045; b_1/\sigma_{b_1} = 10,21; b_2/\sigma_{b_2} = 10,05; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,9; F_{кр} = 1627,9.$$

Значимость $F_{кр} = 3,03E-12$.

*Швеция. Исходная информация представлена в таблице 4.

1) Модель 1. X_1 — приращение величины сборов за использование интеллектуальной собственности (за один год, в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,88; \sigma_{b_1} = 0,04; b_1/\sigma_{b_1} = 20,9; R^2 = 0,98; R^2_{ск} = 0,87; F_{кр} = 436,5.$$

Значимость $F_{кр} = 2,89E-08$.

2) Модель 2. X_1 — приращение объема экспорта коммерческих услуг (за один год, в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,93; \sigma_{b_1} = 0,03; b_1/\sigma_{b_1} = 28,4; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,88; F_{кр} = 805,5.$$

Значимость $F_{кр} = 2,57E-09$.

3) Модель 2. X_1 — Услуги: приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,98; \sigma_{b_1} = 0,013; b_1/\sigma_{b_1} = 72,08; R^2 = 0,99; R^2_{ск} = 0,89; F_{кр} = 5195,5.$$

Значимость $F_{кр} = 1,53E-12$.

Таблица 2

Исходная информация по Германии — ВВП на душу населения, ППС

Год	Значения Y_i ВВП на душу населения, ППС (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Модель 1. Значения $X1$	Модель 2. Значения $X1$
2005	37703,93			
2006	39143,17	1,038	1,016	1,011
2007	40473,53	1,034	1,050	0,988
2008	40989,44	1,013	1,066	0,954
2009	38784,45	0,946	0,967	0,960
2010	40428,72	1,042	0,966	0,996
2011	42692,52	1,056	0,997	1,014
2012	42822,1	1,003	1,050	1,025
2013	42914,48	1,002	1,014	1,015
2014	43666,77	1,018	0,987	1,005
2015	44043,18	1,009	0,987	1,007
2016	44668,7	1,014		
2017	45462,03	1,018		
2018	45959,36	1,011		

Таблица 3

Исходная информация по России — ВВП на душу населения, ППС

Год	Значения Y_i ВВП на душу населения, ППС (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Относительные значения независимых переменных за 2004-2015 гг.		
			Модель 1	Модель 2	
			$X1$	$X1$	$X2$
2006	20970,2	1,09	1,25	0,88	1,28
2007	22798,9	1,09	1,25	0,8	1,35
2008	24006	1,05	1,24	0,77	1,31
2009	22121,9	0,92	1,23	0,831	1,32
2010	23325,9	1,05	1,29	0,89	1,33
2011	24310	1,04	0,8	1,08	0,84
2012	25156,4	1,03	1,07	1,02	1,08
2013	25551	1,02	1,18	0,89	1,23
2014	25284,6	0,99	1,07	0,87	1,13
2015	24516,5	0,974	1,12	1,06	1,05
2016	24416,6	0,99	0,94	1,24	0,91
2017	24790,6	1,02	0,78	1,33	0,64

Таблица 4

Исходная информация по Швеции — ВВП на душу населения, ППС

Год	Значения Y_i ВВП на душу населения, ППС (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Год	Модель 1. Значения $X1$	Модель 2. Значения $X1$	Модель 3. Значения $X1$
2006	42966,78	1,04	2006	1,12	1,14	1,07
2007	44102,87	1,03	2007	1,09	1,24	1,03
2008	43516,86	0,98	2008	1,11	1,11	1,01
2009	40905,8	0,94	2009	0,89	0,84	0,98
2010	42988,81	1,05	2010	0,81	1,07	1,003
2011	43808,5	1,02	2011	1,28	1,21	1,02
2012	43355,81	0,99	2012	1,28	0,99	1,04
2013	43522,35	1,003	2013	1,12	1,145	1,03
2014	44213,88	1,016	2014	1,38	1,03	1,03
2015	45698,5	1,03	2015	1,08	0,94	1,08
2016	46339,12	1,014				
2017	46681,17	1,007				
2018	47193,58	1,01				

Таблица 5

Исходная информация по Германии — ВВП на одного работающего (в долларах)

Год	Значения Y_i ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Модель 1. Значения $X1$	Модель 2. Значения $X1$	Модель 3. Значения $X1$	Модель 4. Значения $X1$
2005	85661,28					
2006	87229,72	1,018	1,012	1,264	1,533	1,128
2007	88006,34	1,009	1,044	1,213	1,531	1,084
2008	87918,29	0,999	1,058	1,152	1,740	1,038
2009	83010,62	0,944	1,288	0,918	1,382	0,882
2010	85500,64	1,030	1,206	0,982	1,276	1,011
2011	86557,4	1,012	1,130	1,031	1,225	1,067
2012	86373,15	0,998	0,998	1,216	1,367	1,198
2013	85870,05	0,994	1,125	1,074	1,307	1,037
2014	86898,33	1,012	1,059	1,018	1,231	1,015
2015	87941,91	1,012	0,983	1,019	1,162	1,049
2016	88612,2	1,008				
2017	89748,2	1,013				
2018	91357,92	1,018				

1.3. Функция отклика Y_3 — ВВП на одного работающего (в долларах).

*Германия. Исходная информация представлена в таблице 5.

1) Модель 1. X_1 — приращение объема экспорта продуктов питания (за три года, в % от объема экспорта). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,91; \sigma_{b_1} = 0,027; b_1/\sigma_{b_1} = 33,74; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1138,2.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 6,51\text{E}-10.$$

2) Модель 2. X_1 — приращение объема экспорта товаров и услуг (за три года, в % от объема экспорта). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,91; \sigma_{b_1} = 0,03; b_1/\sigma_{b_1} = 27,8; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 770,1.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 3,07\text{E}-09.$$

3) Модель 3. X_1 — приращение объема экспорта услуг ИКТ (за три года, в % от экспорта услуг). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,72; \sigma_{b_1} = 0,03; b_1/\sigma_{b_1} = 23,2; \\ R^2 = 0,98; R^2_{\text{ск}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 539,9.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,25\text{E}-08.$$

4) Модель 4. X_1 — Промышленность и строительство: приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,95; \sigma_{b_1} = 0,025; b_1/\sigma_{b_1} = 37,8; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1432,1.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 2,61\text{E}-10.$$

5) Модель 5. X_1 — приращение объема экспорта товаров и услуг (за три года, в % от объема экспорта); **X_2 — приращение объема экспорта продуктов питания** (за три года, в % от объема экспорта). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,4; b_2 = 0,52; \sigma_{b_1} = 0,09; \sigma_{b_2} = 0,09; \\ b_1/\sigma_{b_1} = 4,4; b_2/\sigma_{b_2} = 5,7; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{ск}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 1748,9.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 3,56\text{E}-10.$$

*Россия. Исходная информация представлена в таблице 6.

1) Модель 1. X_1 — приращение доли технического персонала в НИОКР (за один год, на миллион человек). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,027; \sigma_{b_1} = 0,015; b_1/\sigma_{b_1} = 68,87; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 4743,2.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,02\text{E}-14.$$

2) Модель 2. X_1 — приращение количества занятых в промышленности (за два года, в % от общей занятости). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,04; \sigma_{b_1} = 0,012; b_1/\sigma_{b_1} = 85,87; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 7372,8.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,12\text{E}-15.$$

3) Модель 3. X_1 — приращение объема торговли (за один год, в % от ВВП). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,03; \sigma_{b_1} = 0,015; b_1/\sigma_{b_1} = 68,5; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 4697,2.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,07\text{E}-14.$$

*Швеция. Исходная информация представлена в таблице 7.

1) Модель 1. X_1 — приращение доли промышленности в сформированном ВВП (за три года, в % от ВВП). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 1,053; \sigma_{b_1} = 0,018; b_1/\sigma_{b_1} = 56,75; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 3221,1.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,03\text{E}-11.$$

2) Модель 2. X_1 — Услуги: приращение добавленной стоимости (за три года, в % от ВВП). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,99; \sigma_{b_1} = 0,01; b_1/\sigma_{b_1} = 95,8; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 9181,3.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 1,57\text{E}-13.$$

3) Модель 3. X_1 — Услуги: приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года, в ценах 2010 г.). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,98; \sigma_{b_1} = 0,01; b_1/\sigma_{b_1} = 88,1; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 7758,03.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 3,08\text{E}-13.$$

4) Модель 4. X_1 — Промышленность: приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года, в ценах 2010 г.). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,96; \sigma_{b_1} = 0,027; b_1/\sigma_{b_1} = 35,76; \\ R^2 = 0,99; R^2_{\text{ск}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1278,8.$$

$$\text{Значимость } F_{\text{кр}} = 4,1\text{E}-10.$$

5) Модель 5. X_1 — приращение доли промышленности в сформированном ВВП (за три года, в % от ВВП); **X_2 — Услуги: приращение добавленной стоимости** (за три года, в % от ВВП). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 0,33; b_2 = 0,68; \sigma_{b_1} = 0,12; \sigma_{b_2} = 0,11; \\ b_1/\sigma_{b_1} = 2,8; b_2/\sigma_{b_2} = 6,1; R^2 = 0,99;$$

Таблица 6

Исходная информация по России — ВВП на одного работающего (в долларах)

Год	Значения Y_i ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Модель 1. Значения $X1$	Модель 2. Значения $X1$	Модель 3. Значения $X1$
2003	36341,8				
2004	38378,18	1,056	0,991	0,981	0,957
2005	40208,28	1,047	0,936	0,979	1,002
2006	43237,68	1,075	1,002	0,967	0,965
2007	45751,89	1,058	0,987	0,984	0,944
2008	47913,42	1,047	0,952	0,98	1,032
2009	45156,25	0,942	0,974	0,938	0,907
2010	46807,55	1,036	1,001	0,951	1,039
2011	48744,3	1,041	1,035	0,947	0,951
2012	50108,36	1,027	0,969	1,011	0,983
2013	51323,67	1,024	1,018	0,999	0,98
2014	51726,18	1,007	1,028	1,002	1,034
2015	50663,28	0,979	0,975	0,978	1,032
2016	50668,7	1,000			
2017	51812,7	1,022			
2018	53011,71	1,023			

Таблица 7

Исходная информация по Швеции — ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)

Год	Значения Y_i ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)	Значения Y_i/Y_{i-1}	Модель 1. Значения $X1$	Модель 2. Значения $X1$	Модель 3. Значения $X1$	Модель 4. Значения $X1$
2005	85737,61					
2006	88128,66	1,028	1,030	0,993	1,067	1,209
2007	88861,47	1,008	1,020	0,993	1,028	1,134
2008	87200,57	0,981	0,989	1,003	1,010	1,052
2009	84334,46	0,967	0,890	1,042	0,979	0,913
2010	89010,56	1,055	0,951	1,017	1,003	1,026
2011	89535,91	1,006	0,963	1,012	1,020	1,069
2012	88769,13	0,991	1,005	1,006	1,041	1,128
2013	88870,56	1,001	0,907	1,050	1,027	0,962
2014	90521,23	1,019	0,916	1,045	1,032	0,984
2015	93596,8	1,034	0,914	1,038	1,075	0,998
2016	95488,16	1,020				
2017	96448,58	1,010				
2018	98264,89	1,019				

$$R^2_{ск} = 0,87; F_{кр} = 8179,7.$$

Значимость $F_{кр} = 1,62E-12$.

б) Модель 6. X1 — Услуги: приращение добавленной стоимости (за три года, в % от ВВП0); **X2 — Промышленность: приращение добавленной стоимости на одного работника** (за три года, в ценах 2010 г.)
Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,796; b2 = 0,19; \sigma_{b1} = 0,085; \sigma_{b2} = 0,08;$$

$$b1/\sigma_{b1} = 9,34; b2/\sigma_{b2} = 2,3; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{ск} = 0,87; F_{кр} = 6813,1.$$

Значимость $F_{кр} = 3,07-12$.

Выводы. В процессе построения моделей для прогнозирования динамики индикаторов уровня развития экономики страны впервые:

1) установлено *определяющее, статистически значимое и содержательно обоснованное влияние* на функции отклика выделенных групп факторов — независимых переменных (в большинстве случаев у *b*-коэффициентов отношение $b/\sigma_{bi} \gg 2$);

2) построены *регрессионные модели* для прогнозирования динамики индикаторов уровня развития экономики страны *лучшего качества (при оценке по стандартным критериям статистической значимости — $R^2_{скорр} \approx 0,9$; $F_{кр} \gg 100$) и *с использованием *открытых официальных статистических данных*;

3) обеспечена возможность, базируясь на сформированном в процессе исследований подмножестве значимых факторов, оценивать потребительское качество и *прогнозные свойства* созданных моделей, проводить расчеты с целью *минимизации затрат ресурсов* на оптимальный выбор и реализацию проектов, направленных на *повышение значений* показателей-функций отклика **У1-У3**, характеризующих уровень развития экономики страны.

2. Содержательное обоснование состава определяющих факторов. Обоснованность включения в состав независимых переменных при построении регрессионных моделей *всех* выявленных в процессе исследований факторов подтверждена статистически. Содержательная обоснованность также не подлежит сомнению. Покажем это на нескольких примерах.

Функция отклика — **У1** Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) граждан

в Швеции ≥ 80 лет. И это в стране, население которой трудно заподозрить в том, что все граждане в обязательном порядке придерживаются средиземноморской диеты или питаются преимущественно морскими водорослями, как часть японских островных долгожителей. Тогда в чем же состоит скандинавский секрет долгожительства?

Нам представляется, что состав независимых переменных дает не только статистически, но и содержательно обоснованный ответ на этот вопрос. Действительно, ведь очевидно, что чем больше государство инвестирует в здравоохранение (модели 1 и 2), тем больше вероятность того, что в стране будут более квалифицированные медицинские работники, более качественная медицинская аппаратура и оптимальная организация медицинского обслуживания населения, да и модель 3 выглядит не менее обоснованной. Разве прирост оплаты труда работников не увеличивает возможность и вероятность покупки более эффективных, но дорогостоящих лекарств (и даже увеличивает вероятность внутреннего, душевного успокоения просто из-за наличия такой возможности) и т.д.?

Что касается участия государства в финансировании здравоохранения, то практически аналогичные результаты относительно функции отклика **У1** получены нами ранее при проведении исследований на примере Германии и России [14].

Если теперь обратиться к составу независимых переменных в моделях для прогнозирования функций **У2** (ВВП на душу населения, ППС; в постоянных международных долларах 2011 г.) и **У3** (ВВП на одного работающего, в долларах 2011 г.), то и здесь обнаружим полное совпадение результатов статистического и содержательного анализов. Так, по Германии в составе независимых переменных в моделях для прогнозирования **У2** и **У3** оказались факторы-показатели: «относительное приращение валового накопления основного капитала», «приращение объема экспорта товаров и услуг», «приращение объема экспорта продуктов питания», «приращение объема экспорта услуг ИКТ», «промышленность и строительство: приращение добавленной стоимости на одного работника» и другие факторы аналогичного *экономического содержания*.

Спрашивается: разве можно, не нарушая базовых постулатов экономической теории, исключить любой из перечисленных показателей как недостаточно содержательно обоснованный?

Вывод. Содержательная обоснованность включения в состав независимых переменных группы перечисленных определяющих показателей (для прогнозирования динамики индикаторов уровня развития экономики) не вызывает сомнения.

3. Оценка прогнозных свойств построенных регрессионных моделей. Результаты расчета характеристик потребительского качества построенных моделей рассмотрим на примере **Швеции** (функция **УЗ — ВВП на одного работающего**, в долларах 2011 г. (см. таблицу 7)).

Объективная *сравнительная оценка* прогнозных свойств построенных моделей представлена в таблице 8.

Если ограничить интервал прогнозирования 2016, 2017 и 2018 годами, то результаты оценки прогнозных свойств моделей с выделенным составом независимых переменных и с лагом 3 года окажутся, как видно из представленных в таблице 9 данных, еще более успешными.

Аналогично, используя построенные модели и исходные данные, представленные в таблицах 1–6, можно оценить потребительское качество построенных прогнозных моделей для различных стран, включая Германию и Россию, и исследуемых функций.

Выводы. Использование в составе независимых переменных выделенной группы определяющих факторов *позволило*:

1) получить среднюю ошибку прогноза на 2016–2018 годы по 6-ти моделям в пределах от 7% до 0,3%, в том числе по 2-м моделям — менее одного процента, а за весь период с 2009 по 2018 годы — от 6 до 1,5%;

2) *подтвердить прикладную полезность применения* *совокупности построенных моделей и *метода выделения искомого подмножества объектов из множества большой мощности [8, 13];

3) *обеспечить* органам государственной власти всех уровней уникальные **возможности** для совершенствования управления экономическим развитием страны, ориен-

тируясь на созданные конкретные модели и конкретные независимые переменные, в том числе используя модели и показатели-факторы при *реализации гибкой налоговой и таможенной политики, информировании субъектов рынка о динамике цен на товары и услуги на внутренних и внешних рынках, оказании услуг юридическим лицам при поиске товаров и технологических процессов с минимальной ресурсоемкостью* и др. [5, 6, 9, 12, 15, 16].

4. Имитационное моделирование для оценки ошибки функций отклика. Как показано в [10], основное влияние на величину ошибки функции отклика при построении регрессионных моделей для описания и/или прогнозирования процессов оказывают структура регрессионной модели, состав и точность измерения или фиксации независимых переменных.

Описанный метод позволяет оценивать статистические характеристики распределения функции отклика (математическое ожидание, коэффициент вариации, среднеквадратическое отклонение, асимметрию, эксцесс, характер распределения в виде гистограммы и таблицы и др.) при различных значениях ошибок независимых переменных и разной структуре уравнения регрессии.

Зная величину ошибок измерения (фиксации) независимых переменных X_p , значения b -коэффициентов и B_{bi} , и выполнив имитационное моделирование, легко оценить ошибку функции отклика Y .

Здесь на примере моделей для прогнозирования динамики функции «ВВП на одного работающего (в долларах)» на данных по Швеции выполним оценку ошибок функций отклика по построенным моделям.

Для реализации моделирования необходимая исходная информация по b -коэффициентам получена в процессе построения регрессионных моделей (см. Статистические характеристики качества). Что касается независимых переменных X_p , то, поскольку в базе данных Всемирного банка отсутствуют сведения о стандартных ошибках социально-экономических показателей развития стран мира, B_{xi} примем равными сначала **0,01 (1%)**, а затем **0,03 (3%)**. В таблице 10 представлены полученные в результате имитаци-

Таблица 8
Швеция: Ошибки прогноза за период 2009–2018 годы функции отклика — ВВП на одного работающего (в долларах)

Год (для Y_i)	Значения Y/Y_{i-1} , Y_i — ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)	Год (для независимых переменных)	Ошибки прогноза (остатки) при условии, что независимые переменные с лагом (запаздывание влияния) 3 года					
			Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
2009	0,967	2006	0,118	0,018	0,082	0,193	0,051	0,054
2010	1,055	2007	0,019	0,07	0,044	0,033	0,041	0,048
2011	1,005	2008	0,037	0,01	0,012	0,003	0,005	0,006
2012	0,991	2009	0,054	0,042	0,027	0,114	0,012	0,012
2013	1,001	2010	0,001	0,007	0,013	0,016	0,006	0,004
2014	1,018	2011	0,004	0,014	0,015	0,007	0,009	0,008
2015	1,033	2012	0,024	0,036	0,009	0,049	0,015	0,017
2016	1,02	2013	0,06	0,021	0,01	0,096	0,004	0,000
2017	1,01	2014	0,044	0,026	0,005	0,065	0,004	0,009
2018	1,018	2015	0,056	0,011	0,038	0,06	0,009	0,001
	$Y_{ср} = 1,012$	Ошибка ср.:	0,042	0,025	0,026	0,064	0,016	0,016
	Относительная ошибка/%:		0,04/4%	0,025/2,5%	0,025/2,5%	0,06/6%	0,015/1,5%	0,016/1,6%

Таблица 9
Швеция: Ошибки прогноза за период 2016–2018 годы функции отклика — ВВП на одного работающего (в долларах)

Годы	Значения Y/Y_{i-1} , Y_i — ВВП на одного работающего (в долларах 2011 г.)	Ошибки прогноза (остатки) при условии, что независимые переменные с лагом (запаздывание влияния) 3 года					
		Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
2016	1,02	0,064	0,021	0,01	0,096	0,004	0,000
2017	1,01	0,044	0,026	0,005	0,065	0,004	0,009
2018	1,018	0,056	0,011	0,038	0,06	0,009	0,001
	$Y_{ср} = 1,016$	Ср. = 0,055	Ср. = 0,019	Ср. = 0,018	Ср. = 0,074	Ср. = 0,006	Ср. = 0,003
	Относительная ошибка/%:	0,054/5,4%	0,019/1,9%	0,017/1,7%	0,07/7%	0,006/0,6%	0,003/0,3%

тационного моделирования характеристики функции отклика Y_3 (Швеция).

Предположим теперь, что нас интересует ошибка функции отклика для модели 6, включающей две независимые переменные x_1 и x_2 . Причем, σ_{x_2} примем равным не 0,01, а 0,03. Тогда значение ошибки функции отклика из-за изменения структуры уравнения и увеличения ошибки x_2 возрастет весьма существенно (см. табл. 11).

В таблице 12 показано распределение значений y_6 (модель 6) в результате имитационного моделирования.

Выводы. В результате применения имитационного моделирования для оценки ошибки функции отклика:

1) обнаружено, что *величина ошибок функций отклика* даже у моделей с близкими численными значениями статистических характеристик качества (отношение b_i/σ_{b_i} , $R^2_{\text{скорр}}$, $F_{\text{кр}}$) существенно отличается (см. численные значения статистических характеристик и ошибок у моделей 1 и 2);

2) установлено, что *снижение достоверности измерения* (фиксации) численных значений только одной из независимых переменных (X_2) у модели с лучшими статистическими характеристиками качества (модель 6) приводит к значительному росту ошибки функции отклика;

3) подтверждено весьма существенное влияние и структуры регрессионной модели,

Таблица 10

Результаты моделирования y_1 (модель 1) и y_2 (модель 2); функция отклика Y_3 — ВВП на одного работающего (в долларах) по данным Швеции

Параметр	Значение	
	y_1	y_2
Переменная	y_1	y_2
Число итераций	1000	1000
Среднее	1,011	1,012
Среднеквадратическое отклонение	0,021	0,014
Асимметрия	0,045	0,019
Экссесс	-0,010	-0,154
Минимум	0,947	0,967
Максимум	1,079	1,059
Модальный интервал	1,007 : 1,019	1,008 : 1,017

Таблица 11

Характеристики распределения значений Y_6 (функция отклика модели 6), полученные в результате имитационного моделирования

Параметр	Значение
Переменная	y_6
Комментарий	
Число итераций	1000
Среднее	1,010
Среднеквадратическое отклонение	0,123
Асимметрия	0,072
Экссесс	-0,057
Минимум	0,626
Максимум	1,410
Модальный интервал	0,983 : 1,054
Медиана	1,005

и разницы в величине ошибок независимых переменных на величину ошибки функции отклика.

Заключение. В результате проведенных исследований **впервые:**

1) доказано *определяющее, статистически значимое и содержательно обоснованное влияние* на динамику индикаторов уровня развития страны *выделенных групп факторов* — независимых переменных (в большинстве случаев у *b*-коэффициентов отношение $b_i/B_{bi} \gg 2$); построены *регрессионные модели* для *прогнозирования динамики ВВП страны и ожидаемой продолжительности жизни граждан *лучшего качества* (при оценке по *стандартным критериям* статистической значимости — $R^2_{\text{скорр}} \approx 0,9$; $F_{кр} \gg 100$);

2) установлено, что использование в моделях оригинального состава независимых переменных *позволило*: а) получить среднюю ошибку за 10-летний период прогноза по исследуемым странам менее 5% при лаге независимых переменных от одного до трех лет; б) *подтвердить прикладную полезность* применения **совокупности* построенных моделей и **метода* выделения искомого подмножества объектов из множества большой мощности; в) *обеспечить* органам государственной власти *возможности* для совершенствования управления экономическим развитием страны и административно-территориальных образований;

3) обнаружено, что *величина ошибок функций отклика* даже у моделей с близкими численными значениями статистических характеристик качества существенно отличается. Одновременно установлено, что *снижение достоверности измерения* (фиксации) численных значений только одной из независимых переменных у модели с лучшими статистическими характеристиками качества приводит к *значительному росту ошибки* функции отклика;

4) определено, что полученное в процессе исследований *доказательство* статистической и содержательной обоснованности *влияния* на динамику индикаторов уровня развития экономики выделенного оригинального подмножества определяющих факторов *обеспечило возможность* «*властным структурам, обладающим суверенными полномочиями, решать вопросы организации общества в масштабах страны*» (Универсальный энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 2002. — 1551 с.), действующим в различных странах мира, более *целенаправленно* и более активно *содействовать* ускоренному развитию экономики, ориентируясь на *созданные конкретные* модели и конкретные *независимые переменные*, в том числе используя такие модели: при *реализации гибкой налоговой и таможенной политики, при информировании субъектов рынка о динамике цен на товары и услуги на внутренних и внешних рынках, при оказании услуг юридическим ли-*

Таблица 12

Распределение значений u_b (модель б)

X_{\min}	X_{\max}	Частота	Вероятность	Накопленная
0,626	0,698	6	0,006	0,006
0,698	0,769	17	0,017	0,023
0,769	0,840	55	0,055	0,078
0,840	0,911	138	0,138	0,216
0,911	0,983	206	0,206	0,422
0,983	1,054	213	0,213	0,635
1,054	1,125	194	0,194	0,829
1,125	1,196	99	0,099	0,928
1,196	1,268	51	0,051	0,979
1,268	1,339	17	0,017	0,996
1,339	1,410	4	0,004	1,000

цам в поиске товаров и технологических процессов с минимальной ресурсоемкостью и др.

Литература

1. Хубаев Г.Н., Щербакова К.Н., Сидоренко Д.С. Веб-приложение для сравнительной оценки, анализа динамики и прогнозирования уровня жизни населения субъектов РФ // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2019619362 [Электронный ресурс] — М.: Роспатент, 2019. — Режим доступа: <http://uroven-zhizni.ru>.

2. Хубаев Г.Н., Гулаков С.В. Информационная система для сравнительной оценки качества жизни населения субъектов РФ «Рейтинг субъектов РФ» // Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ №2002384636. — М.: РОСПАТЕНТ, 2006.

3. Хубаев Г.Н. Экспресс-оценка качества жизни населения муниципальных образований // Обозрение прикладной и промышленной математики. — М.: Редакция журнала «ОП и ПМ», 2006. — Т. 13. — Вып. 3. — С. 556–560.

4. Хубаев Г.Н. Социально-экономическая обстановка в России и приоритетные направления экономической политики // Экономико-организационные проблемы проектирования и применения информационных систем: Материалы 3-й Межгосударственной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25–26 ноября 1998 г.). — Ростов-на-Дону: РГЭА, 1998. — С. 8–22.

5. Хубаев Г.Н. Рынок услуг: оценка статистических характеристик распределения затрат финансовых ресурсов и времени покупателей // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. — 2017. — №2. — С. 90–96.

6. Хубаев Г.Н. Оценка резервов снижения ресурсоемкости товаров и услуг: методы и инструментальные средства // ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА. — 2012. — №2(38). — С. 84–90.

7. Хубаев Г.Н. Методы формирования согласованного коллективного выбора в процессе экспертизы (на примере ранжирования способов решения сложных проблем) // Бюллетень науки и практики. — 2017. — №7(20). — С. 59–77.

8. Хубаев Г.Н. Метод выделения искомого подмножества объектов из множества

большой мощности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — №8. — С. 206–211.

9. Хубаев Г.Н. Как уменьшить вероятность ошибки при выборе приоритетных направлений социального и экономического развития страны [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. — 2019. — №12. — С. 265–280. — Режим доступа: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/31>.

10. Хубаев Г.Н. Имитационное моделирование при выборе состава факторов и структуры уравнения регрессии // ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА. — 2010. — №6. — С. 83–89.

11. Хубаев Г.Н. Вид пропасти заставляет строить мост // Экономика и жизнь. — Юг. — 1999. — №9–12.

12. Хубаев Г.Н. Государство и рынок: как государство может усилить позитивное взаимовлияние субъектов рынка [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. — 2020. — №6. — С. 175–198. — Режим доступа: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/22>.

13. Khubaev G. N. Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power [Electronic resource] // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). — Beijing, 2019. — P. 50–57. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.13.33962>.

14. Khubaev G. N. Models for forecasting the expected life of the population of the RUSSIAN FEDERATION and GERMANY [Electronic resource] // International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, December 19, 2019). Part 1. — Birmingham, UK, 2019. — P. 54–60. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.3.44512>.

15. Khubaev G. N. How to reduce the probability of errors when selecting the priority directions of the social and economic development of the country [Electronic resource] // Materials of the International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, November 14, 2019). Part 3. — Birmingham, UK, 2019. — P. 9–19. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.1.40958>.

16. Khubaev G. N. How the state can strengthen the positive interaction of market participants: methods and tools [Electronic resource] // Mate-

rials of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (May 14, 2020. Beijing, PRC). — Beijing, China, 2020. — P. 30–38. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2020.28.64076>.

References

1. *Hubaev G. N., Shherbakova K. N., Sidorenko D. S.* Veb-prilozhenie dlja sravnitel'noj ocenki, analiza dinamiki i prognozirovanija urovnja zhizni naselenija subektov RF [Web application for comparative assessment, analysis of dynamics and forecasting of the standard of living of the population of the subjects of the Russian Federation] // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM №2019619362 [Certificate of state registration of a computer program №2019619362] [Jelektronnyj resurs] — Moscow: Rospatent, 2019. — URL: <http://uroven-zhizni.ru>.
2. *Hubaev G. N., Gulakov S. V.* Informacionnaja sistema dlja sravnitel'noj ocenki kachestva zhizni naselenija subektov RF «Rejting subektov RF» [Information system for comparative assessment of the quality of life of the population of the subjects of the Russian Federation «Rating of subjects of the Russian Federation»] // Svidetel'stvo ob oficial'noj registracii programmy dlja JeVM №2002384636 [Certificate of official registration of the computer program №2002384636]. — Moscow: ROSPATENT, 2006.
3. *Hubaev G. N.* Jekspress-ocenka kachestva zhizni naselenija municipal'nyh obrazovanij [Express assessment of the quality of life of the population of municipalities] // Obozrenie prikladnoj i promyshlennoj matematiki [Review of applied and industrial mathematics]. — Moscow: Redakcija zhurnala «OP i PM», 2006. — Vol. 13. — Issue 3. — Pp. 556–560.
4. *Hubaev G. N.* Social'no-jekonomicheskaja obstanovka v Rossii i prioritetye napravlenija jekonomicheskoy politiki [Socio-economic situation in Russia and priority directions of economic policy] // Jekonomiko-organizacionnye problemy proektirovanija i primenenija informacionnyh sistem: Materialy 3-j Mezhgosudarstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Rostov-na-Donu, 25–26 nojabrja 1998 g.) [Economic and organizational problems of designing and applying information systems: Proceedings of the 3rd Interstate scientific and practical conference (Rostov-on-Don, November 25–26, 1998)]. — Rostov-on-Don: RGJeA, 1998. — Pp. 8–22.
5. *Hubaev G. N.* Rynok uslug: ocenka statisticheskikh harakteristik raspredelenija zatrat finansovyh resursov i vremeni pokupatelej [Service Market: evaluation of statistical characteristics of the distribution of costs of financial resources and time of buyers] // RISK: Resursy, informacija, snabzhenie, konkurencija [RISK: Resources, information, supply, competition]. — 2017. — №2. — Pp. 90–96.
6. *Hubaev G. N.* Ocenka rezervov snizhenija resursojmkosti tovarov i uslug: metody i instrumental'nye sredstva [The estimation of reserves of reduction of resource intensity of products and services: methods and tools] // PRIKLADNAJA INFORMATIKA [APPLIED INFORMATICS]. — 2012. — №2 (38). — Pp. 84–90.
7. *Hubaev G. N.* Metody formirovanija soglasovannogo kollektivnogo vybora v processe jekspertizy (na primere ranzhirovanija sposobov reshenija slozhnyh problem) [Methods of forming a coherent collective choice in the examination process (for example the ranking solutions to complex problems)] // Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of the science and practice]. — 2017. — №7 (20). — Pp. 59–77.
8. *Hubaev G. N.* Metod vydelenija iskomogo podmnozhestva obektov iz mnozhestva bol'shoj moshhnosti [The method of isolating the desired subset of objects of the plurality of high power] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanitarian, socio-economic and social Sciences]. — 2019. — №8. — Pp. 206–211.
9. *Hubaev G. N.* Kak umen'shit' verojatnost' oshibki pri vybore prioritetnyh napravlenij social'nogo i jekonomicheskogo razvitija strany [How to reduce the probability of error in the selection of priority directions of social and economic development] [Jelektronnyj resurs] // Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of science and practice]. — 2019. — №12. — Pp. 265–280. — URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/31>.
10. *Hubaev G. N.* Imitacionnoe modelirovanie pri vybore sostava faktorov i struktury uravnenija regressii [Imitational modeling when choosing the composition of factors and the structure of the regression equation] //

PRIKLADNAJa INFORMATIKA [APPLIED INFORMATICS]. — 2010. — №6. — Pp. 83–89.

11. *Hubaev G.N.* Vid propasti zastavljaet stroit' most [The view of the abyss makes you build a bridge] // *Jekonomika i zhizn'* [Economy and life]. — Jug. — 1999. — №9–12.

12. *Hubaev G.N.* Gosudarstvo i rynek: kak gosudarstvo mozhet usilit' pozitivnoe vzaimovlijanie subektov rynka [State and market: how the state can strengthen the positive mutual influence of market subjects] [Jelektronnyj resurs] // *Bjulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice]. — 2020. — №6. — Pp. 175–198. — URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/22>.

13. *Khubaev G.N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power [Electronic resource] // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). — Beijing, 2019. — P. 50–57. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.13.33962>.

14. *Khubaev G.N.* Models for forecasting the expected life of the population of the RUSSIAN FEDERATION and GERMANY [Electronic

resource] // International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, December 19, 2019). Part 1. — Birmingham, UK, 2019. — P. 54–60. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.3.44512>.

15. *Khubaev G.N.* How to reduce the probability of errors when selecting the priority directions of the social and economic development of the country [Electronic resource] // Materials of the International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, November 14, 2019). Part 3. — Birmingham, UK, 2019. — P. 9–19. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2019.1.40958>.

16. *Khubaev G.N.* How the state can strengthen the positive interaction of market participants: methods and tools [Electronic resource] // Materials of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (May 14, 2020. Beijing, PRC). — Beijing, China, 2020. — P. 30–38. — URL: <https://doi.org/10.34660/INF.2020.28.64076>.

Поступила в редакцию

21 августа 2020 г.

Хубаев Георгий Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры информационных систем и прикладной информатики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Khubaev Georgy Nikolaevich — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Systems and Applied Informatics, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gkhubaev@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 316.77

10.17213/2075-2067-2020-5-241-246

КОММУНИКАЦИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ: О ВОПРОСЕ ДОВЕРИЯ

© 2020 г. Т. Г. Анистратенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является выявление взаимосвязи доверия акторов, участвующих в коммуникации, и её продуктивности.

Методологическая база исследования основывается на теоретических подходах к научному изучению массовой коммуникации и её синтезе с неoinституциональным пониманием социальных взаимодействий.

Результаты исследования. Важнейшим аспектом проведенного анализа проблем коммуникации власти и бизнеса является выявление барьеров, препятствующих продуктивной коммуникации власти и бизнеса. Отсутствие взаимного доверия позиционируется как ключевая проблема эффективности взаимодействия коммуникантов. Роль доверия подчеркивается через рационализацию, основывающуюся на современных моделях коммуникации, совмещенных с концепцией транзакционных издержек. Ретроспективный анализ предыдущих коммуникационных практик бизнеса и власти показал, что продуктивному общению препятствуют принятые в Советском Союзе управленческие решения. Среди таких можно назвать высокую бюрократизацию коммуникации, отсутствие прозрачности и защищенности интересов обеих сторон. Вышеописанные проблемы приводят к повышению транзакционных издержек, а следовательно, к удорожанию совместных проектов, высокой рискогенности и усложнению контроля за соблюдением условий тех или иных договоренностей.

Перспективы дальнейших исследований автор усматривает в дальнейшем изучении доверия как ключевого элемента коммуникации рациональных акторов и выделения научных способов его укрепления.

Ключевые слова: бизнес коммуникации; бизнес; муниципалитет; доверие; модели коммуникации; транзакционные издержки; властные отношения.

COMMUNICATION BETWEEN BUSINESS AND GOVERNMENT: ON THE ISSUE OF TRUST

© 2020 T. G. Anistratenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to identify the relationship between the trust of actors involved in communication and its productivity.

The methodological basis of the study is based on theoretical approaches to the scientific study of mass communication and its synthesis with a neo-institutional understanding of social interactions.

The results of the research. *The most important aspect of the analysis of the problems of government and business communication is the identification of barriers that hinder productive communication between government and business. Lack of mutual trust is positioned as the key problem of effective interaction between communicators. The role of trust is emphasized through rationalization based on modern communication models combined with the concept of transactional costs. A retrospective analysis of previous communication practices of business and government showed that productive communication is hindered by managerial decisions made in the Soviet Union. Such decisions include high bureaucratization of communication and lack of transparency and protection of both parties' interests. The problems described above lead to higher transaction costs and, consequently, higher costs of joint projects, high risk and complicated control over compliance with the terms of certain agreements.*

The prospect of the study *is for further research of trust as a key element of communication between rational actors and the identification of scientific ways to strengthen it.*

Key words: *business communication; business; municipality; trust; communication models; transaction costs; power relations.*

Введение. Современные реалии российской рыночной экономики ставят представителей власти и бизнеса перед необходимостью интенсификации их взаимодействия и выхода на так называемые «партнерские отношения» [1]. Коммуникация между этими двумя акторами характеризуется, в первую очередь, своей рационалистической направленностью, то есть желанием достичь взаимовыгодного решения, удовлетворяющего обе стороны. Подобная коммуникация является рациональной и должна обладать свойствами целеполагания и планирования, однако коммуникационное поле, сформированное между бизнесом и властью, в настоящий момент не обладает системностью. В рамках этой статьи мы рассмотрим основные барьеры, влияющие на эффективность взаимодействия представителей власти и предпринимательских кругов, в целях обоснования наиболее важного фактора, упрощающего или усложняющего весь коммуникационный процесс доверия.

Теоретико-методологическое обоснование исследования. В научной литературе существует множество моделей коммуникации, сложность которых эволюционировала с каждым этапом развития коммуникационных средств. Обратим внимание на две наиболее подходящие к современной коммуникационной среде. Неклассическая модель коммуникации, основанная на работах

Ю. Хабермаса, позиционирует коммуникацию как инструмент осуществления практических интересов человека [2]. Постнеклассический подход к коммуникации трактует её как субъектно-субъектные отношения. Общество рассматривается как сеть коммуникаций, а они, в свою очередь, обладают способностью самовоспроизводиться. Коммуникационная сеть в рамках этого подхода выступает как самоорганизующаяся среда, в которой самые простые социально-коммуникативные системы устанавливаются посредством взаимного согласования переживаний и действий присутствующих участников коммуникации [3]. Таким образом, современная высокотехнологичная коммуникация является инструментом осуществления практических интересов коммуникантов, на который оказывают влияние субъективные факторы. Эти факторы могут положительно или отрицательно сказаться на качестве коммуникации, и, по нашему мнению, основной детерминантой эффективности коммуникации на любом уровне является доверие. Особенно это актуально в случае общения рациональных коммуникантов, таких как представители бизнеса и власти, ориентирующихся на результат, измеримый в количественных показателях. Стоит отметить, что исследователи и эксперты, обращающиеся к проблеме эффективности взаимодействия бизнеса и власти, часто обращают внимание на объективные критерии коммуникации, но редко

концентрируются на субъективном аспекте этого вопроса. Акцентуация доверия как главного критерия эффективности коммуникации рациональных акторов является релевантной в первую очередь по причине того, что вопрос доверия в случаях, касающихся материальной выгоды, перестает быть исключительно субъективным фактором и приобретает черты количественно-измеримого и рационального фактора, определяющего результаты общения.

Для более глубокого понимания роли доверия в коммуникации бизнеса и власти обратимся к новой теории институтов, а в частности, к одной из основных составных ее частей — транзакционным издержкам. Они складываются из затрат ресурсов и времени на совершение сделки, а также из потерь, возникающих вследствие того, что был заключен неполный или неэффективный контракт [4]. Кроме того, в них входят издержки ведения переговоров и заключения контракта, а также контроля за соблюдением контракта со стороны партнера по сделке, в том числе предупреждения его оппортунистического поведения. Как видно из вышеописанного, транзакционные издержки, если рассуждать о них в предметном поле коммуникации, — это затраченные ресурсы коммуникантов на ликвидацию неопределенности при заключении тех или иных договоренностей. Таким образом, в случае высоких транзакционных издержек коммуниканты будут меньше взаимодействовать, реже заключать сделки и ограничивать общение друг с другом. Однако, как говорилось выше, современные реалии посткризисной российской экономики, находящейся в состоянии неопределенности, требуют от акторов, обладающих различными видами капитала, вступать во взаимодействие друг с другом и принимать взаимовыгодные решения, оказывающие позитивный эффект на развитие экономики всего города или региона. Иными словами, предприниматели и бизнес должны взаимодействовать друг с другом для повышения собственной конкурентоспособности. Но взаимодействие не может быть эффективным, если оно не подкреплено взаимным доверием коммуникантов, и именно это является основным препятствием продуктивного общения бизнеса и власти.

Кризис доверия предпринимателей к власти на всех уровнях является исторически детерминированным и объясняется принципом «path dependence», то есть зависимостью будущего от прошлого, а если точнее — зависимостью от решений, принятых ранее [5]. Советский принцип хозяйствования не допускал существования частного предпринимательства по идейным причинам, а во времена перестройки какое-либо серьезное развитие достигалось за счет полного или частичного выхода из легального правового поля. Объясняется это, в первую очередь, тем, что власть, не имея опыта взаимодействия с частными предпринимателями, не воспринимала их как акторов, чьи интересы необходимо соблюдать, и использовала их как своеобразный фонд для решения финансовых проблем государственного аппарата. Подобное отношение и продолжающаяся политика эксплуатации бизнеса уменьшает доверие и вызывает у предпринимателей отторжение и нежелание взаимодействовать с властью, если это не является первой необходимостью. Из вышеописанного следует, что доверие в случае общения бизнеса и власти является не просто субъективным «довеском» в процессе коммуникации, а определяющим фактором всех решений, принимаемых в результате общения.

Интерпретация полученных результатов. Итак, взаимное недоверие бизнеса и власти отрицательно сказывается на потенциальных выгодах, которые могло бы получить общество от результатов совместной деятельности этих двух акторов. Однако отсутствие доверия является не единственной проблемой, создающей препятствия для партнерских отношений. Другой, не менее важной, проблемой, по мнению научного сообщества, является высокая степень бюрократизации процесса коммуникации с властью [6]. Она тоже является исторически детерминированной и связана, в первую очередь, с авторитарностью российской коммуникационной культуры [7]. Партнерские отношения бизнеса и власти и горизонтальность их коммуникации характерны для западных стран, живущих в реалиях рыночной экономики на протяжении продолжительного времени. В США взаимодействие

предпринимателей и муниципальной власти являлось ключевым критерием выживания и процветания городов в рамках межмуниципальной конкуренции. В российской социальной реальности бюджеты муниципалитетов на протяжении долгого времени формировались из дотаций и прочих видов государственной поддержки, что продолжается и в настоящее время. Однако государственный аппарат не может обеспечивать достойную жизнь всех регионов РФ лишь за счет собственных средств, что порождает необходимость поиска новых источников финансирования и оптимизации бюджетных трат. Стоит отметить, что экономические реалии значительно изменились, однако коммуникационная культура не поддается внезапным изменениям лишь по желанию законодателя. Она является продуктом исторической эволюции, наполняемой контекстом коммуникационных практик, имевших место в определенные временные периоды. Так как у власти на разных уровнях исторически не было никакой необходимости общаться с предпринимателями на равных, предлагать им какие-либо выгодные условия и выстраивать с ними доверительные отношения, то неудивительно, что у предпринимателей не выстроилось восприятие институтов власти как своих партнеров. Исходя из вышеописанного, можно заявить, что кризис доверия, существующий между властью и бизнесом, является исторически детерминированным, а в его основе лежит авторитарная коммуникационная культура, характерная для российских отношений с властью.

Высокая бюрократизация коммуникации с властью, однако, не означает, что все особенности взаимодействия с ней являются полностью прозрачными и законными. Исследователи и эксперты обращают внимание на наличие «дыр» в законодательстве о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, на высокий потенциал коррупционных практик и низкую степень защищенности интересов предпринимателей, вступающих в деловые отношения с государственной или муниципальной властью [8]. Мы утверждаем, что эти проблемы также связаны с отсутствием доверия коммуникантов друг к другу. Отсут-

ствие доверия предпринимателей к власти напрямую связано с описанной выше проблемой юридической защищенности, но при этом сама проблема этой защищенности проистекает из отсутствия доверия. Можно сказать, что это является своеобразным порочным кругом: предприниматели считают институты власти оппортунистами, заинтересованными лишь в «снятии сливок» с предпринимателей, а власть, в свою очередь, воспринимает предпринимателей как оппортунистов, желающих получить выгоду за счет эксплуатации административного ресурса. С одной стороны, подобное отношение имеет рациональное основание, но оно не должно становиться препятствием для создания площадки взаимодействия вышеописанных коммуникантов. Можно сказать, что оно является таковым из-за российской авторитарной коммуникационной культуры, характеризующейся приоритетом власти в решении всех вопросов о благосостоянии общества, в то время как современная экономическая ситуация позиционирует власть не как основного инициатора экономического роста регионов, а как создателя «честных правил игры» в муниципальных пространствах [9].

Заключение. Подводя итог анализа происхождения кризиса доверия между властью и бизнесом, можно сказать, что в его основе лежат следующие элементы:

- 1) особенности российской коммуникационной культуры;
- 2) векторы развития коммуникации бизнеса и власти, заданные в СССР;
- 3) неэффективность правовой базы, обеспечивающей пространство для коммуникации.

Все вышеприведенные элементы тем или иным образом связаны с ключевым элементом коммуникации — доверием. Как говорилось выше, оно является не просто субъективным доверием, придающим коммуникации то или иное направление, а ключевым элементом в принятии важных решений. При отсутствии доверия коммуникация, результатом которой становится движение тех или иных капиталов, обречена на низкую результативность. Для решения этой проблемы необходима разработка комплекса мер по «горизонтализации» принципов взаимодействия

бизнеса и власти. В настоящее время существует множество площадок, разрабатываемых государственной властью для поддержания тех или иных предпринимательских инициатив, однако, они имеют имитационный характер, а эффективно работают лишь для поддержки крупного бизнеса, нуждающегося в поддержке меньше всего. Для решения этой проблемы необходимо проявление инициативы от представителей местной власти и создание площадок для взаимодействия с бизнесом, принимая в расчет региональные и национальные особенности места, где коммуникация будет происходить. Доверие к институтам, по своей сути, аналогично доверию индивидов на межличностном уровне. Для того чтобы один коммуникант поверил другому, необходимо совершить безвозмездные акты доброй воли и поддержки, что, в свою очередь, постепенно начнет увеличивать доверие и снижать риски. Кризис доверия, наблюдаемый во взаимоотношениях власти и бизнеса, имеет глубокие исторические корни, лежащие не только в социально-политических особенностях предыдущего режима, но и культурно-ментальном коде россиян, бессознательно стремящихся к вертикализации отношений. Избавиться от описанных выше проблем возможно лишь с течением времени планомерным выстраиванием доверительных отношений, основанных на проявлении доброй воли и безвозмездной поддержки. Аккумуляция эффектов, являющихся итогом описанных выше практик, в будущем приобретет мультипликативный эффект и позволит изменить коммуникационное поле власти и предпринимателей.

Литература

1. Милькевич О. А. Исследование культуры партнерских отношений // Вестник ЮУрГГПУ. — 2017. — №1. — С. 14–18.
2. Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. — 2002. — №2.
3. Гоголева Е. Н. Особенности коммуникационных отношений власти и общества: теоретико-методологический аспект // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2008. — №1.
4. Simon H. Theories of decision making in economics and behavioral science // American Economic Review. — 1959. — Vol. 49. — №3. — P. 253–283.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Фонд экономической книги «Начала». — М., 1997.
6. Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2014. — №1. — С. 60–65.
7. Сунатаев М. А. О коммуникативных особенностях культуры и права в российском обществе // Северокавказский юридический вестник. — 2017. — №1. — С. 33–45.
8. Никонов В. А. К вопросу об укреплении системы социальной защищенности предпринимателей // Социология и право. — 2017. — №1. — С. 72–83.
9. Сироткин В. Б. Несоответствие институтов и мотивов, определяющих поведение субъектов хозяйствования // ЭВР. — 2018. — №1 (55). — С. 113–127.

References

1. Mil'kevich O. A. Issledovanie kul'tury partnerskih otnoshenij [The Study of culture partnerships] // Vestnik JuUrGGPU. — 2017. — №1. — Pp. 14–18.
2. Soboleva M. K koncepcii filosofii jazyka Jurgena Habermasa [To the concept of the philosophy of language jürgen Habermas] // Logos. — 2002. — №2.
3. Gogoleva E. N. Osobennosti kommunikacionnyh otnoshenij vlasti i obshhestva: teoretiko-metodologicheskij aspekt [The features of the communication relations of power and society: theoretical-methodological aspect] // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki [News of Tulsu. Humanities]. — 2008. — №1.
4. Simon H. Theories of decision making in economics and behavioral science // American Economic Review. — 1959. — Vol. 49. — №3. — P. 253–283.
5. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutions, institutional changes and functioning of the economy] // Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala» [Institutions, institutional changes and functioning of the economy // Foundation of the economic book «Nachala»]. — Moscow, 1997.

6. *Avak'jan S. A.* Konstitucionalizm i bjurokratizacija publichnoj vlasti [Constitutionalism and bureaucratization of public power] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo [Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law]. — 2014. — №1. — Pp. 60–65.

7. *Supataev M. A.* O kommunikativnyh osobnostjakh kul'tury i prava v rossijskom obshchestve [On the communicative features of culture and law in the Russian society] // Severokavkazskij juridicheskij vestnik [North Caucasus legal Bulletin]. — 2017. — №1. — Pp. 33–45.

8. *Nikonov V. A.* K voprosu ob ukreplenii sistemy social'noj zashhishhennosti predprinimatelej [On the issue of strengthening the system of social protection of entrepreneurs] // Sociologija i pravo [Sociology and law]. — 2017. — №1. — Pp. 72–83.

9. *Sirotkin V. B.* Nesootvetstvie institutov i motivov, opredel'ajushhij povedenie subektov hozjajstvovanija [Mismatch of institutions and motives that determine the behavior of business entities] // JeVR. — 2018. — №1 (55). — Pp. 113–127.

Поступила в редакцию

28 сентября 2020 г.

Анистратенко Татьяна Григорьевна — доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Anistratenko Tatyana Grigorievna — Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: avdyatlov@yandex.ru

УДК: 65.0(075.32)

10.17213/2075-2067-2020-5-247-255

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2020 г. М. Т. Белов, А. В. Волочай, С. И. Самыгин

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. В данной статье исследуются социокультурные основания управления персоналом в современном российском обществе.

Методология исследования основывается на концепциях организационной культуры и культурологическом подходе к анализу социальных явлений и процессов в целом и процесса управления персоналом в частности.

Результаты исследования. Культура представляет собой совокупность идей, представлений и норм, определяющих поведение человека. Культура народа — результат длительного исторического развития. Культура общества оказывает определяющее воздействие на такой ее сегмент, как организационная культура, включающая и определенные модели управления персоналом. Специфика управления персоналом в современном российском обществе определяется культурным наследием советского общества, которое, в свою очередь, вобрало в себя более ранние установки и практики. В статье выделяются специфические черты, свойственные российскому управлению персоналом.

Перспективы использования результатов исследования. Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем культурологическом и социологическом анализе проблем управления, а также в управленческой практике.

Ключевые слова: управление персоналом; культура; организационная культура; модернизация; менеджмент.

SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF PERSONNEL MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

© 2020 M. T. Belov, A. V. Volochay, S. I. Samygin

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

Purpose of research. This article investigates the sociocultural foundations of HR management in modern Russian society.

The research methodology is based on the concepts of organisational culture and a cultural approach to analysing social phenomena and processes in general and the HR management process in particular.

Research result. Culture is a set of ideas, perceptions and norms that define human behaviour. The culture of the people is the result of long historical development. The culture of society has a decisive influence on its segment, such as organisational culture, which also includes certain models of personnel management. The specifics of HR management in modern Russian society are determined by the cultural heritage of Soviet society, which, in turn, has

incorporated earlier attitudes and practices. The article highlights the specific features of Russian HR management.

Prospects for using the research results. *The results can be used for further cultural and sociological analysis of management problems, as well as in management practice.*

Key words: *personnel management; culture; organizational culture; modernization; management.*

Введение. Культура — одно из самых многозначных понятий, используемых в научном дискурсе. Это неудивительно, поскольку именно культура представляет собой специфику человеческого существования и человеческой деятельности, при этом значение культурного фактора в управлении организациями и управлении персоналом было осознано теоретиками и практиками менеджмента относительно недавно. Это осознание выразилось в возникновении понятия «организационная культура» и формировании различных подходов к ее изучению. В данной статье речь пойдет о соотношении организационной культуры и культуры как среды деятельности организации. Культурный фактор имеет прямое отношение к методам управления персоналом.

Теоретический аспект. В отличие от животных, человек лишен генетически наследуемых программ поведения. Это свойство, которое делает человека более уязвимым перед природой, в то же время обеспечило ему свободу выбора поведенческих стратегий. Культура как коллективный опыт, передаваемый в ходе социализации и обучения от поколения к поколению [1], заменила человеку недостающие инстинкты. Культура представляет собой совокупность идей, образов, символов и программ поведения, которые определяют цели и формы деятельности человека во всех сферах его существования. Таким образом, культура представляет собой не теоретическую абстракцию, но способ самого человеческого бытия [2].

Поскольку человек свободен от диктата инстинктов, его поведение гораздо вариативнее поведения самого сложноорганизованного животного. Человек сумел освоить разнообразные экологические ниши от тропиков до арктических ландшафтов. Это было первичным фактором, определяющим спе-

цифику той или иной культуры. Не существует универсальной культуры, разные человеческие группы создавали в ходе своего существования различные формы культурных миров. Взаимодействие между разными культурами могло иметь разные последствия: от взаимообогащения культур за счет обмена культурными достижениями до уничтожения одной культуры другой. Уничтожение необязательно подразумевало физическую гибель ее носителей, но могло принимать форму аккультурации и ассимиляции — растворения одной культуры в пространстве другой.

По мере развития и усложнения человеческих сообществ их культура становилась все более многообразной, в ней выделялись отдельные сегменты, связанные с разными видами деятельности — от искусства до политики и экономики. В рамках отдельных сегментов деятельности формировались определенные стандарты поведения, особые цели и ценности. Культура — это не только совокупность поведенческих программ, но также и различные смысловые конструкции, которые определяют предпочтение тех или иных форм поведения. Бергер и Лукман называют такие конструкции «смысловыми универсумами», которые объясняют и в то же время легитимируют принятые поведенческие стандарты в рамках группы или общества [3].

Культура того или иного народа формируется на протяжении столетий, поэтому она представляет собой инерционный феномен. В то же время любая культура меняется под воздействием различных факторов природного или исторического характера. Темпы изменения могут быть различными, если они постепенны и происходят на протяжении жизни нескольких поколений, то носители культуры вообще могут их не замечать, такие изменения не подразумевают каких-то резких разрывов с устоявшимися нормами и представлениями. Но изменения могут

быть и очень быстрыми. В этом случае могут возникать проблемы адаптации к новым условиям, сопровождающиеся социокультурным кризисом [4], аномией — ситуацией, когда нормы и ценности противоречат друг другу и человек оказывается дезориентированным в своем поведении [5].

Формирование обществ современного типа было результатом постепенного накопления изменений в рамках европейских культур, в определенный исторический момент количество перешло в качество: возник особый тип общества, который впервые в истории подразумевал ориентацию не на воспроизводство традиционных культурных образцов, а на систематическое производство инноваций в самых разных сферах. Еще одной специфической чертой общества современного типа стало осознанное и целенаправленное воздействие на социальные процессы, в основе которого лежало знание. На рубеже XIX–XX веков в западных обществах начинает формироваться теоретический менеджмент, который подразумевает выработку моделей эффективного управления людьми, включенных в деятельность различного рода организаций [6].

Культурные факторы управления.

Важность культурного фактора для управления организациями была осознана не сразу. В США и других западных обществах это произошло в 70–80-е гг. XX века, в нашей стране — после распада СССР и формирования в постсоветском обществе новой системы отношений в рамках организаций, существовавших теперь не в социалистическом, а в формирующемся катастрофически быстрыми темпами капиталистическом обществе. Новые формы управления и в хозяйственной, и в политической сферах еще не сложились. В связи с этим управленческая деятельность носила авральный и реактивный характер (реактивный в том смысле, что управленческие решения и стратегии часто определялись ситуативными вызовами со стороны внешней среды организации, были реакцией на эти вызовы). В этой ситуации оказались очень востребованными западные теории и практики менеджмента, постепенно росло осознание значимости культурного фактора в управлении персоналом [7].

Теоретический анализ роли культуры в управлении персоналом в США был обусловлен не только накоплением знаний об управлении в рамках западных обществ, но и внешним фактором — неожиданно быстрым ростом японской экономики в 70–80-е гг. прошлого века. Этот успех был во многом обусловлен особым типом управления японских корпораций, который базировался на японской культурной традиции, очень отличавшейся от западной.

Японский тип управления персоналом в рамках корпораций базировался на принципах, практически противоположных западной модели. Он подразумевал специфическое сочетание огромного почтения к менеджменту корпораций с высокой степенью включенности персонала в деятельность корпорации, восприятие корпорации как большой семьи, в благе которой заинтересованы все, но управляющие несут большую ответственность за результат, чем подчиненные. В японских корпорациях от работников любого уровня требуется готовность усердно работать, превышая установленные нормы, поддерживать общий дух корпорации, участвовать не только в труде, но и в общих ритуалах корпорации, чувствовать свою ответственность не только перед начальством, но и перед сослуживцами [8].

В японских корпорациях большую роль играла именно коллективная ответственность, когда работник отвечал за группу, но и группа отвечала за работника. Это групповое воздействие делало ненужным вмешательство вышестоящих в управление качеством труда, работники сами стремились контролировать его и воздействовать на тех, кто по какой-то причине работал плохо. Кроме того, японские корпорации практиковали пожизненный найм работников, успешно прошедших испытательный срок. Это мотивировало людей на полную отдачу всех сил корпорации. Коллективизм, круговая порука, иерархизм, пожизненный найм — все это противоречило принятым в западном обществе моделям управления, которые подчеркивали значимость не сотрудничества, а конкуренции между работниками, поощряли их желание выдвинуться, «показать себя». В то же время западный работник никогда не стал бы добровольно перерабатывать сверх установленных норм, он не отождествляет своих личных интересов с организаци-

ей. Все это связано с западной культурой индивидуализма и духом соперничества. В такой культурной среде попытки воспроизводить японские практики выглядели бы фальшиво и не дали бы заметного улучшения. Однако необходимость учитывать мотивацию работников, необходимость формирования солидарности, в основе которой лежит общий дух, общие цели и ценности, повлияли на формирование моделей управления персоналом в западных организациях.

Сравнение западного и японского типа управления организациями и персоналом показало, что управление не единообразно, разные типы управления могут вести к эффективности или, наоборот, ей препятствовать. Попытки перенести японскую модель управления в западные организации были не слишком успешны, поскольку в западных обществах японские методы выглядели чужеродными, они не подходили людям с западным менталитетом. Попытки внедрять японские методы наблюдались и в постсоветской России, но и здесь они не прижились, как не слишком успешно приживались в России и западные модели управления организационной культурой и персоналом.

Любая организация находится в определенном культурном окружении. Каждый работник, нанимаемый организацией, представляет собой не чистый лист, на котором можно писать что угодно, но личность с определенным культурным опытом или, говоря словами П. Бурдьё, с определенным габитусом [9], потому задача управления состоит в том, чтобы организовать эффективное управление персоналом, опирающееся не только на нормы отдельной корпоративной культуры, но и на нормы культуры, доминирующие в социуме в целом. Иными словами, культура организации должна соответствовать культуре общества, если это возможно. Проблема состоит в том, что довольно часто доминирующие в обществе культурные нормы и ценности могут противоречить тем требованиям, которые организация предъявляет работникам. Успех японских корпораций был обусловлен удачным сочетанием западной модели капиталистического производства и сохранившегося в Японии общинного духа [10]. Но синтез своих и чужих культурных моделей не всегда бывает удачным.

Культурная специфика управления в России. На формирование управленческих моделей в российском обществе огромное влияние оказывал советский опыт, избавиться от которого оказалось сложнее, чем от руководящей и направляющей роли КПСС. Специфика этого опыта состоит в том, что он сочетает авторитаризм и бюрократизм, а также отсутствие инициативы у большинства работников — только в российской среде могла сформироваться поговорка «инициатива наказуема». Такая установка отличается и от западной, и от японской «модели» работника. В западной культуре работник должен быть нацелен на активность и инициативу, это дает преимущество в конкуренции с другими работниками. В японской модели работник отождествляет себя с коллективом и работает не только ради собственной карьеры, но и для коллектива, его мотивация достаточно высока. Российский работник отличается от этих моделей. Он нацелен только на выполнение собственной задачи с наименьшими усилиями и отчужден как от руководства, так и от коллектива. «Коллективизм», нередко приписываемый российским работникам, на деле — всего лишь отсутствие личной инициативы в условиях неопределенности ее результатов. Для российских работников характерен не столько коллективизм как солидарность, сколько коллективизм как круговая порука. Это связано с незащищенностью работника от произвола руководства, порождающей спонтанные практики ускользания от ответственности. Коллектив по мере сил «прикрывает» нарушителя, поскольку в следующий раз может потребоваться прикрыть любого другого. Карьера работника в российских условиях отнюдь не всегда связана с адекватной оценкой качества его труда руководством, потому нет резона доказывать свои профессиональные качества сверх необходимого минимума. «Незаменимых нет» — еще одна культурная установка, влияющая негативно на мотивацию российского персонала и российских руководителей.

Как отмечает А.П. Прохоров [11], для отечественной модели управления персоналом характерны следующие особенности:

— низкое значение конкуренции, причем как внутри организаций, так зачастую и между ними. Проблема в том, что в Рос-

сии не сложилась полноценная рыночная среда. Преимущество в конкуренции часто дают не индивидуальные достижения (в случае работника) и не высокая эффективность (в случае организации), а такие факторы, как, например, умение использовать административный ресурс и «договариваться»;

— высокая степень централизации управления. Это традиционный российский бюрократизм в разных его проявлениях. В российском управлении почти не практикуется делегирование полномочий или учет мнения работников. От работников, как правило, не требуют инициативы, напротив, инициатива часто карается. Это определяет и формы управления персоналом;

— маятниковый режим трудовой активности. Ситуации повышения активности (знаменитый российский «аврал») чередуются с периодами спокойствия и почти застоя. Как отмечают многие исследователи, эта черта имеет глубокие исторические корни в особенностях крестьянского труда в России с ее климатическими условиями. В советский период эта черта вновь проявилась в связи с необходимостью наверстывать «план» в сжатые сроки;

— уравнительность. В рамках российской культуры, в том числе и хозяйственной, высока ценность равенства и, наоборот, неприязнь к «выскачкам». В современных условиях эта черта способна ограничивать инициативу работника, которому «больше всех надо»;

— двойственность существующих норм, преобладание неформальных отношений над формальными. В теоретическом менеджменте проблема сочетания неформального и формального аспекта организационной структуры известна давно, эта черта присуща всем организациям. Но в российских условиях преобладание неформальной стороны взаимодействия в рамках организации имеет особенно большое значение. Продвижение сотрудников, их найм и увольнение чаще зависят от неформальных отношений, чем от формальных показателей эффективности труда и формальных правил. Это связано с укорененной в российской культуре неприязнью к «формальным нормам», важной ролью «знакомств» и «блата» в трудоустройстве и карьере.

Наследием позднесоветской управленческой культуры является специфическое двоемыслие, ситуация, когда работники различают «официальный дискурс» управленцев (имеющий ритуальное значение) и «реальную жизнь». В советских условиях формирование данной черты было обусловлено присутствием официальной идеологии, в которую никто всерьез уже не верил. В современных условиях столь же скептически могут восприниматься усилия менеджмента сформировать «корпоративную культуру» в соответствии с западными учебниками [12, 13, 14]. Работники привычно демонстрируют внешнюю лояльность, участвуя в корпоративных мероприятиях, но на самом деле не испытывают ни общности корпоративного духа, ни ответственности за судьбу организации и трудового коллектива [14], причем подобный скепсис имеет вполне реальные причины, ряд из которых мы рассмотрели выше.

Несмотря на отчуждение персонала от руководства организацией, российская организационная культура несет на себе печать патернализма [15]. Работники склонны ожидать от руководства определенных гарантий и «понимания» нужд и потребностей работников. И эти ожидания находятся в резком противоречии с реальностью современной России, когда даже многие государственные и тем более частные организации не желают или не могут брать на себя даже предусмотренные законом социальные обязательства перед работниками [16]. Значительная часть экономической активности находится в сфере неформальной, где отношения между работодателем и наемным работником строятся на неформальных договоренностях, которые допускают определенные взаимные уступки, но не подразумевают практически никаких гарантий для работника. Противоречие между патерналистскими ожиданиями и реальными обстоятельствами усиливает недоверие работников к руководству. Необходимость действовать в ситуации высокой неопределенности и зачастую правовой незащищенности накладывает отпечаток и на менеджмент, и на персонал современных российских организаций, не способствуя эффективности их деятельности.

Заключение. Выделенные в статье характеристики управления в современном рос-

сийском обществе обусловлены культурными и историческими факторами. Особенное влияние на российские практики управления имеет советский опыт, который, в свою очередь, имел в качестве предпосылки традиции российского управления в целом, специфическую ментальность. Стремясь усовершенствовать управление персоналом сегодня, необходимо осознавать, что принятие любых моделей управления, сформированных в других культурных контекстах, должно опираться на понимание культурных особенностей российского общества.

Литература

1. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — №11. — С. 175–180.

2. Белов М.Т., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 186–193.

3. Алексеев А.С., Пантелеев С.С., Голодаев Д.М., Савина А.О., Крыжевская С.И., Васина А.В. Особенности современного российского стиля управления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 43. — С. 180–184.

4. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии Covid-19. Монография. — Москва, 2020.

5. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 147–158.

6. Воденко К.В., Самыгин С.И., Волков Ю.Ю., Иванченко О.С. и др. Экономика и социология труда. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. — 308 с.

7. Десслер Г. Управление персоналом. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. — 799 с.

8. Стивак В.А. Организационное поведение и управление персоналом. — СПб.: Питер, — 2000. — 416 с.

9. Руденко А.М., Котлярова В.В., Самыгин С.И., Попов А.В., Дорошенко А.Ю., Латышева А.Т. Управление персоналом. — Ростов-на-Дону, 2020. — 319 с.

10. Самыгин С.И., Колесникова Г.И., Епифанцев С.Н. Социология и психология управления. — М.: Кнорус, 2020. — 254 с.

11. Прохоров А.П. Русская модель управления. — М.: Эксмо, 2009. — 384 с.

12. Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — №9. — С. 26–29.

13. Гафиатулина Н.Х. Влияние корпоративной культуры вуза на социальное здоровье студенческой молодежи // Образование. Наука. Инновации. — 2012. — №6 (26). — С. 113–119.

14. Belov M. T., Vaskov M. A., Vorobyev G. A., Burmistrov S. V., Samygin S. I. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization / In the book: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 291–298.

15. Белов М.Т., Рачина А.В., Самыгин С.И. Факторы стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — №9. — С. 15–18.

16. Ахматова А.С., Волочай А.В. Особенности управления персоналом на различных этапах жизненного цикла организации / В сборнике: Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. — 2016. — С. 242–244.

References

1. Gafiatulina N. H. Social'noe zdorov'e i socializacija rossijskoj studencheskoj molodezhi

[Social health and socialization of Russian students] // Social'no-gumanitarnye znanija [Social and humanitarian knowledge]. — 2014. — №11. — Pp. 175–180.

2. *Belov M. T., Gafiatulina N. H., Samygin S. I.* Upravlenie religioznymi orientirami v soznanii sovremennoj molodezhi [Management of religious landmarks in the minds of modern youth] // Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet (RINH) [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 186–193.

3. *Alekseev A. S., Panteleev S. S., Golodaev D. M., Savina A. O., Kryzhevskaja S. I., Vasina A. V.* Osobnosti sovremenogo rossijskogo stilja upravlenija [Features of modern Russian management style] // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodological electronic journal]. — 2016. — Vol. 43. — Pp. 180–184.

4. *Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin P. S., Samygin S. I.* Rossijskoe obshhestvo v uslovijah samoizoljicii. Social'nye jeffekty i posledstviya pandemii Covid-19. Monografija [Russian society in the conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the Covid-19 pandemic. Monograph]. — Moscow, 2020.

5. *Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin S. I.* Social'nyj immunitet rossijskogo obshhestva v uslovijah ugrozy koronavirusa: riski sociokul'turnoj travmatizacii [The Social immunity of the Russian society in terms of the threat of coronavirus: the risks of social and cultural traumatization] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 147–158.

6. *Vodenko K. V., Samygin S. I., Volkov Ju. Ju., Ivanchenko O. S. i dr.* Jekonomika i sociologija truda [Economics and sociology of labor]. — Moscow: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2019. — 308 p.

7. *Dessler G.* Upravlenie personalom [Personnel Management]. — Moscow: BINOM. Laboratorija znanij, 2004. — 799 p.

8. *Spivak V. A.* Organizacionnoe povedenie i upravlenie personalom [Organizational behavior and personnel management]. — Saint-Petersburg: Piter, — 2000. — 416 p.

9. *Rudenko A. M., Kotljarova V. V., Samygin S. I., Popov A. V., Doroshenko A. Ju., Latysheva A. T.* Upravlenie personalom [Personnel Management]. — Rostov-on-Don, 2020. — 319 p.

10. *Samygin S. I., Kolesnikova G. I., Epifancev S. N.* Sociologija i psihologija upravlenija [Sociology and psychology of management]. — Moscow: Knorus, 2020. — 254 p.

11. *Prohorov A. P.* Russkaja model' upravlenija [Russian model of management]. — Moscow: Jeksmo, 2009. — 384 p.

12. *Burmistrov S. V., Volochaj A. V., Samygin S. I.* Motivy trudovoj dejatel'nosti v sisteme upravlenija personalom organizacii [Motives of labor activity in the organization's personnel management system] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences]. — 2019. — №9. — Pp. 26–29.

13. *Gafiatulina N. H.* Vlijanie korporativnoj kul'tury vuza na social'noe zdorov'e studentcheskoj molodezhi [Influence of corporate culture of the University on the social health of students] // Obrazovanie. Nauka. Innovacii [Education. The science. Innovation]. — 2012. — №6 (26). — Pp. 113–119.

14. *Belov M. T., Vaskov M. A., Vorobyev G. A., Burmistrov S. V., Samygin S. I.* Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization / In the book: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 291–298.

15. *Belov M. T., Rachipa A. V., Samygin S. I.* Faktory stimulirovanija trudovoj motivacii pri upravlenii personalom organizacii [Factors stimulating motivation in managing the organization's staff] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanitarian, socio-economic and social Sciences]. — 2019. — №9. — Pp. 15–18.

16. *Ahmatova A. S., Volochaj A. V.* Osobnosti upravlenija personalom na razlichnyh jetapah zhiznennogo cikla organizacii [Peculiarities of personnel management on different stages of the life cycle of the organization] / V sbornike: Modernizacija jekonomiki Rossii: otraslevoj i regional'nyj aspekt. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo

sostava, molodyh uchenyh i studentov [In the book: Modernization of the Russian economy: industry and regional aspects. Materials of the international scientific and practical conference of the teaching staff, young scientists and students]. — 2016. — Pp. 242–244.

Поступила в редакцию

28 сентября 2020 г.

Белов Михаил Тимофеевич — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление персоналом и социология» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Belov Mikhail Timofeevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: kafedraypis@mail.ru

Волочай Анна Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Volochay Anna Vladimirovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: anna64.01@eandex.ru

Самыгин Сергей Иванович — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Samygin Sergey Ivanovich — Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

УДК 340:165.412.3

10.17213/2075-2067-2020-5-256-264

ПАРАДОКСЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2020 г. Я. Ю. Искендерова, И. А. Левченко, Т. Л. Серезжникова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является анализ парадоксов правовой культуры в российском обществе, которые можно охарактеризовать как противоречия, возникающие в восприятии, оценке и интерпретации норм и ценностей права на уровне массового сознания россиян.

Методологическую базу исследования представляют определенные концептуальные схемы, которые позволяют охарактеризовать парадоксы правовой культуры и в классическом варианте социальной аномии Э. Дюркгейма, и в неклассической схеме социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Также исследование базируется на идеях современных российских исследователей Ж. Т. Тоценко, Н. Е. Тихоновой, которые отмечают, что в российском обществе сложилась противоречивая социальная структура, которая показывает расхождения между нормативной моделью общества переходного периода и социальной реальностью. Парадокс выявляется в том, что в чистом виде не действуют факторы социальной стратификации, что основные методологические проблемы определяются расхождением между реальным и субъективным социальным статусом россиян.

Результаты исследования. При применении теоретической конструкции субъектно-деятельностного подхода в качестве результатов предлагается определение парадоксов правовой культуры в рамках правового субъекта, соотносимого с интегральными показателями социальных групп и слоев российского общества. В статье содержится обобщающий вывод о том, что признавая безальтернативность гражданской правовой культуры как направленности на правовую саморегуляцию, необходимо избежать схематизма правового нормативизма и акцентирования исследовательского внимания на традиции неписаного права в массовом сознании россиян.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ парадоксов правовой культуры в российском обществе.

Ключевые слова: парадоксы; правовая культура; правовые установки; правовой субъект; правовая компетентность; правовая саморегуляция.

PARADOXES OF LEGAL CULTURE IN RUSSIAN SOCIETY

© 2020 Y. Y. Iskenderova, I. A. Levchenko, T. L. Serezhnikova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is to analyze the paradoxes of legal culture in Russian society, which can be characterized as contradictions that arise in the perception, assessment and interpretation of the norms and values of law at the level of mass consciousness of Russians.

The methodological basis of the study is represented by certain conceptual schemes that allow us to characterize the paradoxes of legal culture both in the classical version of social

anomie by E. Durkheim and in the non-classical scheme of social construction of reality by P. Berger and T. Lukman. The research is also based on the ideas of modern Russian researchers Zh. T. Toshchenko and N. E. Tikhonova, who note that the Russian society has a contradictory social structure, which shows discrepancies between the normative model of society in transition and social reality. The paradox is revealed in the fact that the factors of social stratification do not work in their pure form, and that the main methodological problems are determined by the discrepancy between the real and subjective social status of Russians.

The results of the study. *Applying the theoretical construction of the subject-activity approach, the results are proposed to determine the paradoxes of legal culture within the legal entity, correlated with the integral indicators of social groups and strata of Russian society. The article contains a generalizing conclusion that recognizing that there is no alternative to civil legal culture as a focus on legal self-regulation, it is necessary to avoid schematism of legal normativism and focus research attention on the tradition of unwritten law in the mass consciousness of Russians.*

The prospect of the study. *Further sociological analysis of the paradoxes of legal culture in Russian society is a perspective of the research.*

Key words: *paradoxes; legal culture; legal attitudes; legal subject; legal competence; legal self-regulation.*

Введение. Правовая ситуация в российском обществе характеризуется транзитивным состоянием, так как речь идет о том, что легитимация нового социально-правового порядка обусловлена и сопровождается парадоксами правового поведения и правовой культуры россиян. По этой теме неоднократно высказывались видные российские правоведы, политологи и социологи. Казалось бы, вердикт ясен, и вопрос состоит в том, что российскому обществу трудно расстаться с недавним прошлым, что очевидно влияние социокультурной травмы, обусловленной распадом страны и неоднозначными социальными реформами. Тем не менее, есть актуальность анализа правовой культуры как социокультурного феномена, определяющего социальные настроения россиян по отношению к правовой сфере, к модели социально-правового порядка и правовым стратегиям.

В этом смысле показателен следующий факт: российское общество осознало невозможность поворота к прошлому, что является результатом социальной ностальгии, но не мотивацией массового поведения. Однако, стабильным можно назвать парадоксы правовой культуры, то, что российский социолог Ж. Т. Тощенко описывает как метаморфозы общественного сознания [7]. Описание современной реальности, согласно его позиции,

не позволяет приумножать общеизвестные факты, но сложность изучения правовой культуры российского общества заключается в том, что превращенные формы массового сознания порождают не только эффект «расколотости», но и требуют во имя достижения объективных критериев исследований, концентрации внимания на парадоксах, имеющих и объективный, и субъективный смыслы.

Для того чтобы не породить феномены ложного сознания, вероятно, следует, признавая реальности переходного периода, уходить от штампов «маргинализованного сознания», «патологического сознания», отречься от иллюзий по поводу скорых перемен в правовой культуре и главное — диагностировать правовую культуру в контексте парадоксов как противоречия между оценками и реальным влиянием правовой культуры, расхождением стереотипов и официального дискурса, принятого в правовой сфере. Иными словами, нужно рассматривать парадоксы правовой культуры не только как следствие субъективных ошибочных намерений и стремлений индивидов, с трудом адаптирующихся к новым социально-экономическим и социально-политическим реалиям, но и принимать во внимание возможность воспроизводства парадоксов в рамках «симбиоза» в правовой культуре социальных групп и слоев, форми-

рующих структуру российского общества, взаимоисключающих друг друга оценок, установок, ориентиров и намерений [7, с. 55].

Проблемы парадоксов в правовой культуре российского общества. Актуальность осмысления парадоксов правовой культуры в российском обществе очевидна потому, что вне нейтрализации парадоксов представляется маловероятной модернизация правовой культуры, приведения ее в соответствие с правовыми нормами и стандартами, уменьшение влияния сферы неправовой свободы и в конечном счете создание работающих механизмов правовых практик. Нахождение общества в состоянии социальной и правовой дезориентации имеет негативные последствия для социальной интеграции, вызывает параллелизм жизненных и культурных форм, приводит к отчуждению и недоверию по отношению к политическим и правовым институтам и на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Поэтому, осознавая сложность проблемы парадоксов в правовой культуре российского общества, нельзя ограничиться констатацией фактов или предложить малообъяснительную схему. Социологическая мысль наработала определенные концептуальные схемы, которые позволяют охарактеризовать парадоксы правовой культуры и в классическом варианте социальной аномии Э. Дюркгейма, и в неклассической схеме социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Однако, правовая культура в российском обществе формируется под влиянием социокультурного контекста и требует, как писал П. Штомпка, включения механизма социологического воображения, выработки социологического языка, позволяющего принять и понять разнообразие форм, в которых проявляется правовая культура в российском обществе, определить перспективы правового поведения в рамках норм и ценностей правовой культуры, принимать во внимание влияние «прошлого» и сделать акцент на возможных изменениях, динамике правовой культуры [11].

Разумеется, механический перенос аналитических образцов, накопленных зарубежной социологической мыслью, приводит только к рецессивности, привязке российских

реальностей к социологическим абстракциям, и для того чтобы избежать отдаленности социологического мышления от социальной и правовой реальности, требуется принятие методологических принципов, связанных с субъектно-деятельностным подходом, результативно реализуемым российскими учеными в исследовании социального сознания и самосознания, массовых настроений россиян, описания жизненных стратегий, того, что характеризуется субъективной сферой социальной жизни.

Следует отметить, что парадоксы правового сознания в российском обществе принимались во внимание учеными, но их интерпретация основывалась на приоритете идеологических допущений: либеральная мысль истолковывала парадоксы в рамках отсталости, традиционализма, архаичности «русского человека», в особенностях отношений между обществом, личностью и государством, наследия недавнего прошлого, и как современная интерпретация — приоритет неписаного права и негативная мобилизация.

С другой стороны, их оппонентам не хватает аргументов, связанных с тем, что правовая система в российском обществе является мощным инструментом социокультурной модернизации, что правовая культура не эпифеноменальна, что парадоксы правовой культуры не являются кратковременными и их анализ требует применения системных оценок и подходов и определения шансов и перспектив субъективных схем восприятия правовой культуры.

В российском обществе сложилась, как отмечает Н.Е. Тихонова, противоречивая социальная структура, которая показывает расхождение между нормативной моделью общества переходного периода и социальной реальностью. Парадокс выявляется в том, что в чистом виде не действуют факторы социальной стратификации, что основные методологические проблемы определяются расхождением между реальным и субъективным социальным статусом россиян, но если бы дело ограничивалось только социальными самооценками. Не работает «правило» социетального подхода, которое определяет общество как целостную систему. Дело в том, что в социальных отношениях российского общества присутствует воспроизводство

«традиционности», того, что можно описать эффектом неписаного права, с другой стороны, выявляется тенденция «модернизованности», результатом которой можно назвать критериальные приоритеты доходов, образованности, профессионализма личности, а на групповом уровне — социальный эффект, социальный капитал.

Эмпирические исследования определяют сложность вертикальной и горизонтальной социальной стратификации [6]. Выстраивание имеющей высокую социологическую достоверность стратификационной схемы, необходимой для анализа парадоксов правовой культуры в российском обществе, содержит ограничения в том, что недостаточно ясны взаимозависимости правовой культуры и социального статуса (позиции) россиян. В попытках ответить на вопрос о влиянии социоструктурного фона на правовую культуру в российском обществе исследователь должен видеть не только одномерные связи жизненных шансов и социальной мобильности личности с принятием определенного типа правовой культуры, но и постараться понять, каким образом можно избежать нормативистского подхода, при котором правовая культура неизбежно попадает под определение незрелой и несостоявшейся.

Кроме того, с учетом трудностей актуализации в исследовании правовой культуры российского общества социально-детерминистской и социоресурсной схем наиболее важной представляется идея специфики правовых ценностей и установок россиян. Касаясь такого исследовательского шага, требуется помнить о том, что ценности и установки правовой культуры имеют различные значения для социальных слоев и групп: социально-компенсирующее и социально-адаптивное для низкостатусных социальных групп, социально-ориентационное для групп со средне-статусными позициями и «монополистическое» — для властной и экономической элит.

Не утверждая однозначно, что парадоксы правовой культуры в российском обществе порождены установками на принятие или отклонение норм и ценностей правовой культуры, можно говорить о том, что правовая культура определяет активную направленность на личностном и групповом уровнях воспринимать и формировать схемы восприятия

права и оценивать свою способность влиять на социальную ситуацию на основе применения правовых норм.

Невозможно понять парадоксы правовой культуры российского общества, если не принять точку зрения, согласно которой внимание исследователя сосредотачивается на социологическом измерении правовой субъектности, конкретных социальных групп и слоев как способности актуализировать правовые нормы, ценности и установки для достижения определенных жизненных планов и выстраивания отношений в социуме.

Определение того, что является критериями правовой субъектности, связано с выведением трех показателей. Во-первых, восприятие права в качестве механизма и ценности общественной жизни. Во-вторых, правовая компетентность, знания и способности, ориентированные на реализацию правовых норм, установки на право как прагматическую, ситуативную или фундаментальную ценности [5]. В-третьих, выведение степени правовой субъектности на основе предпочтительности или отклонения правового поведения, реализуемого в легальных или иллегальных практиках.

Анализ схем восприятия права в российском обществе показывает на основе результатов социологических исследований парадоксальную картину, обнаруживаются расхождения между позитивным принятием правовой культуры как необходимой современному человеку и ее приоритет в оценке культурных и интеллектуальных горизонтов личности и инструментальным активизмом, ситуативным выбором правовых норм и ценностей, что демонстрирует взаимоисключающие оценки, особенно на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Россияне уверенно оценивают сложившуюся правовую систему как итог произошедших в обществе социальных и политических преобразований. И вместе с тем правовая система не относится к значимым результатам в массовых оценках и суждениях. Точнее, проблемы развития правовой системы воспринимаются через такие опосредующие факторы, как «социальная несправедливость», «преступность», «бюрократия», «дисциплина и порядок» [2]. Пожалуй, наиболее приближенными показателями, характеризующими реальную правовую культуру

туру, можно квалифицировать дисциплину и порядок. Иными словами, в обществе сохраняется запрос на принудительное право, ориентированное на авторитет государства. Здесь следует учитывать следующее: так как дисциплина и порядок носят характер позитивного определения, данная позиция обуславливает парадокс правовой культуры в том, что фиксируется императивность правовых норм и ценностей, но правовая культура не входит в понятие духовности личности. Акцент делается на прагматике права, что приводит к оттеснению правовой культуры на уровень «необязательности».

В сложившихся социальных диспропорциях социальная справедливость, являясь «пустым понятием», под которое попадают разнонаправленные интерпретации, «затеняет» правовую культуру с идеалами правовой справедливости и правового равенства. Исследователю может показаться, что россияне испытывают недоверие к институту права в силу формализма и нереализуемости правовых норм и ценностей, но в этом контексте игнорируется парадокс правовой культуры в российском обществе. Правовая субъектность россиян является «частичной», то есть достаточной для признания и одобрения права как имеющей конкретную социальную функцию, но не соответствующую тому, что можно назвать доверием к правовой системе, и ее принятию в качестве необходимого условия развития личности и общества.

Конечно, можно сослаться на тенденцию в правовой культуре за рубежом, о которой немецкий ученый Ю. Хабермас пишет как о двойственности правовых стандартов, отходе от норм и ценностей правового модерна, об эрозии и исчезновении ценности права в рамках принятия концепции мультикультурализма [8]. В российском обществе доминирует суждение о правовой культуре на уровне здравого смысла, что означает парадокс (расхождение) между правовыми институтами, ассоциируемыми с властью, и стереотипами массового сознания, в которых правовая культура не присутствует системно, интенсивно проявляется на социально-реактивном уровне, но не может быть охарактеризована как качество субъектности. В этом смысле есть основание считать, что в обществе не сложилась референтная группа как обра-

зец правовой культуры, что ожидания по поводу выполнения такой общественной миссии российского среднего класса оказались неверными.

Судя по социологическим данным, приоритетным является противоречие между «чиновниками и гражданами», и парадокс проявляется в том, что население на уровне повседневных практик не осознает себя правовым субъектом, так как направлено на актуальность формулы «сложности отстаивания интересов» на основе ориентации на ценность права [2]. Подобная ситуация может охарактеризоваться как деформированность правовых ориентаций россиян, поскольку возникает расхождение между признанием правовой культуры как общественной ценности, и в то же время ее назначение определяется преимущественно негативными коннотациями общественной жизни. К тому же снижается интерес к становлению правового субъекта, так как «по умолчанию» респонденты полагают свое отношение к общественной ценности права через опосредующие условия «присвоения» права. Имеется в виду, что возникает предопределенность, связанная с тем, что правовые институты не действуют в интересах граждан и закрепляют монополизм элитных групп.

Возможно, поэтому российские социологи отмечают, что «средний класс» в российском варианте оказался не готовым к тому, чтобы быть носителем гражданско-правовых добродетелей, что приоритет потребительских интенций среднего класса не означает соразмерность правовых притязаний. Российский социолог О. И. Шкаратан пишет, что господствующий в России тип социетальности содержит основные черты этакратизма [10]. В данном смысле социолог подчеркивает, что огромное влияние на становление правовой культуры в российском обществе оказывает то, что можно назвать «странностями» правовой системы: прочность и устойчивость социально-правовому порядку придают массовые установки на принятие права в контексте отношений личности и государства, что же касается такого аспекта, как общественная ценность права, можно говорить только с уверенностью о преобладании «номенклатурности», соизмерения ценности права с социально-дистрибутивным отношением.

Социологический анализ состояния правовых субъектов в российском обществе дает основание считать, что доминирование «частичных» правовых субъектов создает двойственный парадокс. С одной стороны, не возникают референтные по отношению к праву группы и правовая культура рассматривается в контексте реального доступа к ресурсам права, что отменяет принцип универсализма правовой культуры, с другой стороны — наблюдаемая институционализация иллегальных и полуполюгальных поведенческих практик выводит на мысль о замещении корпоративного права и корпоративной этики позицией отклонения права.

В любом случае не работают схемы «азиатской государственности», в которых правовая культура не может утвердиться в силу произвола власти и закрытости возможностей обретения гражданско-правовых качеств. Необходимо отметить, что возникает желание «быть в тени» и использовать правовые нормы выборочно, инструментально. В этих условиях правовая культура не может быть иной, как содержащей парадоксы, расхождения между декларируемыми позициями одобрения права и реальными установками на допустимость полуполюгальных и иллегальных практик.

Возникает явление правовой гиперреальности, когда у респондентов формируются особые «фоновые ожидания», правовые установки, имеющие несистемный, ситуационный характер, но позволяющие адаптироваться в «размытой» правовой среде [9]. Не стоит удивляться, что правовая культура в российском обществе не выполняет полностью миссию рационализации общественных отношений — этому препятствует не доминирующий частичный правовой субъект, а то, что можно описать как состояние сниженной правовой компетентности. Американские социологи в 70-е годы XX века отмечали риски корпоративизации правовой культуры, то, что в общественных отношениях формируются механизмы функционирования правовых институтов, которые нельзя объяснить с помощью правовых норм и концепций, поскольку есть расхождение между реальными установками и нормами права [1]. Парадоксальность описываемой ситуации заключалась в том, что при декларировании приоритета

правовых норм возникали риски правового присвоения юридической корпорации в силу обоснования правовой некомпетентности большинства населения.

Обращая внимание на уровень правовой компетентности в российском обществе как стартового условия для перехода от частично-правового субъекта к состоянию правовой саморегуляции на межличностном и групповом уровнях, стоит отметить следующий факт: при анализе «идеального общества» в мечтах людей в России и в Китае подчеркивается, что в Китае действует непрерывность традиции «справедливость как порядок», то есть правовая система воспринимается как «веление власти», но предполагает правовую компетентность населения, способность обращаться к правовым нормам для достижения социальной справедливости [4].

В российском «варианте» проявляется парадоксальность восприятия правовой компетентности как желательной, но не обязательной, не имеющей влияния на социальное самочувствие, социальную самоидентификацию и социальную самооценку. В этом смысле правовая компетентность уступает правовой ресурсности личности и ассоциируется не столько с достижением социальной справедливости или успехами личности, речь идет о формировании по образу жизни, набору ценностей, правовым предпочтениям «консенсуса» относительно минимальных стандартов правовой компетентности как социального маркера, позволяющего действовать с определенной степенью доверия к конкретной личности и конкретной группе.

Это выражается в том, что при анализе показателей доверия в отношении правовых институтов обращается внимание на средний «уровень» доверия (32% — к правоохранительным органам, 26% — к судебной системе) [3]. На первый взгляд, напрашивается вывод о том, что правовые институты обладают более низкими показателями доверия не в силу дисфункциональности, неэффективности правовой системы и под влиянием традиции «неписаного права». Однако, проявляется парадоксальность правовой культуры, которая акцентирует внимание на допущении недоверия, и в правовых установках россиян прослеживается «отсутствие сопричастности правовой регуляции».

Отмеченный уровень доверия к правовым институтам отражает парадоксальную ситуацию, которая может быть описана как расхождение между принятием права «должным» в обществе, но не подтверждающимся на уровне оценок здравого смысла. Это при том, что не конкурируя с значимостью власти, культуры, науки, правовые ценности и нормы характеризуются необходимыми показателями, ограничивающими влияние неправовой свободы. В то же время правовые установки не достигают диспозиционной регуляции, не являются феноменами ценностных ориентаций и не формируют направленность личности на принятие права как содержащей не только оценочный, но и когнитивный, и поведенческий смыслы.

Иными словами, в преодолении «частичного» правового субъекта в российском обществе для перехода к действующей правовой субъектности проявляется разрыв между признанием доминанты права в современном российском обществе и принятием социально фиксированных установок на осознание частичности права. В таком контексте нет уверенности в том, что преодолеваются различия уровня доминирующей направленности интересов, которые могут иметь неправовой характер, и декларируемых ориентаций на ценность права.

Очевидно, что выход на состояние правовой субъектности как действия гражданско-правовых норм, сопряженных с ответственной личностью и стремлением к правовой идентификации на групповом уровне, не является достижением ближайшего будущего.

Заключение. Парадоксальность правового сознания в российском обществе реально отражает сложности социальных транзитов и не может быть интерпретирована в качестве противоречий между прошлым неправовым состоянием и внедрением правового порядка в постсоветский период. Как показывает анализ правовой культуры россиян, если определять ее интегральные характеристики, которые, разумеется, дифференцированы в различных социальных группах и слоях, парадоксы выявляются на уровне восприятия, интерпретации и поведения.

Во-первых, правовая культура в российском обществе содержит парадоксы «со-

знания», взаимоисключающие ориентации на «должное» право и необязательность в повседневных практиках на уровне «здравого смысла». Это связано с тем, что действует «дуализм» правовых норм и социальных стереотипов. Во-вторых, в этой ситуации правовой субъект в российском обществе, которого можно характеризовать как носителя нормативной правовой культуры, «частичен», ориентирован на принятие общей обязательности права в соотношении с групповыми интересами. В восприятии права присутствуют социально фиксированные установки, направленные на полезность правовых норм, но не включающие отношение к праву на основе правовой компетентности, способствующей осознанию права на уровне правовой саморегуляции.

И, наконец, работает механизм отклонения от сопричастности правовым нормам. Здесь можно сослаться и на подданическую культуру, этакратизм, и, как следствие, апатии в отношении иллегальных практик. Однако, попытка взглянуть на парадоксы правового сознания в российском обществе как состояние бесконечной правовой незрелости не могут быть интерпретированы как продуктивные.

Парадоксы правовой культуры фиксируют проблемную ситуацию построения правового общества, в котором достижение правовой саморегуляции не может быть подвержено сомнению, так как является реальным способом преодоления социокультурных травм и формирует базовый ценностный консенсус, вне которого трудно говорить о легитимации права на уровне субъективных социальных значений и смыслов.

Литература

1. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М., 1972.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. — Т. 1. — М., 2016.
3. Российское общество и вызовы времени. — Кн. 2. — М., 2015.
4. Россия и Китай. «Идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае. — М., 2016.
5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. — М., 2013.

6. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теория и реальность. — М., 2014.

7. Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. — М., 2001.

8. Хабермас Ю. Расколотый запад. — М., 2008.

9. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. — М., 2014.

10. Шкаратан О. И. Теория и реальность. — М., 2012.

11. Штомпка П. Социология. — М., 2005.

References

1. Amerikanskaja sociologija. Perspektivy. Problemy. Metody [American sociology. Perspectives. Problems. Methods]. — Moscow, 1972.

2. Gorshkov M. K. Rossijskoe obshhestvo kak ono est' [Russian society as it is]. — Vol. 1. — Moscow, 2016.

3. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni [Russian society and challenges of time]. — Vol. 2. — Moscow, 2015.

4. Rossiya i Kitaj. «Ideal'noe obshhestvo» v mechtah ljudej v Rossii i Kitae [Russia and China. «Ideal society» in the dreams of people in Russia and China]. — Moscow, 2016.

5. Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: dispozicionnaja koncepcija [Self-regulation and forecasting of social behavior of personality: dispositional concept]. — Moscow, 2013.

6. Tihonova N. E. Social'naja struktura Rossii: teorija i real'nost' [The Social structure of Russia: theory and reality]. — Moscow, 2014.

7. Toshhenko Zh. T. Paradoksal'nyj chelovek [Paradoxical people]. — Moscow, 2001.

8. Habermas Ju. Raskolotyj zapad [Divided the West]. — Moscow, 2008.

9. Chuprov V. I., Zubok Ju. A., Romanovich N. A. Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshhestve: sociokul'turnyj mehanizm formirovanija i vosproizvodstva [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction]. — Moscow, 2014.

10. Shkaratan O. I. Teorija i real'nost' [Theory and reality]. — Moscow, 2012.

11. Shtompka P. Sociologija [Sociology]. — Moscow, 2005.

Поступила в редакцию

4 сентября 2020 г.

Искендерова Яна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Юриспруденция, философия и история» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Iskenderova Yana Yurievna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Philosophy and History, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: yaiskenderova@yandex.ru

Левченко Ирина Андреевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Юриспруденция, философия и история» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Levchenko Irina Andreevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Philosophy and History, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: Kirka_13.87@mail.ru

Сережникова Татьяна Леонидовна — старший преподаватель кафедры «Юриспруденция, философия и история» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Serezhnikova Tatyana Leonidovna — Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence, Philosophy and History, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: Jurisprudence-urgtu@yandex.ru

УДК 141.7

10.17213/2075-2067-2020-5-265-274

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА

© 2020 г. С. С. Черных

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования заключается в экспликации различных способов идентификации и классификации национализма, понимаемого в качестве серии мобилизационных процессов, в результате которых та или иная нация приобретает способность демонстрировать собственную «избыточность» и эксцессивность.

Методологическую базу исследования представляют работы ведущих исследователей национализма, которые осмысливали данный феномен сквозь призму модернизации и эгалитаризации наиболее развитых в экономическом и политическом плане европейских обществ (К. Калхун, Л. Гринфельд); в контексте права наций на самоопределение (Р. Брубейкер, Б. Як); посредством противопоставления этнической культуры и гражданской воли (Г. Кон); сквозь призму политики «положительной деятельности» (Т. Мартин); в контексте «имунно-сферологической» дескрипции наций как особых культурных систем (П. Слотердайк).

Результаты исследования. В статье делается вывод о том, что интеллектуальный уровень изучения национализма в той или иной степени находится в зависимости от социально-философских дискурсов модернизма и перенниализма. В статье раскрывается эгалитарный контекст понимания национализма, возникшего в период революционных преобразований ряда ведущих капиталистических государств Западной Европы. При этом обращается внимание на связь национализма с правом наций на самоопределение и вытекающими отсюда сепаратистскими тенденциями. В заключении отмечается необходимость синтеза методологических подходов понимания национализма и его основных разновидностей, связанных с нациестроительством и современной государственной политикой.

Перспективу исследования составляет дальнейшая разработка методологических подходов идентификации и классификации дискурсов о нации и национализме.

Ключевые слова: национализм; нация; государство; модернизм; перенниализм; сферология; эгалитаризм; сепаратизм; право нации на самоопределение; протонационализм.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF IDENTIFICATION AND CLASSIFICATION OF NATIONALISM

© 2020 S. S. Chernykh

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is to explicate various ways of identifying and classifying nationalism, understood as a series of mobilization processes, as a result of which a particular nation acquires the ability to demonstrate its own «redundancy» and excess.

The methodological basis of the study is represented by the works of leading researchers of nationalism, who primarily tried to comprehend this phenomenon: through the prism of modernization and egalitarianization of the most economically and politically developed European societies — K. Calhoun, L. Greenfeld; in the context of the right of nations to self-determination — R. Brubaker, B. Yack; by contrasting ethnic culture and civil will — H. Kohn; through the prism of the policy of «affirmative action» — T. Martin. The works of E. Smith demonstrated the difference between perennialism and modernism as between two theoretical paradigms of understanding nationalism. The studies of the modern philosopher P. Sloterdijk prompted us to the possibility of an «immune-spherological» description of nations as special cultural systems capable of supporting members of communities in ecstatic tension.

Results. The article concludes that the intellectual level of the study of nationalism, to one degree or another, depends on the socio-philosophical discourses of modernism and perennialism. The article reveals the egalitarian context of understanding nationalism that arose during the revolutionary transformations of a number of leading capitalist states of Western Europe. At the same time, attention is drawn to the connection between nationalism and the right of nations to self-determination and the separatist tendencies that follow from this. In the conclusion, the need to synthesize methodological approaches to understanding nationalism and its main varieties associated with nation-building and modern state policy is noted.

The prospect of the research is the further development of methodological approaches to the identification and classification of discourses about the nation and nationalism.

Key words: nationalism; nation; state; modernism; perennialism; spherology; egalitarianism; separatism; nation's right to self-determination; protonationalism.

Введение. Очевидно, что в основе национализма и его проявлений можно обнаружить дискурс о социально-политической, культурной и т.д. мобилизации индивидов под флагом «единой» нации, который, как правило, связан с идеей самоопределения (нации) и коллективного выбора в пользу того или иного государственного устройства, а также неотчуждаемых прав граждан, собственно входящих в нацию. Поэтому с проявлениями национализма мы встречаемся именно в тех ситуациях, когда речь идет о мобилизации той или иной («воображаемой» или еще не признанной) нации и побуждением ее представителей к социальной активности, понимаемой в довольно широком смысле (от этнических волнений до культурной политики в сфере языка или антикоррупционных выступлений и актов массового гражданского неповиновения). Однако наибольшие «проблемы» с национализмом возникают в тех случаях, когда в дело вступают механизмы исключения, спровоцированные образом нации, в котором не предусмотрено места для целого ряда групп населения, подвергающихся яв-

ной или даже скрытой дискриминации. При этом различные формы национализма могут быть вполне институционализированы и действовать в систематическом и перманентном режиме на уровне повседневных интеракций и восприятия социальной реальности. Вместе с тем национализм зачастую представляет собой процесс, в котором нация способна продемонстрировать свою «избыточность», то есть может при определенных обстоятельствах порождать эксцессы, связанные с проявлением насилия (причем не только физического, но и символического).

Методологические подходы классификации национализма и его основных направлений. Интересно отметить, что сам концепт «нация» начинает использоваться в Новое время как маркер определенной гражданской активности, то есть обозначает процесс, в котором «масса» (как правило, подданных) превращается в субъект (причем зачастую именно в субъект революционных изменений). В данной связи Ж. Делез и Ф. Гваттари справедливо отмечали, что

«нация — это сама операция коллективной субъективации, коей соответствует современное Государство как процесс подчинения. Именно в этой форме Государства-нации — со всеми его возможными разнообразиями — Государство становится моделью реализации для капиталистической аксиоматики. Это вовсе не значит, что нации суть явления или идеологические феномены, но напротив, они — страстные и живые формы, где впервые реализуются качественная однородность и количественная конкуренция абстрактного капитала» [5, с. 776]. Таким образом, современные нации можно вполне сравнить по аналогии с экономическими корпорациями («умными» телами), которые, однако в отличие от последних, отличаются меньшей рациональностью и несравненно большей склонностью к массовой аффектации. Если корпорации преследуют, прежде всего, экономические интересы, то нации стремятся к порождению коллективных аффектов идеологического характера, которые зачастую очень отдаленно связаны с реальными экономическими интересами основной массы населения, вовлеченного в поле национального воздействия.

Таким образом, нация включает в себя представителей различных классов, конфессий или даже этнических групп, людей, объединенных общими историческими обстоятельствами, но при этом усвоивших специфические способы совместного сосуществования в едином «организме». При этом сама нация продолжает восприниматься как символическая сфера, поддерживающая солидарность между людьми, причем обладающая, по сути

дела, серьезным «иммунологическим» значением. Таким образом, воспользовавшись интуицией П. Слотердайка, можно представить нации как мыслимые (и одновременно воображаемые) сферы, которые помогают формировать общие структуры восприятия окружающей человека реальности и вырабатывать правила совместной жизни. «Поскольку обитание всегда означает формирование как малых, так и больших сфер, то люди — это существа, создающие круглые миры и окруженные определенными горизонтами. Жить в сферах означает создавать такое измерение, в которое могут быть включены люди. Сферы — это эффективные с точки зрения иммунных систем пространственные творения для экзистенциальных существ, в которых действует внешнее» [8, с. 25]. Но обитание внутри определенной нации должно перманентным образом поддерживаться не всегда заметными и тем более осознаваемыми возбуждающими (преимущественно культурно-символическими) импульсами.

Вместе с тем наиболее радикальные и экстремальные формы национализма в его сферологическом и органическом понимании активизируются в те исторические моменты, когда в доминирующих группах населения значимым становится мнение о том, что нации как иммунологической сфере угрожают «враждебные», причем зачастую не только внешние, но и внутренние силы, которые способны подорвать и ослабить ее иммунитет изнутри путем заражения вредными социальными «болезнями». В этом случае «враги нации» или лица, подозреваемые в неполной лояльности по отношению к ее здоровой це-

Таблица 1

Свойства нации с точки зрения перенниалистов и модернистов [9]

Перенниалисты	Модернисты
Нация	
культурная общность извечный феномен уходит своими корнями в прошлое органическая целостная качество народная основана на родовой принадлежности	политическая общность феномен нового времени создана механическая разделенная ресурс создается элитой основана на коммуникации

лостности, зачастую начинают подвергаться исключению, дискриминации или даже в наиболее крайних случаях физическому уничтожению, а сами националисты примеряют на себя роль якобы наиболее компетентных агентов, способных не только обнаруживать подобные вирусы, но и превентивно ликвидировать их в зародыше.

Обнаружение множества разнообразных национализмов ставит перед исследователями вопрос о необходимости их формальной классификации. В данной связи британский исследователь Э. Смит предложил довольно точную классификацию различных подходов интерпретации национализмов, которые можно разделить на две большие группы: перенниалистов и модернистов (табл. 1).

В процессе изучения конкретных националистических дискурсов оба предложенных Э. Смитом подхода могут вполне сочетаться, тем более, что сами националисты (лица, эксплуатирующие подобный дискурс) в большинстве случаев (в зависимости политической тактики или стратегии) варьируют собственное представление о нации, например, как в целом об этнической категории, но также не исключают возможность полноценного включения в нее на гражданской (или другой надэтнической) основе и т.д.

Итак, в идеале *перенниалисты понимают* нацию в первую очередь как:

1) политизированное этническое общество;

2) культурно преемственную (этническую) общность, существующую с незапамятных времен;

3) общность, «неразрывно» связанную со своей исторической Родиной (родной, священной землей);

4) сообщество, в своей основе выражающее интересы простого народа (его «духа»);

5) субстанцию, обладающую определенными конкретно-всеобщими свойствами, которые также прослеживаются у ее представителей на протяжении длительного времени (например, «ментальность», «национальный характер» и т.д.);

6) внутреннее единство и целостность, часто постигаемые интуитивным образом;

7) залог ее (нации) дальнейшего успешного существования — связь с традициями и наследием предков.

Установки модернистов в понимании нации в сравнении с перенниалистами, согласно Э. Смиту, существенно отличаются в каждом из семи выше обозначенных пунктов. Так, *модернисты полагают*, что нация, представляет собой:

1) политическое объединение граждан, существующих на определенной территории (законный представитель нации — гражданин страны, безотносительно того, к какой этнической группе он принадлежит);

2) почти исключительно современное политическое явление, возникшее в эпоху модерна, которое тесно связано с развитием капитализма и формированием общества эгалитарного типа;

3) искусственное (сотворенное) образование, всегда выступающее как результат предшествующего государственного проекта;

4) «дело рук» элит, которые конструируют ее по собственному усмотрению;

5) концентрацию определенных технологических ресурсов, обеспечивающих способность к деятельности;

6) классово-разделенную общность, в которой составляющие ее группы обладают собственными потребностями и интересами;

7) принципы социальной солидарности, основанные на наличии общего гражданства.

Тема национализма в значительной степени связана с проблемами модернизации, возникновением и экспансией капитализма, империализма и колониализма на протяжении последних пяти веков. В нее также, как правило, включается анализ развития медиа и глобальных средств коммуникации. Но это вовсе не значит, что протонационалистические в той или иной степени дискурсы являются почти исключительно феноменами «современности», а, следовательно, не могут быть обнаружены в предшествующие исторические эпохи, например, в античности и древнем мире. «Несмотря на современность, — как в данной связи отмечал Г. Кон, — некоторые фундаментальные черты национализма были сформированы давно. Корни национализма берут свое начало в той же самой почве, что и западная цивилизация, от древних евреев и древних греков. У обоих народов было четко определенное сознание своего отличия от всех других народов: евреев от язычников, греков от варваров. Носителем группового

сознания был для них не царь или священство, а народ в целом, каждый еврей или каждый грек. У других народов древности только правители с их империями оставили в истории свои следы. У евреев и греков это был национальный характер и духовная творческая энергия людей, которые выдержали испытание временем. Именно потому, что их культурная преемственность оказалась сильнее расовой, политической или географической преемственности, они живут сегодня. Идея национального государства была им неизвестна, но у них было сильное сознание культурной миссии» [2, с. 11]. Не случайно, что именно эти древние народы станут во многом эталонными для представителей современного национализма, неким живым подтверждением перенниалистической точки зрения на существование наций. Вместе с тем речь здесь все-таки идет об этнических сообществах, которые сначала лишились собственной государственности и смогли осуществить ее «пересборку» только в эпоху Нового времени, действительно ориентируясь на сохраненный и во многом эксклюзивный культурный капитал.

Вместе с тем можно предположить, что национализм в его современном значении во многом является результатом секуляризации, в результате которой конфессии, напрямую связанные с практиками мировых религий, существенно снизили свое влияние на многие социально-политические процессы, происходящие в среде собственной паствы. Очевидно, что, по крайней мере, в Европе националистические движения существенно блокировались, например, христианством, и в тот исторический период, когда именно конфессиональная идентичность превалировала над собственно этническим происхождением, не говоря уже про то, что многие этнические идентичности были сами отформатированы до современного состояния в результате длительной включенности в ту или иную конфессиональную страту.

Эгалитарный контекст понимания национализма в эпоху Нового времени. Рассматривая национализм в семантической ретроспективе, преимущественно в европейском контексте, необходимо обратить внимание, что процессу отождествления таких понятий, как «нация» и «народ» предшество-

вали очень серьезные мировоззренческие изменения, то есть должен был сформироваться новый дискурс о нации. «В определенный исторический момент — а именно в Англии начала XVI в. — слово “нация” в его “соборном” значении “элита” было применено в отношении населения страны и стало синонимично слову “народ”. **Эта семантическая трансформация означала возникновение первой в мире нации, нации в современном смысле этого слова — и возвестила начало эры национализма.** Эта концептуальная революция имела колоссальнейшее значение, значение, которое подчеркивалось еще и тем фактом, что до своей национализации слово “народ” обозначало население определенного региона и именно низшие классы этого населения. Слово это наиболее часто использовалось в значении “чернь” или “плебс”. Понятия “нация” и “народ” стали тождественны. Таким образом, народные массы сразу возвысились до положения элиты (сначала только политической)» [4, с. 11]. Конечно, нельзя полностью согласиться с вышеприведенным мнением Л. Гринфельд, что народные массы (пусть даже в Англии) сразу, как при коммунизме, приобрели реальный статус новой элиты, но тенденция к эгалитаризации общественного устройства в период революционного натиска схвачена верно.

В данной связи важно также вспомнить о различии, которое в отношении классификации национализмов предложил Г. Кон, полагавший, что, рассуждая об этом явлении, мы зачастую имеем дело с двумя типами национализма — *волюнтаристским* и *органическим*. Первый связан с политическим определением народа в период революции, то есть его адепты исходят из необходимости «рождения» самой нации, второй, напротив, проистекает из романтического и примордиалистского взгляда, что нация (как правило, совпадающая с этносом или союзом древних племен) существует с незапамятных времен и порой лишь только требует своего пробуждения. Вместе с тем Г. Кон усматривал в различии национализмов географический аспект [1], когда полагал, что волюнтаристский национализм исторически был характерен в первую очередь для западных обществ, а именно: Франции, Англии и США, тогда как разновидность органического национа-

лизма в той или иной степени доминировала в Германии и странах Восточной Европы.

Национализм, явившийся на историческую арену из духа буржуазных революций, связанных с либерализацией западных обществ, имел важное историческое и, пожалуй, структурообразующее значение для формирования представлений об основных критериях и составляющих модернизации. В данной связи американская исследовательница Л. Гринфельд считает, что Англия является именно такой страной, в которой национализм (в его преимущественно волонтаристской форме) впервые проявился в своей «современной» и довольно прогрессивной, эгалитарной форме легитимации политической власти на основе обращения к народному большинству и его политической воле. «В качестве синонима слова “нация” — то есть элита — слово “народ” утратило уничижительный оттенок и стало обозначать позитивное единство в самом высшем смысле. “Народ” стали видеть носителем верховной власти, основой политической солидарности и главнейшим объектом преданности. Такому переопределению ситуации должен был предшествовать колоссальный сдвиг в мировоззрении» [4, с. 11]. Здесь, однако, важно уточнить, что в целом речь в вышеприведенной цитате идет о постепенном и противоречивом «выходе» из классического феодального порядка господства, где определяющую роль играл пасторский тип власти, связанный напрямую с интернациональной ролью и влиянием Церкви, который существенно блокировал протонациональные тенденции, характерные, например, для родоплеменных обществ.

В периоды глобальных военных конфликтов националистические дискурсы стали наиболее востребованы в обществах, где агрессивные и захватнические действия правительств великих держав стали легитимироваться не отсылкой к воле царей и королей, а подаваться как желание (причем часто очень древнее) самой нации (увеличивать собственные территории и влияние по всему миру). Начиная с периода наполеоновских войн и вплоть до окончания второй мировой войны, национализм был инструментализирован в качестве важного средства армейской мобилизации населения, по крайней мере, именно он в значительной степени обеспечивал символическое (идеологическое) сопровождение массовых военных компаний. С другой стороны, в терминах национализма происходило осмысление положения стран и народов в условиях зримых фактов экономической и политической глобализации. «Дискурс национализма возник отчасти вследствие стремления осмыслить идентичности в масштабе и форме, которые отвечали развитию современных капиталистических рынков и современных государств с их значительными административными возможностями и способностями мобилизации граждан для участия в войне» [6, с. 186]. Однако также не вызывает сомнений, что националистические дискурсы оказывались очень восприимчивыми к недовольству различных групп граждан своим нынешним (актуальным) положением, особенно в сравнении с упущенными возможностями или собственным (как правило воображаемым) «великим» прошлым.

Национализм во многом является следствием актуализации сразу множества наций и их последующим постоянным взаимодействием на международной арене именно в современном значении, то есть вне прежних рамок династических связей и систем престолонаследия. «Идея нации также по своей сути интернациональна и частично действует через противопоставление друг другу различных наций. Националистическая риторика предполагает способ концептуализации идентичности любой страны, который предполагает существование других более или менее сравнимых единиц» [6, с. 188]. В данной связи можно вполне согласиться с тем мнением, что национализм отчасти порождается конкуренцией различных наций или соперничеством между различными образами предполагаемой (конструируемой) нации в представлении политических противников. При этом националисты, как правило, исходят из того, что одни нации более или менее эффективны на международной политической арене, причем некоторые из них в большей степени способны формировать мировую культуру.

Вместе с тем представители отдельных этнических сообществ (этнофоры) могут в свою очередь претендовать на особый го-

сударствообразующий статус в рамках единой нации, который, однако, далеко не во всех случаях сулит их общности привилегии, но напротив, может быть интерпретирован и инструментализирован также в терминах «позитивной» дискриминации представителей большинства [7]. Поэтому несовпадение национальных образов, а также крайне распространенное понимание нации сквозь призму этничности (особенно в РФ) приводит к тому, что мы постоянно обнаруживаем внутри крупных сообществ национализмы, стремящиеся вещать от имени «меньшинств», либо национализмы, которые желают обосновать и распространить собственный дискурс, обращаясь к проблемам «большинства». При этом как первые, так и вторые стремятся акцентировать внимание на том, что их этнические «подопечные» (меньшинства/большинства) в течение длительного времени (возможно, многих веков) подвергались угнетению или даже остаются угнетенными в настоящий момент.

Национализм и сепаратизм. Изучая тот или иной конкретный националистический дискурс, вне зависимости от того, какие компоненты — например, этнические или гражданские — в нем преобладают, справедливо идентифицировать его на предмет отношений и зависимости с актуальным государством и его территориальной целостностью. «С аналитической точки зрения, менее неопределенное различие, нежели различие между гражданской и этнической формами национализма, можно установить между государственно-фреймированным и контргосударственным пониманиями национальности и форм национализма. В первом “нация” мыслится конгруэнтной государству, его институциональному и территориальному фрейму. Во втором “нация” представляется отличной от территориального и национального фрейма существующего государства или государств и часто — противоположной ему» [3, с. 261–262]. Таким образом, можно обнаружить либо национализмы, стремящиеся к объединению различных территорий и даже укрупнению действующего государства на основе усвоения комплекса идей ирредентизма (от итальянского *irredentismo*, от *terre irredente* — неосвобожденные земли),

или другой (противоположный) тип национализмов, в той или иной степени нацеленных на сецессию, отделение и сепаратизм от «враждебного» национального ядра.

Вместе с тем можно обнаружить исторически состоявшиеся типы наций (например, Австрия и Швейцария, в их отличии от Германии), в рамках которых культивировались соответствующие типы национализмов, где сама этничность не выступала драйвером форсирования отдельной государственности, но, напротив, могла бы при определенных условиях стать аргументом в пользу ирредентистских тенденций, направленных на объединение с этнически близкими («родственными») странами и территориями. «Контргосударственные национализмы... — как справедливо замечает Р. Брубейкер, — не обязательно являются специфически этническими; национальность, представляемая отличной от существующего государства или противоположной ему, не обязательно понимается в этнических или даже, шире, в этнокультурных терминах. Совершенно независимо от рассмотренного выше различия между узкими этническими и широкими этнокультурными пониманиями национальности контргосударственные определения нации могут основываться на территории, на исторических привилегиях провинций или на наличии отдельной политической истории раннего вхождения в более крупное государство» [3, с. 264]. В данной связи в качестве наиболее хрестоматийного исторического примера (способного наглядно продемонстрировать силу и мощь гражданского национализма) стоит вспомнить о сепаратистских устремлениях США и их последующем успешном отделении в результате войны за независимость от Великобритании в конце XVIII века.

При этом так называемый этнический или региональный национализм далеко не всегда имеет сильное распространение среди представителей тех народов, которые уже имеют «собственные» крупные государства, в том ключе, что их культура фундирует основные институты тех стран, где они занимают доминирующее (прежде всего в официальном и символическом смысле) положение (например, испанцы-кастильцы в Испании), тогда как в среде представителей этнических меньшинств и жителей автономных регионов

националистические настроения, направленные на создание и международное признание собственной нации, по-прежнему пользуются определенной популярностью (например, каталонцы, баски в той же Испании). Причем в данном пункте, то есть в наиболее острые периоды национального самоопределения, когда речь заходит о сецессии, национализм довольно сильно сближается с требованиями, характерными для политического либерализма. «Отстаивание всеобщего права на национальное самоопределение, — как считает Б. Як, — это наиболее провокативный вклад либерализма в националистическую политику» [10, с. 387]. К тому же, несмотря на свое происхождение, из гражданского контекста данное право (народа на самоопределение) зачастую открывает дорогу этническому национализму, в рамках которого может довольно легко происходить легитимизация сепаратизма.

В конфликтных ситуациях и в периоды, когда центральная власть оказывается относительно слабой, восставший народ наделяется легитимным правом создания собственного государства. В данной связи Б. Як полагает, что «право на национальное самоопределение (в его обыденном понимании) состоит из двух отдельных прав: права образовывать или формировать политическую организацию и права контролировать некую часть земной поверхности» [10, с. 391]. Национализм, таким образом, может быть понят как форма политической мобилизации в переходный период создания нового государственного образования, то есть в момент «самоопределения народа», который еще полностью не достиг поставленных целей, но уже в значительной степени актуализировал собственный сепаратистские ресурсы. При этом националистическая мобилизация может идти на спад вместе с буйными национальными чувствами, когда цели сецессии уже достигнуты, и новое государство в той или иной степени переходит в мирное русло своего дальнейшего строительства (когда люди меньше внимания обращают на символы, а в большей степени обеспокоены экономическими проблемами).

Заключение. В заключении представленной статьи необходимо сделать вывод о том,

что, несмотря на разнообразие типов национализма и связанных с ним дискурсов, важно выделить несколько смысловых линий, по которым может происходить различие и описание его специфических форм в рамках социально-философских дисциплин. Прежде всего, вышеотмеченные различия касаются таких ведущих подходов в интерпретации *национализма*, как *модернизм* и *перенниализм*, причем в рамках первого подхода сама нация (не обязательно этнос) понимается как политический конструкт, возникший почти исключительно в современную эпоху, тогда как сторонники второго подхода полагают, что нации в той или иной степени существовали в предшествующие исторические эпохи, где также можно было обнаружить аналоги современного национализма. При этом очевидно, что исследователи, в той или иной степени находящиеся под влиянием перенниалистского дискурса, акцентируют внимание именно на этнических корнях даже вполне гражданских наций, существующих и в настоящее время. Вместе с тем в контексте изучения буржуазных революций Нового времени, происходивших преимущественно в Западной Европе, что в свою очередь связано с тем, что именно в этой части света был впервые достигнут резкий скачок производительных сил (подкрепленный научными достижениями) и возникли современные формы организации рациональной экономической деятельности (капиталистические корпорации), национализм стал пониматься как прогрессивный процесс, который запустил механизм эгалитаризации и демократизации (в широком смысле) современных обществ. Таким образом, национализм как форма солидаризации общества вне зависимости от классового деления может стимулировать те или иные сепаратистские тенденции сил, заинтересованных в сецессии, но при этом исходящих в своих действиях из вполне легитимного в мировой практике правового принципа, выражающего «право нации на самоопределение». Согласно также сферологической теории П. Слотердайка можно мыслить сами нации как «иммунологические» (культурно-политические) сферы, поддерживающие чувства солидарности и безопасности в сообществах, а национализм понимать как социальную активность, зачастую сопро-

вождающуюся экстатическим возбуждением, возникающую в контексте угроз (часто воображаемых и мнимых) национальному единству или в периоды формирования новых сферических (объемлющих) образований.

Литература

1. *Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. — New York: The Macmillan Company, 1944. — 736 p.
2. *Kohn H.* Nationalism, its meaning and history. — Princeton, NJ: D. Van Nostrand Company, Inc., 1965. — 192 p.
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
4. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. — М.: ПЕР СЭ, 2012. — 528 с.
5. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
6. *Калхун К.* Национализм. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — 288 с.
7. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 855 с.
8. *Слотердаjk П.* Сферы. Микросферология. — Т. I: Пузыри. — СПб.: Наука, 2005. — 649 с.
9. *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных наций и национализмов. — М.: Праксис, 2004. — 464 с.
10. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 520 с.

References

1. *Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. — New York: The Macmillan Company, 1944. — 736 p.
2. *Kohn H.* Nationalism, its meaning and history. — Princeton, NJ: D. Van Nostrand Company, Inc., 1965. — 192 p.
3. *Brubejker R.* Jetnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. — Moscow: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. — 408 p.
4. *Grinfel'd L.* Nacionalizm. Pjat' putej k sovremennosti [Nationalism. Five paths to modernity]. — Moscow: PER SJe, 2012. — 528 p.
5. *Delez Zh., Gvattari F.* Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija [Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. — Ekaterinburg: U-Faktorija; Moscow: Astrel', 2010. — 895 p.
6. *Kalhun K.* Nacionalizm [Nationalism]. — Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. — 288 p.
7. *Martin T.* Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Empire of «positive activity». Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. — Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN): Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2011. — 855 p.
8. *Sloterdajk P.* Sfery. Mikrosferologija [Spheres. Microspherology]. — Vol. I: Puzryi [Bubbles]. — Saint-Petersburg: Nauka, 2005. — 649 p.
9. *Smit Je. D.* Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh nacij i nacionalizmov [Nationalism and modernism: a Critical review of modern Nations and nationalisms]. — Moscow: Praksis, 2004. — 464 p.
10. *Jak B.* Nacionalizm i moral'naja psihologija soobshhestva [Nationalism and moral psychology of the community]. — Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. — 520 p.

Поступила в редакцию

18 сентября 2020 г.

Черных Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Chernykh Sergey Sergeevich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

УДК 303.022+323.2

10.17213/2075-2067-2020-5-275-283

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© 2020 г. О. М. Шевченко*, Л. Л. Штофер**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования заключается в выявлении социокультурной специфики политического мифа и его роли в конструировании социальной реальности.

Методологической основой исследования выступает конструктивистский подход в понимании природы политического мифотворчества.

Результаты исследования. Политический миф как способ конструирования социально-политической реальности обладает значительным манипулятивным потенциалом мобилизации масс на основе архаизации общественного сознания. Информационные возможности современного общества используются для мифологизации образов политических деятелей, а также для формирования коллективных представлений о политической системе общества. Манипулятивный потенциал политических мифов активно применяется в современных информационных войнах.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования политического мифа, механизмов его конструирования, возможностей манипулирования общественным сознанием с целью формирования определенных моделей социально-политического поведения.

Ключевые слова: политический миф; архаический миф; политическая технология; манипулятивный потенциал; мифологизация личности.

SOCIO-CULTURAL SPECIFICITY OF A POLITICAL MYTH: MANIPULATIVE POTENTIAL IN THE CONSTRUCTION OF SOCIAL AND POLITICAL REALITY

© 2020 O. M. Shevchenko*, L. L. Shtofer**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to identify the socio-cultural specifics of the political myth and its role in the construction of social reality.

The methodological basis of the research is the constructivist approach in understanding the nature of political myth-making.

Research results. The political myth as a way of constructing socio-political reality has a significant manipulative potential. The informational possibilities of modern society are used to mythologize the image of a particular political figure, as well as to form collective ideas about the political system of society. The manipulative potential of political myths is actively used in modern information wars.

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of the political myth of the mechanisms of its construction of the possibilities of manipulating public consciousness in order to form certain models of socio-political behavior.*

Key words: *political myth; archaic myth; political technology; manipulative potential; mythologization of personality.*

Введение. Мифологизация действительности и ее «продукт» — политический миф — в последнее время приобретает особую актуальность. Основными причинами выступают как углубляющийся кризис рационального понимания действительности, так и усиливающаяся противоречивость социальной жизни. Как показало время, торжество рационального мировоззрения оказалось в достаточной мере иллюзорным, результатом чего стало обращение к более ранним мировоззренческим системам и, прежде всего, к мифу. Сталкиваясь с неразрешимыми проблемами бытия, сознание современного человека начинает тяготеть к наиболее архаичным иррациональным формам понимания действительности. В результате именно миф оказывается созвучен сегодняшним умопостроениям и мироощущению.

Теоретико-методологическое основание исследования. Теоретико-методологическое основание исследования феномена политического мифа нашло отражение в трудах Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, Ж. Сореля, С. Московичи, П. Бергера и Т. Лукмана, и др. Э. Кассирер полагает, что в период между мировыми войнами западная цивилизация осуществила радикальную ломку сложившегося политического мышления, мифологизировав его. Причиной послужил крах рационального подхода, а в качестве крайней меры власть стала использовать сверхъестественное и мистическое [1].

Поскольку в массовом обществе политика, в основе которой лежат рациональные экономические и социологические теории, по мнению С. Московичи, не эффективна, чужда массам, привлекательность политических идей прямо пропорциональна их мифологичности: политические идеи должны быть предельно упрощены, стать общедоступными, а их содержание — принять образную форму. Политика рационально использует иррацио-

нальную сущность масс посредством приемов внушающего воздействия. Играя на чувствах, они превращают людей в коллективный обезличенный материал [2].

Рассматривая миф как политическую технологию, Э. Кассирер в качестве ее элементов называет трансформацию языка, насыщение речи эмоциями, внедрение ритуалов, изменение ценностной иерархии, использование обещаний и пророчеств и, как следствие, изменение мотивации социальных групп с рациональной на эмоциональную, стихийную и инстинктивную [3].

С точки зрения Р. Барта, сам механизм конструирования мифов построен на упрощении и наполнении древних схем тем или иным актуальным содержанием. Его базой выступает естественный язык, обладающий смысловой неточностью, яркой образностью и эмоциональностью. Процесс конструирования мифа сводится к следующему: первоначальные рациональные смыслы неявным образом подменяются эмоционально насыщенными, в которых рациональное содержание исчезает. В результате главным в мифе становится форма презентации, а не содержание [4].

По мнению С. Московичи, политический миф одновременно существует в двух основных проявлениях: в виде презентации символов, предназначенных прежде всего для широких масс; в качестве деятельности элит, управляющих массовыми коммуникациями и преследующих собственные цели [2].

Актуальность приобрела также проблема осмысления различия архаического и политического мифа. К. Леви-Стросс видит сущность архаического мифа в разработке фундаментальных оппозиций культуры, модель для разрешения противоречий [5], в то время как современный миф, с точки зрения Р. Барта, способен лишь оправдать и замаскировать их, создав иллюзию ясности [4]. Как следствие, архаический миф — это связное повествование, дающее целостную картину мира,

а современный миф дискретен, представляет набор стереотипов массового сознания.

По мнению авторов, сущность политического мифа сводится к следующему. Э. Кассирер видит в нем химеру, рожденную в результате скрещивания традиционных элементов мифа с феноменом техники и государственной власти [1]. Р. Барт определяет политический миф как связующее звено между рациональной идеологической системой и архаической мифологией [4]. Ж. Сорель интерпретирует политический миф как мобилизующее коллективное представление, основой которого выступает совокупность образов, не ограниченных во времени и связанных с построением будущего; скрытое стремление тех или иных социальных групп, связанное с реализацией их мечты [6]. П. Бергер и Т. Лукман определяют политический миф как убеждение, разделяемое большой социальной группой, под воздействием которого происходящие события обретают особый смысл; предельно упрощенную модель действительности, лишенную противоречий, воздействующую на массовое сознание путем внушения, заражения, подражания [7].

Научное осмысление проблемы актуализации политического мифа побуждает ответить на ряд вопросов: как особенности политического мифа связаны с выполняемыми им функциями и преследуемыми целями; кто является субъектом и объектом политического мифа; как в политическом мифе происходит мифологизация персонифицированных носителей власти; каков манипулятивный потенциал политического мифа; что обеспечивает жизнеспособность политического мифа и каково его будущее.

Функции и цели создания архаического и политического мифов. Сам по себе архаический миф не является объектом данного исследования, однако для осмысления специфики политического мифа необходимо выявить как фундаментальные черты их сходства, так и принципиальные отличия.

Начиная с XIX в. в научной литературе архаический миф трактуется как протоформа культуры, в рамках которой отсутствуют дифференцированные формы постижения действительности. Архаический миф целостен, исчерпывающ, непротиворечив, фанта-

тичен, отражает эмоциональное переживание действительности синкретичным архаическим сознанием. Современный политический миф не может претендовать на целостность, поскольку существуют другие формы постижения действительности (религия, философия, наука, искусство), но при этом он, как и архаический миф, сохраняет яркую образность и фантастичность в интерпретации реальности, апеллирует к иррациональным началам личности и общества.

Архаический миф обращен к началу времен, так называемому мифическому времени, в рамках которого происходит становление действительности. Чаще всего он ретроспективен, обращен в идеальное внеисторическое прошлое, достоверное с точки зрения первобытного сознания. Политический миф базируется на определенном образе интерпретированной социально-исторической основе и устремлен, прежде всего, в будущее. В нем обычно присутствуют три пласта времени: прошлое идеализируется, допущенные жертвы оправдываются и сакрализуются; настоящее всегда легитимируется; будущее не детализировано, лишено противоречий, выступает закономерным следствием сакрализованного прошлого и легитимированного настоящего. Посредством оправдания прошлого и настоящего политический миф создает картину будущего, способную детерминировать социальную активность общности.

С временной направленностью архаического и политического мифов связаны их функции. Если архаический миф выполняет три относительно равнозначные функции — объяснительную, нормативную, смыслообразующую, то функции политического мифа значительно уже. В частности, отсутствует нормативный аспект, слабо выражен объяснительный, основной акцент делается на смыслообразующей функции. Общество, сознание которого подверглось воздействию политического мифа, начинает жить перспективами, не просто выходящими за рамки настоящего, в его сознании происходит обесценение и даже отрицание ценности настоящего, нарастают иллюзорные представления об априорной ценности будущего. Доминирование смыслообразующей функции политического мифа нивелирует в сознании общности проблему «цены вопроса» и реа-

листичности осуществления мифологизированного политического проекта.

Архаический миф творится бессознательно и, как следствие, не имеет рационально осознанного целеполагания. Он отражает эмоциональную потребность общности иметь картину мира, позволяющую преодолеть генетический страх и выжить в условиях отсутствия рациональных форм постижения действительности и воздействия на нее. Политические мифы создаются осознанно и преследуют две основные цели: усиление позиций той или иной политической системы посредством ее апологизации и сакрализации; разрушение той или иной политической системы путем ее дискредитации и десакрализации. Подобные цели сложились исторически и носят устойчивый характер [8].

Объекты политического мифа (прошлое и настоящее). Политический миф исторически имел свою целевую аудиторию (сословия, классы, расы, этносы, нации, конфессии), был обращен к конкретным социальным группам, способствуя их консолидации вокруг мифологизированной светской или религиозной политической идеи.

Процессы демократизации ослабили роль сословного и классового факторов, секуляризация нивелировала значение религиозного, а глобализация — расового. В настоящее время сохранилось влияние этнического (этнорелигиозного) и национального факторов, в связи с чем современный политический миф обращен, прежде всего, к этносу или к нации. Вместе с тем ни этнос, ни нация не являются гомогенными образованиями, поэтому социальной базой распространения политического мифа, реальными объектами его воздействия выступают люди с низким уровнем интеллектуального и духовного развития, эмоционально восприимчивые к пропаганде, не склонные брать на себя социальную ответственность и стремящиеся переложить вину на архетипических врагов. Данная социальная группа является не только объектом воздействия политического мифа, но также его ретранслятором и неосознанным сотворцом.

Мифологизация образа политического деятеля. Особое место в политическом мифе занимает мифологизация образа поли-

тического деятеля. Данное явление выступает своеобразной реминисценцией образа культурного героя в архаическом мифе [9]. Так же, как и культурный герой, образ политика, подвергшийся мифологизации, обладает архетипическими чертами мудреца и героя (ипостаси спасителя/победителя), наделяется сверхчеловеческими способностями, позволяющими ему совершать исключительные деяния, позиционируется как персонифицированное выражение этноса или нации.

Мифологизация образа политического деятеля актуальна для тех политических систем, где власть носит либо наследственный характер (монархическая система), либо узурпируется (авторитарная и тоталитарная системы). В демократических системах мифологизация образа политического деятеля крайне затруднена: время пребывания у власти законодательно ограничено, а сама власть носит сменяемый характер; действующая политическая система с независимыми ветвями власти не позволяет политику сосредоточить всю полноту власти в одних руках; гражданское общество через общественные организации контролирует деятельность политика; в общественном сознании деятельность политика носит функционально-ролевой характер.

Традиционно основным способом, посредством которого происходила мифологизация образа того или иного политического деятеля, была массированная пропаганда, однако она не была бы столь эффективной, если не коррелировалась бы с общественными умонастроениями или ментальностью. Так, мифологизация личности А. Гитлера была бы невозможна без поражения Германии в Первой мировой войне и общественных чаяний, связанных с реваншем немецкой нации. Источником мифологизации личности И. Сталина стала российская ментальность, исторически связанная с сакрализацией деспотической политической власти и самоотжествления общности с личностью правителя, а также с циркулирующим в общественном сознании мифе о добром царе и его злокозненном окружении.

Мифологизация персонифицированных носителей власти опасна своими последствиями, поскольку в случае радикальных политических изменений (поражение национального государства в войне, смерть политического

лидера в отсутствие легитимного преемника и т.д.) политическая ситуация способна приобрести характер коллапса: рушится искусственно созданный мифологический космос, центром которого была подвергшаяся мифологизации конкретная личность.

Манипулятивный потенциал политического мифа. Субъекты политического мифотворчества. Одна из основных причин создания политических мифов заключена в их манипулятивном потенциале. Инструментальный характер мифа проявился не сразу, поскольку на начальном этапе миф существовал как способ конструирования реальности и понимания действительности всеми членами общества. Социальная дифференциация, связанная с выделением общественной верхушки, осуществляющей властные полномочия, становится предпосылкой для осознанного и целенаправленного мифотворчества, в содержании которого заинтересована формирующаяся политическая элита.

Манипулятивный потенциал мифа проявляется тогда, когда на смену мифу приходит Логос и получают развитие рациональные формы постижения действительности. Первым и наиболее ярким примером становится идея Платона о необходимости создания политических мифов и их внедрения в сознание граждан для поддержания имеющейся политической системы. Начиная с Платона, процесс целенаправленного мифотворчества и его конечный «продукт» — политический миф — оправдывается политической целесообразностью.

Идеи Платона получили реальное воплощение в социальной практике только в Новое время: во-первых, в этот период на авансцену истории вышли широкие народные массы, которые стали питательной средой для циркулирования политических мифов, детерминирующих их социально-политическое поведение; во-вторых, возникли предпосылки для появления и развития средств массовой информации.

XX век показал, что есть три основных фактора, влияющих на распространение политических мифов: замкнутый характер общества и отсутствие притока извне альтернативной содержанию политического мифа информации; пропаганда, содержанием которой является тот или иной политический

миф; появление новых технологий воздействия на сознание людей, нивелирующих роль рационального начала.

Глобализационный процесс и развитие глобальных информационных систем привели к ослаблению значимости первого фактора при сохранении актуальности двух других. Поскольку закрытых обществ практически не осталось, распространение политических мифов посредством пропаганды в ее классическом линейном понимании значительно ослабло. На смену им пришли политические мифы, более изощренные по форме презентации и способам распространения. Поскольку современное общество — не только массовое, но и информационное, возможности распространения политических мифов расширились, а их манипулятивное воздействие усилилось. Особенно успешно манипулятивный потенциал политических мифов используется в современных средствах информационно-психологического воздействия, получившего название информационных войн [10]. Последние организуются политическим истеблишментом и опираются на современные СМИ.

Если родоначальник идей, связанных с манипулятивным потенциалом политического мифа, Платон полагал, что выгодные для политической элиты идеи прорастут в сознании масс не ранее второго поколения, то причина этого заключалась в отсутствии эффективных средств их распространения и внедрения. Современная эпоха не только интенсифицировала этот процесс, но и продемонстрировала тотальность влияния мифологизированной информации, в том числе и политического характера, на сознание человека.

Несмотря на то, что политический миф обладает мощным манипулятивным потенциалом, сила его воздействия не одинакова в различных цивилизационных системах. Объективно она ниже там, где исторически ценилось настоящее и была значима личность. Цивилизационные системы, где настоящее исторически никакой ценностью не обладало, значимость человеческой личности была ничтожна, в первую очередь становятся питательной средой для манипулирования сознанием с помощью политических мифов. Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что манипулятивный потенциал политичес-

кого мифа способен активно себя проявить в любых цивилизациях при определенных условиях: настоящее временно утрачивает свою ценность и общество впадает в состояние затяжной депрессии (Германия после Первой мировой войны); власть хочет отвлечь внимание населения от насущных проблем и переключить его на внешних врагов, позиционируемых как источник имеющихся трудностей (Советский Союз и современная Россия); настоящее хотят принудительно экспортировать в другие страны (идеи Французской буржуазной революции посредством наполеоновских войн, коммунистические идеи советской России посредством мировой революции, идеи либеральной западной демократии посредством технологий «цветных революций»).

Причины жизнеспособности политического мифа и его будущее. В научной литературе широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в истории человечества последовательно сменили друг друга три картины мира и соответствующие им типы мировоззрения: мифологическое, религиозное, философское/научное. Современная реальность ставит под сомнение данную схему, поскольку в истории они не столько последовательно сменяли друг друга, сколько сосуществовали одновременно на том или ином этапе развития (за исключением первобытности), обладая разной степенью значимости, поэтому одной из возможных причин реанимирования мифологической картины мира, в рамках которой развивается политический миф, выступает кризис мировоззренческой основы. Миф компенсирует кризисные тенденции, порожденные более сложными и противоречивыми картинами мира, давая общности возможность почувствовать себя защищенной не только в эмоционально-психологическом плане, но и с точки зрения социально-политических перспектив [11]. Опорой политического мифа выступают архаические пласты человеческого сознания, для которых характерны бинарные оппозиции (прежде всего, «свой — чужой», «друг — враг»), предельно упрощающие и схематизирующие реальность, поэтому политический миф как социокультурный феномен разрушить нельзя.

Возможно разрушение лишь конкретного политического мифа. Политический миф разрушается не столько под влиянием рациональных факторов, сколько путем вытеснения одного политического мифа другим: развенчание жизненной практикой политического мифа приводит к социально-политическим потрясениям, которые порождают не столько рациональное осмысление произошедшего, сколько способствуют порождению нового политического мифа. Так разрушение советского политического мифа, сутью которого была идея сильного государства, выполняющего миссию построения совершенного мира во враждебном окружении, привело к возрождению (с определенными корректировками) российского имперского мифа, квинтэссенцией которого стала идея сильного государства как оплота справедливости и православной духовности, действующего в недружественной среде. Наиболее уязвима в политическом мифе та или иная политическая идеология, а жизнеспособно и долговечно — архетипическое начало. Ядро мифа, его матрица, остается незыблемой, все остальное зависит от политической конъюнктуры, подвержено изменениям в соответствии с целями и задачами, преследуемыми политическими мифотворцами. Так космополитический по содержанию созданный большевиками в первое революционное десятилетие политический миф о построении нового мира, никак не связанного с историческим прошлым страны, интернациональной пролетарской солидарности и мировой революции, утратил значение в годы Второй мировой войны, потребовавшей актуализации патриотической составляющей политического мифа. Результатом стала реабилитация знаковых событий и персонажей досоветской истории, появился новый политический миф, в котором начала доминировать идея социально-политического процесса, построенного на идее национально-патриотической преемственности вне классового контекста.

Как показало время, победа Логоса над мифом была в значительной степени иллюзорной. С одной стороны, рационально-иррациональная дуальность человека, а с другой — глубокая противоречивость социального бытия продемонстрировали невозможность полной победы рационального начала.

Политическая история человечества также скорее иррациональна, нежели разумна и упорядочена. Как следствие, детерминирующим фактором политической жизни были политические мифы различной степени одиозности, включая и наиболее чудовищные, насаждающие религиозную, расовую и классовую ненависть, нередко приводящие к геноциду.

Заключение. В современном мире роль и значение иррационального фактора значительно возрастает, и миф как способ понимания действительности падает на благодатную почву, пробуждая иррациональные стремления. Как следствие, политический миф имеет все основания для широкого распространения, а его действенность обусловлена лишь способностью современных мифотворцев презентовать и распространять его способом, актуальным для целевой аудитории.

Вышесказанное позволяет прийти к следующему выводу. Политический миф можно определить как иррациональный по содержанию, схематичный по форме, инструментальный по назначению, манипулятивный по характеру духовный конструкт, опирающийся на образное мышление, апеллирующий к эмоционально-волевой сфере общности, основой которого выступает симбиоз ее политических амбиций, спекуляций на пережитых социальных травмах, апологизации достижений прошлого и настоящего, чаяний и надежд, устремленных в будущее.

Литература

1. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 1990. — №2. — С. 58–69.
2. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Академический проект, 2011. — 396 с.
3. *Cassirer E.* Myth of the State. — New York, 1955. — 272 p.
4. *Барт Р.* Мифологии. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2000. — 320 с.
5. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
6. *Сорель Ж.* Размышления о насилии. — М.: Фаланстер, 2013. — 293 с.

7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

8. *Михайлов Д. Н.* Политическая мифология: проблема определения структура и функции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. — 2010. — №2. — С. 118–127.

9. *Кольев А.* Миф масс и магия вождей. — М.: Национальный институт развития, 2000. — 432 с.

10. *Штофер Л. Л.* Информационная война как радикальная форма политической борьбы // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7. — №4. — С. 158–174.

11. *Козырева Т. В., Слободчикова В. А.* Дуалистичность политического мифа // Вестник Югорского государственного университета. — 2017. — №1 (44). — С. 72–76.

References

1. *Kassirer Je.* Tehnika sovremennyh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija [Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy]. — 1990. — №2. — Pp. 58–69.
2. *Moskovichi S.* Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass [Age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. — Moscow: Akademicheskij proekt, 2011. — 396 p.
3. *Cassirer E.* Myth of the State. — New York, 1955. — 272 p.
4. *Bart R.* Mifologii [Mythology]. — Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2000. — 320 p.
5. *Levi-Stross K.* Strukturnaja antropologija [Structural anthropology]. — Moscow: Izd-vo JeKSMO-Press, 2001. — 512 p.
6. *Sorel' Zh.* Razmyshlenija o nasilii [Reflections on violence]. — Moscow: Falanster, 2013. — 293 p.
7. *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social construction of reality]. — Moscow: Medium, 1995. — 323 p.
8. *Mihajlov D. N.* Politicheskaja mifologija: problema opredelenija struktura i funkcii // Vestnik VGU. Serija: Filosofija [Political mythology: the problem of determining the structure and function. Vestnik VSU. Series: Philosophy]. — 2010. — №2. — Pp. 118–127.
9. *Kol'ev A.* Mif mass i magija vzhdej [The myth of the masses and the magic of the lead-

ers]. — Moscow: Nacional'nyj institut razvitija, 2000. — 432 p.

10. *Shtofer L.L.* Informacionnaja vojna kak radikal'naja forma politicheskoj bor'by [Information war as a radical form of political struggle] // *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. — 2018. — Vol. 7. — №4. — Pp.158–174.

11. *Kozyreva T.V., Slobodchikova V.A.* Dualistichnost' politicheskogo mifa [Duality of political myth] // *Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Ugra state University]. — 2017. — №1 (44). — Pp. 72–76.

Поступила в редакцию

15 октября 2020 г.

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Shevchenko Olga Mikhaylovna — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethno-political processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: omshevchenko@sfedu.ru

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Shtofer Lyudmila Lvovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: shtoferludmila@gmail.com

УДК 351.85

10.17213/2075-2067-2020-5-284-291

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

© 2020 г. *Е. Л. Щукина**, *Т. В. Плотникова***

**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является рассмотрение особенностей культурной политики в Ростовской области.

Методологическая база исследования в общетеоретическом плане основывается на культурологических подходах анализа базовых принципов государственной культурной политики.

Результаты исследования. Анализ проектов, способствующих толерантной межкультурной коммуникации народов Донского региона, показал их важность и значимость в сегодняшней ситуации, когда в том числе и из-за пандемии COVID-19 происходит рост негативизма и экстремальности восприятия текущей ситуации, актуализирующей межэтническую и межконфессиональную проблематику. Рассмотренные перспективы совершенствования механизмов и технологий культурной политики в Донском регионе позволили вычленилть наиболее значимые аспекты, которые позволили бы в ближайшее время выстраивать государственно-частное партнерство по развитию рекреационной зоны региона, ее максимальной популяризации как для местных жителей, так и приезжих. Существенно улучшившееся к Чемпионату мира по футболу 2018 г. брендинг региона, реклама культурных ценностей все же представляются недостаточными. Сделан вывод о необходимости более эффективного использования Интернет-пространства, социальных медиа для популяризации региональной культурной политики, проводимых этнокультурных мероприятий.

Перспективы дальнейших исследований авторы усматривают в необходимости анализа деятельности некоммерческих объединений Ростовской области, декларирующих в своих программах и проводимых этнокультурных мероприятиях реализацию основных принципов культурной политики по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Донском регионе.

Ключевые слова: культурная политика; межкультурная коммуникация; региональная политика; этнокультура.

CULTURAL POLICY IN THE REGION'S COMMUNICATION SPACE

© 2020 *E. L. Shchukina**, *T. V. Plotnikova***

**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

***Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to examine the features of cultural policy in the Rostov region.

The methodological basis of the research in General theoretical terms is based on cultural approaches to the analysis of the basic principles of state cultural policy.

Research result. *Analysis of projects that promote tolerant intercultural communication among the peoples of the don region has shown their importance and significance in today's situation, when, including due to the COVID-19 pandemic, there is an increase in negativism and extreme perception of the current situation, which actualizes interethnic and interfaith issues. The considered prospects for improving the mechanisms and technologies of cultural policy in the don region allowed us to identify the most significant aspects that would allow us to build a public-private partnership in the near future for the development of the recreational zone of the region, its maximum popularization, both for local residents and visitors. The region's branding and advertising of cultural values, which has significantly improved by the 2018 FIFA world Cup, still seem insufficient. The conclusion is made about the need for more effective use of the Internet space, social media, to promote regional cultural policy, held ethno-cultural events.*

The prospect of the study *the authors see the need to analyze the activities of non-profit associations of the Rostov region, which declare in their programs and held ethno-cultural events — the implementation of the basic principles of cultural policy for the harmonization of interethnic and interfaith relations in the Don region.*

Key words: *cultural policy; intercultural communication; regional policy; ethnoculture.*

Введение. В эпоху глобализации культуры и формирования информационного общества весьма важным является анализ культурной политики России, стремящейся сохранить свой цивилизационный образ и код культурного развития. В современном обществе резким трансформациям подвергаются традиционные модели социокультурного бытия человека, включающие, прежде всего культурную, гендерную и отчасти конфессиональную идентичность. Переходный период в контексте культуры характеризуется упрощенностью мировоззрения, стандартизацией норм и обычаев, тиражируемостью стилей и моделей жизни, пропагандистским информационным влиянием, манипулированием массовым сознанием, духовной люмпенизацией, отсутствием вектора и способов трансляции культурных и общечеловеческих ценностей, размытием идентичностей, ростом скандалов во взаимоотношениях государства и искусства и др.

Важнейшим направлением государственной культурной политики является региональная культурная политика. Первоосновой для создания перспективной региональной культурной политики представляется знание и понимание особенностей развития культуры в коммуникативном пространстве региона. Ростовская область является особым трансграничным регионом, подверженным культурным влияниям, в свою очередь коммуникатив-

ное пространство региона отличается поликультурностью и поликонфессиональностью, что требует особых подходов реализации управления культурной политикой.

Методологические и правовые основы исследования. Целостное представление о культуре и культурной политике возможно только при условии их рассмотрения в социальном контексте, что обуславливает возникновение в мировой науке множества теоретико-методологических подходов, концепций и моделей культурной политики. Проблематика культурной политики России десятилетиями привлекала внимание историков, культурологов, философов, политологов, искусствоведов и представителей других гуманитарных наук. В широком контексте она нашла освещение в работах таких советских ученых, как М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, В.Т. Ермаков, Э.В. Ильенков, С.Н. Иконникова, Л.Н. Коган, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, А.К. Уледов, В.У. Фохт-Бабушкин, В.А. Ядов и многих других. Многие работы, заложившие теоретико-методологические основы исследования культурных процессов и культурной политики, сохраняют свою актуальность и на сегодняшний день.

Наибольший интерес представляют публикации, связанные с разработкой методологии управления процессами культурной

политики, которые представлены в работах Г.А. Аванесовой, О.Н. Астафьевой, Т.Г. Богатыревой, В.С. Жидкова, О.И. Карпухина, Э.А. Орловой, Е.Н. Селезневой, В.К. Соколова, А.Я. Флиера и др.

Однако фундаментальных работ, посвященных анализу механизмов ее реализации как в современной России, так и в Донском регионе недостаточно. «Проектирование, менеджмент и реализация культурной политики должны опираться, с одной стороны, на логику и тенденции реформирования страны и те объективные закономерности, которые лежат в основе реальных культурных процессов. С другой стороны, формирование культурной политики невозможно без глубокого изучения и понимания процессов самоорганизации, присущих культурной подсистеме» [1].

Формирование социокультурного пространства России и продолжающиеся процессы регионализации детерминируют трансформацию старых институтов и ведут к возвращению новых. В России на сегодняшний день такими инструментами формирования новых институтов являются стратегические документы: «Основы государственной культурной политики», «Стратегия государственной культурной политики до 2030 года», «Концепция развития культуры Ростовской области на период до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года», предлагающие переосмыслить роль культуры как части социального блока и выстраивать культурную политику на новой мировоззренческой концепции «обеспечения национальной безопасности и суверенитета России» [4].

Анализ современного социокультурного пространства России подчеркивает значимость региональной культурной политики, которая, с одной стороны, обусловлена недавним господством советского проекта, с другой — необходимостью ее ремоделирования. Культурная политика Ростовской области нуждается в изучении и анализе процессов, происходящих в культурной и духовной жизни региона, что позволит моделировать социокультурную ситуацию, прогнозировать результаты и выстраивать соответствующую стратегию и тактику социально-культурной деятельности. На наш взгляд, «под культурной политикой следует понимать как меха-

низмы государственно-культурного управления, призванные обеспечить оптимальное функционирование учреждений культуры, искусства, так и трансляцию культурных ценностей, популяризацию лучших произведений искусства в социуме» [5, с. 68].

Реализация культурной политики в Ростовской области. Реализация культурной политики Ростовской области в последние годы осуществлялась путем применения как уже известных, так и новых креативных практик, включающих технологии культурного туризма, фестивальные и «культурно-индустриальные» проекты, событийные и сессионные мероприятия, работу с брендом региона, современные стратегии фандрайзинга, социально-культурные экспертизы территорий и др. В целях реализации стратегии культурного развития 2030, предусмотрен ремонт 90 культурных учреждений, разработан проект «Культурная среда», который предполагает создание многофункциональных культурных комплексов, встраивание музеев и библиотек в систему непрерывного образования (как это давно реализовано в европейских странах), превращение музеев в культурно-досуговые центры [2].

Тем не менее, сегодняшняя культурная повестка Ростовской области несопоставима с потенциалом региона, располагающего большим количеством ресурсов. Центральной проблемой является отсутствие единой социокультурной среды в регионе. Ростовская область, с точки зрения разнообразных социокультурных портретов регионов, может рассматриваться как микромодель многонациональной и мультикультурной России [3]. Специфической особенностью региона является то, что он издавна является этноконтактной зоной, в которой формировались традиции взаимоприемлемого сосуществования народов с различным социокультурным кодом. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, по национальному составу 90,3% населения области составляют русские, 2,6% — армяне, 1,9% — украинцы, 0,9% — турки, 0,7% — казаки, 0,4% — белорусы, 0,4% — азербайджанцы, 0,4% — цыгане, 0,3% — татары, 0,3% — чеченцы, 0,3% — корейцы, 0,2% — даргинцы, 0,2% — грузины, 1,163% — иные этнические группы.

В целом в области проживают представители более 100 российских и зарубежных народов.

В Ростовской области накоплен положительный опыт мирного сосуществования народов региона, который нужно беречь и развивать, творчески применяя его в реалиях сегодняшнего времени, создающего новую конфигурацию мультикультурной целостности. Это позволит сохранить культурное своеобразие, социальную стабильность и привлекательность Донского региона, а вековые традиции добрососедства в условиях нарастания тенденций глобализации послужат прочной основой и ресурсом развития многонациональной культуры. Межнациональное сотрудничество, сохранение единого социокультурного пространства, формирование общероссийской и региональной идентичностей, базирующихся на общности культурных норм, традиций, ценностей, являются чрезвычайно важными аспектами дальнейшего гармоничного развития региона.

В качестве одной из сегодняшних особенностей культурной политики стало интенсивное развитие «казачьего бренда». Многочисленные мероприятия, направленные на развитие и продвижение казачьей культуры, мемориализация памяти, заключающейся в создании памятников с казачьей символикой и атрибутикой, присвоение новому аэропорту имени атамана Платова, развитие системы непрерывного казачьего образования (новым проектом в этой сфере являлось присвоение всем образовательным учреждениям Новочеркасска статуса «казачьих») становятся способом культивирования самобытности нашего региона.

В то же время в Донском регионе развиваются и получают грантовую поддержку Правительства РО проекты, направленные на развитие межкультурной коммуникации, создание благоприятных возможностей для интеграции и адаптации различных народов в социокультурную среду при сохранении их своеобразия. В области проходит огромное количество мероприятий по популяризации традиционной культуры народов региона — фестивали, национальные праздники, образовательные программы и лектории. Большую роль в их реализации играют некоммерческие организации, созданные представителями диаспор и землячеств. Такие проекты

способствуют снижению ксенофобии, налаживанию толерантных взаимоотношений и сохранению целостного социокультурного пространства региона.

Важным шагом в сфере развития межкультурной коммуникации и этнокультурной компетентности является проект «150 культур Дона», который представляется чрезвычайно актуальным и в настоящее время, после пяти лет реализации, получает некоторую модернизацию. Мероприятия по изучению культур различных народов Дона в общеобразовательных учреждениях г. Ростова-на-Дону и средних общеобразовательных учреждениях области проводятся в течение всего учебного года, при этом изучается одна культура определенного народа, выбранная в ходе жеребьевки между школами. Таким образом, изучаются культуры примерно двадцати наиболее многочисленных народов, проживающих в регионе. Такой подход способствует лучшему пониманию особенностей культуры и традиции, минимизирует конфликтогенную составляющую и увлекает школьников знакомством с иной этнокультурной средой.

Перспективы совершенствования культурной политики. В целом среди основных направлений региональной культурной политики, которым следует уделить особое пристальное внимание, необходимо выделить:

— государственно-частное партнерство, решающее проблемы недостаточного финансирования культурных мероприятий руководством региона путем создания, популяризации и финансирования на грантовой основе центров инновационной культуры: экспериментальных театров, частных музеев и галерей, школ искусств, местных фестивалей, кино- и музыкальных клубов. Такие структуры могут стать инструментами инновационных преобразований, институциями по созданию новых идей, школами воспитания молодежи;

— внедрение технологий кластеризации, направленных на работу с брендом региона, формирование устойчивых ассоциаций и позитивной связи с образом региона. К таковым можно отнести развитие уже существующего кинокластера, развитие музейного, музыкального и фестивального кластеров, включающих проекты интеграции современного искусства

в городскую среду: паблик-арт, циклы региональных мероприятий, непрерывно сменяющих друг друга в течение года, модернизацию архитектурной среды региона;

— формирование единого информационного ресурса, который был бы максимально приближен к реальной жизни и наладил бы постоянный контакт с целевой аудиторией. Целесообразным представляется создание в сети Интернет-портала о культурной жизни региона и последующая его интеграция с официальным порталом туризма Ростовской области «Донской туризм». Развитие коммуникаций, акцентирующих связь с единой историей, памятью и ценностями локальной культуры, будет способствовать укреплению идентичности и патриотизма населения и может стать важным резервом его творческой самоотдачи.

Еще одним важнейшим направлением, требующим глубокой и вдумчивой проработки, является реклама и продвижение этнокультурных мероприятий. Информирование необходимо там, где сосредоточена самая активная часть населения региона, а также его потенциальных гостей, т.е. в социальных сетях, так как распространение такой информации, например, в печатных СМИ — неэффективно, а сами СМИ, которые не гибридизировались и не обзавелись электронной версией, сегодня нежизнеспособны. Так, например, событийный календарь культурных мероприятий региона представлен на сайтах Минкультуры и туризма Ростовской области, но в формате документов Word, что является весьма затруднительным для пользователей смартфонов. В печатном виде календарь представлен в учреждениях культуры, в музыкальных школах, библиотеках, т.е. не самых посещаемых локациях как гостями региона, так и местными жителями. Для более эффективного «вброса» в медиа-пространство необходимо использовать коммуникационные технологии и адаптировать контент в тот вид, который отвечал бы современным тенденциям. Это могут быть вебсайты с встроенными мобильными приложениями, краткие посты на брендированных страницах в социальных сетях и более объемные тексты на блог-платформах (Facebook, V Kontakte, Livejournal, Twitter, Telegram), визуализированные формы подачи информации: фото,

инфографика, презентации, видеомаркетинг (Instagram, Youtube). Применение сетевых технологий позволяет наладить контакт с целевой аудиторией, своевременно доносить информацию до неограниченного числа лиц, привлекать большее количество посетителей, а также собирать отзывы о об уже проведенных мероприятиях.

Решением данной проблемы может стать создание в сети портала о культурной жизни региона. Для существующих на данный момент веб-сайтов — туристского портала города Ростова-на-Дону, познавательного портала о Донском крае «Донские зори», туристского портала Ростовской области «Донтуризм» — характерны одни и те же проблемы: громоздкость, неполнота, фрагментарность, неактуальность (пополнение и обновление происходят эпизодически, может быть представлена устаревшая и неточная информация), необязательность (ресурс может появиться и исчезнуть, задерживаться с выходом, перестать поддерживаться и др.). Их решение состоит в расширении возможностей работы и совершенствовании структуры самих ресурсов. Успешным примером информационного ресурса можно считать созданный в 2016 году туристский портал «Тихий Дон», обладающий как качественной формой (тематические разделы, высокая структурированность информации, эффективное и ненавязчивое оформление, легкость поиска информации, удобная система навигации, приложения для iOS и Android), так и содержанием (подробная информация обо всех достопримечательностях региона, объектах культурного наследия, а также местах отдыха и досуга, гиды на разнообразные темы, информация о скидках и акциях). К сожалению, в настоящее время данный портал недоступен.

Поэтому целесообразным представляется создание постоянно действующего ресурса, разработка брендированных страниц в социальных сетях, новостного канала с ежедневными обновлениями (платформа Telegram, Instagram), использование виджетов подписок и технологий шеринга. Контент портала должен включать в себя новости культуры, интервью и статьи местных деятелей культуры, краундсорсинговую платформу для сбора мнений и отзывов регионального сообщества, рецензии и отчеты об уже проведенных

мероприятиях, а также, афишу предстоящих фестивалей, выставок, лекториев, праздников, культурных, спортивных, образовательных и гастрономических событий. Такой портал будет совмещать в себе актуальную информацию как о туристическом направлении, так и о культурной жизни региона. Уже использовавшееся название «Тихий Дон» является весьма эффективным инструментом символического менеджмента, направленного в том числе на конструирование региональной идентичности, формируя за счет своей яркости и узнаваемости устойчивые ассоциации и позитивную эмоциональную связь с образом региона как у потенциальных гостей, так и у самих членов регионального сообщества.

Центральной же болевой точкой в сфере культуры, включающей в том числе и все описанное выше, является формирование единой социокультурной среды. Отсутствие единой концепции развития этой среды вызывает у регионального сообщества непонимание, зачем принимаются нормативные акты, проводятся те или иные мероприятия, проекты, работы, зачем устанавливаются те или иные архитектурные формы (особое недоумение вызывает эклектика в застройке центра г. Ростова-на-Дону) — это порождает негативное отношение, которое жители транслируют в том числе при общении с гостями города. Только тогда, когда жители будут гордиться своим регионом, они будут культивировать это ощущение и транслировать за его пределы. Соответственно, только через рост самоуважения регионального сообщества можно добиться уважения к нему представителей других сообществ. В этой связи вопрос о модернизации региональной культурной политики в Ростовской области приобретает особую актуальность и требует тщательной концептуальной проработки. Культурная политика как совокупность научно-обоснованной концепции нормативно-правовых и практических действий руководства должна быть направлена на устойчивое социокультурное развитие территории. Появившиеся за последние годы положительные тенденции в культурных процессах Донского региона представляются все еще недостаточными для преодоления культурной инерции.

В первую очередь, требуют своего разрешения следующие накопившиеся проблемы: теоретическая направленность стратегических документов по развитию территории, сохраняющийся остаточный принцип финансирования, проблема стимулирования государственно-частного партнерства и информационной поддержки творческих индустрий, барьеры в правовом поле, недостаточная популяризация и продвижение мероприятий, направленных на развитие межкультурной коммуникации.

Культурная политика может и должна стать тем аспектом модернизации, который необходимо решать комплексно, как органам государственной власти и управления, так и обществу в целом.

Заключение. Анализ механизмов реализации культурной политики в Донском регионе позволяет сделать вывод о том, что на уровне региональной политики правительством учитывается своеобразие региона и его историко-культурные особенности. Именно поэтому разработка региональной программы культурной политики Ростовской области направлена на сохранение исторического и культурного наследия, создание условий для равной доступности культурных благ для жителей Ростовской области, поддержание самобытных национальных культур Донского края, межкультурный диалог, укрепление единой исторической памяти и региональной идентичности.

Ростовская область обладает значительным потенциалом, выраженным в его культурно-историческом наследии. Реализация инновационных направлений и креативных практик управления культурными ресурсами при параллельном фокусировании на сохранение территориальной идентичности и актуализации культурного наследия в системе ценностей современного регионального сообщества является ведущей задачей культурной политики Донского региона.

Литература

1. Балакишин А. С. Культурная политика: теория и методология исследования. Дис. ... д-ра филос. наук. — Новгород, 2005.
2. Гуськов И. Стратегия 2030: что ждет донскую культуру [Электронный ресурс] // Дон24.ру. 17 июля. 2018 г. — Режим доступа:

<https://don24.ru/rubric/kultura/strategiya-2030-chto-zhdet-donskuyu-kulturu.html> (Дата обращения: 20.10.2020).

3. *Ламажжа Ч.К., Намруева Л.В.* Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // *Философия и современность*. — 2014. — №4. — С. 29.

4. *Латухина К.* Парк культуры. В. Путин призвал расширять влияние России в мире через культуру // *Российская газета*. 24.12.2014 г. — №294 (6566).

5. *Щукина Е.Л.* Культурная политика в современной России // *Социально-гуманитарные знания*. — 2014. — №12. — С. 66–70.

References

1. *Balakshin A. S.* Kul'turnaja politika: teoriya i metodologija issledovanija. [Cultural policy: theory and methodology of research. Dr. Sci. (Philosophy) diss.]. — Novgorod, 2005.

2. *Gus'kov I.* Strategija 2030: chto zhdet donskuju kul'turu [Strategy 2030: what awaits the

don culture] [Elektronnyj resurs] // Don24.ru. July 17. 2018. — URL: <https://don24.ru/rubric/kultura/strategiya-2030-chto-zhdet-donskuyu-kulturu.html> (Date accessed: 20.10.2020).

3. *Lamazhaa Ch. K., Namrueva L. V.* Kompleksnye projavlenija neotradicionalizma i arhaizacii v regionah Juzhnogo federal'nogo okruga [Complex manifestations of neotraditionalism and archaization in the regions of the southern Federal district] // *Filosofija i sovremennost'* [Philosophy and modernity]. — 2014. — №4. — P. 29.

4. *Latuhina K.* Park kul'tury. V. Putin prizval rasshirjat' vlijanie Rossii v mire cherez kul'turu [Park of culture. V. Putin called for expanding Russia's influence in the world through culture] // *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper]. 24.12.2014. — №294 (6566).

5. *Shchukina E. L.* Kul'turnaja politika v sovremennoj Rossii [Cultural policy in modern Russia] // *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge]. — 2014. — №12. — P. 66–70.

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.

Щукина Елена Львовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Специалист в области исследования культурной политики, донской культуры, молодежных субкультурных образований, межэтнических и межконфессиональных отношений, религиозных культов и верований. Стаж научной работы 32 года.

Shchukina Elena Lvovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regionalism and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Specialist in the field of cultural policy research, Don culture, youth subcultural formations, interethnic and interfaith relations, religious cults and beliefs. Scientific work experience is 32 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: elshukina@sfedu.ru

Плотникова Татьяна Валерьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации. Стаж научной работы 31 год.

Plotnikova Tatyana Valeryevna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization. Research experience is 31 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tatyana0918@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

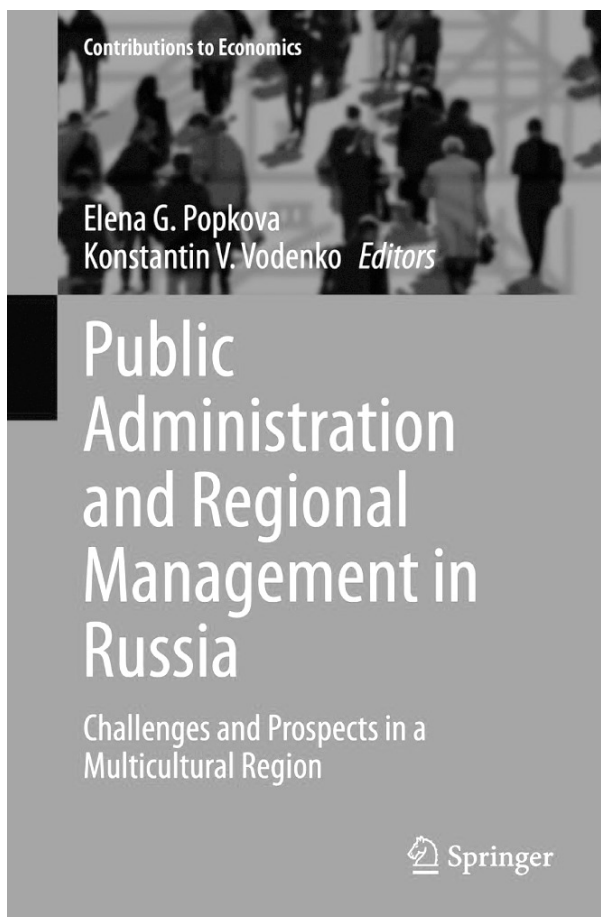
В авторитетном издательстве Springer вышла книга *Public Administration and Regional Management in Russia — Challenges and Prospects in a Multicultural Region* (<https://www.springer.com/gp/book/9783030384968>). Редакторами книги стали президент Института научных коммуникаций, доктор экономических наук, профессор Елена Геннадиевна Попкова (г. Волгоград) и советник при ректорате Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова, доктор философских наук, профессор Константин Викторович Воденко (г. Новочеркасск)¹. Книга проиндексирована в международной информационно-аналитической системе Scopus.

Эта книга — коллективный труд Института научных коммуникаций и Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Работа выполнена в рамках научной школы ЮРГПУ (НПИ) «Управление социальными процессами в поликультурном регионе» (руководитель — К. В. Воденко), поддержанной грантом Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6).

Авторы исследуют проблемы государственного, муниципального и регионального управления в контексте глобальных и локальных вызовов социокультурной среды. Книга содержит анализ проблемы и перспективы развития государственного управления в современных российских условиях, используя неинституциональную методологию.

Целью исследователей является доказательство идеи о том, что развитие государственного управления в России обусловлено исторически сложившимися институтами управления и организацией жизни, характеризующимися авторитаризмом, бюрократизмом, принципами редистрибутивной экономики, доминированием института власти-собственности, неразвитостью институтов гражданского общества.

Авторы дают и решение данной проблемы. Им оно видится в модернизации национальной модели государственного управления на основе сбалансированного взаимодействия базисных и комплементарных социокультурных институтов, способного повысить эффективность

¹ *Public Administration and Regional Management in Russia — Challenges and Prospects in a Multicultural Region* / E. G. Popkova and K. V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 2020. 479 p. Ser. Contributions to Economics.

управления сложными социальными процессами. Авторы показывают, что возможна стратегия преодоления негативных для российского общества эффектов path-dependence в связи с требованиями модернизации национальной системы государственного управления.

Уникальность настоящего издания обусловлена следующими факторами. Во-первых, из-за того, что научные результаты авторов основаны на институциональной экономической и социальной теории, проблемы государственного и регионального управления в контексте глобальных и локальных вызовов социокультурной среды в этой книге научно обоснованы и могут быть измерены качественно, с определением точных перспектив их решения.

Во-вторых, одновременное рассмотрение социальных и культурных проблем, стоящих перед государственным и региональным руководством, позволяет полностью и правильно описать контекст, в котором осуществляется это управление, и предлагает высокоэффективные практические рекомендации по его совершенствованию. Это особенно важно в условиях исчерпанности ресурсной модели развития и нарастания кризисных явлений в жизни регионов. В этих условиях социальная безопасность российского общества характеризуется консолидацией общероссийского пространства, в котором действуют негативные факторы межрегиональной дифференциации.

В третьих, описание путей совершенствования государственной политики в сфере высшего образования подчеркивает ее центральную роль в решении проблем государственного управления и регионального управления в контексте глобальных и локальных вызовов социокультурной среды. Данные явления связаны с тем, что основные тренды образования и науки ориентируются на общемировые тенденции, однако их реализация определяется социально-культурными особенностями эволюции соответствующих социальных институтов. Высокий потенциал и готовность университетов к инновационной деятельности, основанной на принципах цифровой экономики, зачастую блокируется существующими социально-экономическими условиями и традициями управления системой образования и науки.

В данной книге исследованы социально-экономические и социально-культурные смыслы развития государственного управления и регионального менеджмента. Изучены социальные, экономические, политические, юридические и культурные факторы функционирования и модернизации государственного управления и регионального менеджмента в России, что позволило сформировать мета-научную теорию социокультурной детерминации и институционального развития государственного управления и регионального менеджмента.

В рамках данного издания исследуются проблемы государственного, муниципального и регионального управления в контексте глобальных и локальных вызовов социокультурной среды. Авторами осуществлен анализ проблемы и перспективы развития государственного управления и регионального менеджмента в современных российских условиях, намечены их пути совершенствования. Также представлены результаты исследования институциональной среды инновационного развития государственного управления и регионального управления и намечены перспективы развития системы управления социальным развитием мультикультурного региона в контексте глобальных и локальных вызовов и угроз.

Выводы и рекомендации авторов-экспертов в данном издании могут рассматриваться как значимый вклад в инструментальное и методологическое обеспечение государственного управления в российских условиях и экономического развития поликультурных регионов.

***Гязов Айдарбек Токторович,
доктор экономических наук, профессор,
советник вице-премьер-министра,
Баткенский государственный университет,
(гг. Бишкек и Кызыл-Кия, Киргизия)***